

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2008 Issue 25/2

Editorial Council

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexico

Igor V. NARSKIJ
South-Ural State University,
Cheljabinsk

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of Universal History RAS

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Constance BLACKWELL
International Society
for Intellectual History

Jefim I. PIVOVAR
The Russian State University
for the Humanities

Vera P. BUDANOVA
Institute of Universal History RAS

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Tamara A. BULYGINA
Stavropol State University

Marina F. RUMJANTSEVA
The Russian State University
for the Humanities

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Irina M. SAVELIEVA
State University — Higher School
of Economics

Igor N. DANILEVSKY
Institute of Universal History RAS

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University

Galina I. ZVEREVA
The Russian State University
for the Humanities

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

Viktoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Boris G. MOGILNITSKIJ
Tomsk State University

Nina A. KHACHATURIAN
Moscow State University

German P. MYAGKOV
Kazan State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2008 Выпуск 25/2

Редакционный совет

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный
университет Мехико	И. В. НАРСКИЙ
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск
М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН	В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН
Констанс БЛЭКВЭЛ
Международное общество
интеллектуальной истории	Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет
В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН	Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ
Т. А. БУЛЫГИНА
Ставропольский
государственный университет	М. Ф. РУМЯНЦЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет
П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН	И. М. САВЕЛЬЕВА
Государственный Университет —
Высшая школа экономики
И. Н. ДАНИЛЕВСКИЙ
Институт всеобщей истории РАН	А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет	Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция
В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет	В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России
Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ
Томский государственный университет	Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный
университет
Г. П. МЯГКОВ
Казанский государственный университет	Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

Главный редактор

Л. П. РЕПИНА

Заместитель главного редактора

М. С. ПЕТРОВА

Члены редакционной коллегии

М. С. БОБКОВА, И. В. ВЕДЮШКИНА, Е. А. ВИШЛЕНКОВА,
В. В. ЗВЕРЕВА, И. Н. ИОНОВ, С. Я. КАРП, М. С. КИСЕЛЕВА,
С. И. МАЛОВИЧКО, А. Ю. СЕРЕГИНА (отв. секретарь), С. А. ЭКШТУТ

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ. Альманах интеллектуальной истории. 25/2.
М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. — 416 с.

DIALOGUE WITH TIME. Intellectual History Review. 25/2.

Moscow: KD “LIBROCOM”, 2008. — 416 p.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.

Адрес редакции:

119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1517

Тел. (495) 938-53-91

Web-страница: <http://www.igh.ras.ru/intellect/books/index.htm>

Электронная почта: dialtime@gmail.com

Бригадир выпуска — М. М. Горелов

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 9.

Формат 60×90/16. Печ. л. 26. Зак. №

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978–5–397–00421–3

© Общество интеллектуальной истории, 2008

© Институт всеобщей истории РАН, 2008

© Журнал «Диалог со временем», 2008

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008

6765 ID 89368
ЛИБРОКОМ

ОБРАЗЫ ВРЕМЕНИ

А. А. ВОЙТЕНКО

«После сего надлежит нам...»

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ В КОПТСКИХ МОНАШЕСКИХ ЖИТИЯХ

(ЖИТИЯ БЛАЖЕННОГО АФУ И АПЫ КИРА)*

«Время в себе самом — множественность»¹, — с этим утверждением известного французского философа сложно спорить. Помимо «объективного» дробления временного континуума на равные промежутки, существуют давно всем известные феномены «психологического времени», где главным является субъективная *переживаемость* или *проживаемость* времени, и «художественного времени», которым автор того или иного литературного произведения зачастую распоряжается так, как сам хочет того, — и в обоих последних случаях протекание времени в этих «временах» нельзя назвать ни линейным, ни равномерным, ни необратимым. Но более того, если мы попробуем развернуть феномен «психологического времени» в обратную сторону, то станет ясно, что восприятие времени может быть ключом к пониманию некоторых ментальных особенностей как отдельных людей, так и социальных групп, причем не только в современности (где такой опыт может быть зафиксирован непосредственно), но и тех, кто жил в прежние эпохи (где этот опыт так или иначе отражен в текстах).

Подобное мнение, впрочем, уже давно не является секретом. Нет недостатка и в примерах моделирования «общих представлений» восприятия времени для целых исторических обществ и цивилизаций. Однако для тех, кто, как и мы, хочет спуститься «уровнем ниже» и сделать попытку реконструкции таких представлений у *отдельных* социальных групп (в нашем случае — коптских монахов), да еще к тому же на довольно специфическом материале ис-

* Эту статью мы посвящаем светлой памяти профессора, д.и.н. Игоря Сергеевича Чичурова (1946–2008).

¹ Делёз Ж. Марсель Пруст и знаки. СПб., 1999. С. 42.

точников (в нашем случае — агиографических текстов) такие обобщающие труды вряд ли могут оказать серьезную поддержку. Но некоторое подспорье все же имеется. И в качестве своеобразного методологического и историографического введения к нашей статье мы хотели бы остановиться на трех работах, весьма полезных нам либо с точки зрения исследуемых там текстов (византийская агиография), либо с точки зрения исследования сходных вопросов в рамках восточнохристианской культуры (на примере молитв одного древнерусского автора). Однако сразу же стоит оговориться: эти работы содержат много интересных наблюдений и даже в некотором смысле задают определенное «методологическое поле», но все же не дают нам искомым парадигм, которыми мы могли бы однозначно руководствоваться при изучении нашего материала.

Джой Бейч² в статье, посвященной циклу воскресных молитв Кирилла Туровского, выделяет три основных понятия времени, которые встречаются в этих текстах: 1) «измеряемое время» (или «хронос»), куда, по сути, относится и «объективное» время, и особенности его протекания у автора и читателя; 2) «значимое время» (или «кайрос») как качественная характеристика времени, выражающая напряженный опыт настоящего и дающая возможность автору перемещать в настоящее прошлое и будущее; 3) и, наконец, «священное время» как точка пересечения временного мира с вечностью. При этом четких границ между этими «временами» не существует — в некоторых частях текста молитв (в частности, когда это касается Священной истории) они способны сходиться в одной точке.

Бернар Флюзен³, исследуя «освоение» времени у известного византийского агиографа Кирилла Скифопольского, также выделяет три типа времени, но принципиально иных — «агиографическое время», «автобиографическое время» и «историческое время» — и расставляет их по принципу расширения перспективы. «Агиографическое время» — время аскезы и, по сути, главное время текста — переходит в индивидуальное «автобиографическое время», когда события, описываемые Кириллом, становятся частью его

² Бейч Дж. Восприятие времени в воскресных молитвах Кирилла Туровского // Монастырская культура: Восток и Запад. СПб, 1999. С. 68-74.

³ Flusin B. Un hagiographe saisi par l'histoire: Cyrille de Scythopolis et la mesure du temps // The Sabaite Heritage in the Orthodox Church from the Fifth Century to the Present / Ed. by J. Patrih. Leuven, 2001. P. 119-126.

судьбы, и в «историческое» — в те моменты, когда Кирилл связывает его со значимой для него историей палестинских монахов-савваитов. При этом Флюзен исследует атипичность Кирилла как агиографа, стремящегося к максимально полной датировке времени кончины (а иногда — и времени рождения) святого. Принципиально важным для нас является упоминание Флюзеном «литургического времени» в тех местах агиографического повествования, когда оно соприкасается (или «входит») во время божественной литургии или литургического календаря, а также достаточно подробная артикуляция Флюзеном «аскетического времени» как принципиально важного для монашеского агиографического повествования.

И, наконец, Леннарт Риден⁴, исследуя жития юродивых, также выделил три типа, распределив их по более формальному принципу: «реальное время», «художественное время»⁵ и «нарративное время». Хотя Риден и не дает дефиниций выделенным им «временам», на основе самого текста статьи можно предположить, что «реальное время» Ридена сходно с «историческим временем»⁶, «нарративное время» призвано излагать сюжет, а «художественное» напрямую связано с целями и литературными приемами автора — это «время», которое также имеет и символическую перспективу⁷. Наиболее интересный пример последнего — особенность «Жития Андрея Юродивого», которая заключается в том, что многие важные события этого жития происходят ночью, и это, с точки зрения Ридена, весьма важный момент для понимания замысла агиографа: ночные сцены призваны показать, как Андрей в одно и то же время принадлежит двум разным мирам: видимому, что проявляется днем, и невидимому, непосредственное соприкосновение

⁴ Ryden L. Time in the Life of the Fools // ПОЛУПΛΕΡΟΣ ΝΟΥΣ. Miscellanea für P. Schreiner zu seinem 60. Geburtstag mit einem Geleitwort von H. Hunger / Hrsg. von C. Scholz und G. Makris. Leipzig, 2000. P. 311-323.

⁵ В оригинале статьи — fictional time.

⁶ Риден, например, считая Андрея Юродивого вымышленным персонажем, полагает, что «реальное время» его Жития целиком сводимо к нескольким реальным историческим лицам, там упомянутым: императору Льву I (457–474), св. Даниилу Столпнику († 493) и ученику Андрея, Епифанию, которого Риден отождествляет с будущим патриархом Епифанием (520–535). Ryden L. Time in the Life... P. 318.

⁷ См., напр.: Ryden L. Time in the Life... P. 316.

с которым происходит, главным образом, с наступлением темноты⁸. Важным моментом является выделение Риденом (вслед за Флюзеном) неких временных уровней или «регистров» и его замечание о том, что в агиографическом тексте они могут «соревноваться» между собой, временами одолевая друг друга⁹.

Наша статья представляет собой попытку выявить особенности восприятия времени в двух сравнительно небольших по объему произведениях коптской монашеской агиографии — «Житии блаженного Афу» и «Житии апы¹⁰ Кира». Но, сосредоточив свое главное внимание на сравнительном изучении двух этих текстов, мы вполне сознательно решили расширить перспективу своего исследования и привлечь данные других памятников коптской монашеской агиографии, а также эпиграфический материал, поскольку нам, в итоге, хотелось бы понять, как данные тексты отражают особенности восприятия времени коптского монашества византийского периода. В конечном счете, этим и был обусловлен выбор двух данных текстов, которые при примерно одинаковом объеме не сходны друг с другом по многим параметрам: и с точки зрения времени их написания и реальности сюжета, и с точки зрения особенностей жанра, на чем подробнее остановимся ниже. И если при столь различных параметрах мы обнаружим там некое сходство в приемах и описаниях — значит, можно будет с известной осторожностью говорить о том, что оно отражает какие-то общие представления той аудитории, к которой эти тексты были прежде всего и адресованы: ведь согласно последним теориям текст является событием и действием, а не законченным произведением, т. е. «текст требует, чтобы читатель (а в данном случае, вероятно, и слушатель. — *A. B.*) начал говорить»¹¹. Обращаясь с агиографическим «посланием» к своей аудитории, автор, являвшийся, скорее всего, ее частью, не мог не отразить этих представлений, не мог не делать отсылки и аллюзии к значимым для него и его аудитории временным пластам.

⁸ *Ryden L. Time in the Life...* P. 320.

⁹ Ср.: *Ryden L. Time in the Life...* P. 311.

¹⁰ «Апа» — коптский эквивалент греческого «авва». Чаще всего, он означает уважительный титул, прилагаемый к известному и авторитетному подвижнику или святому.

¹¹ Об этом см.: *Бейч Дж. Восприятие времени...* С. 69.

Первый наш источник — «Житие блаженного Афу» — сохранился только в одной рукописи, написанной на саидском диалекте коптского языка, но при этом удостоился сразу двух публикаций: первый раз в 1883 г. его издал французский исследователь Э. Ревийю, а в 1886 г. — итальянский ученый Ф. Росси¹². Объяснение этого «казуса» чрезвычайно просто: Ревийю издал текст плохо, с необоснованными лакунами, что и было исправлено вторым издателем. Временем создания жития следует, скорее всего, считать 30–40-е гг. V в.¹³ Житие повествует о том, как отшельник Афу, долгое время подвизавшийся в стаде антилоп, услышав во время чтения Пасхального послания александрийского патриарха в Оксирихе (копт. Пемдже), что «образ Божий — не тот, что носим мы, человеки», совершил путешествие в резиденцию александрийского патриарха Феофила и, после продолжительного диспута с ним, доказал ему обратное. После этого патриарх решил рукоположить Афу, против его воли, в епископы Оксирина. Жителям города пришлось расставлять на отшельника силки и ловить его как антилопу. Далее описывается епископство Афу в Оксирихе и блаженная его кончина. В реальности Афу как исторического лица особых сомнений нет. Предположительно, этот текст довольно рано вошел в состав менолога одного из египетских монастырей¹⁴. В известный нам Копто-арабский синаксарь, изданный в *Patrologia Orientalis*, рассказ про Афу не попал.

¹² Revillout E. La vie du bienheureux Aphou, évêque de Pemdje (Oxyrinque) // *Revue égyptologique*. 3/1 (1883). P. 27–33; Rossi F. Trascrizione di tre manoscritti Copti del Museo Egizio di Torino, con traduzione italiana // *Memorie della Reale Accademia delle Scienze di Torino*. Serie II. XXXVII (1886). P. 67–84. К сожалению, именно по неисправному тексту Ревийю был сделан русский перевод В. В. Болотова (*Болотов В. В.* Из церковной истории Египта: II. Житие блаженного Афу, епископа пемджеского // *Христианское чтение*. 1886. № 3–4. С. 334–377). Мы использовали более исправное издание Росси.

¹³ Ср.: Флоровский, Георгий, *свящ.* Феофил Александрийский и апа Афу из Пемдже: Антропоморфиты египетской пустыни. Часть вторая // *Он же*. *Догмат и история*. М., 1998. С. 311–350 (С. 316–317). Мы исходим из того, что, по мнению о. Георгия Флоровского, Афу скончался не ранее 20-х гг. V в., а включение его жития в менолог могло произойти во второй половине V в. Дата написания жития в таком случае должна располагаться где-то между этими сроками.

¹⁴ См.: Флоровский, Георгий, *свящ.* Феофил Александрийский... С. 315–316.

Второе произведение — «Житие апы Кира» — имеет более объемное «досье». Полностью сохранилась одна коптская рукопись на сайдском диалекте, хранящаяся в Лондоне и опубликованная Э. Уоллисом Баджем¹⁵, и несколько фрагментов, которые свидетельствуют, как минимум, еще о четырех списках¹⁶. Существуют арабские и эфиопская (ге'ез) версии Жития. События, там описанные, должны были бы происходить во второй половине V в., но время создания самого текста точно определить невозможно — можно лишь указать широкий временной предел (VI – первые десятилетия VII в.). Кир, выведенный в житии как брат императора Феодосия, безусловно, вымышленный персонаж. Вместе с «Житием блаженной Иларии» его житие образует своеобразный миницикл, атрибутированный апе Памбо, «священнику церкви Скита»¹⁷. Помимо того, что речь идет о легендарном персонаже, данный текст сложно однозначно охарактеризовать как «житие». Он написан, вероятнее всего, по образцу известного «Жития преп. Онуфрия Великого»¹⁸ и представляет собой путешествие апы Памбо во внутреннюю пустыню в поисках великого отшельника. Углубившись в пустыню «священник церкви Скита» встречает несколько монахов, последним из которых оказывается апа Кир, брат императора Феодосия. В присутствии апы Памбо великий отшельник оканчивает свои земные дни. За его честными останками приходит Иисус Христос и в окружении небесной Церкви восходит с ними на небеса. После чего Памбо возвращается в Скит и записывает увиденное. По сути дела, мы имеем дело с неким *peregrinatio*, ко-

¹⁵ Wallis Budge E. A. Coptic Martyrdoms etc. in the Dialect of Upper Egypt. Oxford, 1914. P. 128-136.

¹⁶ Groterjahn B. Sa'idische Bruchstücke der Vita des Apa Kyros // Le Muséon. T. LI. 1938. S. 33-67.

¹⁷ Подробнее об этом см.: Войтенко А. А. Императорские родственники в египетских пустынях: жития апы Кира и блаженной Иларии // ΚΑΝΙΣΚΙΟΝ: юбилейный сборник в честь 60-летия И. С. Чичурова. М., 2006. С. 178-192 (С. 178-179).

¹⁸ О «Житии преп. Онуфрия» и проблемах его жанрового своеобразия см.: Voytenko A. Paradise Regained or Paradise Lost: The Coptic (Sahidic) Life of St. Onnophrius and Egyptian Monasticism at the End of the Fourth Century // Actes du huitième congrès international d'études coptes. Leuven; P.; Dudley (MA), 2007. Vol. 2. P. 635-644 (там же необходимая библиография вопроса).

торое (сразу или впоследствии) стало восприниматься как житие, поскольку в тексте есть как минимум два «знака» такой жанровой атрибуции: заглавие («Житие и подвиги святого отца нашего всеславного апы Кира...») и день памяти, о котором упомянуто и в заглавии, и в тексте.

Итак, оба наши текста принадлежат к области коптской монашеской агиографии, но отличаются не только временем создания и местом действия, но и жанром. Если первое создано предположительно к середине V в., то появление текста «Жития апы Кира» следует отнести к VI–VII вв. Если рассказ о блаженном Афу представляет собой житие монаха-отшельника, а затем епископа крупного провинциального центра (Пемдже / Оксиринха)¹⁹, то «Житие апы Кира», вероятно написанное по образцу известного «Жития преп. Онуфрия Великого», балансирует между жанрами жития и *peregrinatio*. Наконец, если блаженный Афу признается реальной личностью, то Кир — персонаж вымышленный. Есть и еще одно существенное различие: если «Житие блаженного Афу», как отмечают его исследователи, написано просто, без легендарных вставок и без ударения на сверхъестественном²⁰, то в «Житии апы Кира» чудесный и сверхъестественный элемент выражен достаточно сильно. Теперь, при этой существенной разнице двух текстов, попробуем все же выделить те временные пласты, которые являются для них общими, и посмотреть, как используют их агиографы.

Первый значимый временной пласт наших источников — это так называемое «литургическое время». Мы полагаем, что его следует выделить и рассмотреть отдельно, поскольку связь агиографии и литургии вполне очевидна²¹. Жития не только входят в «литургическое время», во многом — они в нем существуют как составная часть богослужебных собраний. Об особенностях построения и протекания «литургического времени» нет надобности особо распространяться, достаточно отослать заинтересованного читателя к статье о. Иоанна Мейендорфа, где они замечательным

¹⁹ Пожалуй, единственной особенностью «Жития блаженного Афу» является развернутый текст богословского диспута отшельника и александрийского патриарха.

²⁰ Флоровский, Георгий, свящ. Феофил Александрийский... С. 316.

²¹ См., напр.: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1989. С. 361.

образом артикулированы на примере литургических текстов трех последних Великих дней Страстной седмицы²². Напомним лишь, что оно в эсхатологической перспективе актуализирует события прошлого и будущего, а также моменты пересечения времени и вечности. Однако мы, конечно, не найдем четких артикуляций этих особенностей в наших текстах — стоит все же помнить, что это агиографические произведения, а не литургические в узком смысле этого слова. Но мы находим в них аллюзии к этому времени, указания на то, когда и где данный текст должен быть актуализирован. Достаточно ясно это видно уже в первых строках «Жития блаженного Афу»: «Двадцать первого дня месяца тоут: после сего надлежит нам совершать память святого епископа именем Афу, прозванного также Могучим»²³. Не менее ясно это выражено в заглавии Жития апы Кира: «Святой авва Кир упокоился в восьмой день (месяца) эпеппа в мире с Богом. Приидет его благословение на нас и спасет нас»²⁴. Еще одна ссылка на время, когда этот текст должен быть произнесен, очень часто делается в конце жития, когда еще раз называется день кончины святого. И в обоих житиях это правило четко соблюдено. Однако в «Житии апы Кира» «литургическая» составляющая выражена более четко. Там есть указание, что, написав житие, апа Памбо положил его в церкви Скита для пользы тех, кто будет слышать его²⁵. Подобная фраза достаточно ясно показывает, что такой текст оглашался в церкви во время богослужебных собраний.

Второй важный временной «регистр» — это, безусловно, библейское время, время Священной истории. Агиографы апеллируют к этому времени через цитаты из Священного Писания, сравнения и аллюзии, поскольку это время мыслится ими идеальным. Собственно это уже и не совсем время, а полноценный хронотоп, ибо отсылки, разумеется, предполагают не только определенное время, но и те места, где происходили упомянутые события Священной

²² Мейендорф, Иоанн, свящ. О литургическом восприятии пространства и времени // Свидетель истины: Памяти протопресвитера Иоанна Мейендорфа. Екатеринбург, 2003. С. 114-122.

²³ Rossi F. Trascrizione... P. 67. О том, что сохранившийся текст предположительно происходит из синаксаря одного из египетских монастырей, речь уже шла.

²⁴ Wallis Budge E. A. Coptic Martyrdoms... P. 128.

²⁵ Ibid. P. 136.

истории. Это — эталонное время, с которым агиографы соизмеряют поступки и действия героев своих рассказов. Так, блаженный Афу мотивирует свою аскезу указаниями на образ жизни Ветхозаветных героев (царя Давида, пророка Исаяи) и Иисуса Христа, приводя прямые цитаты из Писания или аллюзии на его текст (Пс. 72, 22; Ис 20,2; Мк. 1,13)²⁶. Чудесное перенесение апы Памбо к месту подвигов апы Кира сравнивается с перенесением Аввакума к Даниилу в львиный ров. Многоцветный плащ апы Памуна, одного из отшельников, которого апа Памбо встречает в пустыне, сравнивается с таким же плащом Иосифа, который был Господу славнее, чем пурпур царей мира сего²⁷. Понятно, что библейские цитаты приводятся и в качестве аргументов в богословском споре об образе Божиим между александрийским патриархом и блаженным Афу. Последний, доказывая реальность образа Божия в человеке, ссылается на завет Господа с Ноем после потопа, где об этом говорится буквально (Быт. 9, 6)²⁸. Иногда сакральное время библейской истории актуализируется настолько, что почти соприкасается с «настоящим» повествования. Особенно четко это видно в «Житии апы Кира». Например, когда Кир с легкостью отодвигает очень тяжелый камень, закрывающий вход в его жилище, то агиограф поначалу немало удивлен таким невероятным поступком. Но затем, вспоминая времена патриарха Иакова, когда последний откатил огромный камень от колодца, он заключает, что Бог помогает святым во всем, что делают они²⁹.

Рассмотрев первые две временные перспективы, мы можем, наконец, приступить к анализу собственно «нарративного времени», времени, в которое агиограф и помещает свой рассказ. Начнем с соотношения времени, современного автору, с временем его повествования. Тут два наших источника сильно различаются. В «Житии блаженного Афу» автор не скрывает этой разницы и соотносит время своего героя и «нынешнее»: «Совсем не бывало также, чтобы *во дни его* (Афу. — А. В.) кто-нибудь брал взятку за хиротонию»³⁰ (а «ныне», надо полагать, берут!) Автор «Жития апы Кира», напротив,

²⁶ Rossi F. Trascrizione... P. 69.

²⁷ Wallis Budge E. A. Coptic Martyrdoms... P. 130, 131.

²⁸ Rossi F. Trascrizione... P. 72-73.

²⁹ См.: Wallis Budge E. A. Coptic Martyrdoms... P. 131-132.

³⁰ Rossi F. Trascrizione... P. 83-84.

(видимо, ввиду легендарности повествования) стремится нивелировать эту границу и полностью актуализировать «время апы Кира». Он вдруг переходит с третьего лица, на первое: с «он, апа Памбо», который является мнимым автором Жития, на «я, апа Памбо»³¹. Это хорошо прослеживается как в целом сохранившейся рукописи, так и во фрагментах, поэтому такой «перескок» вряд ли мог быть вызван ошибкой переписчика. Данный прием известен и из других текстов — так, уже упомянутый нами известный византийский агиограф Кирилл Скифопольский при описании событий, участником которых он был, переходит на повествование от первого лица³². Логика такой «смены лиц» в случае с «Житием апы Кира», скорее всего, вызвана тем, что автор максимально стремился придать легендарным событиям реальную перспективу, пытаясь вести речь от лица участника событий. Видимо тем же вызван и другой прием — рассказывая о чудесных событиях, автор от лица «недостойнейшего апы Памбо» настоятельно клянется, что говорит правду³³.

Нарративное время в наших текстах протекает нелинейно. Оно, например, может забежать вперед по отношению к «настоящему» повествования. Так, в начале повествования блаженный Афу говорит о мотивации своих подвигов в пустыне, будучи уже епископом, а апа Кир в беседе с Памбо предсказывает великие чудеса, которые тот увидит накануне его кончины. Оно может и возвращаться назад: подвижники, которых встречает апа Памбо, говорят ему о своей прежней жизни в пустыне, а автор «Жития блаженного Афу» рассказывает о том, как епископ Оксиринха экзаменовал кандидатов в дьяконы и священники уже после того, как рассказал о его последней беседе с монахами.

Нарративное время, в основном, выражено глаголами в перфекте, реже — в имперфекте, однако есть одна существенная деталь. События экстраординарные, которые как бы «разрывают» обычный темп повествования, выделяются особой конструкцией глагола со значением «быть, становиться» в перфекте — **ⲁⲥϨⲟⲩⲉ** — которую на русский язык можно перевести как «случилось», «произошло». Более последовательно этот принцип соблю-

³¹ *Wallis Budge E. A. Coptic Martyrdoms...* P. 128-129.

³² Ср.: *Flusin B. Un hagiographe saisi...* P. 126.

³³ См., напр.: *Wallis Budge E. A. Coptic Martyrdoms ...* P. 131, 133.

дается в «Житии блаженного Афу». Эта конструкция появляется в житии три раза. Первый раз **ⲁⲥⲪⲟⲡⲉ** появляется в узловом пункте сюжета: Афу приходит в Оксиринх, слышит Пасхальную проповедь, где упомянуто, что «образ Божий есть не тот, что носим мы, человеки», затем ему является ангел и велит не оставлять этих слов без внимания и идти в Ракоте (Александрию) за разъяснениями. Во второй раз ту же конструкцию (правда, уже в форме *praesens consuetudinis* — **ⲪⲁⲥⲪⲟⲡⲉ**) мы встречаем тогда, когда агиограф сообщает, что Афу случилось впасть в экстаз и удостоиться откровений. И, наконец, в третий раз **ⲁⲥⲪⲟⲡⲉ** возникает, когда речь идет о предсмертном разговоре с монахами — своеобразном духовном завещании Афу³⁴. Однако и в «Житии апы Кира» можно усмотреть тот же принцип: в первый раз мы встречаем конструкцию **ⲁⲥⲪⲟⲡⲉ**, когда апе Памбо приходит видение и он принимает решение отправиться в пустыню (по сути, это завязка сюжета)³⁵. Во второй раз, когда больной апа Кир громко хлопает в ладоши и говорит о дне кончины великого подвижника Шенуте³⁶ (за этим откровением днем позже последует смерть самого Кира), и, наконец, в третий, когда автор жития называет день и час, когда «брату императора Феодосия» стало совсем плохо (предвосхищая его кончину и приход Христа за его телом)³⁷.

Данную особенность можно обнаружить и в других коптских житиях. В известном «Житии Самуила из Каламун» эта конструкция вводит явление к Самуилу ангела, который возвещает ему его скорую кончину, а также «отмечает» начало болезни, от которой Самуил скончался³⁸. В «Житии Исаака, патриарха Александрийского» та же конструкция появляется тогда, когда речь идет о событиях, происходящих накануне кончины епископа, когда у его одра собираются клир и монахи³⁹. Интересна функция этой конструкции в «Житии

³⁴ Rossi F. Trascrizione... P. 69-70, 82-83.

³⁵ Wallis Budge E. A. Coptic Martyrdoms... P. 128.

³⁶ В таком виде это описание сохранилось в одном из фрагментов. См.: Groterjahn B. Sa'idische Bruchstücke... S. 52-53.

³⁷ Wallis Budge E. A. Coptic Martyrdoms... P. 135.

³⁸ The Life of Samuel of Kalamun by Isaak the Presbyter / Ed. and transl. by A. Alcock. Warminster, 1983. P. 114-115 (cap. 41-42).

³⁹ Vie d'Isaac, patriarche d'Alexandrie de 686 à 689 écrite par Mina, évêque de Pchati // Patrologia Orientalis. T. XI. F. 3. Paris, 1914. P. 385-386. В

Шенуте», точнее, как гласит заглавие этого произведения — собрания «сил и чудес», совершенного Богом через него⁴⁰. Эта конструкция в расширенном виде⁴¹ часто (хотя и не всегда) является вводной для отдельных рассказов, т. е. «скрепляющей» (или, наоборот, «разъединяющей») отдельные «нарративные части» этого памятника. Эмиль Амелино предполагал, что это работа бохайрского переводчика саидского оригинала⁴², но, как нам представляется, это больше напоминает труд редактора, который сокращал оригинал, или компилятора, который выбирал нужный ему материал из разных источников, соединяя разные рассказы в некое единое целое. Но в любом случае, «разрыв» плавного ритма общего рассказа здесь налицо.

Стоит обратить внимание на то, что весьма важным (и для автора, и, видимо, для его читателей или слушателей) является так называемое «аскетическое время» — период, с которого монах начинает подвизаться в пустыне, где отражаются и перемены в его монашеском образе жизни. Здесь мы уже можем найти конкретные цифры, чаще всего, количество лет. Когда апа Памбо беседует с отшельниками пустыни, которых встречает, те сообщают ему о том, сколько времени они подвизаются в уединении в пустыне⁴³. Вопрос о его продолжительности пребывания в пустыне мы находим и в «Житии преп. Онуфрия Великого», и в каждом случае указываются конкретные сроки⁴⁴. Рассказы подвижников этого жития

данном случае, поскольку Житие сохранилось на бохайрском диалекте коптского языка — ⲁⲚⲟⲩⲛⲓ.

⁴⁰ О вопросах текстологии «Жития Шенуте» см.: *Lubomierski N. Towards a Better Understanding of the So-Called «Vita Sinuthii» // Actes du huitième congrès international d'études coptes. Vol. 2. P. 527-536.* Публикация полного текста «Жития»: *Sinuthii Archimandritae vita et opera omnia / Ed. J. Leipoldt, adiuv. W. E. Crum. P., 1906 (CSCO; 41. Scriptorum Coptici. Series 2. T. 2).*

⁴¹ Часто он фигурирует в виде «случилось однажды» (ⲁⲚⲟⲩⲛⲓ [ⲁⲚ ⲟⲩⲛ] ⲛⲟⲩⲉⲣⲟⲟⲩ). См.: *Lubomierski N. Towards a Better... P. 530.*

⁴² См.: *Amélineau E. Monuments pour servir à l'histoire de l'Égypte chrétienne aux IVe et Ve siècle. Paris, 1888–1895. P. XI.*

⁴³ Так, апа Гиеракс говорит, что провел в пустыне 14 лет, апа Памун — 20. *Wallis Budge E. A. Coptic Martyrdoms... P. 129, 130.*

⁴⁴ Тимофей подвизается в пустыне тридцать лет, св. Онуфрий — шестьдесят лет (*Wallis Budge E. A. Coptic Martyrdoms... P. 208, 210*). Инте-

(Тимофея и преп. Онуфрия) о своей жизни начинаются отнюдь не со времени их рождения, детства и т.д., а с того момента, как они подвизаются в монастыре и, покинув его, становятся отшельниками. То же можно усмотреть и в рассказе апы Кира, который, указав, что является братом императора и был воспитателем наследников престола, начинает свой рассказ с ухода из Константинополя в египетскую пустыню вследствие каких-то социальных нестроений в империи⁴⁵. В «Житии блаженного Афу» мы встречаем довольно подробное и даже несколько поэтичное описание того, как он подвизался в стаде антилоп: день и ночь стали для него богослужением, животные прислуживали ему, собираясь вокруг отшельника, они согревали его своим дыханием зимой и давали ему тень летом, когда Афу не мог идти за едой, они приносили ее ему и т. д. Правда, здесь мы не находим упоминания о конкретных сроках его аскезы, говорится лишь о том, что он дожил так до старости. Но эти сроки мы можем узнать из другого источника, так называемого «Рассказа монаха Иезекииля о жизни учителя его Павла» — там Афу говорит, что подвизается таким образом пятьдесят четыре года⁴⁶. Иногда о сроках аскезы сообщается после кончины святого и его похорон — мы это видим, например, в сохранившемся саидском фрагменте «Жития преп. Пахомия Великого»⁴⁷.

Если промежутки «аскетического времени» исчисляются годами, то к моменту рассказа о кончине святого время начинает еще больше «уплотняться», а рассказ — детализироваться. И счет здесь идет уже на дни, а часто и на часы. Ничего особенно удивительно-

ресно отметить, что количество лет, которые св. Онуфрий пребывал в пустыне, фигурируют и в синаксарных версиях его жития, в том числе в очень кратких греческих (Менологий императора Василия II, Синаксарь Константинопольской церкви).

⁴⁵ «Но когда мы увидели, что гнет умножился, что императоры совершали беззакония, что правители притесняли бедных, что всякий свернул (с пути праведного) и потерял путь свой пред Богом, я встал, ушел (оттуда) и пришел в пустыню эту, и поселился здесь из-за множества грехов моих — да простит мне их Бог!» (текст — *Wallis Budge E. A. Coptic Martyrdoms...* P. 132).

⁴⁶ См.: *Флоровский, Георгий, свящ.* Феофил Александрийский... С. 319.

⁴⁷ *S. Pachomii vitae sahidice scriptae* / Ed. L.-Th. Lefort. Louvain, 1933–1934 (CSCO; 99-100). P. 96. Помимо возраста св. Пахомия там содержится указание на то, во сколько лет он стал монахом и сколько лет он монахом пребывал.

го в этом нет — по меткому замечанию Леннарта Ридена, смерть святого есть важный элемент демонстрации его святости⁴⁸. Поэтому его слова и действия в этот период очень значимы. Стоит напомнить и то, что кончина святого мыслится как переход его в вечность и часто является своеобразной кульминацией повествования. И если вся жизнь современного человека умещается в промежуток между двумя основными пунктами его земного «маршрута»: датой рождения и датой смерти, то для наших агиографов дата рождения принципиально не важна, а вот дата кончины важна чрезвычайно. И ключевым моментом здесь является день смерти святого, поскольку в этой точке нарративное время пересекается с временем литургическим, ибо этот день ежегодно становится днем его памяти на церковном богослужении.

В «Житии блаженного Афу» накануне кончины епископа Оксиринха вокруг него собираются монахи⁴⁹, чтобы подтвердить улучшение нравов вверенной ему паствы и чистоту его епископского служения. Они просят сказать им последнее слово, и Афу наставляет их. Последняя встреча монаха и его окружения, в том случае, если он был настоятелем монастыря или стал епископом, равно как и его наставления им — характерная черта коптских житий. Так, монахи собираются вокруг умирающего апы Самуила, прося его сказать им последнее слово, которое и приводится подробно в его «Житии», после чего он отдает распоряжение относительно нового игумена монастыря. Затем мы становимся свидетелями литургии и ежедневных чтений, совершаемых над умирающим настоятелем, а после его кончины — его оплакивания⁵⁰. В «Житии Писентия», монаха и епископа, мы читаем довольно подробный его диалог со своими учениками, после чего сообщается о его трехдневном предстоянии пред Господом. После этого Писентий делает детальные распоряжения о порядке своего погребения⁵¹. Последние наставления своим монахам делает и апа Шенуте⁵².

В том случае, когда мы читаем житие отшельника — как в

⁴⁸ *Ryden L. Time in the Life... P. 322.*

⁴⁹ Буквально в тексте — «братья». *Rossi F. Transcrizione... P. 83.*

⁵⁰ *The Life of Samuel of Kalamun... P. 115-118.*

⁵¹ *Coptic Apocrypha in the Dialect of Upper Egypt / Ed. with Engl. transl. by E. A. Wallis Budge. L., 1913. P. 318-321.*

⁵² *См. Sinuthii Archimandritae vita... P. 73-74.*

случае с апой Киrom — рядом с умирающим оказывается монах, пришедший из ближней пустыни, который и приводит его последние слова. Но в «Житии апы Кира» есть и другая характерная особенность. Достаточно детально показано протекание болезни и сам момент исхода души святого из этого мира. Начинается своего рода обратный отсчет. «На второй день болезни он испустил тяжелый вздох и хлопнул в ладоши», указывая тем самым на час кончины апы Шенуте⁵³, «в три часа восьмого (дня месяца) эпеп» апа Кир стал очень болен и, произнося молитву Господа, «отверз он уста свои и испустил дух свой, как обычно (делает) тот, кто засыпает»⁵⁴. После этого следует описание того, как за телом Кира приходит Христос вместе с небесной Церковью, и апа Памбо кратко беседует с апостолом Петром, который говорит ему о принятии на небо душ Кира и Шенуте. Есть и более интересный пример. Апу Самуила, например, заранее предупреждают о том, сколько дней ему осталось провести на земле, и кто именно из святых придет за его душой. Затем следуют шесть дней болезни Самуила, отдельно упоминается «ночь седьмого и утро восьмого дня», а затем упоминается сам момент кончины — «во время, когда солнце было на закате», апа Самуил «открыл уста свои и испустил дух свой в мире»⁵⁵. Мы знаем и некоторые подробности болезни апы Шенуте (в какой день он заболел, что происходило на третий и шестой, и последний, седьмой, день его болезни). При этом апа Шенуте точно знает, в каком возрасте Бог возьмет его к себе, и предупреждает своих монахов, что, если они будут себя плохо вести, он попросит Господа забрать его от них раньше срока⁵⁶.

Интересно отметить особенность коптской агиографии указывать не только день, но и час кончины святого (или отмечать какие-то важные часы во время его болезни). Само по себе упоминание часа кончины святого (или монаха) вряд ли является изобретением коптской агиографии, но стоит сказать о том, что этот феномен встречается достаточно часто и хорошо отвечает тому повышенному интересу к детализации повествования и «уплотнению» време-

⁵³ Последний эпизод в такой редакции содержится в одном из фрагментов. См.: *Groterjahn B. Sa'idische Bruchstücke...* P. 52-53.

⁵⁴ *Wallis Budge E. A. Coptic Martyrdoms...* P. 135.

⁵⁵ *The Life of Samuel of Kalamun...* P. 114-117.

⁵⁶ *Sinuthii Archimandritae vita...* P. 73-75.

ни в момент смерти святого, которое демонстрируют коптские агиографы. И, кстати говоря, не только агиографы. Упоминание часа кончины монаха встречается среди эпитафического материала, по крайней мере, в одном из важных монашеских регионов Египта — в поселениях Келий и Скита. В качестве примера можно привести две погребальные стелы скитских священников и надписи на стенах монашеских комнат в Келиях⁵⁷.

По нашему мнению, интерес к детализации «времени смерти» святого у коптских авторов наблюдается шире и чаще, чем в греческой монашеской агиографии Египта. Приведем несколько примеров. Так, в сохранившихся описаниях кончины св. Пахомия Великого греческой и коптской версии его жития, коптская дает гораздо более подробную картину. Кстати, только там мы находим указания на возраст подвижника и время, проведенное им как монахом⁵⁸.

⁵⁷ Скитские эпитафии: стела из Мейр, где указан час кончины отца Дорофея, священника церкви св. Макария в Скиту (844 г.) и стела отца Иоана Каме из монастыря сирийцев в Скиту (859 г.). См. *Boud'hors A., Delahaye G-R.* Nouvel exemple d'une pierre d'autel remployée: la stèle de Dorotheos // *Études coptes X: Douzième journées d'études* (Lyon, 19-21 mai 2005) / Éd. par A. Boud'hors et C. Louis (Cahiers de la Bibliothèque copte 16). Paris, 2008. P. 103-115 (P. 107-114). Два характерных примера надписей из Келий с указанием часа кончины монахов см.: *Partyka J.* Les inscriptions des Kellia // *Le site monastique des Kellia (Basse-Égypte): recherches des années 1981–1983.* Louvain, [1984]. P. 39-46 (P. 41), а также см.: *Guillaumont A., Kasser R.* Les inscriptions coptes (Chapitre IV) // *Kellia I. Kom 219: Fouilles exécutées en 1964 et 1965 / Sous la direction de F. Daumas et A. Guillaumont.* Le Caire, 1969. Fasc. I. P. 99-112 (№ 14, 25, 26).

⁵⁸ См.: *S. Pachomii vitae graecae* / Éd. Fr. Halkin. Bruxelles, 1932. P. 74-75; *S. Pachomii vitae sahidice...* P. 92-96. Стоит отметить, что текстология «Жития св. Пахомия» представляет собой довольно сложный вопрос. Текст греческого Жития, наиболее близкий к оригиналу (т. наз. *Vita prima* или *G₁*), был опубликован Алькеном в 1932 г. на основе рукописи XI в. с учетом еще одной рукописи XIV в. Саидский фрагмент с описанием кончины св. Пахомия сохранился в рукописи IX в. (в полной (бохайрской) версии жития в этом месте лакуна). Таким образом, мы не можем точно говорить о том, что именно содержал греческий или коптский оригинал жития, но даже если греческий оригинал содержал больше материала, греческие переписчики сочли возможным его сократить, тогда как коптские тщательно переписывали все детали коптского рассказа (а, возможно, и добавляли новые). Подробнее о текстологии «Жития св. Пахомия» см.: *Хосроев А. Л.*

Интересно сравнить и другие агиографические источники, сходные между собой по жанру. Например, греческие «Лавсаик» и «Историю монахов», с одной стороны, и коптскую «Историю монахов Египетской пустыни» — с другой. Все эти тексты повествуют о монахах, которых автор видел, или рассказы, о которых слышал, либо в ходе путешествия («История монахов», «История монахов Египетской пустыни»), либо в случае своих длительных пребываний в Египте («Лавсаик»). Если в греческих источниках при упоминании о кончине святого мы не обнаруживаем упоминаний о дне, когда это случилось⁵⁹, то коптский автор всегда их указывает, а в одном случае (апа Аарон) он сообщает и час смерти⁶⁰. Упоминание о часах мы обнаруживаем и в греческой «Истории монахов», но функция их совершенно иная — автору важно сослаться на личный контакт с известным египетским монахом: он упоминает, например, что св. Иоанн Ликопольский беседовал с группой монахов-паломников, в число которых он входил, «три дня подряд до девятого часа»⁶¹. Возможно, что в данном случае коптская монашеская агиография подтверждает мысль, высказанную Б. А. Тураевым, что в коптской литературе, воспитанной на греческих образцах, все же находится место и древнеегипетским чертам, частью которых был интерес «к эсхатологии и смерти»⁶².

И, наконец, последнее. Интересно обратить внимание на описание в «Житии апы Кира» одного временного промежутка, где под действием чудес или благодати меняются внешние условия или

Пахомий Великий: из ранней истории общежительного монашества в Египте. СПб.; Кишинев; Париж, 2004. С. 12-13 (там же русский перевод описания кончины св. Пахомия по обеим версиям — С. 267-268, 315-317).

⁵⁹ Например, ничего не сказано об этом, когда автор «Истории монахов» упоминает о кончине известного египетского монаха св. Иоанна Ликопольского (*Hist. Mon.* Cap. 1, 65 // *Historia monachorum...* P. 35), а Палладий, автор «Лавсаика», описывая смерть известного аввы Памво, также ничего не говорит о дне его смерти (*Hist. Laus.* Cap. 10, § 5 // *Palladio. La Storia Lausiaca / Introd. di Christine Mohrmann, testo critico e commento a cura di G. J. M. Bartelink, traduz. di Marino Barchiesi.* Roma, 1974. P. 48).

⁶⁰ См.: *Wallis Budge E. A. Miscellaneous Coptic Texts in the Dialect of Upper Egypt.* Oxford, 1915. P. 439, 441, 442, 456, 466, 470-471, 495.

⁶¹ *Hist. Mon.* Cap. 1, § 65 // *Historia monachorum...* P. 34.

⁶² См.: *Тураев Б. А. Египетская литература.* СПб., 2000. С. 320-321.

внутренние состояния. В своей беседе с Памбо апа Кир говорит ему о том, что по воскресеньям Господь повелел своим ангелам дать душам грешников перерыв в наказаниях, ибо это — день Воскресения Господа⁶³. Сходный пример есть в другом коптском источнике — «Житии апы Фиба». Там речь идет о том, что, если кто-либо «падет ниц» перед местом упокоения апы Фиба в день его кончины, то Бог простит ему грехи, «как в день, когда он был рожден»⁶⁴. Возможно, подобные представления также имеют какую-то чисто коптскую специфику.

Подведем итоги. Конечно, было бы чересчур самонадеянно, исследовав только два коптских жития, пусть даже и в более широком контексте, претендовать на какие-то окончательные выводы. Но все же надеемся, что нам удалось «проявить» некоторые особенности восприятия времени, бытовавшие у коптских монахов. В целом, наши тексты подтверждают известный тезис о том, что в монастырской культуре Востока и Запада время рассматривается, прежде всего, как время для молитвы и покаяния⁶⁵. Во всем временном континууме выбираются именно те фрагменты, которые должны содействовать делу спасения души (литургическое, библейское, аскетическое время). Особо отмечаются моменты, когда сама вечность либо приближается, либо вторгается во временные события (день кончины святого, явления Христа, ангелов, небесной Церкви и проявления благодати). Возможно, специфической чертой коптских монашеских агиографов, по сравнению с греческими авторами, была бóльшая детализация «времени смерти» святого и наделение отдельных «временных промежутков» особой необратимой силой (вроде «времени воскресенья» в рассказе апы Кира) — что, конечно, не могло не опираться на определенные особенности восприятия времени, бытовавшие у коптских монахов.

⁶³ *Wallis Budge E. A. Coptic Martyrdoms...* P. 133; *Groterjahn B. Sa'idische Bruchstücke...* P. 52-53.

⁶⁴ *Vite dei monaci Phif e Longino / Introduzione e testo copto a cura di T. Orlandi, traduzione a cura di A. Campagnano. Milano, 1975. P. 36.*

⁶⁵ См.: *Бейч Дж. Восприятие времени...* С. 68.

Т. А. САБУРОВА

«ГОРИЗОНТЫ ОЖИДАНИЙ» РУССКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В России в первой половине XIX века формировалось новое интеллектуальное пространство, в котором в полной мере получила воплощение просветительская парадигма. «Проект Просвещения», реализуемый в русской интеллектуальной среде со второй половины XVIII века, во многом определил развитие идей, создание своеобразного «мыслительного инструментария» и появление нового типа личности — «человека эпохи Просвещения».

Чтение и путешествие как основные культурные практики этого времени позволили русскому образованному человеку открыть для себя и освоить категории и понятия, базовые для европейской культуры Просвещения. При этом в процессе усвоения (присвоения) этих понятий в русской культуре они могли наполняться новым смыслом, интерпретироваться в зависимости от российской социальной и культурной реальности, специфики логики культуры. Хотя В. О. Ключевский, характеризуя русское образованное общество XVIII века, скептически писал о распространении вольнодумных рационалистических и моралистических идей, воспринятых от гувернера или кадетского учителя, либо вычитанных из свежей французской книжки: «Эти бродячие идеи и получили особо важное значение: они не только бродили в умах, но и производили брожение, благодаря которому хаотическая смесь понятий, чувств и привычек, столпившихся в русских умах, начала разделяться и кристаллизоваться, складываясь в определенные взгляды и убеждения»¹.

Восемнадцатое столетие стало временем создания новой «картины мира» в просвещенных слоях русского общества. Важнейшей характеристикой этого процесса была «европеизация» высших соци-

¹ *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 111.

альных слоев, формирование их новой культурной идентичности, что, соответственно, требовало инкорпорации в социальные представления не только европейского прошлого, но и будущего.

Следовательно, необходимо учитывать те изменения, которые произошли в темпоральности европейского общества под воздействием эпохи Просвещения и Французской революции. По мнению Р. Козеллека, формируется новое переживание исторического времени и новая семантическая структура исторических понятий, которая определяется «напряжением, возникающим между их различным ориентированными во времени элементами, которые он называет соответственно «областью опыта» и «горизонтом ожиданий», иными словами, между обобщенным в понятии наличным бытием и проектом будущего, который оно пытается сформулировать и навязать как логическую неизбежность, как естественный порядок вещей»². Становление исторического сознания Нового времени выражается в создании целостных темпоральных конструкций, в которых прошлое, настоящее и будущее, с одной стороны, рассматриваются и воспринимаются как отдельные самостоятельные модусы, а, с другой стороны, оказываются неразрывно связанными движением человеческого общества от прошлого через настоящее к будущему. Причем будущее определяется «на основе экстраполяции существовавших или существующих тенденций (здесь важно не то, насколько эти тенденции обоснованы, сколько сам метод)»³.

Идея прогресса, характерная для эпохи Просвещения, получившая распространение в многочисленных философских сочинениях, стала важнейшим фактором восприятия прошлого, настоящего и тем более будущего, позволяя не только прогнозировать будущее, но и принимать активное участие в его создании в настоящем. Хотя, безусловно, утверждение понимания линейного, необратимого и прогрессивного хода истории не только имело свои предпосылки в предшествующей картине мира, но и парадоксально сочеталось с устойчивыми космологическими элементами в общественном сознании, создавая объемную, многослойную культуру Нового време-

² Козеллек Р. Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М., 2005. С. 55.

³ Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. СПб., 2006. Т. 2. С. 352.

ни. «Рациональная модель прогресса, определившая историческое сознание Нового времени, сосуществовала с утопической моделью и нередко была просто пронизана ею»⁴.

Принципиально важным является рассмотрение представлений о будущем, тех форм, в которых общество проецировало себя, выяснение того, насколько будущее воспринималось открытым, непредсказуемым, подвластным воздействию человека. Ж.-К. Шмитт в статье «Овладение будущим» раскрывает две концепции будущего, важные для определения того, какие «ментальные схемы (какие концепции времени, какие ожидания и какие представления о возможном) осознанно или бессознательно задают рамки для поступков и решений средневековых людей»: «Будущее, *futura*, не может быть полностью известно, однако оно вписывается в те горизонты понимания, предвидения и воздействия, эффективность которых заранее гарантирована в религиозном времени эсхатологии и циклическом времени ритуалов и литургии. На противоположном полюсе должно было бы находиться современное понятие грядущего (*avenir*), которое обозначает будущее открытое, абсолютно непредсказуемое, существующее в необратимом времени, времени без Бога, возникшем благодаря “расколдованию мира”»⁵. Таким образом, автор еще раз подчеркивает, что изучение представлений о будущем позволяет выявить специфику изучаемых обществ, те проблемы, которые волновали их в настоящем.

Обращаясь к изучению темпоральности русского образованного общества первой половины XIX века, обратим, прежде всего, внимание на характер представлений о будущем общества и культуры, степени влияния идей Просвещения на «горизонты ожидания». Стремлением к решению социальных проблем настоящего, прогнозированию будущего было продиктовано внимание к своему прошлому, обращение к историческому опыту. Об этом ярко свидетельствуют введения к различным историческим сочинениям, раскрывающие мотивы их создания и определяющие, как правило,

⁴ Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997. С. 310.

⁵ Шмитт Ж.-К. Овладение будущим // Диалоги со временем. Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2008. С. 132.

прагматические задачи исторического знания. Прошлое определяет настоящее, прошлое воплощается в будущем. Воплощение и чтение текста прошлого и есть в данном случае история: «Что есть история? Память прошедшего, идея настоящего, предсказание будущего»⁶. Не случайно современник Н. М. Карамзина А. И. Тургенев писал своему брату С. И. Тургеневу в 1816 г. об «Истории государства Российского»: «Она объяснит нам понятия о России, или, лучше, даст нам оных. Мы узнаем, что мы были, как переходили до настоящего status quo и чем мы можем быть, не прибегая к насильственным преобразованиям»⁷.

Важно отметить, что будущее в этом случае историк предсказывает на основании знания прошлого, и это свидетельствует об изменении типа мышления, перехода от предсказаний будущего на основании толкований знамений или сновидений, т. е. предсказания будущего как своеобразного откровения, недоступного обыденному знанию к овладению будущим на основе рационального исторического знания, способного повлиять на поступки людей, которые могут приблизить или наоборот отдалить «светлое» будущее. Но при этом предсказание будущего у Н. М. Карамзина выглядит скорее как наставление, при котором сохраняется возможность того или иного варианта развития событий, не во всем зависящего от человека, его разума и воли. Провидение по-прежнему играло важную роль в представлениях об историческом процессе. Об этом убедительно свидетельствует фраза Н. М. Карамзина: «Всё зависит от провидения! Будущее не наше»⁸.

Тип прогнозирования, сформировавшийся в период Нового времени отличается от пророчества как способа предсказания будущего, приобретая «рациональный и нейтральный смысл»⁹, и основывается на научном знании. Поэтому в исследовании представлений о будущем чрезвычайно важен переход от пророчества к прогнозированию. Особого внимания в этом случае заслуживает предсказание, сделанное А. И. Тургеневым осенью 1812 года после

⁶ Вестник Европы. 1802. № 8. С. 357.

⁷ Тургенев А. Политическая проза. М., 1989. С. 161.

⁸ Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма / Вступ. ст., коммент. А. С. Смирнова. М., 1982. С. 222.

⁹ Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. С. 324.

пожара Москвы, уже в то время содержащее уверенность в победе над Наполеоном. В письме П. А. Вяземскому А. И. Тургенев писал: «...но Москва снова возникнет из пепла, а в чувстве мщениия найдем мы источник славы и будущего нашего величия. Ее развалины будут для нас залогом нашего искупления, нравственного и политического; а зарево Москвы, Смоленска и пр. рано или поздно осветит нам путь к Парижу. Это не пустые слова, но я в этом совершенно уверен, и события оправдают мою надежду. Война, сделавшись национальной, приняла теперь такой оборот, который должен кончиться торжеством Севера и блистательным отомщением за бесполезные злодеяния и преступления южных варваров»¹⁰. По мнению П. А. Вяземского, в этом было что-то и пророческое, и зрело обдуманное, и фактически никто, кроме Тургенева, не предвидел такой развязки исторических событий. Обратим внимание на восприятие слов Тургенева как сочетание пророчества и результата работы мысли, что точно отражает переходный характер эпохи, изменение темпоральных представлений. Показательно, что именно эти слова А. И. Тургенева стали основой для известного в этот период стихотворения Н. Ф. Остолопова, в котором были такие строки: «Но что еще предвижу? / Нам зарево Москвы осветит путь к Парижу».

Идея прогресса, связывающая различные модусы времени, как одна из ключевых для эпохи Просвещения, получает распространение в сознании русского общества, и, например, В. Г. Белинский важнейшим фактором такого изменения общественного сознания считал развитие исторических знаний, которые формируют именно историческое сознание общества: «Для обществ как будто исчезло различие между прошедшим, настоящим и будущим: общества равно живут теперь во всех трех этих отношениях времени, — и настоящее для них есть результат прошедшего, на основании которого должно осуществиться и их будущее. Прогресс и движение сделались теперь словами ежедневными. Новизна никого не пугает; предела усовершенствованиям никто не видит. ...Какая же причина этого скорого движения? — Созревшее историческое сознание вследствие успеха, в последнее время, истории как науки»¹¹.

¹⁰ Тургенев А. И. Политическая проза. М., 1989. С. 171.

¹¹ Белинский В. Г. Руководство к всеобщей истории // Собр. соч.: В 9 т. М., 1979. Т. 4. С. 392.

Просветительская парадигма определяла не только уверенность в прогрессивном ходе истории, универсальности идеи исторического прогресса, включая тем самым будущее России в общее будущее европейской цивилизации, но и формировала стремление приблизить это будущее для России, диктовала необходимость активной деятельности, способствующей появлению элементов будущего в настоящем. Важно, что формируется не пассивно-созерцательное отношение к настоящему, а отношение деятельное, призванное изменить настоящее для изменения будущего: «Ибо мы точно назначены судьбою быть приготовителями праздника, который недалек от нас. Того и смотри, что придет врасплох. Все, что ни делается в той цели, как нибудь по-видимому маловажно, есть благо и с лихвою отзовется в грядущем, которое в наше время удивительно как напирает на настоящее»¹². П. А. Вяземский, очень точно чувствовавший все изменения в культурном пространстве своей эпохи, и в этом случае зафиксировал характерное ощущение времени, его ускорение и что особенно важно, приближение будущего к настоящему (*грядущее «напирает на настоящее»*).

Именно эту черту темпоральности Нового времени отмечали И. М. Савельева и А. В. Полетаев: «В результате будущее в сценариях периода Нового времени характеризуется не просто качеством изменения, но все возрастающей скоростью, с которой оно “приближается” к настоящему. Это самоускоряющееся время лишает настоящее возможности быть пережитым как настоящее»¹³. В цитированном выше письме П. А. Вяземский писал: «Завтра приходит часто сегодня»¹⁴. С этими строками перекликаются и строки из письма П. Я. Чаадаева, также фиксирующего ускорение хода времени: «Вы знаете, что время несется вскачь. Будьте осторожны, ведь оно может унести Вас на крупе своего коня, — а тогда прощай наши общие идеи, общие надежды. Во что все они превратятся? В грустные воспоминания, быть может, в раскаяние. Мир, без сомнения, вра-

¹² П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. Первая половина марта 1821 г. // Остафьевский архив кн. Вяземских. СПб., 1899. Т. 2. С. 178.

¹³ Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 2. С. 353.

¹⁴ П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. Первая половина марта 1821 г. // Остафьевский архив кн. Вяземских. Т. 2. С. 178.

щается очень быстро, — у того, кто ощущает это вращение, может закружиться голова»¹⁵.

Немаловажное значение в аргументации деятельности, необходимой для будущего переустройства общества, имеет не просто тезис об общественном благе, характерный для философии Просвещения, но благе следующих поколений, и соответственно, оценка потомками. Видя свою основную задачу в распространении просвещения, воздействию на общественное мнение, русские интеллектуалы первой половины XIX века неоднократно обращались к издательской деятельности, учитывая роль журналов в формировании общественного мнения. Так, П. А. Вяземский писал из Варшавы А. И. Тургеневу: «Что же оный журнал, о коем хлопотал твой брат? Неужели и эта надежда в воду канет? Что мы за ...такие, что ничего ...порядочно не можем? Оставим потомству след жизни, завладеем мнением, которое разогреется и очнется в руках наших! Теперь самая пора: дети нам спасибо скажут»¹⁶.

Идея деятельности ради следующих поколений, готовность к самопожертвованию, отказу от личного блага звучит в интеллигентском дискурсе первой половины XIX века, особенно когда речь идет о необходимости преобразований или служению отечеству в военное время. Так, А. И. Тургенев, приводя примеры подвигов в войне 1812 года, подчеркивает совершение их не ради славы, а ради спасения и блага отечества, что и давало ему основания быть уверенным в победном исходе войны. Таким образом, модель поведения определялась ценностью будущего, и события в настоящем рассматривались как основа и в свете этого будущего, такого, каким ему должно было быть. «...И если мы совершенно откажемся от эгоизма и решимся действовать для младших братьев и детей наших и в собственных настоящих делах видеть только одно отдаленное счастье грядущего поколения, то частные неудачи не остановят нас на нашем поприще»¹⁷.

Уже упоминавшийся близкий друг П. А. Вяземского, «арзамасец» А. И. Тургенев, известными своими корреспонденциями из Ев-

¹⁵ П. Я. Чаадаев — И. В. Киреевскому. 1832 г. // Режим доступа: http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j/

¹⁶ П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 19 декабря 1819 г. // Остафьевский архив кн. Вяземских. Т. 1. С. 377.

¹⁷ Тургенев А. И. Политическая проза. М., 1989. С. 171.

ропы, публиковавшимися как «Хроника русского», в одном из своих писем, приводил цитату из французской книги: «La Critique consiste a sentir dans le present les arrets de l'avenir. Elle est une prophetie et c'est pourquoi elle est essentiellement contemporaine»¹⁸. Это не противоречие, а, по моему мнению, глубокая истина. Пусть критик угадает, отыщет в настоящем то, что подтвердит в нем и потомство, и тогда, оказав услугу современникам, получит он право на признательность тех, кои после нас его читать будут»¹⁹.

Требование к критике искать и показывать в настоящем элементы будущего могло быть обусловлено только твердой уверенностью в прогрессивном развитии человеческого общества. Сам А. И. Тургенев неукоснительно следовал этому правилу, стремясь в своих письмах рассказать обо всех новинках европейской культуры, новостях науки, тем самым показать основания для будущего развития общества и культуры, то, что будет способствовать прогрессу. Так, например, сообщая о съезде естествоиспытателей в Германии, А. И. Тургенев особо отмечал: «Сколько открытий в первом зародыше, сколько новых метод, трудолюбием и гением германским усовершенствованных! Эти семена не затеряются: они сохранятся в журналах, созреют и принесут плод во время свое неуклонным стремлением немецких ученых к расширению области наук и к улучшению метод, столь сильно содействующих порывам гения...»²⁰.

Думается, что эти метафоры из области естественных наук использовались Тургеневым не только потому, что речь шла о съезде натуралистов. Вероятно, Тургенев тем самым подчеркивал естественный, органический характер общественного развития, неизбежность прогресса. Не случайно при чтении сочинения Вильмена «Ласкарис» А. И. Тургенев также стремился найти в нем изображение последовательного, прогрессивного развития, элементов будущего в прошлом, подтверждение идеи связи времен. Несоответствие ожиданиям вызвало разочарование и критику книги: «Это слабое произведение, кото-

¹⁸ Критика состоит в том, чтобы предчувствовать в настоящем приговоры грядущего. Она пророчество и потому преимущественно современна.

¹⁹ Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.). М.-Л., 1964. С. 11-12.

²⁰ Там же. С. 13.

рое формою своею напоминает только “Анахарсиса”. Это не роман и не картина того *времени, богатого зародышами для будущего* (курсив мой. — Т. С.). Вильмень коснулся оных, но ни об одном не сказал ничего замечательного. Ему хотелось изобразить влияние покорения Царьграда и рассеяния греков в Италии на Европу, и современность сего происшествия с другими, всемирную значительность имеющих; но он едва упомянул о книгопечатании и об открытии Америки, и едва ли найдется читатель, которому бы не пришлось более в голову, чем он найдет в книге»²¹.

Таким образом, представления о настоящем определяют взгляд на прошлое, а точнее, изображение будущего в прошлом, направления исторического развития. Напротив, книга Гизо, посвященная истории английской революции, с точки зрения А. И. Тургенева, прекрасно раскрывала ход истории, не разрывая связь прошлого, настоящего и будущего, показывая причины и следствия революционных событий, не находя их внезапными. В этом смысле английская и французская революции полностью вписывались в исторический процесс, только ускоряя ход веков, «они двинули вперед цивилизацию по тому пути, по которому она следует уже 14 веков; они придерживались правил и продвинули работы, которым человек во все времена был обязан развитием природы и улучшением своей судьбы»²².

Ценностная ориентация на будущее, основанная на идее закономерности исторического развития, была весьма привлекательна для исторического сознания образованного общества, давая твердую «уверенность в завтрашнем дне». В. Г. Белинский полагал, что современное состояние человечества является необходимым результатом разумного развития, и от его настоящего состояния можно делать посылки к его будущему состоянию; «свет победит тьму, разум победит предрассудки, свободное сознание сделает людей братьями по духу — и будет новая земля и новое небо...»²³. Обратим внимание, что в этом высказывании В. Г. Белинского парадоксальным образом сочетается просветительская идея прогресса с религиозным утопизмом,

²¹ Там же. С. 341.

²² Там же. С. 432.

²³ *Белинский В. Г.* Руководство к всеобщей истории // Собр. соч.: В 9 т. М., 1979. Т. 4. С. 395-396.

проявляющимся в характерной фразе, которая напоминает библейский текст (*и будет новая земля и новое небо*). Хотя, по мнению Л. И. Новиковой и И. Н. Сиземской, русский утопический социализм отказался от мысли внезапного, не подготовленного предшествующим развитием цивилизации идеального общества в пользу идеи «прорастания» будущего из настоящего: «Модели будущего теперь находят в реальном бытии не только исходный материал, но и почву для своей апробации. Прежде смутные и расплывчатые идеи об обустройстве будущего общества начинают корректировать с возможностями и тенденциями развития существующего»²⁴.

Таким образом, категория будущего начинает постепенно занимать все большее место в общественном сознании, и в этом случае принципиальную важность приобретает характер связи настоящего и будущего, представление о постепенном движении или резком разрыве, ценности настоящего для будущего или пренебрежения настоящим во имя будущих поколений. Значение будущего времени определяется либо распространяющейся теорией закономерности исторического развития, либо невозможностью реализации личности, группы, в настоящем времени, что порождает надежду на будущее, его идеализированный образ. Ориентация же на будущее, но, минуя настоящее, приводит к утопичности и мечтательности русской интеллигенции, с одной стороны, и стремлению к всеокрушающим и молниеносным переменам — с другой. Как справедливо заметил С. М. Усманов, «безысходность неизбежно порождает мечтательность. Русская интеллигенция мечтала очень много»²⁵. «Литературные мечтания» Белинского, «Мечты и звуки» Некрасова, «Мечта» Хомякова, «Мечты и думы» Коневского — все эти названия достаточно ярко выражают доминанту будущего в представлениях о времени. Характерная для исторического сознания связь времен оказывается разорванной.

Опасность такого пренебрежительного отношения к настоящему отмечал в своем дневнике А. И. Герцен в 1844 г.: «Настоя-

²⁴ Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Российские ритмы социальной истории. М., 2004. С. 71-72.

²⁵ Усманов С. М. Безысходные мечтания. Русская интеллигенция между Востоком и Западом во второй половине XIX – начале XX вв. Иваново, 1998. С. 5.

щим надобно чрезвычайно дорожить, а мы с ним поступаем негоже и жертвуем его мечтам о будущем, которое никогда не устроится по нашим мыслям, а как придется, давая сверх ожидания и попирая ногами справедливейшие надежды»²⁶. Интересно, что с этими мыслями А. И. Герцена перекликаются размышления А. В. Никитенко, также утверждавшего необходимость осторожного отношения к будущему и опасность игнорирования настоящего: «То, что может произойти хорошего от всех этих теорий, утопий, проповедуемых этими строителями и перестроителями человеческих обществ, очень сомнительно и во всяком случае принадлежит отдаленному будущему, а зло, ими порожаемое, делается теперь же, каждый день. Мудрено ли, что так называемые консерваторы и разумные либералы относятся ко всему этому критически, осторожно. И какое вы имеете право жертвовать настоящими поколениями в видах сомнительного блага будущих поколений?»²⁷.

Рассмотрим другой пласт представлений о будущем русских интеллектуалов, связанный с будущим индивидуальным, то, как представления о будущем отражались в повседневных практиках, личных планах, определении жизненных стратегий. И здесь мы можем наблюдать парадоксальное сочетание уверенности в определенном будущем как социальной и культурной реальности, постижимости и необратимости хода истории с весьма неопределенными представлениями о собственном будущем, невозможности его прогнозирования. Во многом этот тип отношения к будущему определялся отношениями интеллектуалов с властью, наличием оппозиционных настроений и ощущением не востребованности. П. А. Вяземский, служа в Варшаве, пишет: «или за Байроном пуститься по всему свету вдогонку за солнцем, или в Губернском правлении — за здравым рассудком и правдою, бежавшими из России, или ...Развернитесь скорее передо мною, туманные завесы будущего!»²⁸.

Двойственность положения интеллектуала в русском обществе создавала альтернативность будущего, которое могло быть связано

²⁶ Герцен А. И. Дневник. Март 1844 г. // Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 2. С. 346.

²⁷ Никитенко А. В. Дневник. М., 1956. Т. 3. С. 149.

²⁸ П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 11 октября 1819 г. // Остафьевский архив кн. Вяземских. Т. 1. С. 327.

с государственной службой, давало возможность реализации собственных устремлений в русле служения общественному благу, открывало дорогу к значительным свершениям и влиянию на то самое будущее, но ограничивало личную свободу, независимость мысли и мнения. В другом случае, при выборе свободном или вынужденном, отказ от службы, отставка, и будущее разворачивалось либо в виде картин усадебной жизни, своеобразной идиллии, либо путешествия — странствия. Эта альтернативность осознается самими интеллектуалами. Уже неоднократно упоминавшийся А. И. Тургенев, имевший после окончания Геттингенского университета блестящие перспективы по службе в Комиссии по составлению законов, размышлял о своем будущем в письме к К. Я. Булгакову: «Есть ли [если] планы мои, — как все те, кои я по сию пору делал в голове моей, не взлетят на воздух, то через два года с половиною я — или один из первых законодателей России или, с посохом в руках, — опять тот же скромный путешественник — и опять с тобою на время, потом с твоим братом, с Почковским и т. д., и, наконец, опять к любезным гулякам в Венгрию пить за твое здоровье токайское, — а там, наконец, опять с Нестором заруюсь в геттингскую (sic) библиотеку»²⁹.

Дальнейшие события показали, что и этим планам Тургенева не удалось осуществиться, как задумывалось, хотя отчасти предсказание было верным. Внезапная и нелепая отставка его в 1825 г., а затем восстание декабристов, по делу которых был осужден как государственный преступник его брат Н. И. Тургенев, вынудили А. И. Тургенева провести остальную часть жизни преимущественно за границей, в путешествиях («с посохом в руках»), лишь временами возвращаясь и живя в России. Но показательно, что после 1825 года Тургенев очень осторожно строит планы на будущее. В Париже в 1827 г. в письме к брату Николаю он писал: «Я не строю прозков для будущего: оно придет как Богу угодно»³⁰. Но важно отметить, что в этом же письме Тургенева содержится рассуждение о дальнейшей жизни вместе с братом за границей и желании путешествовать по Италии и Франции, т. е. фактически тот самый проект будущего (по крайней мере, близ-

²⁹ А. И. Тургенев — К. Я. Булгакову. 3 июня 1805 г. // Письма А. Тургенева Булгаковым. М., 1939. С. 55.

³⁰ Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу. Лейпциг, 1872. С. 318.

кого). В последующие годы упоминания о будущем все реже встречаются в письмах и дневниках А. И. Тургенева, и будущее, как правило, воспринимается как независящее от человека: «Перечитал кучу книг, перемыслил все прошедшее, но не мог обдумать будущего, ибо оно не от нас зависит»³¹.

В письмах П. Я. Чаадаева также можно заметить уверенность в будущем России, оно ему представляется весьма определенным, как и будущее Европы, и отражает историко-философские воззрения Чаадаева. «Придет день, когда мы станем умственным средоточием Европы, как мы уже сейчас являемся ее политическим средоточием, и наше грядущее могущество, основанное на разуме, превысит наше теперешнее могущество, опирающееся на материальную силу»³². При этом достаточно типично для русских интеллектуалов сочетание уверенности в будущем России с неуверенностью и страхом в отношении личного будущего, своей собственной судьбы. Уверенно предсказывая судьбу страны, они не берутся предсказать свое будущее, которое выступает открытым «грядущим», неподвластным человеку. В письме к брату П. Я. Чаадаев признавался: «Страх будущего не дает мне покоя ни денно, ни noctно»³³. Конечно, необходимо учитывать серьезные финансовые затруднения, которые испытывал Чаадаев, и наличие материальной зависимости от брата, чем во многом определялось содержание писем.

П. Я. Чаадаев, конечно же, строит планы на будущее, особенно в молодости, отправляясь в заграничное путешествие, но эти планы краткосрочны и относятся только к выбору маршрута путешествия и длительности пребывания в той или иной стране. Необходимо заметить, что часто в письмах русских интеллектуалов, написанных в путешествии, присутствуют размышления о планах на будущее. Это можно объяснить как необходимостью планирования путешествия, так и большей степенью свободы путешественника, возможностью самостоятельно планировать свое будущее, хотя бы

³¹ А. И. Тургенев — А. Я. Булгакову. 26 августа / 5 сентября 1841 г. // Письма А. Тургенева Булгаковым. С. 251.

³² П. Я. Чаадаев — А. И. Тургеневу октябрь – ноябрь 1835 г. // Режим доступа: http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j/ (сентябрь, 2008).

³³ П. Я. Чаадаев — М. Я. Чаадаеву. 18 августа 1848 г. // Режим доступа: http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j/.

ближайшее. Подобные планы путешествия содержатся и в письмах П. Я. Чаадаева: «Вот мои планы. В Лондоне пробуду сначала не более трех дней, чтобы успеть в Брайтоне покупаться в море с месяц; остальную часть осени стану ходить по Англии, а на зиму — в Париж»; «Весну всю проживу здесь, а в конце мая поплечусь в Швейцарию, там пробуду лето. Вот покамест мои планы»³⁴.

Представляют интерес и планы Н. В. Станкевича, связанные не столько со службой, которая не имеет для него особого значения вследствие целого ряда причин (материальная обеспеченность, слабое здоровье и пр.), сколько с личностным интеллектуальным и духовным развитием. В письме к Я. М. Неверову Станкевич писал: «Между тем меня утвердил министр в должности почетного смотрителя, а так как я не могу оставаться в деревне, то возьму сначала отпуск на месяц, потом на 4, наконец, если мне нельзя будет, несмотря на отсрочку, считаться на службе, выйду в отставку: чин мне не нужен. Я надеюсь через год где-нибудь держать экзамен на магистра. Вот ближайший план внешней жизни моей, дальних я уж не делаю: их столько рушилось»³⁵.

Н. В. Станкевич стремился соединить прошлое, настоящее и будущее под влиянием изучения философии, прежде всего, на личностном уровне, видя возможность такого соединения в духовном развитии человека. В итоге именно человек, его духовная сущность становятся воплощением связи времен, и будущее понимается не как конкретно событийная сфера, а сфера духовного. В письме брату Н. В. Станкевич, давая наставления, писал: «При том, чтобы наслаждаться настоящим, не как животное, надобно его расширить, надобно заключить в нем прошедшее и будущее, надобно прочное сознание своей духовной самостоятельности, которая равна себе вчера и сегодня — словом, надобно духовное развитие»³⁶.

³⁴ П. Я. Чаадаев — М. Я. Чаадаеву. 19/31 июля 1823 г.; Париж. 1 Января 1824 года // Режим доступа: http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j/.

³⁵ Н. В. Станкевич — А. М. Неверову. 17 июля 1835 г., Удеревка // Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840 / Сост. А. Я. Станкевич. М., 1913. С. 327.

³⁶ Н. В. Станкевич — А. В. Станкевичу. 8 марта 1838 г., Берлин // Переписка Николая Владимировича Станкевича. С. 171-172.

Таким образом, в первой половине XIX века у русских интеллектуалов мы замечаем переходный характер темпоральности, проявившийся в сочетаниях четких картин общественного будущего, тесно связанного с настоящим и от него зависящим, с неопределенными, вариативными представлениями о будущем личном, для которого роль настоящего явно меньше. Пророчества и прогнозы русских интеллектуалов определялись, прежде всего, парадигмой эпохи Просвещения, что приводило к созданию соответствующих образов будущего. Будущее вписывалось в «горизонты понимания, предвидения и воздействия», эффективность которых была гарантирована не божественным Провидением и соответствующими религиозными ритуалами, а действием исторической закономерности и Разума. Грядущее как будущее открытое, непредсказуемое, характерное для культуры Нового времени, существовало преимущественно в личном плане, создавая двойственный, амбивалентный характер темпоральных представлений русских интеллектуалов первой половины XIX века.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

Е. Л. САРАЕВА, Т. И. ВОЛКОВА

ЦИВИЛИЗАЦИЯ РУССКОГО ОБЩЕСТВА ПЕРИОДА МОДЕРНА В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ЗАПАДНИЧЕСКОЙ» И ЗЕМСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Цивилизация русского общества — национальная задача, сформулированная интеллектуалами первой половины XIX века в процессе осмысления сущности культуры Модерна и проблемы национальной идентичности. Важным условием прозападники считали изучение и усвоение позитивного опыта Европы. Тема взаимодействия России с Западом сохраняла свою значимость в отечественной мысли начиная с реформ Петра I. В современной науке ее развитие привело, в частности, к выводу о том, что «любое перекрытие каналов коммуникации Восток-Запад означало бы жесточайшее кислородное голодание и коллапс городской культуры России»¹. Осмысление диалога культур во времени и в пространстве дает возможность понять сложные пути интеллектуального взаимодействия.

Западники 1840-х гг. создали свое учение о цивилизации русского общества. В первой половине XIX в. термин цивилизация, употреблявшийся в предшествующем столетии для отражения некоего культурного рубежа, отделяющего высший этап развития общества от дикости и варварства, обогатился новыми значениями. «Пальма первенства в освоении новых значений слова “цивилизация” принадлежала французской философско-теоретической мысли», отмечает современный исследователь В. М. Найдыш². Французские ученые заговорили об истории многих цивилизаций, созданных народами. Сформировалось представление об этнических культурах как цивилизациях. Эта мысль становится истоком

¹ Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании русского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 30.

² Найдыш В. М. Цивилизация как проблема философии истории. М., 1997. С. 7.

социально-философской парадигмы множественности цивилизаций. И. Н. Ионов, изучавший утверждение цивилизационного самосознания в эпоху Просвещения, выявил формирование в Англии и Франции представлений об идеале цивилизации как гражданском обществе³. В европейской культуре понятие «цивилизация» имело значение прогресса общества, а понятие «культура» — гуманистическое содержание. Русские западники настаивали именно на этом его использовании⁴.

Историко-культурная информация текстов западников имеет свою совокупность понятий, единую знаковую систему. Важнейшим был концепт «цивилизация», воспринятый из учений европейских мыслителей. Дешифровка культурных текстов возможна при идентичном воспроизведении содержания фундаментальных концептов, употреблявшихся западниками для передачи своих идей. «Русские европейцы» 1840-х гг., как называли себя западники, использовали термин «цивилизация» в нескольких значениях: национальные сообщества, имеющие свои особенные черты; культурное развитие общества, выражающееся в гуманизации социальных отношений, «очеловечивании» человека; среда формирования личности, а также все стадии эволюции народа, выше варварской. Западники писали о «цивилизационном движении», смысл которого они видели в воспитании «цивилизованного» человека, усвоившего гражданские и нравственные идеи, в создании общественно-культурных условий, обеспечивающих человеку достойное существование, установление правопорядка, облагораживание семейных и социальных отношений, подъем уровня жизни народа, духовное совершенствование личности.

В русле цивилизационного подхода в эпоху Модерна разрабатывалось учение о взаимодействии наций. Идея общения народов, способствующего пониманию человеческого бытия, стала важной характеристикой культуры Нового времени. Это было обусловлено

³ *Ионов И. Н.* Пути развития цивилизационного сознания в Евразии и проблема евразийства // *Цивилизации*. 2004. Вып. 6. Россия в цивилизационной структуре Евразийского континента. С. 158-186.

⁴ *Гордон А. В.* Культура многообразия — явление современного цивилизационного процесса // *Межкультурный диалог в историческом контексте*. М., 2003. С. 3.

распространением мысли о единстве мира, преобразованием замкнутых феодальных социумов в гражданские общества. Западники 40-х гг. XIX в. дали свое осмысление становления нового общества в России периода европеизации в результате переплетения и трансформации русской и европейской культуры, раскрытия их смысла, изменения образа жизни и мировоззрения образованного слоя общества. Для западников не существовало дилеммы: приоритетное развитие традиционной русской культуры либо ее вытеснение европейской. Свободное восприятие элементов другой культуры они рассматривали как необходимое условие формирования новой общности.

В текстах западников представлено философско-историческое обоснование значения глубокого познания других цивилизаций в создании культурного пространства. Возможность усвоения отдельных элементов иных культур западники объясняли наличием общих ценностных основ миропонимания народов и отдельных социальных групп. Мысль о единстве человечества, ставшая философской основой интерпретации европейскими учеными исторического процесса в первой половине XIX в., определяла важность взаимодействия народов. Западники выделяли «общие», «человеческие» компоненты, обуславливавшие возможность культурных контактов народов⁵. «Человеческое» западники понимали как нравственно-социальные основы бытия личности: свободное саморазвитие индивида, его честь, достоинство, благородное отношение между людьми, достойный уровень жизни. «Русские европейцы» 1840-х гг. были заинтересованы в «очеловечивании» духовно-нравственной атмосферы в обществе. Всем народам, утверждал В. Г. Белинский, родственна идея мужества, доблести, правды, любви и «всею, чем гордится человечество, в чем люди сознают свое братство, свое единокровное родство в боге»⁶. Общечеловеческие элементы, по В. Г. Белинскому, гуманны, благородны, необходимы людям. Уважение в человеке человеческого достоинства, его права на широкое развитие дарований, интерес к другим людям, желание добра и любви — эти идеи о межличностных отношениях, по убеждению западников, могли служить объединяющей

⁵ Белинский В. Г. Собр. соч. в 9 т. М., 1976–1982. Т. 4. С. 97–98.

⁶ Там же. Т. 4. С. 447.

силой. Необходимость восприятия универсальных ценностей и идей — главная идея, которую западники хотели донести до сознания российского общества.

В оценках западниками эволюции России отчетливо прослеживаются черты цивилизационного подхода. Ими была предпринята попытка осмыслить цивилизационную принадлежность России в «петербургский» период, восприятие опыта других историко-культурных миров, особенности духовной эволюции общества и смену его культурных ориентиров, противоречия его движения от традиционной жизни к национальному самоопределению, особенности его воззрения на мир. Они отмечали культурную дифференциацию общества под воздействием цивилизующих факторов, к каковым относили просвещение, искусство, литературу, науку. Социокультурный раскол нации они связывали с различной степенью знакомства с европейским наследием и с ценностными ориентациями людей.

Познание иной культуры, считали западники, развивает внутренним мир человека, позволяет ему стать наследником мирового духовного наследия. Образованный человек должен и может понять человеческое в любой культуре. В. Г. Белинский полагал, что чужая культура, имеющая человеческое наполнение, может стать частью своей. Открытие человеком «своего» в иной культуре расширяет область мирообладания. Человек, если он материально беден и является владельцем только собственной души своей, богат и могущественен, если понимает все человеческое и всему сочувствует, он входит в родственную связь с человечеством⁷. «Русские европейцы» 1840-х гг. видели значимое последствие нововведений в запуске механизма движения нации. Развитие — важнейшая характеристика исторического процесса. В отличие от своих идейных оппонентов западники были не склонны драматизировать отдельные негативные результаты преобразований. Они предлагали обратить внимание на формирование новой культуры в России, слоя высокообразованных людей, усвоение гуманистических ценностей. Культурная модернизация, идеальную модель которой западники мыслили как интеллектуально-нравственное совершенствование

⁷ Там же. Т. 4. С. 98.

личности и общества, не могла происходить скачкообразно⁸. Необходимо было формирование глубокой внутренней культуры человека, передающейся из поколения в поколение.

Западники рассматривали формирование новой культуры как взаимодействие сообществ, имеющее свою логику, последовательность, постепенность. Цели, содержание и формы восприятия культуры Другого со временем менялись. Сначала обращение к европейскому опыту носило характер «абстрактного заимствования чужого»⁹. На восприятие элементов другой цивилизации оказывает влияние культура времени, содержание общественной жизни. Традиционная культура русского общества существенно отличалась от европейской культуры Модерна. Государство насаждало новые формы жизни сверху вниз. Новая Россия сначала создавалась путем подражания, а затем формирования национальной жизни. Славянофилы резко осуждали проявления подражательности на всех этапах европеизации России. Западники полагали, что усвоение культуры более развитых народов содействует раскрытию внутренних сил народа-«потребителя», содействует оживлению культурных процессов. Следовательно, русская нация духовно становилась сильнее, так как ее культурное пространство включало в себя разнообразные идейно-нравственные элементы.

В первой половине XIX в. становлению нового культурного социума содействовали, как считали западники, кружки интеллектуалов, салоны, студенческие сообщества, лекции профессоров, журналы, литература. Для культурного сообщества был характерен свободный идейный поиск, интерпретация и передача знаний. Общение образованных людей, живо интересовавшихся наукой, искусством, литературой, вело к сопряжению идей разных культур. Миссию образованных людей западники видели в объяснении смысла культур, их базовых идей, что обеспечивало свободу выбора мировоззренческих ориентиров. Свой круг интеллектуалов они оценивали как малую самостоятельную группу «русских европейцев», постигавших значение мирового наследия, содержание и динамику русской культуры и создающих доступный для образованных людей мир идей о человеке и обществе. Дискуссия западников

⁸ Там же. Т. 6. С. 26.

⁹ Там же. Т. 8. С. 188.

и славянофилов 1840-х гг. придала динамизм общению русской и европейской культур, содействовала пониманию их начал, возможности трансформации форм общежития и совмещения идей. Ее логика вела к расширению круга обсуждаемых вопросов и обращению к культурам разных исторических эпох. Кружки интеллектуалов обогатили интеллектуальную жизнь в стране. Введение в культурное пространство России XIX века идей мыслителей разных времен и народов, с одной стороны, способствовало пониманию судеб цивилизаций и возможностей человека, с другой — вводило многообразие в духовный мир.

Создание новых форм культурного общения, с точки зрения западников, зависело от мировоззренческих позиций людей, их ориентации на разные поведенческие модели. Важно развить у человека потребность в свободной интеллектуальной деятельности. Ценностными основами цивилизованного общества должны быть духовная независимость, признание прав личности. Расширение средств коммуникации — условие свободного вовлечения человека в мир культуры. Однако пока в стране существовало крепостное право, новая культура была доступна только свободным сословиям. Мысль о духовном саморазвитии общества, утверждаемая западниками, стала ментальной основой жизни образованного социума. В этой новой культурной среде шло зарождение и развитие элементов гражданского общества.

Стремительное усложнение интеллектуальной палитры общества было следствием его культурного саморазвития, восприятия и осознания идей мыслителей разных эпох. Деятельность интеллектуалов позволила включить в культурное пространство России элементы предшествовавших культур: античной, средневековой и нового времени. Их произведения стали формой культурных контактов, поскольку русские интеллектуалы не только воспроизвели, но и интерпретировали идеи других авторов в контексте современной культуры. Развитие западнического учения шло в соответствии с типологическими особенностями культуры их времени. Объясняя закон функционирования культуры, В. С. Библер отмечал, что, обращаясь к духовному наследию, люди актуализируют высказанные

ранее идеи в новом ментальном спектре, познавая «мир впервые»¹⁰. Элементы ранних культур западниками были осмыслены в системе своих идейных координат и включены в свою мировоззренческую систему. Это обогатило мир идей в России.

Широкие культурные контакты содействуют развитию самосознания — интеллектуальному условию независимости личности. Русская интеллигенция воспитала в себе потребность служения людям, в целеустремленной деятельности, что было важно для расширения внутренних истоков саморазвития страны. Она настойчиво объясняла необходимость налаживания культурных контактов между обособленными социальными слоями. Вне культурного пространства образованного общества длительное время находился народ. Не включенный в процесс модернизации, в духовную жизнь привилегированных слоев, народ не мог самостоятельно расширить, преобразовать свой культурный мир. Мысль почвенников о том, что традиционная культура самобытна и обладает большим духовным потенциалом, оспаривалась сторонниками межкультурного взаимодействия, утверждавшими, что устойчивые вековые стереотипы жизни замкнутых социумов обрекают их лишь на самовоспроизведение, перекрывая каналы влияния извне. Это препятствует свободному развитию и самопознанию личности. В пореформенный период образованное общество приложило немало усилий для понимания духовного мира народа и налаживания отношений с ним. Тема народа заняла прочные позиции в русской литературе и искусстве. Общество открывало для себя мир «униженных» и «оскорбленных», воспитывая сочувствие к страданиям людей, вынужденно живших в невежестве и нищете, но имевших свою устную культуру, мудрость которой была сконцентрирована в фольклоре.

Отмена крепостного права расширила сферу культурной деятельности интеллигенции, получившей реальную возможность постепенно включить народ в цивилизационное движение. С середины 1860-х гг. организатором культурных контактов образованного общества с народом выступило земство. Либералы надеялись преформировать культуру крестьянства с целью придать ей свойство восприимчивости элементов жизни других слоев. Земская интелли-

¹⁰ Библер В. С. На гранях логики культуры. М., 1997. С. 282.

генция стала создавать новую культурную среду в сельской местности. Массы, длительное время своим трудом обеспечивавшие созидание новой России, достойны лучших условий жизни — эта идейная установка определяла деятельность земских гласных.

Естественным было преимущественное внимание земских гласных к начальному образованию народа — фундаменту дальнейшей просветительной работы в деревне, ранее оторванной от городской культуры. Поставив сначала задачу научить народ грамоте, земство в дальнейшем сумело создать систему сельских культурных учреждений, формировавших у крестьян интерес к знаниям и чтению литературы. Поскольку число министерских начальных школ в сельской местности было недостаточно, земства форсировали открытие своих школ. Их образовательные задачи были более широкими, чем церковно-приходских школ: обучение основным навыкам чтения, письма и счета, популярное изложение научных знаний. Важно, что в земских школах преподавали мировоззренческие дисциплины (например, историю), позволявшие корректировать жизненные установки. Земства заняли лидирующие позиции в развитии образования народа. К 1917 г. в России было около 65 тыс. земских начальных школ, а всех начальных школ — 124 тыс. В 1915 г. в 43-х земских губерниях обучалось 4 346 тыс. детей, а в 49-ти неземских губерниях — 1 596 тыс.¹¹. Столь масштабная работа земств по созданию начальных школ для крестьянских детей в условиях, когда законодательство не обязывало эти органы вкладывать деньги в образование, убеждает, что представители либеральной интеллигенции, видевшие в земствах сферу своей деятельности в интересах народа, на протяжении полувека настойчиво содействовали повышению его грамотности.

С 1870-х гг. земские деятели придавали общенациональное значение народному образованию, предлагая сделать его всеобщим и обязательным. На протяжении полувека демократическая интеллигенция, состоявшая на службе земств, открывала народу другие культуры. В понимании земских деятелей образование и литература позволяли познакомить крестьян с культурой образованного общества. Проводниками культурных влияний стали учителя. Им

¹¹ *Абрамов В. Ф.* Российское земство: экономика, финансы, культура. М., 1996. С. 120.

выпала непростая задача налаживания языковой коммуникации, адаптации научных знаний, завоевания доверия крестьян, пробуждения их интереса к жизненному опыту других. Требования к образовательному уровню земских учителей были не ниже, чем к преподавателям городских школ. Ими становились молодые люди старше 16-ти лет, получившие в основном среднее образование. Нехватка учителей обусловила принятие министерством народного просвещения решения привлечь женщин к работе с крестьянскими детьми. Земства поддержали желание девушек работать учителями в народных начальных школах. Уровень образования учителей был достаточным для преподавания всех дисциплин, предусмотренных программами земских школ. В 1916 г. в земских школах работало около 118 тыс. учителей. Из них имели специальную педагогическую подготовку более 60,5 тысяч¹².

Просветительная работа земств была продумана таким образом, чтобы создать разные типы культурных учреждений, позволявших сформировать у крестьян интерес к знаниям. Земские деятели понимали, что обязательным условием свободного вовлечения человека в мир культуры является расширение средств коммуникации, позволяющих получать информацию. Они осознавали, что значительное воздействие на духовную жизнь может оказать литература, открывающая читателям разные культурные миры. Земства обеспечили доступ крестьян к литературе. Большинство земских школ имели бесплатные библиотеки. Так, в Московской губернии к 1914 г. библиотеки работали при 1146 начальных земских заведениях из 1282-х, т. е. более 90 % учеников получили возможность читать книги. В Ярославской губернии к 1909 г. библиотеки были открыты в 402-х земских школах из 491-й, что составляло 82 % от их общего числа. В 274-х школьных библиотеках этой губернии книги выдавали только учащимся, а в остальных ими могли пользоваться все желающие¹³.

Книжный фонд сельских народных библиотек был довольно значительным, он составлял 450-500 изданий. Он мог удовлетво-

¹² Данные по: Начальные училища ведомства Министерства народного просвещения в 1915 г. Пг., 1919.

¹³ Начальное народное образование в Ярославской губернии за 1909 год. Ярославль, 1913. С. 358-359; Обзор Московской губернии за 1914 г. М., 1915. С. 167.

ритель спрос на адаптированные для малограмотных людей научно-популярные и художественные издания. По данным земств, в школьных библиотеках художественная литература составляла 49 % книжного фонда, книги по истории и географии — 18,3 %, по естествознанию — 9 %, религиозно-нравственного содержания — 7,7 %, прочие — 15,7 %. Земства заботились о том, чтобы в школьных библиотеках была представлена литература по всем изучаемым предметам, но основное внимание уделялось закупке произведений русских писателей.

В уездных городах были открыты публичные библиотеки, книжный фонд которых составлял тысячи книг русских писателей, а также отечественные журналы. Населению в провинции стали доступны для чтения сочинения А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Л. Н. Толстого. Осуществлялась подписка на журналы: «Исторический вестник», «Новое время», «Русская старина», «Отечественные записки», «Семья и школа» и др. В глубинке открывались бесплатные библиотеки-читальни. Так, в Ярославской губернии к 1909 г. их было создано 88¹⁴. Земства организовывали продажу книг.

Новыми культурными объектами в уездах стали созданные земствами музеи, задачами которых стало ознакомление народа с прошлым страны и с техническими новинками. Важным начинанием земств было открытие с 1912–1913 гг. народных домов, где проводили общественные собрания, праздники, лекции, спектакли, организовывали научные и спортивные кружки¹⁵. В 1916 г. культурная работа была налажена в 1200 народных домах¹⁶.

Деятельность земств, по оценке либеральной интеллигенции, выполняла цивилизаторскую функцию. «Земство видело в народном образовании единственный путь для развития общественного самосознания и не могло не осознавать, что только при условии распространения народного образования возможно... поднятие

¹⁴ Сельские бесплатные народные библиотеки-читальни Ярославской губернии. Ярославль, 1899. С. 5.

¹⁵ Труды общеземского совещания о просветительских мероприятиях, созванного Ярославской губернской земской управой в г. Ярославле. Ярославль, 1915. С. 9.

¹⁶ *Абрамов В. Ф.* Указ. соч. С. 144.

нравственного и экономического благосостояния населения», так высоко оценивал видный общественный деятель Д. Н. Шипов в 1901 г. работу земств в сфере образования¹⁷. Значение земств в пробуждении масс к творчеству признавали в кадетских кругах. А. И. Шингарев утверждал в 1914 г.: «История развития земских учреждений, история их успехов и препятствий их деятельности и достигнутых результатов — это богатая и познавательная страница внутренней жизни, это проявление творчества наших духовных сил — с полной убедительностью доказали глубокую жизненность основ земского Положения 1 января 1864 года. Как и все творения эпохи Великих реформ, это положение овеяно духом доверия к народным силам, призванным к строительству своей культурно-хозяйственной жизни»¹⁸. Философ Н. А. Бердяев характеризовал земство как проявление зрелости российского образованного общества, создавшего традиции гражданской деятельности в интересах народа: «В России земство представляло такое качественное историческое образование, в котором накопились общественный опыт, знание дела, традиции»¹⁹. Видный юрист Г. А. Джаншиев, назвав созданные земством культурные и социальные учреждения гордостью русской нации, полагал, что они содействовали политическому воспитанию общества и народа²⁰.

Работа земств по созданию культурной среды в деревне современниками оценивалась как возможность взаимодействия представителей разных социальных кругов, как условие творчества, продуктом которого был рост интереса к другой культуре. Понимание — важное условие восприятия опыта других общностей, который мог усваиваться как необходимый компонент своей жизни. Об этом писал кн. Д. И. Шаховской, выделяя в деятельности земских гласных среди крестьян живое общение, невозможное в эпоху крепостного права: «Среди реформ шестидесятых годов издание земского положения занимает совсем особое место. Ни в одной другой реформе не заложено столько возможностей положительно-

¹⁷ Русская школа. СПб., 1901. № 3. С. 77.

¹⁸ Шингарев А. И. Задачи юбилея // Современное слово. 1914. № 2148. С. 4.

¹⁹ Бердяев Н. А. Философия неравенства. М., 1990. С. 166.

²⁰ Джаншиев Г. А. Эпоха Великих реформ. М., 1898. С. 355.

го творчества... Введение земства создало возможность живого общения различных элементов русской провинции на положительной работе, и этим вписано было в русскую жизнь совершенно новое начало...»²¹.

Школы, библиотеки, музеи, народные дома, созданные земствами, гарантировали доступ народа к знаниям, литературе. Земства предприняли попытку познакомить народ с иными культурами и воспитать положительное к ним отношение. Они приобрели авторитет общественных учреждений, деятельность которых соответствовала расширению культурного пространства, развитию самостоятельности народа.

В период Модерна проблема культурных контактов, влияющих на изменение системы мировоззренческих координат, приобрела живой общественный интерес. Поток инноваций, прежде всего в культурной сфере, усложнил дифференциацию нации и содействовал формированию субкультур различных социальных слоев и групп. Западники, признавая многообразие культур, доказывали важность общения социумов. Взаимодействие культур способствует цивилизации общества, заключающейся в развитии духовности, восприятии общечеловеческих ценностей, сглаживании социальных контрастов. Деятельность либералов была ориентирована на развитие личностного начала путем приобщения человека к образованию, литературе, искусству. Важнейшим условием движения социума, по мысли западников, было расширение его интеллектуальной деятельности. Образование народа, приобщение его к чтению литературы должно было пробудить у него интерес к жизни других социальных слоев, расширить представления о мире, усилить желание выйти за пределы традиционного уклада. В системе культурных контактов в XIX – начале XX вв. преобладало влияние образованного общества на массы, организатором которого выступило земство. Народу была отведена роль «потребителя» знаний. Деятельность либеральной интеллигенции с целью формирования гуманистической культуры имела положительные результаты, но они оказались недостаточными, поскольку, на наш взгляд, слишком медленно шла модернизация в социальной сфере.

²¹ *Шаховской И. Д.* Пятидесятилетие земства // Очерки экономической деятельности земства. М., 1914. С. 3-5.

В. В. Носков

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И РУССКАЯ ИДЕЯ

*Не надо несбыточных грез,
Не надо красивых утопий.
Мы старый решаем вопрос:
Кто мы в этой старой Европе!*
(Валерий Брюсов)¹

Подъем русского национального самосознания в годы Первой мировой войны сопровождался переосмыслением всех проблем, стоявших тогда перед Россией. От этого времени сохранилось богатейшее идейное наследие, помогающее прояснить характер русского «национализма» и весь круг связанных с этим явлением вопросов. Свидетельством роста национального самосознания в этот период стали усиленные поиски «русской идеи», которые составили один из важнейших этапов в ее развитии. «Русская идея», как и вся отечественная философия истории, пережила целый ряд таких подъемов, которые были обусловлены крупнейшими столкновениями между Россией и Западом. Зарождение национального самосознания в России, а вместе с ним — рождение русской философии истории и поиски «русской идеи» — были прямым следствием столкновения России с наполеоновской Европой. Важнейшие импульсы для их дальнейшего развития дали Крымская война, Русско-турецкая война 1877–78 г., а затем — Мировая война 1914–18 г. Исключением явилась непонятая русским обществом Русско-японская война 1904–1905 г., но в данном случае объяснение представляется очевидным. Россия привыкла сравнивать себя с Западом, «русская идея» формировалась в противопоставлении с западными идеями и по их образцу, а тут ей пришлось столкнуться с загадочной азиатской державой, движущие мотивы которой оставались непонятными для русских мыслителей.

Россия часто сопоставляла себя с нациями Запада, но не имела традиции сопоставления со странами Востока. Она искала достой-

¹ *Брюсов В.* Старый вопрос // Современная война в русской поэзии. Петроград, 1915. С. 89-90.

ное место среди европейских держав, поэтому «русская идея» всегда была прежде всего посланием Западу. Не случайно, что первые и многие последующие тексты, авторы которых были заняты поисками «русской идеи», написаны на французском языке. А. С. Хомяков начал ее проповедь на английском, а сам термин впервые появился на немецком. Название «Russische Ideen» было предложено К. С. Аксаковым для сборника статей славянофилов, который предполагалось издать в Лейпциге вскоре после Крымской войны². В Первой мировой войне в борьбу между собой вступили «образцовые» национальные государства Европы, народы которых обладали развитым национальным сознанием, и России, оказавшейся в эпицентре вселенской битвы, вновь пришлось столкнуться с проблемой самоопределения. Особенность момента заключалась в том, что постановка этой проблемы оказалось острой, как никогда прежде, а русские мыслители были вполне готовы ответить на грозный вызов истории. Россия, переживавшая духовный ренессанс, находилась в зените расцвета национальной мысли. Это был исключительный момент в ее истории, когда ее творческие силы достигли наивысшего подъема. Поэтому изучение идейного наследия Первой мировой войны представляет особую важность для самопознания России.

Та духовная ситуация, в которой застала Россию мировая война, отличалась крайней противоречивостью. Рафинированная культура столичных салонов соседствовала с диким невежеством широких масс населения. Поляризация мнений в политической сфере, потеря ориентиров и идейный разлад в рядах интеллигенции, декаданс в искусстве, эскапады богемы — и рядом богатейшая, напряженнейшая творческая жизнь, по своей интенсивности и размаху сопоставимая с тем, что происходило в эпоху Ренессанса в Италии или в период расцвета философской классики в Германии. Россия того времени могла предложить миру все, что угодно — от глубочайших духовных прозрений до призывов к «восстанию масс» под самыми примитивными лозунгами. В начале войны казалось, что Россия выступит с новым откровением, но к ее концу оказалось, что победа осталась за набором однозначных доктрин. Изучение эволюции «русской идеи» в военные годы помогает понять, как это произошло.

² И. С. Аксаков — А. И. Кошелеву, 16/28 января 1860 г. // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 3. М., 1892. С. 351.

К эпохе Первой мировой войны восходят корни многих важных событий и серьезнейших проблем современного мира. Вполне понятно поэтому, что ее история сохраняет столь высокую актуальность как в профессиональной историографии, так и в исторической памяти народов. На улицах Парижа наследие Первой мировой войны представлено даже заметнее, чем памятники войны 1939–45 г. «Память первой мировой войны была мощной объединительной силой», замечал по этому поводу П. Нора. «Вторая мировая война была разъединяющей»³. В Англии, по свидетельству А. Дж. Тойнби, упоминание сентябрьской даты 1939 года не производит такого сильного воздействия, как воспоминания об августе 1914 г.⁴ «Существует парадокс с австралийской памятью о войне, заключающийся в том, что, хотя Вторая мировая война представляла величайшую опасность для целостности австралийской нации ...ее превзошли воспоминания о Первой мировой войне», отмечал современный австралийский историк⁵. В России — все наоборот. Первая мировая война не породила здесь сколько-нибудь значительную мифологию или литературу, не оставила общепризнанных «мест памяти» и продолжает находиться на периферии национального сознания.

В западной историографии сохраняется стабильный интерес к проблемам «коллективных менталитетов», «национальных идентичностей», к культурной и интеллектуальной истории Первой мировой войны в целом⁶. «Первая мировая война, как никакой другой конфликт этого столетия, мобилизовала национальное воодушевление самых широких слоев населения в странах — участницах войны», писал германский историк. Она «заставила задаться вопросом об отношении к такому взлету народных чувств, способствовав уже по окончании войны активизации научного интереса в странах Западной Европы и США к феномену национализма». В

³ Нора П. Эра коммемораций // Франция — память. СПб., 1999. С. 108.

⁴ Тойнби А. Дж. Пережитое // Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. СПб., 1995. С. 227.

⁵ Beaumont J. The Strange of Second World War in Australian National Memory // Proceedings. Acts. Rapports, abstracts, and round table introductions. 19th International Congress of Historical Sciences. Oslo, 2000. P. 134.

⁶ См.: Prost A., Winter J. Penser la Grande Guerre. Un essai d'historiographie. Paris, 2004.

России же, констатировал он, «все происходило совершенно иначе»⁷. Между тем, как подчеркивал финский исследователь, уже во время войны русские мыслители искали ее причины «не в политических или экономических противоречиях, а именно в духовной основе воюющих наций». Мировая война была для них «великим духовным борением, борьбой идеалов и принципов»⁸. Уже в военные годы в России появились первые исследования, посвященные «войне идей». Г. А. Ландау, непосредственный участник событий, включил в свою книгу специальный раздел под названием «Разрушительная идейность»⁹. Однако традиция изучения идейного наследия Первой мировой войны не получила развития в Советской России и этот важнейший этап в становлении «русской идеи» остался практически вне сферы внимания российских исследователей. «Русская идея» вообще не изучалась у нас исторически. В лучшем случае, этапы ее развития пытались проследить хронологически, но о полноте этой хронологии говорить не приходится. Для существующей литературы характерно также отсутствие какой-либо определенности относительно содержания самой «русской идеи», не говоря уже о том, что большинство пишущих и говорящих на эту тему вообще не задумывается о ее смысле. Как представляется, «русская идея» — это не готовая формула, которую надо только найти и выразить краткими словами, а непрерывный процесс национального самопознания и самоопределения. Помимо того, нередко приходится сталкиваться с прямым искажением истории развития «русской идеи» в интересующий нас период. Например, А. Л. Янов пишет буквально следующее: еще в 1901 г. завершилось вырождение дореволюционной «русской идеи» и она «слилась с черносотенством». Носители же этой идеи, потерпев «оглушительное поражение в 1917 г.», стали «наставни-

⁷ Ян Х. Русский патриотизм во время Первой мировой войны // Россия (1856–1917) и Германия (1871–1918): Две империи в историографии и школьных учебниках. М., 1999. С. 120–121.

⁸ Хеллман Б. Когда время славянофильствовало. Русские философы и первая мировая война // *Studia Russica helsingiensia et tartuensia*. Helsinki, 1989. S. 215.

⁹ Ландау Г.А. Сумерки Европы. Берлин, 1923. Сам он выдвинул «идею этнической государственности» (Ландау Г.А. Идея этнической государственности // Северные записки. 1915. № 4).

ками Гитлера»¹⁰. А популярный петербургский публицист Д. Травин излагает такую версию: в конце XIX – начале XX в. в России сформировалась «сильная национальная идея, ставшая вскоре доминирующей. Идея социалистическая». А в «1917 г. социализм из оппозиционной, но всенародной идеи превратился в официальную и столь же всенародную»¹¹.

Для России память о Первой мировой войне актуальна еще и в том отношении, что историческая катастрофа 1914–18 гг. имеет много общего с теми разрушительными процессами, которые происходят в настоящее время. Главное отличие заключается в том, что нынешняя катастрофа выражается не только в разрушении страны, но и в подмене самой сущности России, вследствие чего она столкнулась с реальной угрозой потери национальной идентичности. Взамен нее насаждаются наскоро сконструированные суррогаты, характерным признаком которых является оторванность от исторических корней и стремление удовлетворить лишь потребности текущего момента. Показательная примета последнего времени — усиленная пропаганда так называемой «российской идентичности»¹². Ее идеологи конструируют «российский народ» по тем же лекалам, по которым в свое время скроили другую «историческую общность» — «советский народ». Нельзя, конечно, сказать, что советского народа не существовало. Просто в реальности он сильно отличался от того идеологического фантома, который изобрели для его обозначения. То же самое происходит сейчас и с очередной «новой исторической общностью». Одновременно насаждаются идеологемы западного происхождения, в связи с чем уместно напомнить, что писал С. Хантингтон о попытках подмены цивилизационных идентичностей, предпринимаемых вестернизированной элитой в странах иной культуры: все они превратились в «разорванные страны» (*torn countries*), пораженные «культурной

¹⁰ Янов А. Л. Русская идея и 2000-й год // Нева. 1990. № 9. С. 153-154.

¹¹ Травин Д. Мы наш, мы новый мир построим. Как искали идею в России // Дело. 25 апреля 2005.

¹² См.: Носков В. В. «Российская идентичность» против «русской идеи» // Реальность этноса. Роль образования в формировании этнической и гражданской идентичности. СПб., 2006.

шизофренией»¹³. Состояние умов в современном российском обществе наглядно подтверждает этот вывод.

В ходе Первой мировой войны и по ее завершении все народы выступили со своей правдой, но не все были услышаны. В исторической памяти современного глобализованого общества преобладает правда победителей, но практически отсутствует правда побежденных. К чему привело игнорирование правды побежденных — хорошо известно: на торжество победителей они ответили явлением большевизма и нацизма. Во многом неприятие «чужой» правды объясняется отсутствием должного понимания между представителями различных культур, что наглядно проявляется и в исследованиях западных историков о «русской идее». Очень характерно в связи с этим замечание З.Н. Гиппиус, которая писала в сентябре 1914 г.: «Наши счастливые союзники не знают боли, раздирающей в эти всем тяжкие дни самую душу России. Не знают и, беспечные, узнать не хотят, понять не хотят. Не могут»¹⁴.

I

Одним из следствий начала мировой войны стал небывалый расцвет в России философской публицистики, изучение которой привело Л. П. Карсавина к выводу: «Философская публицистика является историческим познанием настоящего с направленностью этого познания на более или менее отдаленное будущее»¹⁵. Суждения Карсавина побуждают нас с особой серьезностью отнестись к публицистике того времени как к важнейшему источнику по истории русского самосознания. Объясняя причины, подвигнувшие его на нелегкий труд, составитель интереснейшей антологии ранней военной публицистики писал: «духовная жизнь современности представляет особенно большой интерес — по своему исключительному богатству, разнообразию, по своей чрезвычайной серьезности и напряженности»¹⁶. Творческое наследие русских мыслителей времен Первой мировой войны воплотилось в очень сложных,

¹³ *Huntington S. P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y., 1997. P. 139-144, 154.

¹⁴ *Гиппиус З. Н.* Дневники. М., 2004. С. 33.

¹⁵ *Карсавин Л. П.* Философия истории. СПб., 1993. С. 279-283.

¹⁶ *Кудряшов П. Ф.* Идейные горизонты мировой войны. М., 1915. С. 5.

многослойных текстах, в которых нашли выражение и итоги многолетних раздумий, и вполне сложившиеся убеждения, и реакция на запросы текущего момента, и целенаправленная пропаганда, и просто полемическая страсть авторов. Но если отбросить все сиюминутное, эти произведения поражают богатством и высоким уровнем воплощенной в них мысли, которая навсегда останется в числе высших достижений русской духовной культуры.

На первый план в дискуссиях того времени выдвигались проблемы национализма, взаимоотношений между нациями и их идейные представления. В этом контексте закономерным стало новое обращение к вопросам о том, что же представляла собой «русская идея» и чем она отличалась от любой другой национальной идеи. По наблюдению П. Ф. Кудряшова, «в глазах русских людей сейчас идея национализма слишком тесно сплетается с “идеей” русского и славянского возрождения»¹⁷. Примечательным фактом явилось то, что от участия в процессе созидания новой «русской идеи» практически полностью самоустранились крайние фланги политического спектра. Марксисты, в массе своей, с новой силой продолжали проповедь «пролетарского интернационализма»¹⁸. А черносотенцы придерживались привычных, уже готовых догматов и в очередной раз продемонстрировали свое идейное бесплодие. Как отмечал один из первых исследователей публицистической литературы военного времени, «она в целом чужда “черносотенства”... Исчезнувши со столбцов современной печати, наши сверхпатриоты, очевидно, не решаются показаться на людях при свете подлинного патриотизма»¹⁹. Основная заслуга в разработке новой национальной идеологии принадлежала представителям различных умеренных по своим политическим воззрениям группировок, противостоящих любым формам радикализма. Их можно разделить на две основные категории, условно определяемые как «либералы» и

¹⁷ Там же. С. 8.

¹⁸ О марксистском творчестве в этой области см.: Дьяков В. А. Славянский вопрос в русской общественной мысли 1914–1917 годов // Вопросы истории. 1991. № 4/5. С. 6-11.

¹⁹ Алексеев В. Научно-популярная литература о войне и по поводу войны // Вопросы преподавания истории в средней и начальной школе. Сб. 1. М., 1916. С. 233-234.

«философы». К первой, наиболее массовой, принадлежали представители различных разновидностей политического либерализма, политизированная богема и множество общественных деятелей, позиционировавших себя как «прогрессивные». Ко второй относилась немногочисленная группа мыслителей, бывших истинными творцами русского духовного ренессанса начала XX века. Они группировались в основном вокруг московского издательства «Путь», основанного в 1910 г.

По признанию популярного публициста Т. Ардова, с началом войны «мы неожиданно “открыли” Россию»²⁰. Однако на этом неожиданности для либеральной интеллигенции не закончились. Подлинным открытием для нее стало осознание того факта, что «война 1914 г. обнаружила истинный характер жизни культурных наций, факт нарастающего злого соперничества и взаимной нетерпимости»²¹. В свете этого весь вопрос о нациях и национализме вставал для русских либералов совершенно по-иному, чем прежде. «Проблема нации ставится сейчас с небывалой глубиной и трагизмом. Уже нельзя теперь отделаться от нее, становясь на точку зрения безличного и абстрактного космополитизма. Национальность есть самое дорогое и близкое», признавал Б. П. Вышеславцев²². Эта «война вскрыла всю глубину инстинкта, единящего отдельных людей с их отечеством, с их народом», писал С. А. Котляревский. «Национальное есть отражение и воплощение общечеловеческого — тщетно отвлеченный космополитизм ищет достигнуть второго забвением первого». По своей сути «современная война есть не только испытание материальной мощи народов: она обнаруживает ценность тех культурных принципов, которыми живут эти народы». Россия в этой войне, полагал он, борется «за возможное осуществление идеальных благ в человечестве. Это миссия России»²³.

²⁰ Ардов Т. В защиту «интеллигента» // Ардов Т. Судьба России. М., 1918. С. 401.

²¹ Виннер Р. Ю. Теория прогресса и всемирная война 1914 г. // Виннер Р. Ю. Кризис исторической науки. Казань, 1921. С. 33.

²² Вышеславцев Б. П. Фихте и немецкая нация // Юридический вестник. 1914. Кн. VII/VIII. С. 18.

²³ Котляревский С. А. Война // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн. IV. С. III–VI.

В связи с этим на очередь дня вставал вопрос о «национальной идее». В начавшейся войне, утверждал Э. Д. Гримм, решается «вопрос национально-государственного существования, вопрос о всем будущем данной национальной жизни и всей европейской культуры». «Замена национального чувства идеями космополитического характера отнюдь не послужила бы на пользу человечества», соглашался он. И «если национальная связь и национальная идея представляет неперемное условие всякого крупного и жизненного культурного развития, то настоящая война представляет в то же время грозный урок, к каким роковым последствиям... для всей человеческой культуры ведет отрицание законности сосуществования и мирной конкуренции разных наций». Поэтому «проблема примирения национальных задач каждого народа с тесным сожительством разных народов... есть самая серьезная, ответственная и необходимая задача нашего времени»²⁴. Другой кадетский идеолог посвятил «идею нации» специальную статью, в которой он утверждал: «Для всех, кто хочет уяснить себе духовный смысл настоящей войны, вопрос о нации есть один из самых существенных и насущных»²⁵.

«Идейный» характер войны был признан как ее отличительная особенность практически всеми публицистами. Как отмечалось на страницах российских журналов, «все европейские народы, участвующие в настоящей войне, стремятся придать ей идеальный характер, ее идеализировать»²⁶. Поэтому «смысл настоящей войны» заключается в том, что одновременно с борьбой на полях сражений идет «другая, хотя бескровная, но не менее великая и ожесточенная война — война духовная, идейная»²⁷. По мнению А. А. Кизеветтера, «политико-экономический кризис сплетается с не менее острым кризисом также и в области идей». И «эти идейные перевороты развернут перед человечеством новые широкие перспективы, освежат атмосферу человеческой мысли и укажут для этой мысли

²⁴ Гримм Э. Д. Борьба народов // Вопросы мировой войны. Петроград, 1915. С. 1, 17-18.

²⁵ Гессен С. И. Идея нации // Там же. С. 562.

²⁶ Рапорт С. И. Англия и ее колонии // Русская мысль. 1914. Кн. X. С. 113.

²⁷ Лелива. Переоценка ценностей в связи с настоящей войной. Петроград, 1915. С. 6.

новые пути, которые будут свободны от некоторых прежних иллюзий, а потому и потребуют более смелого пересмотра старых вопросов на новых основаниях»²⁸. Другой известный историк и политический деятель, П. Н. Милюков, внес существенные уточнения, носившее вполне прагматический характер: первоначальная «идеология войны, которая выразилась в признании ее войной “освободительной”», со вступлением в нее Турции «осложнилась новым элементом. Для России открывалась возможность осуществления важнейшей своей исторической задачи, выхода к свободному морю»²⁹. При этом, полагал он, «приобретение Константинополя и проливов не противоречит освободительным идеям войны и не может быть приравнено к “империализму” в том отрицательном смысле, в котором иногда это слово употребляется»³⁰.

В программной статье, основанного осенью 1914 г., журнала «Отечество», ориентированного на более широкие читательские круги, чем органы либеральной печати, Л. Н. Андреев писал: «Настоящая война — явление порядка сверхчеловеческого. Смысл ее меняется с каждым днем, растет и углубляется, поднимается на головокружительную высоту. Начавшись борьбой сил материальных... она переходит в борьбу идей». «Драматический элемент крови и страданий личности едва видим в озарении планетарных задач; участие Идей, олицетворяемых народами... дает войне пафос трагический»³¹. В его представлении, «наша настоящая русская гордость заключается в том, что мы, по счастью, умеем ценить, любить и почитать все великое и прекрасное, под какими бы широтами и в каком бы народе оно не родилось». «Нигде так хорошо не живет идея», и «на каком бы языке не начал говорить писатель и философ, он очень быстро становится русским»³². Таким образом утверждался вселенский характер той новой идеи, которую должна

²⁸ Кизеветтер А. А. Война и переоценка идей // В эти дни. М., 1915. С. 161.

²⁹ Милюков П. Н. Тактика фракции Народной Свободы во время войны. Петроград, 1916. С. 7.

³⁰ Милюков П. Н. Константинополь и Проливы // Вестник Европы. 1917. Кн. 1. С. 355-356.

³¹ Л. А. Война // Отечество. 1914. № 1. С. 1.

³² Андреев Л. Н. Письма о войне. Освобождение // Отечество. 1914. № 1. С. 9-10.

была явить миру Россия. Подчеркивая «идеальный» характер войны, русский писатель утверждал: «Не за Россию эмпирическую и сущую, а за Россию мыслимую, желаемую и возможную поднял оружие русский народ». Немцы, продолжал Андреев, превратили Россию в свой «материальный, идейный и политический рынок». Они «самый мир живых идей подчинили железной армейской дисциплине». Но, полагал он, «в противность этому одичавшему германскому гению... русский ум должен иметь иную заботу»³³.

Сопоставление воодушевляющих два народа идеалов стало постоянной темой русской военной публицистики. В связи с этим впервые был поставлен вопрос о положительном содержании «русской идеи». Прежде всего, подчеркивалось кардинальное различие между германскими и русскими идеалами: «какая бездна лежит между воззрениями двух арийских племен: славян и немцев!». С одной стороны — «наши писатели, проповедующие служение человечеству, видящие историческую миссию России в утверждении братства между народами, и рядом с этим громкие выкрики о расовом превосходстве германского племени»³⁴. «Наличность такого нравственно-высокого мотива в русской политической идеологии — факт первостепенной важности» в ситуации, когда в «великой исторической драме вновь перерабатываются идейные основы нашей жизни», указывал автор брошюры «Германская идея и русский идеал»³⁵. В основе идейного противостояния лежала «глубокая разница германской и русской истории», отмечал русский публицист. В Германии культуру «задушил империализм», поэтому там не существует больше «животворной» идеи³⁶. «Каждая эпоха человеческой жизни, каждый период национального развития имеют свои идеалы», писал Э. Д. Гримм, но в Германии прежний культ идеи уступил место «культу организованной силы»³⁷. «По-

³³ Андреев Л. Н. В сей грозный час. Петроград, 1915. С. 6, 11, 14-15.

³⁴ Кашкарев В. На пороге великих событий. (Замыслы Германии и задачи России). М., 1914. С. 71.

³⁵ Белоусов Е. П. Германская идея и русский идеал. Петроград, 1916. С. 15, 18.

³⁶ Коральник А. Германская идея // Русская мысль. 1914. Кн. XII. С. 46, 58-59.

³⁷ Гримм Э. Д. Пьяные илоты. Немецкие бесчинства и европейская культура // Русская мысль. 1914. Кн. VIII/IX. С. 87-88.

ражение же Германии, — а в это мы непоколебимо верим, — принесет нам торжество самых светлых человеческих идеалов», заключал автор одной из пропагандистских брошюр³⁸.

Можно согласиться с мнением, что под воздействием военной пропаганды в России формировалась определенная «антинемецкая идеология»³⁹. На ее основе, в противопоставлении с германскими идеалами, создавались представления о том, какими должны быть идеалы истинно русские. Вместе с тем очевидно, что антигерманские настроения не стали преобладающими в интеллигентной среде. Авторы многих выступлений на военные темы сумели сохранить трезвый подход, предпочитая строить новое национальное сознание на базе положительного утверждения собственных духовных ценностей, а не на развенчании чужих. Русские идеологи оказались в состоянии признать, что в Германии сложилось «некоторое цельное мировоззрение, претендующее на известный научный, социологический фундамент и на известное этическое оправдание». Но тот «враг, которого надо победить, не Германия, как таковая, а нечто большое и универсальное. Это — описанное выше мирозерцание и прикрывающийся им биологический ... национализм», предупреждал авторитетный российский правовед. «А этот враг не только в Германии»⁴⁰.

Как полагал П. Б. Струве, в основе «германской идеи» лежал «лейтмотив: Англия есть рок Германии»⁴¹. В этом с именитым либералом был готов согласиться даже его идеологический антипод — как писал В. М. Пуришкевич, «разыгрывается борьба между англосаксами и тевтонами», «борются две нации за идею мирового господства». А «новый германский империалистический идеал — разрушение Рима или Карфагена, каковым они считают Англию»⁴². На русском языке был опубликован сборник выступлений германских

³⁸ Наши враги. Вып. I. Германия. СПб., 1914. С. 4.

³⁹ Оболенская С. В. «Немецкий вопрос» и представления в России о немцах в годы Первой мировой войны // Россия и Германия. Вып. 2. М., 2001. С. 177-178.

⁴⁰ Покровский И. А. Сила или право? // Юридический вестник. 1914. Кн. VII/VIII. С. 8, 13.

⁴¹ Струве П. Б. Суд истории // Русская мысль. 1914. Кн. X. С. 168.

⁴² Пуришкевич В. М. Чего хочет Вильгельм II от России и Англии в великой борьбе народов. Петроград, 1916. С. 9, 16.

интеллектуалов, которые выступали с резко антианглийских позиций⁴³. Авторы аналогичного английского сборника представляли перед взором российского читателя в более благопристойном виде⁴⁴. Вместе с тем, особых иллюзий относительно руководящих британских идеалов в России не испытывали. «Основная идея, поставленная во главу угла государственной мудростью Англии в сфере отношений последней к другим державам, заключается в *охране целостности и нерушимости раскинувшейся по всем пяти частям света мировой империи*», указывал, в частности, И. М. Майский⁴⁵. Подразумевалось, что «русская идея» не могла иметь ничего общего с подобными идеалами.

Однако, несмотря на общую постановку вопроса о наличии у борющихся народов неких национальных идей, вопрос о содержании собственно «русской идеи» в либеральной публицистике практически не поднимался. Эпизодически его касались лишь критики «германской идеи», стремившиеся противопоставить ей специфически русский взгляд на мировые проблемы. Между тем, как утверждала Гиппиус, в начавшейся войне из всех вставших перед Россией вопросов необходимо было признать «первым и главным — вопрос русский». С самого начала войны «не ясно ли было, что думать следует о “*вопросе русском*”, остальные разрешатся сами...”⁴⁶. Либералы в основном ограничивались декларациями типа той, которая была сформулирована в программной статье нового еженедельника «Голос жизни»: «К призывам грубого национального эгоизма русская интеллигенция всегда была глуха. Мы органически не можем вдохновляться идеалом порабощения других народов, мы можем бороться и умирать только во имя вселенских целей»⁴⁷. А как полагал литературный сотрудник С.Ю. Витте, «мир, получив после войны способность видеть, сам найдет откровение в России»⁴⁸.

⁴³ См.: Чего ждет Германия от войны. Беседы с германскими общественными деятелями. Петроград, 1915.

⁴⁴ См.: Из-за чего мы воюем? Петроград, 1915.

⁴⁵ Майский И. М. Англия и Германия // Голос минувшего. 1916. № 1. С. 89.

⁴⁶ Гиппиус З. Н. Дневники. С. 44, 134-135.

⁴⁷ Туган-Барановский М. И. Русская интеллигенция и национализм // Голос жизни. 1915. № 1. С. 5.

⁴⁸ Демчинский Б. Н. Сокровенный смысл войны. Петроград, 1915. С. 69.

Наиболее заметным исключением на фоне общей идейной беспомощности либералов стал П.Б. Струве, олицетворявший бесхитростный российский либерал-империализм. Еще до войны он взял на вооружение выдвинутый П. А. Столыпиным лозунг «Великой России». В связи с этим Струве писал в 1908 г.: «Государственная мощь невозможна вне осуществления национальной идеи. Национальная идея современной России есть примирение между властью и проснувшимся к самосознанию и самодеятельности народом, который становится нацией». Примечательно, что самый «замечательный и поучительный пример» такого симбиоза он видел в Германии, где верховная власть в лице Бисмарка, «овладев национальной идеей», добилась примирения с народом. «Такова сила национальной идеи, нашедшей себе орудие в государстве, которое стремится увеличить свою мощь, — назидательно указывал Струве. — Или, наоборот, такова сила государства, поставившего себе на службу национальную идею. Это — две силы, которые, для того чтобы перевернуть судьбы народов, должны найти одна другую и действовать в полном союзе»⁴⁹.

После начала войны Струве заявил: «Мы ощутили себя в войне нацией и государством, русскими и Россией»⁵⁰. В ситуации столкновения с внешним врагом он выступил за слияние «между началом национальным и либеральным». «В России либерализм для того, чтобы быть сильным, не может не быть национальным. В национализации русского либерализма есть историческая необходимость», доказывал кадетский лидер⁵¹. Вернувшись к идее шестилетней давности, Струве провозгласил: «Великая Россия есть факт, но не только факт. Это идея и идеал, нечто не только осуществившееся, но и осуществляющееся». В его понимании «Великая Россия есть государственная формула России как национального Государства-Империи». Но одной «Великой России», тем более, скроенной по германскому образцу, в атмосфере 1914 г. было явно

⁴⁹ Струве П. Б. Великая Россия // Струве П.Б. *Patriotica*. М., 1997. С. 61-62.

⁵⁰ Струве П. Б. Чему война учит и к чему она обязывает // *Отечество*. 1914. № 4. С. 66.

⁵¹ Цит. по: Голлербах Е. А. К незримому граду: Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1919) в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000. С. 19.

недостаточно, поэтому Струве добавлял: «Кроме Великой России есть Святая Русь». В «Святой Руси мы выражаем факт и идею русской правды». И «мы верим в союз Великой России и Святой Руси»⁵². Этот странный гибрид германского по происхождению государственного идеала с мифом о священном православном царстве и стал наиболее оригинальным вкладом либеральной мысли в разработку новой «русской идеи».

В поддержку лозунгов Струве выступил ряд влиятельных в либеральной среде периодических изданий. Главным рупором «национал-либералов» стал редактируемый им московский журнал «Русская мысль». Относительно его позиции Струве однажды заметил: «*Русская мысль* никогда не отрицала своего духовного родства именно с английским империализмом, покоящимся на началах либеральных и демократических»⁵³. Ориентиры, таким образом, менялись, но по-прежнему заимствовались из-за рубежа. «Святая Русь» в пропагандистском арсенале либералов не прижилась, но зато первоначальная идея Струве дала название новому «журналу внешней политики и права», основанному в 1916 г. Положенную в его основу идею «Великой России» редакция журнала сформулировала таким образом: «Будущее России — в культурном подъеме ее духовных и материальных сил, в мирном завоевании на мировой арене того положения, которое необходимо ей для процветания всех населяющих империю многочисленных народностей»⁵⁴. Такая расплывчатая программа отражала настроения основной части либеральной интеллигенции. Характерна в этом смысле позиция кадетского публициста, который утверждал: «только победа над Германией откроет нам ту перспективу “великой” и вместе с тем национально-дружной России, которая будет нашим общим идеалом после этой борьбы»⁵⁵. Другой публицист этого круга уточнял: Это «не *отечественная* война, но война *национальная* или *исторически-национальная*». А та «*основная ценность, во имя которой*

⁵² Струве П. Б. Великая Россия и Святая Русь // Русская мысль. 1914. Кн. XII. С. 176-180.

⁵³ Струве П. Б. Джозеф Чемберлен // Русская мысль. 1914. Кн. VII. С. 16.

⁵⁴ От редакции // Проблемы Великой России. 1916. № 1. С. 2.

⁵⁵ Гредескул Н. А. Россия и ее народы. «Великая Россия», как программа разрешения национального вопроса в России. Петроград, 1916. С. 79.

начата наша война, есть историческая роль русской народности, которая в своем росте вышла за пределы племенного своего бытия и стремится к мировой роли»⁵⁶. Подобными декларациями вклад либералов в созидание новой национальной идеи и ограничивался.

II

Наполнение «русской идеи» новым содержанием под воздействием тех исторических испытаний, которым подверглась Россия в годы Первой мировой войны, стало делом почти исключительно того узкого круга мыслителей, которые составляли духовную элиту страны «серебряного века»⁵⁷. Можно согласиться с утверждением, что русский духовный ренессанс начала XX в. творили «люди самого высокого уровня умственной культуры, какой только знала Россия»⁵⁸. Русская философская мысль достигла к тому времени наивысшего расцвета. Главным ее достижением стала оригинальная философия истории, в рамках которой и был поставлен вопрос о всемирно-историческом предназначении России. К началу Первой мировой войны русская философско-историческая мысль прошла уже длительный путь развития и представляла собой вполне зрелое явление⁵⁹. Тогда же, «перед самой войной мы подошли к основным проблемам познания России в прошлом ее культуры», отмечал Г. П. Федотов⁶⁰. Вступление России в войну стало этап-

⁵⁶ Муретов Д. Д. Правда нашей войны // Русская мысль. 1915. Кн. VI. С. 7, 11.

⁵⁷ Подробнее об этом понятии см.: Носков В. В. «Война, в которую мы верим»: начало Первой мировой войны в восприятии духовной элиты России // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 326-327, 337. Отдаленную аналогию можно найти в произведенном Р. Дарнтоном разделении деятелей французского Просвещения на его «истеблишмент» и «низы» (см.: Дарнтон Р. Высокое Просвещение и литературные низы в предреволюционной Франции // Новое литературное обозрение. № 37. 1999).

⁵⁸ Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1991. С. 140, 159, 164.

⁵⁹ См.: Носков В. В. Первая мировая война и русская философия истории // Проблемы всемирной истории. Сб. статей в честь А. А. Фурсенко. СПб., 2000; Носков В. В. Первая мировая война и судьбы «научной» философии истории в России // Историк и революция. Сб. статей к 70-летию со дня рождения О. Н. Знаменского. СПб., 1999.

⁶⁰ Федотов Г. П. Сумерки Отечества // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 327.

ным событием в истории русского самосознания. Обсуждение поднятых войной проблем подняло русскую философскую мысль на новую высоту, ставшую кульминационной в духовном развитии исторической России. При характеристике взглядов мыслителей этого направления часто, но совершенно некритически употребляется понятие «славянофильство». Как представляется, оно вообще лишено смысловой определенности; а использование этого понятия при описании идейной атмосферы периода Первой мировой войны тем более неуместно. Точнее, хотя тоже очень условно, можно использовать определение «неославянофильство».

Несмотря на серьезные разногласия между ними, мыслители этого круга имели некое общее кредо, которое было сформулировано в издательском манифесте: «Книгоиздательство “Путь”, однако, ставит вне вопроса и сомнения общую религиозную задачу России и ее призвание послужить в мысли и в жизни всестороннему осуществлению вселенского христианского идеала»⁶¹. Начало мировой войны привело к сближению их основополагающих позиций, хотя разногласия сохранялись, а по целому ряду новых принципиальных вопросов, вставших перед русской мыслью в условиях войны, даже усилились. 6 октября 1914 г. наиболее видные деятели «Пути» приняли участие в открытом заседании московского Религиозно-философского общества, посвященном началу войны. Тогда же был создан лекционный комитет «Война и Культура», в состав которого вошло все руководство «Пути»⁶². Первым со своей лекцией выступил начинающий философ И. А. Ильин, заявивший, что в разразившейся войне «решается один вопрос: о нашем общем деле, о нашем общем духовном достоянии»⁶³. «Лекции эти, коих общая задача заключается в религиозном, философском и научном осознании настоящей войны, в ее отношении к мировой культуре, по прочтении их» печатались солидной издательской фирмой Товарищества И. Д. Сытина⁶⁴. В сытинской серии были опубликованы брошюры с тек-

⁶¹ Цит. по: *Голлербах Е. А.* К незримому граду. С. 153.

⁶² Там же. С. 249-259.

⁶³ *Ильин И. А.* Духовный смысл войны. М., 1915. С. 9-10, 22. См. также: *Ильин И. А.* Основное нравственное противоречие войны // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн. V.

⁶⁴ Серию брошюр под таким же названием — «Война и Культура» — публиковало также московское издательство Товарищества И. Н. Кушнерова

стами выступлений Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, И. А. Ильина, Е. Н. Трубецкого, В. Ф. Эрн. В марте 1915 г. на встрече руководства «Пути» с П. Б. Струве была достигнута договоренность о сотрудничестве обеих группировок в деле «оправдания национализма»⁶⁵.

Либеральный критик пытался возражать против того, что «философы-публицисты часто выдают свои личные взгляды за господствующие и общепринятые в России национальные идеи»⁶⁶. Со своей стороны, марксистский публицист отмечал, что «философия современного воинствующего национализма» (по его определению) получила гораздо большее распространение, чем «национал-либеральная идеология», которой в сколько-нибудь продуманном виде вообще не существовало. «Наследница старого славянофильства, подновленного задолго до войны трудами небольшой, но энергичной группы московских философов и публицистов, она встретила идейные запросы военного времени на заранее подготовленных и хорошо укрепленных позициях», писал он. «Неославянофильство» представляло «самое значительное, а, пожалуй, даже единственно значительное явление в том идеологическом кризисе, который создан войной на русской почве». Это «славянофильство представляется мне действительно самым глубоким выражением нашего национального духа», признавал его идейный оппонент⁶⁷. На фоне других идейных течений «московское славянофильство в полном расцвете и с каждым днем крепнет, — именно благодаря главным образом своему нравственному духу», констатировал В. В. Розанов⁶⁸.

Наибольшей активностью в пропаганде нового национального самосознания отличался идейный вдохновитель «Пути» Е. Н. Трубецкой. Незадолго до начала мировой войны он обозначил свои позиции выступлением с критикой «идеи русского национального

и К°, которое ставило перед собой несколько иную задачу: «дать широким массам ряд недорогих и доступных по языку и содержанию книжек, в которых можно было бы найти отклики на все события текущего момента».

⁶⁵ Голлербах Е. А. Указ. соч. С. 39-40.

⁶⁶ Слонимский Л. З. Критический момент // Вестник Европы. 1915. Кн. 7. С. 336.

⁶⁷ Базаров В. О современном идеологическом кризисе. Статья 1. Византийская ориентация общественного мнения // Современник. 1915. № 5. С. 158-160, 170; Статья 2. Византийство против «ново-европейской культуры» // Современник. 1915. № 10. С. 231-234.

⁶⁸ Цит. по: Голлербах Е. А. Указ. соч. С. 329-330.

мессианизма», выдвинутой его знаменитыми современниками — Н. А. Бердяевым С. Н. Булгаковым. «Так или иначе русский национальный мессианизм всегда выражался в утверждении русского Христа, в более или менее тонкой русификации Евангелия», отмечал Трубецкой. Сам он усматривал «противоречия в идее “русского Христа”», полагая, что существует лишь единая «вселенская христианская идея». «В идее “русского Христа” в одинаковой мере извращается и образ Христов, и русская национальная идея», утверждал Трубецкой, приходя к выводу, что прежнее увлечение «Россией воображаемой помешало нам рассмотреть как следует Россию действительную и, что еще хуже, русскую национальную идею». Он предлагал иной «путь, которым нужно идти, чтобы проникнуть в сущность русской религиозной идеи. Первый шаг в этом направлении должен заключаться в отречении от русского национального мессианизма», заключал Трубецкой⁶⁹.

После начала войны Е. Н. Трубецкой выступил с целой серией публицистических работ, в которых развил свое видение национального вопроса. «*Русский патриотизм стоит против немецкого национализма*» — в этом противопоставлении выделась ему суть развернувшегося конфликта. Тот же «национализм, который спорадически проявлялся у нас, не есть порождение русского народного гения, а всего только плохой перевод с немецкого», считал он. Нас, подчеркивал Трубецкой, «*объединяет цель не узко национальная, а сверхнародная*», поэтому «русский национальный и государственный интерес требует всеобщего освобождения народностей». С первых дней войны он призывал: «мы должны прежде всего отрешиться от варварского национализма»⁷⁰. «Борьба с узким национализмом не только в других, но и в нас самих должна стать нашим национальным делом», полагал русский мыслитель⁷¹. Владелица «Пути» писала ему: «теперь будет настоящий момент для твоих и общих наших идей!». «Такая нужна переоценка, так многое рухнуло и поколебалось, что необходимо го-

⁶⁹ Трубецкой Е. Н. Старый и новый национальный мессианизм // Трубецкой Е. Н. Избранное. М., 1997. С. 300-301, 305, 319, 323.

⁷⁰ Трубецкой Е. Н. Патриотизм против национализма // Трубецкой Е. Н. Смысл войны. М., 1914. С. 7-10. См. также: Трубецкой Е. Н. Развенчание национализма // Русская мысль. 1916. Кн. IV. С. 79-87; Трубецкой Е. Н. Новое язычество и его «огненные слова» // Русская мысль. 1916. Кн. VI. С. 93.

⁷¹ Трубецкой Е. Н. Мы должны победить в себе внутреннего «немца» // Кудряшов П. Идеиные горизонты мировой войны. С. 142.

рячо и твердо закладывать новый фундамент. Так важно и так радостно, что авторитет *современного* германизма рухнул». И «на этих развалинах так возможно и благоприятно водрузить знамя настоящей, истинной, религиозной русской культуры»⁷².

Выступая на заседании Религиозно-философского общества Трубецкой доказывал: «Не сила оружия, отдельно взятая, решает участь сражений, а та духовная сила, которая управляет оружием». «И этого достаточно, чтобы понять огромное значение идей в истории». «Волею судеб России навязывается освободительная миссия; и в этой миссии она находит самое себя, свое лучшее национальное я, именно тогда она становится сама собою». «Только тогда обретает она это совершенное единство и цельность, когда история ставит перед ней великую цель, которая приподнимает ее над нею самою, над ее национальным эгоизмом. России нужно чувствовать, что она служит не себе только, а *всему человечеству, всему миру*. Только тогда она несокрушимо верит в себя». «Мы сражаемся за *права национальностей* вообще, за самый национальный принцип в политике в полном его объеме», утверждал Трубецкой. Поэтому для России ее «важнейшая международная задача есть вместе с тем возвышенная нравственная и религиозная задача: ибо это — задача христианского разрешения национального вопроса». Но «если мы возведем нашу народность в кумир и в слепом превознесении запоем в русском переводе *Russland, Russland über alles*, — тогда и нас ждет та же участь, как и Германию», предупреждал он. Надо «противопоставить Германии иное, высшее культурное начало». «Широкое объединение национальностей во всех областях духовной жизни при сохранении особенностей каждой из них, — осуществление единства всемирной культуры в многообразии национальных выражений, — вот тот идеал, к которому мы должны стремиться», заключал Трубецкой⁷³. Война, указывал он, освободила Россию от германского духовного гнета: «День разрыва с Германией оказался для России днем величайшего национального самоопределения». «По контрасту русское народное самосознание поняло свою собственную задачу»⁷⁴.

⁷² Цит. по: Голлербах Е. А. Указ. соч. С. 248

⁷³ Трубецкой Е. Н. Война и мировая задача России. М., 1915. С. 5-7, 10-11, 22.

⁷⁴ Трубецкой Е. Н. Возрождение Польши и русский вопрос // Трубецкой Е. Н. Смысл войны. С. 40-42.

«Россия совершила огромный шаг в самосознании и в самопознании», говорил Трубецкой в одной из наиболее популярных своих лекций, и необходимо «теперь же закрепить в мысли то ценное, что есть в переживаемом нами духовном подъеме». «Именно теперь, в дни повышенного национального самосознания», «все русское ощущается нами иначе». Совершающееся на глазах «духовное пробуждение» открывает душе «невидимые храмы»⁷⁵. Особый успех выпал на долю лекции Трубецкого «Национальный вопрос, Константинополь и Святая София», которую зимой 1914–15 г. он читал в Петрограде и в Москве. «Волею судеб именно с этим храмом связано самое глубокое и ценное, что есть в нашей душе народной — центральная идея русской религиозности, а по тому самому и религиозная миссия России», полагал Трубецкой, подчеркнув особое значение «идеи святой Софии в русской религиозности». «Все вопросы русской жизни, поднятые настоящей войною, так или иначе завершаются этим одним, центральным вопросом, — удастся ли России восстановить поруганный храм и вновь явить миру погашенный турками светоч». «Тут мы имеем разительное доказательство значения идей в истории. Не для узконациональной эгоистической цели, а только во имя сверхнародного, общечеловеческого смысла Россия может получить в свое обладание Царьград и проливы». «Царьград неотделим от идеи христианского царства», заключал Трубецкой⁷⁶.

Возвращаясь к теме в самый канун Февральской революции, он заявил: «мы не должны делать государство, хотя бы и “национальное” государство — хозяином нашей совести». «Если для нас “превыше всего” — Россия, а для немцев — Германия, и нет над нами общей всему миру *сверхнародной* святыни, то нет у нас и общего языка для взаимного понимания», доказывал Трубецкой. «В великие минуты нашей истории перед Россией носится этот идеал мирообъемлющего храма». Поэтому необходимо сохранить Россию «не для нее одной, а для всего мира, для человечества»⁷⁷.

⁷⁵ Трубецкой Е. Н. Отечественная война и ее духовный смысл. М., 1915. С. 5-6, 21, 26, 30-32.

⁷⁶ Трубецкой Е. Н. Национальный вопрос, Константинополь и Святая София. М., 1915. С. 4-5, 27.

⁷⁷ Трубецкой Е. Н. Государственная мистика и соблазн грядущего рабства // Русская мысль. 1917. Кн. I. С. 93-94, 98.

Центральной фигурой рассматриваемой эпохи в развитии русской философии истории являлся С. Н. Булгаков. На начало войны он откликнулся «сумасшедшей», по его собственному признанию, статьей «Моя Родина», в основу которой была положена «идея священной царской власти», «божественная идея власти Божьей милостью»⁷⁸. «Совершилось чудо, и радостно умереть при этом “ныне отпускаеши”, — писал он 3 августа 1914 г. — Что бы ни было впереди, но мы увидали Русь, и она сама себя увидала! Это неотъемлемо и это бесценно!»⁷⁹. «Но Россия? Каковы ее исторические силы и задачи?», задавался вопросом русский мыслитель. «Никогда еще со времен московских, когда Русь впервые ощутила себя наследницей погибшей Византии, не ставился с такой остротой и силой этот вопрос, как ныне, когда ввергнут в хаос европейский мир. Никогда еще за свою историю Россия до такой степени не сближалась с Европой столь тесно... и одновременно так не противопоставлялась ей в своем самосознании», утверждал он в своем выступлении на заседании Религиозно-философского общества. «Совершается великий и в своем значении потрясающий факт: *мы опять поверили в Россию!*»⁸⁰.

Особое место в военном творчестве С. Н. Булгакова занимает лекция «Война и русское самосознание», прочитанная в декабре 1914 г. Развивая вечную для русской мысли тему «Россия и Европа», он стремился доказать, что их новое «единение возможно только на основе признания глубочайшего *духовного* различия между Россией и западной Европой»⁸¹. Для России, полагал он, неприемлема европейская «идея *прогресса и эволюции*», как и все «философское самосознание *новоевропейской эпохи*», его «юридизм» и «экономизм», «аморальная мораль борьбы интересов», «мещанское самочувствие», «рационализм мысли и жизни». Всемирная война означала для него «новый и великий этап в истории русского самосознания, именно в *духовном освобождении* русского духа от западнического идолопоклонства»; она призывала Россию к «*духовной самобытности*». «Только теперь впервые наступает время для нашего сознательного и свободного самоопределения

⁷⁸ Булгаков С. Н. Автобиографическое // Булгаков С. Н. Тихие думы. М., 1996. С. 337-340.

⁷⁹ Цит. по: Голлербах Е. А. Указ. соч. С. 247.

⁸⁰ Булгаков С. Н. Русские думы // Русская мысль. 1914. Кн. XII. С. 113-115.

⁸¹ Булгаков С. Н. Война и русское самосознание. М., 1915. С. 29.

в отношении к Европе», указывал Булгаков. Именно теперь русские «должны стать самими собой, должны осуществить себя самих». А Европе следовало отказаться от «органического непонимания русского духа, которое всего губельнее будет для самой же Европы». Однако тут же следовало предупреждение: «Национальность есть высшая ценность, но не последняя: она необходимо лежит на пути к вселенскому самосознанию, но не должна от него отвращать». «Миру должна быть явлена мощь русского духа», но «иное служение миру ждётся от России, иной подвиг, — не битвы, но спасающей любви и веры»⁸².

Верность занятой в начале войны позиции С. Н. Булгаков сохранил на всем ее протяжении. Война, повторял он в канун Февральской революции, «обострила самые основные и глубокие вопросы нашего национального бытия, а в частности и нашего самоопределения в отношении к Европе». В ходе войны «одна идея уже провалилась окончательно и несомненно: — это идея автоматического, закономерного прогресса». Дело шло о полном «пересмотре идеалов новоевропейского гуманизма», на смену которому грядет «не наставшая еще эпоха, когда должна до глубины раскрыться творчески русская душа и вполне выявиться русская идея»⁸³. Национальная идея ставилась им в тесную взаимосвязь с имперской, что было одной из тем, активно обсуждавшихся в военной публицистике. Как полагал русский мыслитель, «для понимания характера войны и ее значения, прежде всего, надо всматриваться в духовный лик Германии, Англии и России». Три великие империи несли миру свои идеи, различия которых наглядно проявились в мировой войне. Относительно России Булгаков замечал: «мы имеем империю, но лишены духа империализма»⁸⁴.

Другой видный деятель русского философского возрождения, В. Ф. Эрн, также обратился к размышлениям о всемирно-исторической миссии России и о «русской идее» еще в довоенные

⁸² Там же. С. 10-11, 17-19, 28, 42, 52-53, 56, 59. См. также: *Аскольдов С.* Отзвуки славянофильства в годы войны // *Русская мысль*. 1916. Кн. III.

⁸³ *Булгаков С. Н.* Человечность против человекобожия // *Русская мысль*. 1917. Кн. V/VI. С. 16, 29-31. См. также: *Булгаков С. Н.* На пиру богов // *Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России*. М., 1992. С. 110.

⁸⁴ *Булгаков С. Н.* Три империи // *Великая война в образах и картинах*. 1916. Вып. X. С. 50-56.

годы⁸⁵. В своей знаменитой речи, произнесенной на заседании Религиозно-философского общества, он выразил убеждение, что начавшаяся война «есть в своей глубочайшей духовной сути столкновение *всемирно-исторических начал*». Острие своей критики Эрн направил против «начал» германского духа, утверждая, что «бурное восстание германизма предрешиено *Аналитикой* Канта». «От Эккарта к Канту шел великий процесс внутреннего осознания германской идеи. От Канта началась сложнейшая реализация осознанной идеи в плане исторического бытия»⁸⁶. Теперь же эта гордая, «материальная, внешняя идея германская сталкивается со смиренной, духовной и внутренней идеей русской»⁸⁷. Отметив, что «в беспрецедентных битвах, каких не знала еще история, рождается новое постижение мира», Эрн подчеркивал, что «вопрос о России» вставал теперь с большей остротой, чем когда-либо прежде. «Никогда Россия не попадала в более ответственное положение. Никогда не требовалось от нее большего духовного напряжения и большей верности своему идеальному существу». Наступило «время, когда Россия должна сказать свое мировое слово»; когда мы должны «нашим народным разумом перерешить все вопросы европейской культуры, произвести мировой синтез накопившихся противоречий, и этот синтез должен лечь в основу чаемого, верим, ослепительного расцвета русского дела», утверждал русский философ. Но при этом он отмечал, что в России наступила «некоторая идейная растерянность: мысль не поспевает за потоком новых коренных изменений и не может охватить огромного смысла стремительно несущихся событий»⁸⁸.

Война, писал Эрн, породила «совсем особое и новое чувство России»⁸⁹. Она означала «всемирно-историческое столкновение народов и движущих ими идей», в котором «русская идея всечеловечности загорается небывалым светом над потоком всемирных событий». «Россия в глубине своей проникнута вселенской идеей, которая составляет скрытый закон ее духовного существования и которая кон-

⁸⁵ Шерпер Ю. Неославянофильство и германофобия: Владимир Францевич Эрн // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 89, 93-94. См. также: Шерпер Ю. Владимир Францевич Эрн // Эрн В. Ф. Сочинения. М., 1991. С. 6-8.

⁸⁶ Эрн В. Ф. От Канта к Крупну // Русская мысль. 1914. Кн. XII. С. 116, 122.

⁸⁷ Эрн В. Ф. Меч и Крест. М., 1915. С. 5.

⁸⁸ Эрн В. Ф. Голос событий // Эрн В. Ф. Меч и Крест. С. 8-11.

⁸⁹ Эрн В. Ф. Общее дело // Там же. С. 68.

кретно воплощается в запечатленной и не явленной яви Руси Святой, — в этой центральной народной святыне и в этой духовной основе всех высших явлений самостоятельной и творческой русской культуры», писал Эрн. «“Святая Русь” — не концепт народной идеологии, не кантовская “регулятивная” идея национального русского сознания, а совершенно конкретная, мистическая реальная святыня умного делания народа и его духовного бытия», пояснял он⁹⁰.

Своеобразный мыслитель В. В. Розанов всегда стоял особняком в русском философском сообществе, но с началом войны он выступил в унисон с «неославянофилами». Свое кредо военного времени Розанов сформулировал таким образом: «Любить, верить и *служить* России — вот программа»⁹¹. В своих заметках о первых месяцах войны он отмечал: ничего «нет поучительнее и интереснее, как наблюдать нашу умственную жизнь сейчас». «Отечество вдруг представилось колоссальным складом высших идеальных ценностей». В его понимании, началась «не только племенная борьба с германским миром, а и культурное возрождение России, возрождение на исконных русских началах». «В сущности, в мире оставалось, идейно и всячески, три колосса — Россия, Германия и Англия», писал Розанов. Но цивилизованная Европа «уже втянулись в рамки того сухого и циничного существования, когда вообще ничего не делается ради идеала»⁹². Россия же вступила на «путь новых идеалов», поэтому за нею оставалось последнее слово в этой великой «культурной борьбе».

Книга Розанова породила бурную дискуссию, отразившую идейное размежевание в стане русских мыслителей. С ее резкой критикой выступил Н. А. Бердяев, занимавший особую позицию по всем поднятым войной проблемам. За Розанова вступился В. Ф. Эрн, публично давший резкую отповедь Бердяеву. С. Н. Булгаков, поблагодарив автора за «прекрасную книжку», писал: «Это *истинно* русские чувства и слова, и любовь к народу и солдату, и понимание, и единственное по

⁹⁰ Эрн В. Ф. Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия. М., 1915. С. 7, 35, 43.

⁹¹ Розанов В. В. Мимолетное. М., 1994. С. 42.

⁹² Розанов В. В. Война 1914 года и Русское Возрождение. Петроград, 1915. С. 38-41, 69, 103-104.

художественной силе выражение»⁹³. Оппоненты Розанова и его единомышленников возмущались тем, что «люди из его лагеря присвоили себе монополию на любовь к России и русскому народу»⁹⁴. Но даже критики были вынуждены признать, что «если выбросить из книжки специфические Розановские выходки, оставшееся будет представлять из себя отображение мыслей, стремлений и, главным образом, настроения большинства современного общества»⁹⁵.

В годы мировой войны состоялись первые выступления представителей нового поколения русских мыслителей, которым впоследствии суждено было стать основоположниками идеологических течений, во многом продолживших дело «неославянофилов» военного времени. В частности, будущий теоретик евразийства П. Н. Савицкий писал: «империя создается всегда под покровом национальной идеи одной определенной нации». В этом корни «столкновения империалистических идей в 1914 году»⁹⁶. Н. В. Устрялов, идеолог «Смены вех», призвал «заботиться о сегодняшнем дне, а не увлекаться прозрениями в последние свершения и конечные цели. Можно с уверенностью сказать, что если бы человечество беспрестанно думало лишь о высших своих идеалах, то идеалы эти не были бы никогда достигнуты и все надежды на их достижение пришлось бы оставить», полагал он. В марте 1916 г. Устрялов заявил на заседании Религиозно-философского общества: «Если каждый народ является специфическим, *своеобразным* выразителем общечеловеческой истины... то возможно говорить и о градациях, о различных ступенях в сфере национальных миссий, о более совершенных, высших, и о менее совершенных, низших национальных идеях»⁹⁷. По мнению очевидца, на этом заседании впервые прозвучала «*русская постановка русской национальной проблемы* не только в отношении старых славянофилов... но и в отношении современных нам идейных наслед-

⁹³ С. Н. Булгаков — В. В. Розанову, 27 ноября 1914 г. // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 154.

⁹⁴ Гусин В. П. В. В. Розанов. «Война 1914 г. и Русское Возрождение» // Летопись. 1916. № 1. С. 424.

⁹⁵ Березин П. В. В. Розанов. Война 1914 года и Русское Возрождение // Современник. 1915. № 5. С. 291.

⁹⁶ Савицкий П. Н. Борьба за империю // Русская мысль. 1915. Кн. I. С. 56-57, 65.

⁹⁷ Цит. по: Голлербах Е. А. Указ. соч. С. 408-409.

ников славянофильства». Выступление Устрялова было воспринято как призыв к тому, чтобы «русский национальный вопрос был поставлен не только как систематически-философский вопрос, но и как вопрос конкретно-политический»⁹⁸.

К числу творцов духовного возрождения начала XX в. относился также оригинальный религиозный философ С. Л. Франк. Но если в довоенный период он нередко выступал солидарно с будущими «путейцами», то после начала войны Франк оказался вне основного течения русской философской мысли, поменявшись местами с Розановым. Как свидетельствует полемика вокруг сборника «Вехи», Франк отводил идеям ключевую роль во всемирно-историческом процессе. По его убеждению, «в мире нет ничего сильнее идей»; а «идея», осознавшая себя вера, или — что то же — признание абсолютных ценностей — есть великая жизненная потенция⁹⁹. Поэтому он с готовностью разделял общее убеждение в том, что «нынешняя великая война есть война не одних лишь интересов, но и идей и принципов»¹⁰⁰.

Вместе с тем, Франк демонстрировал несколько иной подход к происходившим событиям и их идейной подоплеке, чем «неославянофилы», выступая с позиций, близких декларативному «либеральному национализму» à la Struve. Он писал, в частности: «Мировая война, которая была навязана русскому государству извне, против его воли, еще в гораздо большей мере явилась неожиданностью для общественного мнения и в известном смысле застала врасплох сложившееся и господствующее умонастроение интеллигентных кругов общества. В Германии общественное мнение десятилетиями упорно и систематически воспитывалось в идее войны». Там «идея войны была идеей привычной, понятной, популярной, укорененной в самих основах мирозерцания». «Совсем иначе в России»: «война представлялась среднему русскому мыслящему человеку чем-то ненормальным, противоестественным, несовместимым со всеми привычными идеями». Поэтому столь трудной оказалась для русских мыслителей задача *«идейного оправдания*

⁹⁸ Там же. С. 158-159.

⁹⁹ Франк С. Л. Культура и религия // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 561-563.

¹⁰⁰ Франк С. Л. О духовной сущности Германии // Русская мысль. 1915. Кн. X. С. 17.

войны». Указав на «дефект той славянофильской концепции войны, которая развита преимущественно в речах С. Н. Булгакова и В. Ф. Эрна», Франк воспринимал конфликт с Германией как «войну за восстановление таких отношений и понятий, при которых возможно свободное развитие всеевропейской культуры во *всех* ее национальных выражениях»¹⁰¹.

Франк признавал, что в условиях войны произошло «возрождение *идеи национальности*». И это «возрождение живой силы идеи национальности... ставит на очередь пересмотр старого спора между славянофильством и западничеством». Свойственный западничеству космополитизм, признавал он, опровергался тем фактом, что «каждая нация в этой войне выступает со своим особым, характерным культурно-нравственным лицом»¹⁰². Но точно также Франк дистанцировался и от любых разновидностей «славянофильства». В противовес господствовавшему мнению, в «серьезных, спокойно и вдумчиво написанных книгах Трельча, Мейнеке» он видел лишь стремление «разъяснить смысл “германской идеи”»¹⁰³. От разъяснения смысла «русской идеи» С. Л. Франк воздержался.

III

Крупнейший вклад в развитие «русской идеи» в период Первой мировой войны внес Н. А. Бердяев, занимавший уникальное место в истории русского духовного возрождения. На исходе жизни он писал, что к концу XIX в. в русском обществе преобладало «глубокое разочарование в путях истории и неверие в существование еще исторических задач. Это был срыв русской идеи». Однако «русские искания XIX в. и начала XX в. свидетельствуют о существовании русской идеи, которая соответствует характеру и призванию русского народа». При этом, по его убеждению, «германская и русская идеи — противоположны»¹⁰⁴. Эту мысль он впервые сформулировал в книге «Смысл творчества», завершённой накануне мировой

¹⁰¹ Франк С. Л. О поисках смысла войны // Русская мысль. 1914. Кн. XII. С. 125-126, 129-131.

¹⁰² Франк С. Л. Идеиные влияния войны // Отечество. 1915. № 9. С. 3-4

¹⁰³ Франк С. Л. Мобилизация мысли в Германии // Русская мысль. 1916. Кн. IX. С. 23.

¹⁰⁴ Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 224, 266-268.

войны, в «период реакции против московской православной среды». В ней, вспоминал Бердяев, «впервые нашла себе выражение моя оригинальная философская мысль»¹⁰⁵. По его убеждению, «кризис культуры с особенной остротой переживается русским гением». А «старые расы Европы уже сказали свое слово. Русский мессианизм должен быть признан и западным человеком»¹⁰⁶.

До войны Бердяев разошелся с «путейцами», однако после ее начала вновь пошел на сближение с ними, хотя продолжал сохранять самостоятельность позиций. Одно из его наблюдений помогает лучше понять суть идейных исканий, происходивших в воюющей России: есть «петербургский провинциализм, как есть московский провинциализм». И «эти петербургские мысли, как и мысли московские, не возвысились еще до значения общенационального, общенародного»¹⁰⁷. «“Идея” новой России должна быть выше всех старых доктрин, платформ, партийных и направленных разделений», — такова была его собственная исходная установка¹⁰⁸. «Требования, которые ставит России мировая война, должны привести к радикальному изменению сознания русского человека», полагал он¹⁰⁹. Наступило время, «когда мы должны перейти к более зрелым формам национального самосознания»¹¹⁰.

«Мировая война остро ставит вопрос о русском национальном самосознании. Русская национальная мысль чувствует потребность и долг разгадать загадку России, понять идею России, определить ее задачу и место в мире», писал Бердяев в наиболее известном своем произведении военной поры. В этой «великой, поистине мировой брани Россия не может не осознать себя», но новое «само-

¹⁰⁵ Бердяев Н. А. Самопознание. С. 211-212.

¹⁰⁶ Бердяев Н. А. Смысл творчества. М., 1916. С. 317. См. отклик В. В. Розанова на эту мысль: Идея «мессианизма». По поводу книги Н. А. Бердяева «Смысл творчества» // Н. А. Бердяев: pro et contra. Кн. 1. СПб., 1994. С. 276-279.

¹⁰⁷ Бердяев Н. А. Новое христианство // Н. А. Бердяев о русской философии. Свердловск, 1991. Ч. 2. С. 147.

¹⁰⁸ Бердяев Н. А. Старая и Новая Россия // Кудряшов П. Идейные горизонты мировой войны. С. 167.

¹⁰⁹ Бердяев Н. А. О власти пространств над русской душой // Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 66.

¹¹⁰ Бердяев Н. А. Азиатская и европейская душа // Там же. С. 57-58, 61.

сознание России должно быть прежде всего освобождением от подвластности и порабощенности у собственной национальной стихии»¹¹¹. «Национализм новейшей формации есть несомненная европеизация России», считал он. «Сверхнационализм, универсализм» — «существенное свойство русского национального духа». «Мессианское сознание не есть националистическое сознание; оно глубоко противоположно национализму; это — универсальное сознание», утверждал Бердяев¹¹². «Христианское мессианское сознание может быть лишь сознанием того, что в наступающую мировую эпоху Россия призвана сказать свое новое слово миру, как сказал его уже мир латинский и мир германский». «Такое пророческое чувство не исключает великого избрания и предназначения других народов; оно есть лишь продолжение и восполнение дел, сотворенных всеми народами христианского мира», пояснял русский мыслитель. «Апокалиптическая настроенность глубоко отличает русскую мистику от мистики германской, которая есть лишь погружение в глубину духа и которая никогда не была устремлением к Божьему граду, к концу, к преображению мира», продолжал Бердяев. «Здесь тайна русского духа. Дух этот устремлен к последнему и окончательному, к абсолютному во всем»¹¹³. Разгадать тайну России, подчеркивал он, можно лишь признав «антиномичность России, жуткую ее противоречивость. Тогда русское самосознание освобождается от лживых и фальшивых идеализаций... равно как и от бесхарактерного космополитического отрицания и иноземного рабства». «Русское национальное самосознание должно полностью вместить в себя эту антиномию: русский народ по духу своему и по призванию своему сверхгосударственный и сверхнациональный народ, по идее своей, не любящей “мира” и того, что в “мире”, но ему дано могущественнейшее национальное государство для того, чтобы жертва его и отречение его были вольными, были от силы, а не от бессилия», заключал Бердяев¹¹⁴.

Все «национальное своеобразие России заключено в том, что ее национальная индивидуальность исключает национализм. Россия

¹¹¹ Бердяев Н. А. Душа России. М., 1915. С. 3, 26.

¹¹² Там же. С. 13, 28. Подробнее см.: Бердяев Н. А. Национализм и мессианизм // Бердяев Н. А. Судьба России. С. 102-107.

¹¹³ Бердяев Н. А. Душа России. С. 31, 36-37.

¹¹⁴ Там же. С. 6, 42.

наиболее национальна, когда она наименее националистична», писал он в одной из статей начального периода войны¹¹⁵. «Разным народам предназначено раскрывать разные стороны истины. Но всякое достижение истины по существу сверхнациональное». Поэтому наше «мышление не должно быть нарочито и надуманно русским». Ведь «мы наиболее национальны, наиболее русские, когда ищем из своей глубины правды и истины, а не тогда, когда только русское провозглашается истинным и праведным, а германское — ложным и греховным», подчеркивал Бердяев¹¹⁶. Наоборот, это «германизм, одержимый идеей своей исключительной культурной миссии, несет свою замкнуто-европейскую и замкнуто-германскую культуру... никого и ничего в мире не признавая». Поэтому «германской Европе не может принадлежать мировое господство, ее идея — не мировая идея. В русском духе заключен большой христианский универсализм, большее признание всех и всего в мире», убеждал он¹¹⁷.

Привычные для русской интеллигенции «теории оказались бессильны перед грозным лицом всемирно-исторического фатума», констатировал Бердяев. «Широким кругам интеллигенции война несет сознание ценности своей национальности, ценности всякой национальности, чего она была почти совершенно лишена», продолжал он. Ей следовало «признать реальность нации и ценность национально-исторических задач». И прежде всего признать, что Россия «есть самостоятельная ценность в мире, не растворимая в других ценностях»¹¹⁸. В новой исторической ситуации требовалась «совершенно самостоятельная и новая работа мысли, усилие творческого духа. Но наша национальная мысль очень мало об этом думает или думает по старым шаблонам, по привычным категориям», писал Бердяев. Между тем, новая эпоха требовала «органического соединения национального сознания с сознанием универсальным, т. е. определения мирового призвания национальностей»,

¹¹⁵ Бердяев Н. А. Идея империализма и наше призвание // Кудряшов П. Идейные горизонты мировой войны. С. 135.

¹¹⁶ Бердяев Н. А. К спорам о германской философии // Русская мысль. 1915. Кн. V. С. 119-120.

¹¹⁷ Бердяев Н. А. Религия германизма // Бердяев Н. А. Судьба России. С. 172-174.

¹¹⁸ Бердяев Н. А. Война и кризис интеллигентского сознания // Там же. С. 43-47.

указывал он. «Подлинное национальное самосознание ставит бытие нации в перспективу мировой истории, оно преодолевает провинциализм национальной жизни и национальных интересов. Зрелое национальное сознание есть также сознание всемирно-историческое», заключал Бердяев¹¹⁹.

Пока же, полагал он, и наши «националисты и наши космополиты находятся во власти довольно низких понятий о национальности, они одинаково разобщают бытие национальности с бытием единого человечества». «Национальное единство глубже единства классов, партий и всех других преходящих исторических образований в жизни народов», утверждал русский мыслитель. «Всечеловечество раскрывает себя лишь под видами национальностей. Денационализация, проникнутая идеей интернациональной Европы, интернациональной цивилизации, интернационального человечества, есть чистейшая пустота, небытие», продолжал он. «Реальность всечеловечества зависит от реальности России и других национальностей». «Космополитическое отрицание России во имя человечества есть ограбление человечества». «Россия — творческая задача, поставленная перед всечеловечеством, ценность, обогащающая мировую жизнь». «Путь к всечеловечеству для каждого из нас лежит через Россию», указывал Бердяев¹²⁰. А в «основу русской идеи легло сознание русского человека, как всечеловека», напоминал он¹²¹.

Вместе с тем, Бердяев предупреждал: «Для России представляет большую опасность увлечение органически-народными идеалами, идеализацией старой русской стихийности, старого русского уклада народной жизни, упоенного натуральными свойствами русского характера. Такая идеализация имеет фатальный уклон в сторону реакционного мракобесия. Мистике народной стихии должна быть противопоставлена мистика духа, проходящего через культуру»¹²². «Идея святой Руси имела глубокие корни, но она заключала в себе и нравственную опасность для русского человека, она нередко рас-

¹¹⁹ Бердяев Н. А. Задачи творческой исторической мысли // Там же. С. 127-129, 132-134.

¹²⁰ Бердяев Н. А. Национальность и человечество // Там же. С. 93-94, 97, 99-101.

¹²¹ Бердяев Н. А. Национализм и империализм // Там же. С. 116

¹²² Бердяев Н. А. Темное вино // Там же. С. 54

слабляла его нравственную энергию, парализовала его человеческую волю и мешала его восхождению», писал он в другой статье¹²³.

Западников «вдохновляла всегда космополитическая идея», отмечал Бердяев, и только «у славянофилов была национальная идея». Но в отличие от них он призывал к тому, чтобы «Россия окончательно отказалась от той пугающей и отталкивающей идеи, что “славянские ручьи сольются в русском море”», т. е. признала вечные права за всякой национальной индивидуальностью и относилась к ней, как к самоценности». «В основу славянской идеи, как и вообще в основу русской мессианской идеи, можно положить лишь русский духовный универсализм, русскую всечеловечность, русское искание Града Божьего, а не русскую национальную ограниченность и самодовольство, не русский провинциализм», полагал Бердяев. «Нужна новая славянская и новая русская идея, идея творческая, обращенная вперед, а не назад». Нужно было «заставить увидеть нашу “идею”, которую мы несем миру»¹²⁴.

Принципиальное значение имела статья Н. А. Бердяева «Идеи и жизнь. Об отношении русских к идеям», опубликованная в 1-й книжке «Русской мысли» за 1917 г. Подводя безрадостные итоги идейным исканиям русского общества в годы войны, он констатировал: «одним из самых печальных фактов нужно признать равнодушные к идеям и идейному творчеству, идейную отсталость широких слоев русской интеллигенции». «Любили у нас лишь катехизисы, которые легко и просто применялись ко всякому случаю жизни». «Наша общественная мысль была нарочито примитивной и элементарной, она всегда стремилась к упрощению и боялась сложности. Русская интеллигенция всегда исповедывала какие-нибудь доктрины, вмещающиеся в карманный катехизис, и утопии, обещающие легкий и упрощенный способ всеобщего спасения». «Идеи, которые многим еще продолжают казаться “передовыми”, в сущности очень отсталые идеи, не стоящие на высоте современной европейской мысли», отмечал Бердяев. «Интеллигентная и полуинтеллигентная масса питается и живет старым идейным хламом». И эта «идейная убогость» оказалась роковой для России. «Нельзя было подойти к мировой трагедии с запасом старых просветительских идей». «Если

¹²³ Бердяев Н. А. О святости и честности // Там же. С. 77

¹²⁴ Бердяев Н. А. Славянофильство и славянская идея // Там же. С. 137-142.

у нас не было достаточной материальной подготовленности к войне, то не было и достаточной идейной подготовленности. Традиционные идеи, десятки лет у нас господствующие, совершенно не пригодны для размеров разыгравшихся в мире событий», продолжал русский мыслитель. «В самый трудный и ответственный час нашей истории мы находимся в состоянии идейной анархии», вызванной «омертвлением мысли консервативной и революционной, идей правых и левых». Необходимо было перейти в «иное идейное измерение». Бердяев был убежден, что в «мировой борьбе народов русский народ должен иметь свою идею». «Русские не могут удовлетвориться отрицательной идеей отражения германского милитаризма и одоления темной реакции внутри. Русские должны в этой борьбе не только государственно и общественно перестроиться, но перестроиться идейно и духовно»¹²⁵. «Борьба идет на духовных вершинах человечества, там определяется судьба человеческого сознания, есть настоящая жизнь мысли, жизнь идей», предупреждал соотечественников Бердяев, подчеркнув: идея «раскрывается в личности, а не в коллективе, и народная мудрость раскрывается на вершинах духовной жизни личностей, выражающих дух народный»¹²⁶.

* * *

По мнению германского историка, «Россия во время Первой мировой войны не представляла собой нации, по крайней мере, нации, скрепленной изнутри». «Объединяющего, общепризнанного и всеми принятого национального мотива, который мог бы стать исходной точкой в формировании общенационального самосознания, в становлении *imagined community*, не существовало. Напротив того, в разгар Первой мировой войны Россия лицом к лицу столкнулась с кризисом национальной идентичности, который способствовал распаду страны в ходе революции и гражданской войны»¹²⁷. В целом, с такой оценкой можно согласиться. Остается только вопрос, а возможно ли было появление такого «общепризнанного и всеми принятого национального мотива»? Как представляется, это было невозможно в принципе, как невозможно и в наше время. Ни тогда, ни

¹²⁵ Бердяев Н. А. Об отношении русских к идеям // Там же. С. 81-83, 86-89.

¹²⁶ Там же. С. 84, 87.

¹²⁷ Ян Х. Указ. соч. С. 130-131.

сейчас Россия не достигла той степени национальной зрелости, которая позволила бы создать полноценное государство. Этим и объясняются усиленные поиски «русской идеи», которые резко активизируются в кризисные моменты истории страны. Народы, которые обрели свою национальную идею, этим уже не занимаются.

В период Первой мировой войны Россия подводила итог своего исторического существования. Она достигла вершин в своем интеллектуальном и духовном развитии, но начавшаяся в 1917 г. революция прервала дальнейшее восхождение. После Февраля 1917 г. сменявшим друг друга у власти интеллигентским группировкам нечего было предложить стране, кроме набора примитивных лозунгов. Национальные задачи России и ее роль во всемирно-историческом процессе так и не были осознаны за пределами чрезвычайно узкого круга мыслителей, более всего продвинувшихся по пути национального самопознания. Их идейное наследие, наряду с достижениями эмигрантской мысли, сохраняет свое непреходящее значение, поскольку только опора на него позволяет сделать следующий серьезный шаг в познании «русской идеи». Высшие достижения русской мысли всегда оставались достоянием узкого круга духовной элиты, но не массового национального сознания и даже не сознания политической элиты. Строго говоря, развитого национального сознания, способного адекватно воспринять откровения русского гения, в России так и не сложилось. Интеллектуальная история Первой мировой войны доказывает это со всей наглядностью. Можно говорить только о степени распространенности выдвинутых в военную пору идей. Несомненным представляется то, что они имели значительно более широкое хождение, чем зачаточные формы «русской идеи» во времена славянофилов или В. С. Соловьева.

Основным каналом пропаганды нового национального самосознания являлись печатные органы, ориентированные на «прогрессивную» интеллигенцию. Центральное место среди них занимал журнал «Русская мысль». Нередко использовались также специализированные журналы («Вопросы философии и психологии», «Юридический вестник»). Особенностью военного времени, когда «газета убила книгу», стало резкое увеличение публикаций соответствующей направленности в ежедневной прессе («Биржевые ведомости» в Петрограде; «Голос Москвы», «Русские ведомости», «Утро России» в Москве). Тираж одной из таких газет, «Рус-

ское слово», в начале войны достигал 550 тысяч¹²⁸. Использование газет означало выход на массового читателя, но не на основные массы населения, тем более, что далеко не каждый читатель становился адептом нового откровения. Наряду с использованием максимально широкого круга традиционных изданий в годы войны практиковалось создание новых органов печати («Отечество», «Голос жизни», «Проблемы Великой России»); осуществлялись специальные публицистические проекты, серийные издания, рассчитанные на более широкие читательские круги, помимо интеллигенции. Наиболее показательным примером стало осуществление Товариществом И. Д. Сытина издательского проекта «Война и Культура». Вышедшая в этой серии брошюра Е. Н. Трубецкого «Смысл войны» была даже рекомендована для школьного чтения¹²⁹. Публиковалось также большое количество коллективных и авторских сборников статей. В частности, все мыслители, которые внесли тогда наибольший вклад в развитие «русской идеи», опубликовали за годы войны книги (часто не одну) с изложением своих взглядов. И, наконец, необходимо учитывать их лекционную деятельность, охватывавшую не только столицы, но и провинцию. Центром формирования нового национального самосознания закономерно стала Москва. Официальный Петроград заметно отставал в этом отношении.

Несмотря на то, что в период Первой мировой войны национальная идеология получила более широкое, чем в довоенное время, распространение, проповедь нового национального самосознания охватывала сравнительно немногочисленные круги образованного русского общества. Массовое же сознание населения определялось преимущественно через политическую публицистику, направленную правительственную и антиправительственную пропаганду, листовки и иные средства специального воздействия на массовое сознание — и на подсознание (в том числе новые технические средства, в первую очередь кинематограф). Именно они сыграли определяющую роль в формировании общественных представлений основной массы населения. Поэтому «русская идея» времен Первой мировой войны осталась достоянием лишь узкого круга мыслителей и их последователей, прекрасным памятником русской мысли. Она оказала замет-

¹²⁸ Голлербах Е. А. Указ. соч. С. 256.

¹²⁹ Там же. С. 259.

ное влияние только на эмигрантскую мысль, в которой «русская идея» получила дальнейшее развитие. Но и эта мысль, обеспечив преемственность в развитии «русской идеи» вплоть до наших дней, оставалась узко элитарной. Массы, в том числе интеллигентские, всегда предпочитали простенькие лозунги и доктрины, не требовавшие интеллектуальных усилий для их усвоения. Русский народ просто не созрел до своей идеи.

Большой познавательный интерес представляет сопоставление процессов поиска национальной идеи в России и в других странах. Наиболее активно этот процесс шел в Германии, которая достигла высокого уровня духовного развития, но оказалась побежденной в столкновении материальных сил. Поисками «германской идеи» в этот период занимались лучшие умы Германии: А. и М. Веберы, В. Вундт, Ф. Мейнеке и, особенно, О. Шпенглер, книга которого «Пруссачество и социализм» может быть признана классикой жанра. Касаясь проблемы «Россия и Запад», германский мыслитель отмечал: «здесь есть различие не двух народов, но двух миров». Как бы глубоко ни было «противоречие между англичанами, немцами, американцами и французами, но перед русским началом они немедленно смыкаются в один замкнутый мир», поэтому разницу «между русским и западным духом необходимо подчеркивать самым решительным образом». Трагедия России, по его мнению, заключалась в том, что ее «неразвитому сознанию» были привиты западные «государственные идеи». А «великий мировой вопрос, который ныне ставится Западом» — «выбор между прусской или английской идеей, социализмом и капитализмом, государством и парламентом» — «имеет значение лишь для поверхностного слоя России»¹³⁰.

Усиленные поиски своего национального «я» велись также в Италии и Испании, попавших в сферу влияния германской философии и также потерпевших исторические неудачи. Испания проиграла свою войну Соединенным Штатам еще раньше, и в период Первой мировой войны ее духовная жизнь определялась «поколением 98-го года». Именно в эти годы появились наиболее яркие произведения Х. Ортеги-и-Гассета, в которых он размышлял об исторических судьбах своей родины. Великий испанский мыслитель писал, в частности: «Испания и Россия — два полюса великой

¹³⁰ Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М., 2002. С. 147-149, 154.

европейской оси. При всех различиях их сближает то, что обе страны оказались населены расой-народом, иначе говоря, они всегда испытывали недостаток в выдающихся личностях. Славяне — это могучее народное тело, над которым едва подрагивает крошечная детская головка. Разумеется, некогда избранное меньшинство имело положительное влияние на жизнь русских, но по малочисленности ему так и не удалось справиться с необъятной народной плазмой. Вот откуда аморфность, расплывчатость, закоренелый примитивизм русских людей»¹³¹.

Еще более активно искали свою «идею» в Италии, которая оказалась «побежденной среди победителей». Здесь во время мировой войны выходила даже газета под названием «Idea Nazionale». В военные годы был опубликован главный труд крупнейшего итальянского мыслителя XX в. Б. Кроче по философии истории, в котором он отвергал «устаревшие идеи» о «государстве, истории, праве, о предназначениях тех или иных народов, о цивилизации, культуре, варварстве, о науке, искусстве, религии, о цели и идеале жизни»¹³². Во время войны Кроче пытался сформулировать свою «идею Италии» в противовес «идеологии Антанты», но не был услышан соотечественниками, даже самые «прогрессивные» из которых считали, что «Родина стоит больше, чем Христос»¹³³. А вскоре после войны все дискуссии о национальном предназначении Италии завершились победой фашизма. Нечто подобное произошло и в других странах, в которых происходил рост национального самосознания, но которые в ситуации духовного подъема потерпели историческое поражение. Степень реакции была прямо пропорциональна масштабу катастрофы: в России победил большевизм, в Германии — национал-социализм, в Испании — фалангизм. При этом никто из творцов новых национальных идей не имел к ним никакого отношения. Маятник просто качнулся в другую сторону и из одной крайности нации бросились в другую. Потерпев неудачу в поисках своей национальной идеи, народы обратились к более простым решениям, найдя выход из исторического тупика в крайних формах национализма.

¹³¹ Ортега-и-Гассет Х. Бесхребетная Испания // Ортега-и-Гассет Х. Этюды об Испании. Киев, 1994. С. 80.

¹³² Кроче Б. Теория и история историографии. М., 1998. С. 97-98.

¹³³ См.: Гарин Э. Хроника итальянской философии XX века. М., 1965. С. 321.

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ДАГЕСТАНЦЕВ В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

На рубеже XX–XXI столетий проблема самоидентификации, неразрывно связанная с этническим самосознанием, приобрела особую актуальность и вызвала повышенный интерес исследователей, которые справедливо отмечают трудности ее изучения, в значительной мере и из-за различных подходов к пониманию этничности.

Сошлемся на некоторые авторитетные мнения. Л. П. Репина, в частности пишет о том, что «...в настоящее время обращение к “этнической”, “национальной”, “этнокультурной” и т.п. проблематике постоянно требует оговорок и уточнений», и, отметив, что три главных подхода к пониманию этничности (примордиалистский / эссенциалистский, конструктивистский, инструменталистский) в их современных версиях могут быть интегрированы в рамках комплексного подхода, который она определяет как «контекстуально-конструктивистский»¹. В. А. Тишков характеризует этническую общность как «группу людей, члены которой имеют одно или несколько общих названий и общие элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и тем самым обладают как бы общей исторической памятью, могут ассоциировать себя с особой географической территорией, а также демонстрировать чувство групповой солидарности»². Зафиксируем и тот факт, что «хотя многие кавказцы в определенных ситуациях склонны идентифицировать себя со всем регионом, тенденция рассматривать всех выходцев с Кавказа как единое целое является необоснованным, ошибочным обобщением»³.

¹ Репина Л. П. Память и знание о прошлом в структуре идентичности // Диалог со временем. 2007. Вып. 21. [Спецвыпуск: Историографические мифы и этнонациональная идентичность]. С. 10.

² Тишков В. А. Этнология и политика. М., 2001. С. 230.

³ Мамедов М. Массовые стереотипы и предрассудки в национальных историях и представлениях о прошлом // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999. С. 113.

Одним из сложных и конфликтных регионов РФ является Северный Кавказ, в котором особое место занимает Республика Дагестан (РД). Дагестан относится к группе так называемых национальных субъектов РФ — это формы государственной организации этносов на их территории, делегировавшие верховной федеральной власти свои внешнеполитические, военные и судебные полномочия. Казалось бы, следует ожидать проявления в Дагестане тех же самых проблем национального характера, что и в других национальных республиках, но на практике это не так. Главная причина — в полиэтничности республики, на небольшой территории которой (50,3 тыс. км²) перепись 2002 г. зафиксировала представителей 121 народа. На сегодняшний день неизвестно, сколько точно этносов проживает на территории Дагестана. Еще со времен СССР повелось считать, что есть 14 т. н. «титულных наций» (аварцы, агулы, азербайджанцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, таты, табасаранцы, ногайцы, рутульцы, русские, цахуры, чеченцы-акинцы), но есть и 19 «нетитулных». Причем многие «нетитулные нации» во время переписи 2002 г. идентифицировали себя как отдельные этносы.

Специфика Дагестана состоит в том, что если обычно национальность за пределами государства — это понятие гражданское: американец — гражданин Америки, россиянин — России, то, например, даргинец — не гражданин России, а прежде всего человек даргинской национальности. Поэтому мы имеем не обычную многонациональность современных обществ типа американской и т. п., а историческое существование в небольшой республике локальных коренных этносов — в горной части Дагестана их территории остаются четко разграниченными. С одной стороны, их реальный вес в общественно-политической жизни республики далеко не одинаков: можно говорить о лидерстве четырех из примерно 30-ти коренных этносов Дагестана. С другой стороны, общественное сознание, опираясь на культурно-исторические критерии, довольно четко отделяет эту группу коренных этносов от остальных жителей республики, происходящих из недагестанской этнической среды.

Все это приводит к довольно сложной, иерархической структуре общественной самоидентификации дагестанца, чувствующего себя в разных ситуациях либо коренным дагестанцем, либо членом своего этноса, либо своей территориально-исторической группы (джамаата), либо своего тухума (клановой формы).

В. А. Тишков, несколько утрируя, заметил: «никакая идентичность — ни этническая (по группе), ни национальная (по стране или государственности) — не является естественно заданной, ...она должна вырабатываться через усилия интеллектуалов, политиков и общественных активистов»⁴. Соглашаясь с тем, что в настоящее время деятельность властных структур, политических элит и ангажированных интеллектуалов, широко использующих самые различные виды СМИ, создает «мощные коммуникативные поля, транслирующие новые идеи и стандарты эпохи цивилизации»⁵, посредством которых трансформирует этническую идентичность россиян, считаем, что в Дагестане проблема модернизации самоидентификации «горцев» не столь однозначна. Это определило цель нашей работы — выявить степень готовности дагестанцев влиться в общероссийскую идентичность, а также факторы, осложняющие процесс формирования единой идентичности.

В рассматриваемом аспекте большой интерес представляют материалы недавно прошедшего в Махачкале круглого стола (апрель 2008 г.) по проблеме этнической самоидентификации дагестанцев, на котором было определено, что понятие «дагестанец» — это многоплановое понятие, которое нельзя охарактеризовать односторонне⁶. Во-первых, это территориальная поликультурная общность. Этим «дагестанцы» отличаются от других субъектов РФ, так как в нашем топониме заложено название территории, но не этноса. Во-вторых, в нем присутствует определенный компонент политического самосознания. В-третьих, иерархичная самоидентификация: сначала человек — уроженец какого-то села, затем — представитель субэтноса или района, потом — народа, республики и, наконец, России. Таким образом, складывается пятиуровневое самосознание. У дагестанцев наличествует определенная разноплановость в идентификации (территориальная, этническая, религиоз-

⁴ Тишков В. А. Реквием по этносу. М., 2003. С. 498-499.

⁵ Гаджимурадова З. М. Особенности этнического самосознания дагестанцев в условиях глобализации общества: психологический аспект // Проблемы сохранения толерантности в условиях полиэтничного и многоконфессионального региона. Сб. науч. статей. Махачкала, 2008. С. 281.

⁶ Шахбанов М. Насколько мы дагестанцы? // Черновик. 2008. № 15. 11 апр. С. 26.

ная). Вот как выглядит, к примеру, один из таких планов: «Дагестанцы — это не только коренные народы, но и постоянно проживающие здесь представители других этносов. ... Взять тех же русских. В политическом плане и мы считаем, и они сами считают себя дагестанцами»⁷.

Советское государство, несмотря на декларируемую интернациональную природу, осуществило на Кавказе административное структурирование по этническому принципу, тем самым заложив основы этнизации, политики периферийного этнонационализма в ущерб общегосударственной идентичности. При падении СССР рухнули и принятые формы общественного самосознания — необходимость противостоять хаосу привела к обращению к самым простым и самоочевидным критериям самоорганизации — этническим, а также к возвращению к архаическим территориально-общинным (джамаатским) и клановым (тухумным) формам: все три органично увязываются друг с другом. В таком случае возникает вопрос: существуют ли в Дагестане общественные силы и идеологии, предлагающие более высокие и современные формы общественной интеграции?

Современные формы общественной и политической жизни, опирающиеся на гражданскую идентичность всех жителей Дагестана, все еще не освоены нынешним дагестанским обществом, хотя декларируются достаточно широко в СМИ и в официальном употреблении. Что же касается традиционных идеологий, то здесь свою способность стать основой широкой общественной интеграции по-прежнему декларирует ислам. Отмечая этот важный фактор, З. М. Гаджимурадова пишет: «На самосознание дагестанцев в настоящее время оказывают колоссальное влияние (во многом разнонаправленное), с одной стороны, мусульманская цивилизация Ближнего и Среднего Востока, бывшая духовным ориентиром Дагестана до его присоединения к России и восстанавливающая свои позиции в настоящее время, и — Россия, в составе которой народы Дагестана развивались в течение последних двух столетий»⁸. К сказанному можно добавить и третий очаг внешнего влияния — это современная западная цивилизация.

⁷ Там же.

⁸ Гаджимурадова З. М. Указ. соч. С. 281.

Российская Федерация, совершенно очевидно, давно «нуждается в доктрине обеспечения гражданской солидарности и национальной идентичности»⁹, но, во-первых, процесс оформления российского социума вокруг федеральной власти «сдерживается ... расширением конкурирующего употребления слова *национальный* в значении *этнический* как на локально-региональном, так и на общегосударственном уровне», и, во-вторых, «“шумовое” пространство “околокремлевских” аналитиков и публицистов лишь имитирует открытость дебатов по поводу “выбора путей” для формирования *национальной идентичности* и перспектив строительства российского государства»¹⁰. Приведенные высказывания призваны еще раз обратить внимание на многовекторность факторов, как и различных препон, влияющих на продуктивное решение проблемы, которые здесь мы только частично обозначили.

Этническая принадлежность задается человеку вместе с рождением, умением говорить на «родном» языке, культурным окружением и другими факторами, влияющими на социализацию личности. Как отмечает А. В. Глухова, принципиально важным представляется указание К. Шмитта¹¹ на то, что конструирование своих («друзей») и чужих («врагов») осуществляется вербально, то есть посредством политических понятий, представлений и слов, имеющих полемический смысл. Это значит, что они предполагают конкретную противоположность, привязаны к конкретной ситуации¹². Основанная на принципе биполярности древнейшая система категоризации сохранила поразительную устойчивость в течение столетий и тем самым способствовала дальнейшему оформлению этнической идентично-

⁹ Тишков В. Российский народ и национальная идентичность // Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2006 / Под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. М., 2007. С. 10.

¹⁰ Зверева Г. И. Концепт «государственной нации» в современном российском обществе: дискурсивное измерение // Мир Клио. Сб. статей в честь Лорины Петровны Репиной. Т. I. М., 2007. С. 436, 454.

¹¹ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. I. № 1. С. 39.

¹² Глухова А. В. Политическая конфликтология: состояние и тенденции развертывания // Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования). М., 2000. С. 117.

сти. Вместе с тем в истории любого народа можно выделить (проследить) определенный комплекс факторов, воздействующих на векторы развития идентичности в различные исторические эпохи. Й. Рюзен подразделяет исторические события, репрезентация которых очерчивает групповую идентичность, на три типа. Среди этих последних различаются: а) поворотные события; б) события, делающие несостоятельными действовавшие до этого времени модели коллективной идентичности; в) события, которые обновляют действующие модели коллективной идентичности»¹³.

На рубеже XX–XXI вв. в Дагестане присутствуют все три вышеуказанных компонента. Приведем только некоторые факты. Развал СССР и почти всего, что было с ним связано, вооруженное вторжение в 1999 г. незаконных бандформирований так называемых «ваххабитов». Это на несколько лет в корне изменило отношение дагестанцев к чеченцам, жен, детей и стариков которых в годы первой и второй чеченских войн тысячи дагестанских семей безвозмездно приютили в своих домах. В один миг были разрушены традиционные представления «горских» народов о куначестве, аталычестве и т. п. В условиях перестройки и постперестройки советская модель коллективизма, единства и братства народов попала под пресс «дикого капитализма», в результате чего имущественное и социальное расслоение в разы стало превосходить евроамериканские нормативы (в 10–15 раз). Все это сопровождалось разрушением прежних мировоззренческих, морально-ценностных ориентиров. Возникший идеологический вакуум стал заполняться иной идеологией и иными взаимоотношениями между людьми. Идеологическая переоценка трансформировала прежнюю модель коллективной идентичности, влияла на самоидентификацию и поведение индивида, электората.

Стремительное развитие социокультурной ситуации обострило неизбежный конфликт поколений — в построении коллективной идентичности все отчетливее стали проявляться существенные различия, «проистекающие из противоречий между социальной памятью, транслируемой *старшими*, и жизненным опытом взаимодействия с изменяющейся реальностью настоящего, который

¹³ Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // Цепь времен: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л. П. Репина. М., 2005. С. 52–54.

формирует представления *младших* и, соответственно, их «проектирование» прошлого и будущего»¹⁴.

Не обошел стороной этот процесс и дагестанскую умму. Дагестанские, как и российские мусульмане — не однородная «масса». Стали возникать молодежные джамааты (впервые они появились в РД еще в 1970-х гг.), «оппозиционные, с одной стороны, по отношению к официальным исламским структурам — духовным управлениям мусульман, с другой стороны, по отношению к так называемому “традиционному исламу”, носителями которого в основном являются представители старшего поколения, выступающего за соблюдение всех народных традиций». Организационно молодежные джамааты оформились на рубеже 1980–1990-х годов. Помимо Дагестана на сегодняшний день известны чеченские, карачаевские, ставропольские, кабардино-балкарские и адыгейские молодежные джамааты. Подобное развитие событий, возможно, объясняется тем, что во многих регионах Центрального и Северо-Западного Кавказа, в значительной степени потерявших традиции исламского культа, практически происходило не возрождение, а воссоздание ислама, т. е. повторная исламизация¹⁵.

Этническая идентичность особое значение приобретает в условиях общественного кризиса, коллапса. Этническая группа во многом определяет пределы и направленность жизненных устремлений индивида, «задает» общепринятые стандарты поведения в процессе социализации и самореализации личности. В других случаях отдельный субъект, исходя из собственных жизненных устремлений и амбиций, решается на «ломку» устоявшихся стереотипов и традиций. Причины этого кроются в том, что в периоды крушения норм привычной жизни человек оказывается перед необходимостью объяснить себе происходящее и осознать свою причастность к нему, понять смысл собственного бытия, что приводит к

¹⁴ См.: *Репина Л. П.* Время, история, память (ключевые проблемы историографии на XIX Конгрессе МКИН) // Диалог со временем. 2000. Вып. 3. С. 5-14.

¹⁵ *Ярлыкапов А. А.* Молодежные джамааты на Северном Кавказе // Проблемы сохранения толерантности в условиях полиэтничного и многоконфессионального региона. Сб. науч. статей. Махачкала, 2008. С. 468; *Он же.* «Народный ислам» и мусульманская молодежь Центрального и Северо-Западного Кавказа // ЭО. 2006. № 2. С. 59-74.

поиску собственной идентичности, собственного «Я»¹⁶. Под воздействием внешних импульсов (распада СССР и прежней системы ценностей) в последние два десятилетия активно набирает обороты асоциальный процесс — асоциальный в том смысле, что в ходе разрушения старых декларируются новые социальные отношения, которые постоянно трансформируются — и процесс этот далек от завершения. Осмысливая происходящие события, человек позиционирует себя в социуме, ему неизбежно приходится пересматривать взрастившие его традиции, иерархию ценностей (которые уступают теперь место другим). Самоидентификация отражается на социальном самочувствии как эмоционально-оценочном отношении индивида к окружающей социальной реальности и своему месту в ней и является важным показателем адаптации к изменяющимся условиям жизни. Но, как и много тысячелетий назад, естественную черту социальности продолжает составлять групповая самоидентификация, которая достигается путем различения и противопоставления себя другим¹⁷, и уже через неё идет процесс социальной адаптации.

Особый интерес представляет изучение социального самочувствия населения Северного Кавказа — в нашем случае Дагестана — как одного из самых сложных субъектов РФ, которому присущи полиэтничность, многоконфессиональность (христианство, иудаизм, сектанство и т. д., при господствующем положении ислама), активные миграционные процессы, возрастающая степень урбанизации населения, социально-политическая конфликтность, а также проявления терроризма и экстремизма, и, наконец, комплекс проблем, связанных с геополитическим и геостратегическим положением республики.

Подавляющее большинство опрошенных нами в 2003 и 2005 гг. сельских и городских респондентов-дагестанцев (старшеклассники, студенты, работающая молодежь в возрасте от 15 до 25 лет) идентифицировали себя как «мусульмане», что вполне объяснимо многовековым господством ислама, широким распространением исламских ценностей и т. п. Это способствовало отождествлению ислама с «отцовской верой» и восприятию его как

¹⁶ Самоидентификация в социальном пространстве относится к первичным социальным потребностям индивида. См. Румянцева М. Ф. «Места памяти» в структуре национально-исторического мифа // Диалог со временем. 2007. Вып. 21. С. 108.

¹⁷ Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996. С. 47.

характерной черты, присущей народам РД. Развитию этих представлений способствует и дагестанский «исламский бум» последних 20-ти лет. Но здесь не все так просто, как кажется. Если в опросе 2003 года религия (прежде всего, ислам) занимала первое место, народные обычаи — третье, общее историческое прошлое — 4-е место, то в опросе 2005 года религия оказалась уже на 4-м месте, народные обычаи — на втором, а общее историческое прошлое — на первом месте. «Скатывание» религии всего за два года с первого на четвертое место при, казалось бы, чуть ли не повсеместном (повальном) омусульманывании общества (около 90 % респондентов) вызвано целым рядом причин, одной из которых, по нашему мнению, может являться частичное прозрение «паствы» в том, что религия не столь могущественна, чтобы разом и вмиг разрешить все наболевшие вопросы, ликвидировать социальное неравенство, покончить с терроризмом, экстремизмом и т. д.

В конце 2002 г. и первой половине 2003 г. в РД мною (совместно с автором адаптированной методики О. В. Медяник) был проведен опрос по анкете «Этнопсихология и патопсихология лидерства». В опросе приняли участие 2010 респондентов (1008 мужчин и 1002 женщины), представителей «государствообразующих» и других народов Дагестана в возрасте от 17 до 65 лет. Для проведения мониторинга в 2005 г. я несколько модифицировал анкету О. В. Медяник (оставил только те вопросы, которые анализировались мной в 2002–2003 гг.) и самостоятельно провел анкетирование в городах Дагестана среди преподавателей, студентов, научных сотрудников ДНЦ РАН и служащих администрации. Дагестанским респондентам был предложен большой блок вопросов (сохранена анкетная нумерация), из которых приведем здесь только некоторые ответы, представляющие интерес для темы статьи (См. таблицы №№ 1-4).

Таблица 1

№	1) Своей этнической Родиной Вы считаете:	Ответ	
		2003 г.	2005 г.
1	Место, где родились	30,5 %	16,0 %
2	Место, где выросли	15,8 %	5,9 %
3	Место, где живете	11,8 %	5,9 %
4	Дагестан (свою республику)	27,6 %	47,9 %
5	Россию	4,5 %	22,8 %
6	Другое и затрудняюсь ответить	9,6 %	11,8 %

Как видим, за Дагестан «проголосовало» в шесть раз больше респондентов, чем за Россию, а если обратимся к тухумным, джамаатским и прочим факторам (см. пункты 1.1.–1.3.), то этот разрыв составляет 85,9 %. Последняя цифра весьма далека от желаемой общероссийской идентичности.

По территориальному признаку свою этническую принадлежность идентифицировали как «дагестанец» — 7,9 %, как «россиянин» — 1,6 %. В данном случае наблюдается почти пятикратный разрыв между «дагестанцем» и «россиянином» в пользу первой идентификации.

Сопоставление результатов самоидентификации наших респондентов в 2002–2003 и 2005 гг. с результатами опроса, проведенного в 1999 г. З. М. Абдулагатовым (ДНЦ РАН), показывает, что за прошедшее время его утверждение о том, что в «Дагестане национальный фактор значимее религиозного»¹⁸ уже не столь очевидно — в 2005 г. разница составила всего 1,1% (23,5 %-22,4 %=1,1%).

Данные об идентификации говорят, что определенной части представителей народностей и национальностей, проживающих на территории республики, в 2002–2003 и в 2005 гг. была присуща как общedaгестанская идентичность (она значительно превалирует), так и общероссийская. Присоединившись к России в XIX в., дагестанцы выбрали свой путь исторического развития, что доказали события августа-сентября 1999 года, когда они дали отпор вооруженным бандформированиям, вторгшимся из Чечни.

Следующий вопрос должен был выявить самоидентификацию дагестанцев во время зарубежных поездок (см. табл. 2). Причины резкого сокращения «дагестанизации» в пользу «российскости» могут быть самые разные, но, думается, главная причина в понимании акторами малой известности Дагестана среди иностранцев, а, возможно, это уже проверено на практике лично во время пребывания за границей или кто-то поделился своим опытом.

¹⁸ Абдулагатов З. М. Проблемы и тенденции становления современных государственно-конфессиональных отношений в России (на примере православия и ислама) / ИИАЭ ДНЦ РАН. Махачкала, 2006. С. 70.

Таблица 2

№	4) Оказавшись за границей, как бы Вы представлялись?	Ответ	
		2003 г.	2005 г.
1	Я из Дагестана (из своей республики)	60,4 %	25,3 %
2	Я из России	32,2 %	55,7 %
3	Назвали бы свою национальность	5 %	15,5 %
4	Другое	2,2 %	3,4 %

Таблица 3

№	6) Меняли ли Вы или хотели бы изменить свою национальность?	Ответ	
		2003 г.	2005 г.
1	Да	0,5 %	0 %
2	Нет, не менял	0,5 %	12,8 %
3	Нет, не менял и не планирую	56,4 %	79,9 %
4	Не задумывался над этим	42,3 %	7,3 %

В решении этого вопроса в пользу «да» ажиотаж не наблюдается, тогда как в 2005 г. ситуация кардинально изменилась при ответе на 2-й подвопрос и довольно значительно при ответе на 3-й подвопрос — более дружное «нет... и не планирую». Наряду с ответами на 2-й и 3-й подвопросы почти шестикратное (!) сокращение численности тех респондентов, которые ранее «не задумывались», может свидетельствовать о резком росте национального самосознания и понимании национальной самобытности.

Таблица 4

№	9) Что, по Вашему мнению, сближает и роднит Вас со своим народом? (Отметьте все, что Вы считаете необходимым)	Ответ	
		2003 г.	2005 г.
1	Родной язык	62,7 %	73,1 %
2	Народные обычаи, обряды, традиции	37,8 %	58,9 %
3	Культура, музыка, песни, танцы	31,6 %	37,9 %
4	Общее историческое прошлое	36,7 %	49,8 %
5	Религия	42,9 %	45,7 %
6	Черты внешнего облика	16,3 %	5,7 %
7	Черты характера, психология	10,1 %	16,0 %
8	Общее специфическое поведение	17,5 %	13,0 %
9	Родственные связи	18,6 %	34,5 %
10	Место жительства	23,1 %	14,8 %
11	Ничего не сближает	2,2 %	0,5 %
12	Трудно сказать	2,2 %	0,5 %
13	Что еще? (менталитет...)	2,2 %	9,1 %

В 2005 г. укрепилось лидерство и значимость родного языка — первое место, народных обычаев и традиций — с 3-го места на 2-е в 2005 г., общее историческое прошлое с 4-го места переместилось на 3-е, религия со 2-го места скатилась на 4-е, культура предпочла остаться на прежнем 5-м месте, возросла значимость родственных связей — с 7-го места переместились на 6-е, черты характера и психология, замыкавшие десятку вознеслись на 7-е место, тогда как место жительства потеряло «в цене» и с 6-го места сместилось на 8-е, общее специфическое поведение поднялось на одну ступеньку выше, заняв 9-е место, а «Что еще? (менталитет...)?» с 13 места рванул в первую десятку. Черты внешнего облика, занимавшие в 2003 г. 9-е место, скатились на 13-е место. В 4,5 раза сократилось число респондентов, считающих «ничего не сближает» и «трудно сказать» — это говорит о том, что в 2005 г. опрашиваемые акторы уже более определились в своих приоритетах. Интервьюирование показало, что значимость родственных связей за пределами РД ценится выше, вероятно, это следствие анклавного (диаспориального) проживания дагестанцев.

Дальнейший опрос выявил значительную роль русского языка в повседневном, прежде всего в служебном межэтническом общении (с преподавателями, однокурсниками, сослуживцами на работе и т. д.). Относительно языковой ситуации можно заметить, что в Москве вышел справочник, подготовленный РАН, под названием «Красная книга языков». В нем приведен перечень языков мира, над которыми нависла угроза исчезновения. Всего в мире их оказалось 180, а в России — 63, из них 20 — языки народов Дагестана.

Согласно мнению московских сотрудников РАН, озабоченность функционированием языков в РД затрагивает, главным образом, узкий круг интеллектуалов. Широкую общественность и власть эти вопросы до недавнего времени не занимали. 14 февраля 2004 г. газета «Дагестанская правда» опубликовала результаты социологического опроса, проведенного Министерством по национальной политике, информации и внешним связям РД. Опросом было охвачено 1000 акторов — представителей различных этнических и социальных групп городского и сельского населения. Оказалось, что 52 % респондентов не читают газеты на родном языке, 37 % опрошенных считают, что в национальной прессе публикуют-

ся устаревшие материалы, 28 % заявили, что им трудно читать на родном языке, 7 % отметили, что национальных газет нет в розничной продаже¹⁹. До недавнего времени Дагестан называли классической страной двуязычия, и, как замечает М. М. Магомедханов, владение вторым дагестанским языком ещё лет 20 тому назад воспринималось как явление обычное. С включением Северного Кавказа в XIX в. в орбиту российской государственности коммуникативные и культурные функции русского языка перманентно расширялись²⁰, и сегодня, как видно из ответов, важность русского языка несомненна. Он открывает для дагестанцев возможности эффективной социальной мобильности — как горизонтальной, так и вертикальной. Русский язык является в Дагестане не просто языком межнационального общения, а, по сути, основным языком республики, который обеспечивает общественно-политическую жизнь, науку и основную долю культурной жизни дагестанского общества²¹.

Ситуация доходит до курьезов. Даргинский поэт М. Гамидов в разговоре с главным редактором А. Дагановым, к примеру, сказал, что вместо того, чтобы печатать переводы никому неизвестных арабских писателей «не лучше ли переводить и печатать известных аварских, кумыкских, лезгинских писателей?! *Ведь из-за отсутствия русских переводов мы совершенно не знаем творчество наших коллег других национальностей*» (выделено нами. — С. М.)²². Приведенная цитата является отражением дискуссии, ведущейся по вопросу о современной роли русского языка, которая вновь разгорелась в связи с принятием проекта Закона «Об утверждении республиканской целевой программы «Русский язык (2007–2010 годы)». Директор Института языка, литературы и искусства

¹⁹ Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад, 2004. М., 2005. С. 311.

²⁰ Магомедханов М. М. Этноязыковые аспекты культурной идентичности дагестанцев // Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала, 2003. № 14. С. 75-82.

²¹ Тишков В. А., Э. Ф. Кисриев. Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) // Многоэтничные сообщества в условиях трансформаций: опыт Дагестана. Материалы международной научной конференции. Москва, 25-27 мая 2004 г. / Отв. ред. В. А. Тишков. М., 2005. С. 282.

²² Цит. по: Узунбаев Б. Когда бьют по паспорту... // Новое дело. 2006. № 29. 28 июля. С. 23.

ДНЦ РАН М. Магомедов указал на «реальную опасность, что... иноязычное влияние (в частности русского) будет вытеснять национальные языки. Особенно в городах. Город я называю кладбищем родных языков. Здесь нет никаких условий для их сохранения». Национальные языки, по мнению М. Магомедова, теряют от того, что их письменность сконструирована на основе русской пунктуации и синтаксиса, национальная «речь загоняется в искусственно созданные рамки, которые для самого языка не характерны. Ведь это русские кальки. ...Но, вообще, процесс это естественный, и, как бы мы ни старались, язык будет претерпевать изменения»²³.

Весьма эмоционально по этому поводу еще в 2006 г. высказался Президент РД Муху Гимбатович Алиев: «Без языка нет народа. Мы, с одной стороны, должны поддерживать русский язык. Молодые люди должны знать еще и хотя бы один иностранный язык. Но человек, который не знает родного языка... трудно сказать даже, кто он!»²⁴. Спустя два месяца при обсуждении закона «Об образовании» М. Г. Алиев подчеркнул, что русский язык в РД — государственный. «Вопросов на этот счет быть не должно. У нас в 30-х годах был выбор: русский, турецкий или арабский. Мы сделали правильный выбор»²⁵.

Резюмируя, отметим, что приведенные ответы на вопросы нашей анкеты свидетельствуют: 1) о падении интереса к овладению вторым дагестанским или кавказским языком; 2) о большой роли русского языка в повседневном, но особенно, в служебном общении (в учебном учреждении, на работе и т. д.), в культурной жизни общества²⁶.

Анализ свидетельствует и о значительных различиях между ответами городских и сельских респондентов всех возрастных

²³ Сутаева Я. «Город — это кладбище для родных языков» // Черновик. 2007. № 8. 23 февраля. С. 27.

²⁴ Цит. по: Салахбеков Р. Депутаты — за троллейбусы и безальтернативные выборы // Новое дело. 2006. № 25. 30 июня. С. 5.

²⁵ Цит. по: Магомедов М., Хайбуллаев Р. История с предысторией // Черновик. 2006. № 39. 29 сентября. С. 5.

²⁶ Однако по данным исследований Института этнологии и антропологии РАН, интегрированность в русскую культуру населения Дагестана составляет менее 50 %. Дмитриев А. В. Конфликтология. М., 2000. С. 159.

групп. Городские жители более открыты для межэтнического взаимодействия, чем сельские. Объясняется это тем, что большинство горожан находится в условиях постоянного взаимодействия с представителями других этнических и конфессиональных групп в поликультурном социальном пространстве, тогда как значительная часть жителей сельской местности лишена такой возможности, так как проживает в преимущественно моноэтнической среде. Для народов РД наиболее распространенной является национально-диалогическая направленность в межэтнических отношениях, которая проявляется в выраженной позитивной этнической идентичности, своего рода традиционной политкорректности в межэтническом общении²⁷.

В свое время некоторые ученые утверждали, что дагестанская нация уже формируется на основе русского языка, и даже предлагалось, чтобы все дагестанцы в пятой графе паспорта записывали национальность «дагестанец», однако исследования незаидеологизированных ученых и результаты наших собственных социологических исследований показали преждевременность подобной акции, так как дагестанцы к этому еще не готовы²⁸.

Многоуровневая самоидентификация, присущая современным дагестанцам, может либо осложнить, либо способствовать решению насущных для РФ общественных проблем. В начале статьи мы ссылались на распространенное мнение о необходимости и даже неизбежности целенаправленного формирования в РФ некоего интегрирующего фактора, способного сплотить ее большие и малые

²⁷ Позитивная этническая идентичность представляет собой баланс толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам, являясь, с одной стороны, условием самостоятельного и стабильного существования этнической группы, с другой — условием мирного межкультурного взаимодействия в полиэтническом и поликультурном мире. В структуре позитивной этнической идентичности образ собственной этнической группы соотносится с позитивным ценностным отношением к другим этническим группам.

²⁸ В 2002 г. министерство по делам национальностей России начало разработку очередной концепции «дружбы российских народов». В 2004 г. в подготовленном документе министерства появился термин «общероссийская нация», но тут наступила череда правительственных реформ, и паспорта акторов остались чистыми.

этнос в единую «политическую нацию» — органичную структуру такого рода, которая позволит каждому из составляющих ее субъектов сохранять свое этнокультурное своеобразие и гарантирует каждому из них оптимально-возможные условия развития. Это остается все еще отдаленной перспективой — по общей оценке, руководство РФ пока не может предъявить сколько-нибудь продуманной и эффективной национальной политики, и на Северном Кавказе это заметно более чем где-либо.

Но рано или поздно нашему обществу предстоит приступить к формированию действенной интегративной политики, не исключая сложный, конфликтный Южный федеральный округ. Не имея возможностей судить о путях ее реализации в других его национальных субъектах, хочу все же, основываясь на своих социологических исследованиях и наблюдениях предположить, что при ответственном подходе как раз сложная, многоуровневая самоидентификация, отличающая общественный менталитет Дагестана, может дать реальный путь включения его в гипотетическую «политическую нацию» страны (один из «уровней» может сыграть здесь роль «соединительной ступени» при сохранении самостоятельности остальных).

На протяжении многих веков биполярная система категоризации сохраняла свою устойчивость. Вместе с тем этническая идентичность трансформируется в результате многовекторного воздействия внутренних и внешних факторов. Одним из проявлений этого процесса в РД сегодня является формирование многоуровневой самоидентификации — процесс «реорганизации умов» продолжается. Однако это не снимает проблему выбора приоритетного уровня идентичности. Предпринимаемые в поликонфессиональной России попытки искусственного создания российской идентичности с помощью православного катализатора обречены на неудачу.

ИЗ ИСТОРИИ ЭМИГРАЦИЙ

С. М. СМАГИНА

ПРАВЫЕ ЛИБЕРАЛЫ В ЭМИГРАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (1920-Е ГОДЫ)

На современном этапе профессиональная историография, отказываясь от поиска абсолютной истины в реконструкции прошлого, предлагает взглянуть на него сквозь призму не одной, как было принято еще недавно, а нескольких идеологических систем. Последнее позволяет не только углубить содержание объяснительных моделей прошлого, но и шире взглянуть на некоторые факты и события, рассматривая интеллектуальную, в первую очередь — партийно-политическую состязательность оценок их участников как важное условие обновления доктрин, тактических установок и предполагаемой социально-политической практики. Это наглядно демонстрирует история российской политической эмиграции 1920-х годов. Её интеллектуальный опыт подтверждает, что разрыв преемственности в историческом развитии бывает неизбежен, но тем более важной становится разработка механизма его компенсации, возвращения общества в состояние динамического равновесия, выведения его из тупика модернизационного цикла. Русское политическое зарубежье 1920-х годов в лице своих лидеров ставило данную задачу, пытаясь найти формулу социального прогресса для будущей России, опосредованную той или иной интерпретацией исторического опыта, уточнить её национальную идентичность.

Лидер левых кадетов и автор так называемой «новой тактики» (1920–1921 гг.), рассчитанной на некоторое оправдание большевистской революции, П. Н. Миллюков в выстроенной им в 1927 г. (в «виде непрерывного ряда») классификационной схеме политических эмигрантских организаций из шестнадцати — общего их числа — девять отвел под различные группировки кадетов, умеренных консерваторов и умеренных социалистов¹, обозначив рубежом

¹ Миллюков П. Н. Россия на переломе. В 2-х тт. Париж, 1927. Т. 2. С. 278-279.

включения слева «правые крылья» социалистических партий, а справа — Национальный Комитет во главе с правыми кадетами (А. В. Карташевым, Д. С. Пасмаником, Ю. Ф. Семеновым и др.). И если генезис левых групп и центра предложенной системы в последнее время стал активно исследоваться, то история правой её части, в частности, Национального объединения (Союза), его платформы и её трансформации, воссоздается менее интенсивно, как и роль в этом процессе отдельных идеологов (например, А. В. Карташева, М. М. Федорова, Д. С. Пасманика и даже П. Б. Струве), пытавшихся стоять над «схваткой» и призывавших к объединению разные политические силы. Это тем более важно, что эмиграция дифференцировалась зачастую не по платформам, программам и декларациям, а «по людям», которых, по словам члена Константинопольской группы партии Народной свободы И. Н. Альтшулера, привыкли «глубоко ценить».

Особый интерес вызывает проблема эволюционной реконструкции состоявшихся соглашений, характера и уровня сопряженности участвовавших политических субъектов, точек их мировоззренческого соприкосновения и отталкивания. Это относится и к создаваемым идеологическим моделям, претерпевшим в эмиграции серьезные трансформации после короткой и неудачной попытки реализации теоретически выведенных идеалов на практике в бурные дни и месяцы 1917 года и последующих лет. И, сколь бы странным это не казалось, именно в эмиграции, заявив о крушении привычного варианта «целого политико-общественного мирозерцания»² — либерализма, многие либералы, а зачастую и консерваторы, из «кабинетных» ученых превращались в политиков, усиливая адресность своих платформ и корректируя их содержание.

Актуализирует проблему и то обстоятельство, что партийно-политическая палитра современной России и поиски ее «составителями» консолидирующих общество программ, в известном смысле, могут быть корреспондированы с отдельными сегментами российской политической эмиграции 1920-х годов и их обоснованием национальной идентичности постбольшевистской России.

² Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. 1923–1933. М., 1999. Т. 6. Кн. 2. С. 133.

Работа шла в двух направлениях — организационном и теоретическом — и активизировалась на рубеже 1920–1921 гг., когда группа парижских кадетов (Д. С. Пасманик, М. М. Федоров, А. В. Карташев и др.), поддержала инициативу редактора-издателя газеты «Общее дело» В. П. Бурцева, в прошлом эсера, поместившего 15 октября 1920 г. в рубрике «Русская общественность и события» специальную публикацию «Наши задачи». Подчеркнув, что «Общее дело» — «внепартийный» орган, и объяснив это, в первую очередь, тем, что события в России привели к «развалу» всех политических партий, одновременно («и это для нас самое важное») редактор призвал для спасения России к объединению всех русских граждан, в связи с чем основным лозунгом издания было названо «единение всех государственно-строительных элементов»³.

На страницах «Общего дела» активно развивалась идея создания Национального Комитета, как органа объединения русской политической эмиграции, а 19 декабря 1920 г. в газете было помещено Обращение «Ко всем русским гражданам». Оно призывало «приступить немедленно» к организации Национального Комитета, в котором предлагалось принять участие всем «без различия партийных взглядов», кто хотел бы «бороться за возрождение» России и стремился увидеть ее «обновленной и свободной», но одновременно и тем, «кто порвал со старой Россией». Объявлялось о создании Временной Комиссии по организации Национального Комитета и о её вступлении в переговоры с различными политическими деятелями⁴.

Постепенно обрисовался круг лиц (прежде всего, из членов Парижской группы партии народной свободы), которые, будучи несогласными с «новой тактикой» П. Н. Милюкова, инициировали деятельность по созданию Национального Комитета (М. М. Федоров, А. В. Карташев, Д. С. Пасманик и др.) и формированию объединения «на принципе завоеваний Февральской революции»⁵.

³ Бурцев В. Л. К нашим читателям // Общее дело. № 92. 1920. 15 октября; Наши задачи // Там же.

⁴ Ко всем русским гражданам // Общее дело. № 157. 1920. 19 декабря.

⁵ Пасманик Д. С. Нашим римским критикам [Большевизм, реакция и демократия] // Общее дело. № 81. 1920. 1 июля.

На одном из декабрьских заседаний комитета Парижской группы партии народной свободы (23 декабря 1920 г.) член комитета профессор А. В. Карташев в специальном сообщении по вопросу о Национальном Комитете сформулировал задачу подготовки созыва Конгресса (съезда) русской общественности, который и должен был решить вопрос положительно⁶. Опять же именно Карташев, одним из первых глубоко изучив причины усилившихся в среде кадетов расхождений, подчеркнул, что партия всегда имела «две души: одну, направленную в сторону интеллигентско-народническую, другую в сторону либерально-буржуазную». Он же почти за полгода до известного совещания членов Центрального Комитета партии народной свободы (26 мая — 2 июня 1921 г.), после которого произошел «откол» группы П. Н. Милюкова, предрек неизбежность расслоения партии на два течения: «консервативное, продолжающее традицию государственного компромисса и вооруженной борьбы, и созерцательно-пассивное...» (последнее он относил к данной группе)⁷. Вошел Карташев и в инициативную комиссию, созданную на частном совещании группы общественных деятелей, проходившем 22 января 1921 г. в Париже в редакции «Общего дела». В марте 1921 г. сформировалось Бюро Временного Русского Комитета Национального Объединения, в состав которого вошел 21 чел. (в первую очередь парижские кадеты), а также Н. В. Тесленко (председатель Константинопольской кадетской группы, позднее — Парижской), П. Б. Струве и др. Было разослано циркулярное письмо о созыве съезда, в котором говорилось о стремлении создать «внепартийный большой союз» как реально широкое объединение русской эмиграции⁸. Как признал на майском (1921 г.) совещании членов Центрального Комитета партии народной свободы А. В. Карташев, новое объединение — «...это... право-кадетская по существу организация», «программа его и... руки для проведения её право-кадетские»⁹. Была определена дата

⁶ Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. Май 1920 — июнь 1921 г. М., 1997. Т. 4. С. 90, 144.

⁷ Там же. С. 148-149, 229.

⁸ Циркулярное обращение Бюро Временного Русского Комитета Национального Объединения в Париже // Общее дело. № 262. 1921. 3 апреля.

⁹ Протоколы... Т. 4. С. 395-396.

съезда (5 июня), а также содержался перечень всех «известных» русских организаций за границей, которым были разосланы приглашения, а также известных политических и общественных деятелей¹⁰. Не были закрыты двери съезда и перед социалистами, что особо подчеркнул на собрании делегатов Съезда Национального Объединения накануне его открытия 2 июня П. Б. Струве, выразив уверенность в возможности и необходимости их участия «в настоящий критический момент» в данной работе¹¹. Ядро съезда составили кадеты, в их числе — В. Д. Набоков, Пав. Д. Долгоруков, А. В. Тыркова-Вильямс, П. П. Юренев, Ф. И. Родичев и др. Милюковцы участия в нем не приняли, как и социалисты.

Съезд открылся 5 июня 1921 г., а 6 июня с основным докладом «Задачи, характер и программа Русского Национального Объединения», выступил А. В. Карташев, председатель президиума, избранного в тот же день. В весьма обширном докладе, прежде всего, были раскрыты сугубо практические цели создания подобного объединения, в частности, необходимость наличия единого «авторитетного политического центра» и «авторитетной общенациональной организации». «Характерной чертой» Национального Объединения назывался его отказ от попытки (как «бессознательно или сознательно искажают его характер» и «друзья», и «враги») создания «готового» правительства для внутренней России без ее участия. Главной же целью называлась организация «всей по-сторонней части российской нации»¹².

Поэтому большое внимание в докладе уделялось разъяснению *национального и политического* характера Объединения как взаимосвязанных и взаимообусловленных категорий. Была четко определена природа объединения «как политическая», и тем самым «широкая национальная идея» была сведена к более тесным преде-

¹⁰ От Бюро Временного Комитета Русского Национального Объединения // Общее дело. № 320. 1921. 1 июня

¹¹ Собрание членов Съезда Национального Объединения // Общее дело. № 321. 1921. 2 июня.

¹² *Карташев А. В.* Задачи, характер и программа Русского Национального Объединения. Доклад Съезду Русского Национального Объединения в Париже. 5-12 июня 1921. Париж, 1921. С. 12-13, 10-11, 23-24; Общее дело. № 325. 1921. 6 июня.

лам, а именно: речь шла не об этнографическом начале и не о духовно-культурном творчестве вообще, а о «нации в смысле государственном», т. е. о всех гражданах России, о всем ее «гражданстве *in corpore*», как о «российской и вместе с тем русской нации», без различия языка, происхождения, классов и партий. Последние могли создаваться «только у себя дома, в своем отечестве», в живой связи с социально-политическими запросами и настроениями масс. В зарубежье же задачи политические и национальные сливались «по существу своего главного задания» — борьбы за Россию как за единое целое, в отличие от течений, воспринимавших ее лишь как «квалифицированную», например, «социалистическую» или «дворянско-монархическую», доступную только для «нужных» одной партии граждан и закрытую для «ненужных и лишних».

Съезду был предложен перечень программных норм, объективно нужных России для «ее сохранения». Прежде всего, предусматривалось абсолютное «отмежевание от всякого типа соглашения» с большевиками, в том числе от признания так называемых «путей эволюции» («новой тактики» П. Н. Милюкова). По-прежнему главной называлась отрицательная задача — возможно скорое преодоление большевизма и избавление России от власти Интернационала. Вопрос о «способах» этого осуществления не рассматривался и был назван на данный момент «второстепенным». Одновременно провозглашался «отказ от безжизненных стремлений восстановить» безвозвратно рухнувший «старый» социально-политический «строй» России, как и от механического навязывания народу какого-либо определенного строя; озвучивалась суверенность общенародной воли в возрождении «демократического начала народовластия», со временем способного определить выбор государственного строя на свободно избранном Учредительном собрании. Все перечисленное было названо четырьмя главными предпосылками политической деятельности Объединения и одновременно условиями вступления в него.

Будущая Россия в политическом отношении мыслилась как конституционное, демократическое, но одновременно, судя по содержанию вышеназванных пунктов, унитарное государство, социальный строй которого должен был полностью уложиться в рамки обычного буржуазного государства с подчеркиванием, в первую

очередь, принципа частной собственности, восстановления свободного экономического обмена, свободы выбора форм труда и частной инициативы, а также правового закрепления и государственного регулирования совершившегося перехода земли в руки крестьян на началах частной собственности.

Характерно, что вопрос о социалистической практике большевиков стал предметом специального рассмотрения в докладе П. Б. Струве «Русский опыт коммунизма», который явился развитием идей, высказанных им накануне съезда. Прежде всего, было подчеркнуто, что нигде и в особенности в России социализм не мог быть осуществлен революционным путем, ибо «это эволюционный процесс, разлагающийся на ряд социальных реформ» на «буржуазной почве и в буржуазных формах». Одновременно Струве сформулировал основные начала «рациональной» экономической политики в России в случае ниспровержения большевиков: это, в первую очередь, утверждение «буржуазной» индивидуалистической свободы. Лицо возрожденной России, по словам Струве, должны были определять две идеи — *национальная* и *крестьянская*. В определенной степени, к докладу Струве по своему содержанию примыкал и доклад Ю. Ф. Семенова «Окраинный вопрос»¹³, в котором он определил политику съезда и создаваемого Национального Комитета по национальному вопросу, поместив ее в контекст необратимости происшедших в России изменений. Это являлось частью более широкого программного заявления съезда, которое предлагало признание всех изменений в области собственности на землю и независимости национальных окраин. Была признана определенная доля вины кадетской партии, в свое время определявшей идеологию Белой армии и дававшей зачастую «неверные советы», в частности, касавшиеся «окраинных вопросов». Единственным методом их разрешения в будущем должен был стать метод соглашения, в основу которого должно быть положено единство экономических интересов «коренной» России и окраин и общие начала гражданского правопорядка.

¹³ Струве П. Б. Русский опыт коммунизма // Общее дело. № 327. 1921. 8 июня; № 328. 1921. 9 июня; Семенов Ю. Ф. Окраинный вопрос // Общее дело. № 328. 1921. 9 июня.

На съезде вопрос о монархии или республике в посткоммунистической России был вынесен за скобки. Представляется, что не последнюю роль в этом сыграло стремление организаторов не раскалывать съезд, хотя некоторые ораторы, в частности В. Д. Набоков, пытались более подробно обсудить «конструкцию власти» с точки зрения преимуществ ее демократической или авторитарной основ. По крайней мере, В. Д. Набоков был не единственным, кто высказал предположение о необходимости «какой-то власти» типа временной диктатуры, которая должна была бы установить порядок, с тем чтобы, получив оправдание у народа, «опираясь на религиозное чувство, возрождающуюся в народной душе совесть», проводить соответствующую социальную политику (по земельному вопросу и т. д.)¹⁴. Не будучи специально рассмотренным на съезде, вопрос о конфигурации власти в постбольшевистской России позднее неоднократно обсуждался на заседаниях различных партийных (в первую очередь — кадетских), а также общественных организаций, в том числе — и Национального Комитета.

На съезде было провозглашено создание Национального Союза и избран Русский Национальный Комитет в составе 74-х чел. во главе с А. В. Карташевым, который стал его бессменным председателем на протяжении нескольких лет; Ю. Ф. Семенов был избран генеральным секретарем, М. М. Федоров, В. Д. Набоков и П. Б. Струве — сотоварищами председателя Национального Комитета; в его состав также вошли кадеты: И. В. Гессен (от Берлина), Павел Д. и Пётр Д. Долгоруковы, П. П. Юренев (от Константинополя), А. В. Маклецов (от Белграда), от Парижа 9 кадетов — Д. С. Пасманик, Ф. И. Родичев, Н. В. Тесленко, В. В. Викторов-Топоров, Б. Э. Нольде и др. Отделы Комитета были созданы практически во всех центрах русской эмиграции. В целом, реакция на съезд и образование Национального Комитета всех кадетских групп, кроме милюковской, была положительной. Одобрялась его политическая программа, главная цель движения в которой была, по словам А. В. Карташева, согласно «органическому мировоззрению», обозначена как создание «национального государства на принципах: национальность и собственность».

¹⁴ *Набоков В. Д.* Об идейных основах борьбы за освобождение России // Общее дело. № 329. 1921. 10 июня; № 330. 1921. 11 июня.

Таким образом, анализ материалов съезда дает возможность, прежде всего, скорректировать оценки его характера и содержания программ, имевшие место в советской историографии и характеризовавшие его как «великодержавное» и «промонархическое» объединение. Ядро и основную движущую силу съезда составили кадеты, точнее их «второе поколение» (если не по возрасту, то по положению в партии). Именно благодаря политическому профессионализму таких политических деятелей кадетской партии, как А. В. Карташев, М. М. Федоров, Ю. Ф. Семенов, В. Д. Набоков и др., и их видению объединенной на *национальной* и *надпартийной* основе (как объявил В. Д. Набоков, «с отрешением от узкопартийных лозунгов и форм») эмиграции, как основного фактора противостояния большевизму, на какое-то время удалось объединить её определенные круги; в последующем же процессе строительства обновленной России мог бы быть произведен отбор и дифференциация союзников. Именно данные кадеты определили либеральный характер большинства решений и программ съезда, не отвергавших, однако, начал исторической преемственности и приверженности определенным традиционным ценностям, что обусловило их сочетание в мировоззренческом плане с консервативным компонентом, в частности, с призывом к высокому напряжению надклассовой и национальной идеи, как условию подлинной демократии.

Причём, на наш взгляд, настаивая на сочетании терминов «национальное» и «политическое» применительно не только к характеру создаваемого объединения, но и определению будущего России как национального государства, они в чём-то предвосхитили современных теоретиков по национальному вопросу¹⁵, демонстрируя этнополитический подход к его решению в традициях французской государственно-национальной школы, берущей начало от Руссо. Как и представители этой школы, русские либералы исходили из политического понятия нации, рассматривая её в связи с революцией как сообщество всех граждан страны, объединенных единством политической воли и равных перед законом независимо от социального положения, происхождения, языка или

¹⁵ *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. М.: РГГУ, 2000.

религии. Отсюда их программная установка на возрождение в постбольшевистской России суверенности общенародной воли и «демократического начала народовластия». В то же время, осознавая «идеальность» вышеобозначенного подхода применительно к российской исторической действительности, они ориентировались одновременно на его сопряжение с этнокультурным определением национальной идентичности, проистекавшим из постулатов германской культурно-национальной школы и предлагавшим учитывать культурные особенности национальной общности, исторические традиции её развития и их преемственность. Неслучайно А. В. Карташев себя и своих сторонников после съезда назвал «национал-либералами» — в отличие от «радикал-демократов» в лице милюковцев¹⁶.

Безусловно, съезд Национального Объединения не был безоговорочно устремлен в будущее, но и не был однозначно ориентирован на прошлое. Это была попытка осмотреться, свыкнуться с произошедшей катастрофой и наметить контуры положительной программы действий. И главное — съезд подтолкнул либеральную эмиграцию к уточнению многих самооценок и социальных прогнозов в духе умеренного консерватизма.

Вопрос о преемственной русской власти, как важном атрибуте либерально-консервативного мировоззрения, продолжал подниматься и рассматриваться в кадетской и умеренно-консервативной среде, ассоциируясь с идеологией *традиционного* кадетизма и главной проблемой — «восстановлением власти и государственности». Какое-то время он продолжал увязываться с сохранением Русской армии и ее главнокомандующим П. Н. Врангелем, как носителями национальной идеи. Обращалось внимание на идейную работу в ней, т. е. необходимость привития армии «нужных идей»: отказа от мести, от попыток отбирания земли и восстановления старых порядков, добиваясь изоляции её от рейхенгалльцев — крайнего крыла монархического движения (по названию местечка Рейхенгалль в Германии, где с 29 мая по 6 июня 1921 г. проходил съезд русских монархистов, связавший возрождение России с восстановлением монархии Романовых). Подчеркивалось, что «общий

¹⁶ Протоколы... Т. 5. С. 276.

фронт» направо мог протянуться только до «умеренно-правых»¹⁷. Также постепенно исчезали упоминания об интервенции в силу ее «сомнительности» и нереальности.

По-прежнему составляя ядро Национального Комитета и одновременно являясь членами Парижской группы партии народной свободы, такие кадеты как Д. С. Пасманик, А. В. Карташев, Н. В. Тесленко (ставший председателем группы), Ю. Ф. Семенов, М. М. Федоров и др., называвшиеся *миликовцами* *п р а в ы м и* и сами же себя именовавшие «*т р а д и ц и о н н ы м и*», на протяжении 1921–1926 гг. инициировали постановку и рассмотрение многих вопросов, связанных с пересмотром и обновлением «собственной идеологии».

Будучи свидетелями с трудом проходившего после окончания мировой войны процесса возрождения европейских демократий («... жизнь в Западной Европе на острие ножа», «от Версальского договора почти ничего не осталось») и совсем недавно пережив крушение собственных демократических идеалов, они занимались, по словам Н. В. Тесленко, проверкой тех идей, которые были жизненно важны и для партии и для будущей России в целом («главное — идеи и традиции»); при этом делались выводы концептуального значения. Один из наиболее значимых опять-таки принадлежал Тесленко, который обратил внимание на то, что русские либералы слишком долго воспитывались таким образом, что загадки построения «наилучшего» государственного строя уже давно наукой разрешены; поэтому необходимо было только осуществить в жизни «наиболее либеральный демократический строй», как например, «четырёххвостку» [выборы всеобщие, равные, прямые; тайным голосованием], республику, парламентаризм и пр., и тогда «на земле воссияет солнце правды и народы станут счастливыми и довольными»: «На земле рай, а в человеках благоволение»¹⁸. Несколько позднее на эту черту мышления либералов тех лет обратила внимание и А. В. Тыркова-Вильямс, назвав их «повальной, безграничную веру в политические формулы» чем-то вроде «колдовского заговора»¹⁹.

¹⁷ Протоколы... Т. 6. Кн. 1. С. 123-124; Кн. 2. С. 198, 242.

¹⁸ Там же. Кн. 2. С. 42, 133, 136-137.

¹⁹ Тыркова-Вильямс А. В. На путях к свободе. Лондон, 1990. С. 382.

Поражает адекватность либерального воображения по поводу конструкции нового строя в начале и в конце XX века: разве что российские либералы 1990-х годов, наряду с вышеобозначенным в качестве главной либеральной панацеи, сиюминутно, по их мнению, преобразующей страну, рассматривали еще и рынок. Воистину: никто ничему не учится. Однако к чести либералов прошлых лет, они признали, что в сложившейся ситуации вся эта политическая аксиома «трещит и лопается, как мыльный пузырь», и попытались рассматривать вопрос не философски, а практически или феноменологически, т. е. с учетом исторической, культурной и прочей специфики страны, придя к достаточно жесткому выводу: «Манчестерский либерализм умер», а «настоящий либерализм», по крайней мере в России, ещё «не начинал жить». Правомерен был вывод и о том, что лишь в тех странах, где демократические учреждения существовали долго и функционировали «исправно», им удалось выдержать напор «вражеских сил»; в странах же, где традиции демократии были «слабы», а народ «малокультурен», такой атрибут как демократические выборы, всегда давал большинство той партии, которая «стоит в настоящий момент во главе правительства». Опять-таки весьма симптоматично это звучит и для российской общественности начала XXI века, когда в марте 2007 г. по результатам выборов в региональные законодательные органы власти по 27 субъектам федерации называлась цифра 75 %, полученных проправительственной партией «Единая Россия»; аналогичная картина была и на выборах в Государственную Думу в декабре 2007 г.

Признав, что демократия не являлась чем-то абсолютным («это каучуковый мячик, которым легко перебрасываться из одних рук в другие» — Д. С. Пасманик), отталкиваясь от двух признанных «критериумов» в определении ее ценности — максимума «народного блага» для «максимума граждан» и «народного суверенитета», идеологи традиционного кадетизма трансформировали его применительно к России в «критериум государственности», т. е. в максимум удовлетворения народных нужд, но при неременном условии укрепления государства как гаранта и преобладания в населении «национальных» чувств над классовыми. И наконец, признавая поразительность результатов, которые дала демократия в области гражданско-правового строя, данные идеологи обратили

внимание на её уязвимость при решении проблемы равновесия между исполнительной властью и народным представительством, проблему отношений «управляющих к управляемым», придя к выводу, что парламентаризм мог действовать удовлетворительно только там, где были соответствующая политическая культура, устойчивые партии, прошедшие отбор временем (как, например, в Англии); в противном случае — это «карикатура».

Из аналогичного посыла исходил и А. В. Карташев, когда в одном из своих докладов-лекций в Праге (октябрь 1923 г.) при характеристике содержания переходного периода в будущей России, признав неизбежность её превращения со временем в «правовое и демократическое» государственное образование, использовал в уточненном варианте уваровскую формулу-триаду, однозначно «изгнав» из неё самодержавие, но и не отрицая в качестве временного варианта авторитарный метод правления именно в силу народной «незрелости», «рассыпанности теперешней России». Тем самым он попытался, по его словам, обрисовать контуры «национальной идеологии» — и Англия с ее «антикапитализмом», и США с «пиетизмом старобиблейского оттенка» имели «собственную идеологию». Привнося в идеологию будущей «возрожденной России» весьма важный для нее элемент консерватизма, взятый им из «старой формулы», в чем-то верно угадавшей «главные нервные узлы русского характера»²⁰, и вставив вместо самодержавия «участие народа в законодательстве и управлении», он, по словам Н. В. Тесленко, дал важные исторические и философские оценки.

Таким образом, весьма единодушно обозначив условия и предпосылки реализации будущего государственного устройства России и её национальной идентичности, либералы правого толка не выработали его окончательной практической модели, оставляя за будущей российской властью и обществом возможность варьирования в ее оформлении, в целом признав и демократию, но исходя из того, что данную форму правления необходимо приспособлять «по времени и по месту» и что ее утверждение в России должно сопровождаться заключением определенных компромиссов, кроме попыток реставрации и соглашений с большевиками.

²⁰ Протоколы... Т. 6. Кн. 2. С. 285, 295, 183.

Весьма важным при этом оставался для правых кадетов, как, впрочем, и для значительной части эмиграции, вопрос об отношении к Русской армии. Отталкиваясь, как в своё время и П. Н. Милюков, от факта её поражения в Крыму как катастрофы, но, в отличие от последнего, «не унижая» партию «до задворков социализма» (упрек Милюкову за его попытки достижения соглашения с эсерами), правая часть либералов оценила все произошедшее как утрату российской государственностью своего «субстанционального» статуса, в значительной степени ранее и определяемого этой армией. Лидеры Национального Комитета — кадеты воспринимали свою связь с нею и ее руководителями, как с частью «исторической» России. Вот почему, говоря словами А. В. Карташева (а на съезде в 1921 г. — В. Д. Набокова), связь с армией поддерживалась не для того, чтобы «делать высадку где-либо на территории России, о чем мечтали Кутепов и некот[орые] другие...»²¹, а главным образом, чтобы продемонстрировать сохранение принципа «вооруженной борьбы» как свидетельства полного неприятия большевизма в культурном, национальном, социальном и политическом плане.

Не отказываясь от «общего духа» либерализма, правые (традиционные) кадеты в эмиграции в то же время в свете пережитого явно ощущали ограниченность его универсализма как *системы принципов*, а именно так, как показывает анализ, они его воспринимали. Вообще, анализ ограниченного либерального опыта XX столетия наводит на мысль о том, что русский либерализм не выработал *типологический определитель* демократического, правового государственного устройства для России. Как заметил с горечью председатель Парижской группы партии народной свободы Н. В. Тесленко: «Что касается нашего отечества, то оно от этого мировоззрения до сих пор ничего хорошего не вкусило...»²².

Определив на основе приобретенного политического опыта методологический ключ в подходе к проблеме — «по времени и по месту», правые кадеты в лице своих идеологов тем самым четко обосновали г л а в н ы е у с л о в и я и п р е д п о с ы л к и возможного оформления демократического и правового государст-

²¹ Там же. С. 283.

²² Там же. С. 139.

венного строя в посткоммунистической России, т. е. ее политической модернизации. Они внесли в данную концепцию существенный консервативный компонент не столько в доктринальном смысле, сколько в плане ценностных предпочтений, и в этой связи значительно расширили спектр параметров консерватизма: нравственно-духовный, мировоззренческий, в меньшей мере — религиозный и т. д. Они в эмиграции «сняли» слабости не только консерватизма, но и либерализма: его надежды на возможность быстрой демократизации социально-политических институтов, «строительство без укрепления», непонимание важности слияния национального и либерального начал и т. д. Как неоднократно повторял А. В. Карташев, Россию надо строить на «синтезе двух начал»: монархии и республики, империализма и демократии. И неслучайно сегодня многие ученые и политики настаивают на важности разработки синтетической модели для современной России²³.

И ещё один вывод вытекает из всего вышеизложенного: либерализм, являясь открытой доктриной, имеет весьма неустойчивое инвариантное ядро в такой стране, как Россия — ввиду многообразия составляющих её политических и социокультурных структур, и чаще всего на планетарном изломе с трудом удерживается в рамках своего идеологического поля, пополняя теоретический багаж либо левыми (социальный либерализм), либо правыми (консервативный либерализм) идеями.

Итак, в российской эмиграции 1920-х годов определилась весьма значительная группа либеральных деятелей, которая, отказавшись от рассмотрения консерватизма в качестве обязательной антитезы либерализма (на последнем в эмиграции упорно настаивал П. Н. Миллюков), попыталась самоидентифицироваться в рамках политической идеологии умеренного либерализма, государственно и национально ориентированного, усилив его консервативную составляющую, как своего рода интеллектуальный ответ и на большевистскую революцию, и на неудачу демократических реформ в постфевральской России.

²³ Модели общественного переустройства России. XX век / Отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2004. С. 256.

М. В. КОВАЛЕВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАЗДНИКИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ¹

Одним из способов сохранения национальной идентичности и исторической памяти в условиях эмиграции стали церемонии, выразившиеся в праздновании многочисленных знаменательных дат. Исторические праздники в Русском Зарубежье способствовали оживлению культурной традиции, объединяющей эмигрантов разных поколений. Эти мемориальные торжества постепенно становились не только средствами выражения национальной самобытности русских на чужбине, но и выполняли роль важного компонента в структуре их этнической и культурной самоидентификации.

Немецкий историк Я. Ассман трактует культурную память как сложный, многослойный феномен, как «особую символическую форму передачи и актуализации культурных смыслов, выходящую за рамки опыта отдельных людей или групп». Она находит свое выражение «в мемориальных знаках разного рода — в памятных местах, датах, церемониях, в письменных, изобразительных и монументальных памятниках»². По мысли Я. Ассмана вокруг воспоминаний о прошлом складывается новая парадигма культуры, «в которой разнообразнейшие феномены и области культуры — искусство и литература, политика и общество, религия и право — предстают в новом контексте»³. Многие современные исследователи справедливо полагают, что индивидуальность субъектов формируется в исторических обстоятельствах. И эта история, разделяемая представителями той

¹ Автор выражает глубокую благодарность за помощь в подготовке данной статьи профессору М. А. Бирману (Израиль).

² См.: *Ретина Л. П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003. С. 11.

³ *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 12.

или иной общности людей как часть коллективного прошлого, составляет основу групповой идентичности⁴. Вполне закономерно, что в такой ситуации культурная память, охватывающая разнообразные формы обращения к истории, выступает как образ коллективного прошлого и начинает выполнять объединительные функции⁵.

Для русской диаспоры воссоздание прошлого было ответом на большевистскую денационализацию, который был сопряжен с представлениями об особой культурной и исторической миссии эмиграции. Немалую роль играли в этом празднования многочисленных юбилейных и памятных дат, в процессе которых ярко проявлялись особенности коллективного сознания русских изгнанников. Нам представляется важным рассмотреть феномен исторических праздников Зарубежной России не столько с сугубо церемониальной стороны, сколько с позиции их идейного содержания. Безусловно, вынося результаты своих скромных изысканий на суд читателей, автор данной работы не претендует на полноту охвата сюжета, что вообще вряд ли можно сделать в масштабах небольшой статьи.

В дореволюционной России массовые общегосударственные исторические торжества имели место особенно в последние годы существования империи в 1912 г., когда праздновалось 100-летие Отечественной войны, и в 1913 г., когда помпезно было отмечено 300-летие дома Романовых. Большевики, полностью отвергая историческое прошлое России, попытались установить традицию историко-революционных празднеств, введя в пантеон народных героев разного рода революционеров, создав новую иерархию исторических ценностей.

Перед эмиграцией стояла сложная задача, не имевшая аналогий в отечественной истории. Диаспора нуждалась не просто в памятных мероприятиях, но в символическом выражении того, что

⁴ См.: Люббе Г. Историческая идентичность // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 108-113; Репина Л. П. Указ. соч. С. 22; Ассман Я. Указ. соч. С. 17 и др.

⁵ Известный немецкий историк Й. Рюзен заметил, что «воспроизведение прошлого является необходимым условием обеспечения человеческой жизни культурной рамкой ориентации, которая открывает будущую перспективу, основываясь на опыте прошлого» (Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории // Диалог со временем. Вып. 7 (2001). С. 12).

даже здесь на чужбине русская культура, национальные традиции и язык продолжают жить. В обращении к своим соотечественникам за рубежом в 1926 г. историк Е. Ф. Шмурло отмечал, что подобные торжества должны стать для эмигрантов напоминанием о великом прошлом, о великих духовных ценностях, созданных творческой работой предшествовавших поколений и ставших неотъемлемым достоянием русского народа⁶. В более широком смысле, они должны были служить важным механизмом сохранения и передачи исторической памяти, которую П. Б. Струве назвал «основой и зиждицей силой всякой национальной культуры»⁷.

Феномен исторических праздников в эмигрантской среде начинает проявляться с середины 1920-х гг. Примерно с этого времени в сознание эмигрантов закрадывается мысль о том, что их пребывание на чужбине затягивается на неопределенное время. Период «сидения на чемоданах», ожидание возвращения, поиск дороги домой сменились ощущением безнадежного расставания с Родиной.

Угроза денационализации в отрыве от России ставила перед эмигрантами проблему сохранения национальной и культурной самобытности. В особенности остро эта задача вставала перед молодым поколением, представители которого покинули Родину еще в юном возрасте, а теперь жизнь на чужбине наносила ощутимый удар по их «живому чувству Родины». Е. Ф. Шмурло констатировал: «Новая чужая обстановка мало-помалу вытесняет образы раннего детства; последние становятся все бледней и бледнее; воспоминания о русском прошлом, русском быте, русском пейзаже незаметно вытравляются, а с ними и духовная связь с Россией...»⁸. Историко-культурные празднества должны были помочь молодым сохранить память о России, язык, культурное своеобразие в условиях инородческого окружения.

Нельзя не принимать во внимание особое восприятия исторического Моментa людьми, пережившими за короткое время не-

⁶ См.: Шмурло Е. Ф. Что такое День русской культуры? // Зодчие русской культуры. Прага, 1926. С. 7.

⁷ Струве П. Б. Национальная культура и историческая память // День Русской Культуры: Краткий отчет о праздновании в 1928 году. Прага, 1928. С. 18.

⁸ Шмурло Е. Ф. Указ. соч. С. 9.

бывалые потрясения и выброшенными за пределы Отечества. Революция привела к глобальной переоценке прежних ценностей, дала толчок к переосмыслению минувшего. Деформация исторического сознания порождала новое понимание прошлого. По словам П. Нора, вполне закономерно, что великие попытки пересмотра истории приводят к расширению пространства коллективной памяти⁹. К тому же всякое изгнание заставляет по-новому осмысливать пережитый опыт и по-новому вглядываться в завтрашний день. Оно обостряет ностальгические чувства и тягу к потерянной Родине¹⁰. Эмигранты, еще недавно бывшие свидетелями стремительного крушения российской государственности, пытались осмыслить корни свершившейся катастрофы и найти духовное лекарство от пережитой ими травмы. Память о прошлом должна была исцелить от травмировавших душу событий. Как справедливо отметил М. Раев, «эмигранты невольно вспоминали прошлое избирательно, отыскивая в истории России события, которые помогли бы им забыть недавние ужасы, утверждали вечные истинно русские ценности»¹¹. В иерархии этих ценностей едва ли не главное место было отведено русской культуре, которая сделалась неотъемлемой частью самосознания диаспоры, приобрела особый статус¹². Ее сохранение составляло основу представлений о миссии русской эмиграции.

Формы организации памятных церемоний в Зарубежной России были разнообразны. Как правило, это были торжественные со-

⁹ См.: Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция — память. СПб., 1999. С. 22.

¹⁰ Эти чаяния хорошо обрисовал Е. Ф. Шмурло: «...Злой рок выбросил нас за борт государственного корабля, но зато, может быть, никогда еще с такой остротой и с таким жгуче-радостным чувством не ощущали мы кровную связь с нею, никогда так не ценили ее, как теперь, никогда еще не сознавали с такою отчетливостью высокого значения наших духовных достижений, результата вековых усилий и творческой работы русского народа» (Шмурло Е. Ф. Что дало нам творчество Пушкина? // День Русской Культуры. Однодневная газета, посвященная празднованию «Дня Русской Культуры» в Харбине в 1931 г. Харбин, 1931. С. 11).

¹¹ Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. М., 1994. С. 199.

¹² Показательно, что среди многих эмигрантов укоренилось обозначение этого понятия в написании с большой буквы — «Русская Культура».

брания, литературно-исторические вечера, тематические лекции, концерты, иногда балы. Все они предполагали широкое участие эмигрантских кругов. Тем не менее, некоторые торжественные мероприятия были ориентированы лишь на определенные слои диаспоры. Так, в многочисленной военной среде было распространено празднование памятных дат, связанных с победами русского оружия, или с памятью о великих полководцах. В академических кругах вспоминали о ярких достижениях отечественной научной мысли и чествовали крупных ученых.

В организации празднеств обычно участвовало сразу несколько эмигрантских научных и культурных организаций. Ими могли быть Академические группы, русские гимназии, высшие учебные заведения, творческие союзы писателей, музыкантов, журналистов и т. д. Масштабные празднества сопровождалась одновременно научно-популярными лекциями, театральными постановками, музыкальными концертами, молебнами и т. д. Особой популярностью пользовались оперы Н. А. Римского-Корсакова, М. И. Глинки, М. П. Мусоргского, П. И. Чайковского, иначе говоря, тех композиторов, которые в своем творчестве с наибольшей силой выражали национальные традиции, русский колорит, мощь отечественного музыкального искусства. Оперные спектакли или же исполнение отдельных арий практически всегда сопровождали массовые празднества во всех центрах Зарубежной России.

Специально к памятным датам был приурочен выпуск юбилейных изданий: книг, статей, буклетов, брошюр, однодневных газет, листовок. Часто на их страницах публиковались календари исторических дат. Все эти издания являются сегодня бесценным историческим источником. Зачастую лишь они могут дать представление о масштабах, формах проведения, идейном содержании торжеств.

Празднование памятных дат, чествование великих людей приобрело в Зарубежной России широкий размах. Бегство в прошлое не только врачевало душу, но пробуждало чувство национальной гордости. Передаваясь из поколения в поколение оно запечатлелось в культурно-историческом наследии.

Французская исследовательница М. Озуф заметила: «Память о великом человеке свидетельствует о существовании внеисторического в истории, чистым продуктом которой никогда не является

великий человек. В гораздо большей степени, чем национальная история, эта память является моральным кодексом»¹³. Для русской эмиграции образы прошлого также наполнялись символическим значением: Петр Великий выступал символом государственности, Сергей Радонежский — духовности, а А. С. Пушкин — символом всей российской культурной традиции. На заседании Русского научного института в Белграде 12 февраля 1930 г. историк Е. Ф. Шмурло заявил перед собравшейся аудиторией: «В чествовании памяти великих людей ...затаен некий глубокий смысл... Смерть может вырвать большого человека из нашей среды, лишить тех благ, какие связаны были с его существованием; но смерть не в силах отнять у нас память о таком человеке, и чем больше он поработал на своем веку, чем благотворнее его духовное наследие, тем эта память ярче, проникновеннее и ...благодарнее»¹⁴.

Наиболее ярким примером сложившегося у эмигрантов культа великих людей был Петр Великий. Двухсотлетие со дня его смерти, отмеченное в 1925 г., послужило импульсом к появлению множества юбилейных изданий. Анонимный автор на страницах пражского журнала «Студенческие годы» метко выразил причину глубокого внимания к памяти Императора: «Особенно сейчас, в наши дни унижения Нации, разорения и ограбления страны, в дни действия разрушающих сил, — яркое изображение Петра»¹⁵. На волне большевистского нигилизма, обесценивания исторического прошлого России и денационализации многие эмигранты увидели в Петре символ сильной государственной власти и патриотизма. Даже П. Н. Милюков, некогда выступавший последовательным критиком царя-реформатора, смягчил свою прежнюю позицию. В программной статье «Петр Великий и его реформа» он воздал должное гению Императора, подчеркнул национальный характер его реформ, их необходимость и органичность¹⁶.

¹³ Озуф М. Пантеон: Эколь Нормаль мертвых // Франция — память. СПб., 1999. С. 162.

¹⁴ Шмурло Е. Ф. С. М. Соловьев // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1930. Вып. 1. С. 279.

¹⁵ Петр Великий // Студенческие годы. Прага, 1925. № 1 (18). С. 16.

¹⁶ См.: Милюков П. Н. Петр Великий и его реформа // На чужой стороне. Прага, 1925. Кн. X. С. 5-28.

В чествовании Петра ярко проявилась извечная противоречивость оценок его царствования. Различные политические круги пытались по-своему мобилизовать память об Императоре. Уже в начале 1920-х гг. некоторые эмигрантские мыслители стали уподоблять петровские реформы революции, а в самом царе-реформаторе видеть чуть ли не предтечу большевизма. Так, профессор Е. В. Спекторский, полемизируя с Л. П. Карсавиным в юбилейной статье, посвященной Петру, настаивал, что царь был твердым государственным деятелем, а, следовательно, не мог быть революционером, ибо всякий переворот влечет за собой лишь анархию¹⁷. У либералов не вызывала сомнения правильность выбранного Петром пути сближения России и Запада. Но в то же время многие из них признавали едва ли не главным отрицательным последствием петровских реформ глубинный культурный раскол российского общества. Правые круги эмиграции увидели в Петре один из символов сильной монархической власти. Даже в идеологических программах фашистских и профашистских организаций Император наделялся чертами идеального национального вождя.

Память о Петре была множественной, наполненной различными интерпретациями. В ней слишком сильно был запечатлен конфликт идей, разность политических взглядов и оценок; она скорее, разводила, чем объединяла. Возможно именно поэтому, двухсотлетие смерти Петра не получило широкого отклика среди эмигрантов.

Не менее острую полемику вызвал и 100-летний юбилей восстания декабристов в 1925 г. Примечателен случай, произошедший в Русском историческом обществе в Праге. В декабре 1925 г. профессор Д. Н. Вергун на одном из заседаний предложил почтить вставанием память декабристов как борцов с самодержавием. В ответ на это С. Г. Пушкарев отправил письмо с протестом против данного мероприятия. Он заявил о недопустимости проведения специального заседания в память декабристов, сравнив их с народоугодниками-первомартовцами, определил их роль как отрицательную. Несмотря на возникшие разногласия, специальное заседание

¹⁷ См.: Спекторский Е.В. Петр Великий и мы // Благовест. Новый Сад, 1925. Сб. 1. С. 53.

Русского исторического общества все же состоялось¹⁸. Значительная часть эмигрантов с воодушевлением восприняла этот юбилей. В зале Сорбонны в декабре 1925 г. под председательством П. Н. Милюкова прошел памятный вечер, на котором, помимо русских докладчиков, выступил знаменитый французский историк А. Олар. В молчании прослушали собравшиеся «Похоронный марш» Ф. Шопена, исполненный в память о декабристах¹⁹.

М. Алданов, именитый писатель, тонко чувствовавший глубину исторических событий, верно заметил: «Декабристы ничего не разрушили и ничего не создали. Ценность того, что они сделали, заключается всецело в их легенде»²⁰. Состоявшийся юбилей, посвященный событиям 1825 г. способствовал дальнейшему ее развитию. Не случайно, что в эмигрантской среде появились десятки научных и публицистических работ с попытками вновь осмыслить этот феномен. В глазах либералов они были образцом самопожертвования во имя народного блага и борцами с произволом власти. Однако монархические круги эмиграции, вполне естественно, по-иному восприняли столетие событий на Сенатской площади. Они расценивали подавление декабрьского выступления как победу здравого абсолютизма и закона над революционным безумием. Не удивительно, что во многих православных храмах в декабре 1925 г. служили молебны в честь Николая I.

Противоречивые оценки вызывала и личность Л. Н. Толстого, столетие со дня рождения которого было широко отмечено во всем мире в 1928 г. В Праге в течение всего юбилейного года проводились разнообразные мероприятия. Был разработан специальный курс лекций о Л. Н. Толстом для слушателей историко-философского отделения Русского народного университета. 18 января 1928 г. Университет совместно с Чешско-русской еднотой провел памятный

¹⁸ Этот вопрос был тщательно рассмотрен В. И. Цепиловой. См.: *Цепилова В. И.* Историческая наука русского зарубежья: проблемы историографии (1920–2004 гг.). Екатеринбург, 2004. С. 77.

¹⁹ См.: *Леонтьев Я.* Может ли подвиг быть напрасным? Юбилейные заметки о декабристах // «Мы дышали свободой...» Историки Русского Зарубежья о декабристах. М., 2001. С. 20.

²⁰ *Алданов М.* Памяти декабристов // Там же. С. 26.

вечер в честь великого писателя²¹. Несмотря на огромную популярность творчества Л. Н. Толстого в эмигрантской среде, отношение к нему было двойственным. М. Раев обоснованно полагает, что все эмигранты признавали литературное наследие писателя, «его стиль, его абсолютно правдивое описание чувств и поступков огромного числа русских типажей и отдельных личностей», многим импонировали его историософские взгляды, отводившие решающую роль случаю и стечению обстоятельств, в противовес материалистическому пониманию истории. Но, с другой стороны, для большинства эмигрантов, как для людей, переживших ужасы революции и гражданской войны, была абсолютно неприемлема толстовская «проповедь анархизма и непротивления», которая некогда «внесла разлад в умы многих интеллектуалов и привела к бессилию интеллигенции перед лицом войны, насилия, макиавеллиевской жажды власти, характерной для Ленина и большевиков»²². Неудивительно, что в дни толстовского юбилея эмигранты пытались говорить лишь о литературном гении писателя и старались совершенно не затрагивать его общественно-политических взглядов.

Память об упомянутых выше исторических персонажах и событиях ярко выражала конфликт идей внутри самого эмигрантского сообщества. Данные исторические фигуры, как правило, служили объектом коммеморации лишь для определенного круга лиц. Связанные с ними мемориальные торжества привлекали внимание главным образом интеллектуальной элиты. Ни Петр Великий, ни декабристы, ни Л. Н. Толстой не смогли стать объединительными фигурами для русской диаспоры. Даже чествования знаменитых особ, не обладавших такой политической аурой, порой не находили отклика среди значительного числа эмигрантов. В частности, в 1928 г. в связи с печальным известием о смерти в Москве М. Н. Ермоловой, группой русских эмигрантов в Праге было принято решение об организации памятного вечера. Инициатива исходила от московских профессоров, которые прежде имели счастье видеть великую актрису на сцене Малого театра, и в памяти которых она навсегда оста-

²¹ См.: Общий обзор деятельности Русского народного университета за 1928–1929 учебный год // Научные труды Русского народного университета. Прага, 1929. Т. II. С. 400.

²² Раев М. Указ. соч. С. 127–128.

лась живым символом реалистических традиций русского сценического искусства. Задача организации памятного вечера легла на А. А. Кизеветтера. Но, как с прискорбием вспоминал М. М. Новиков, многочисленная «южнорусская беженская публика отнеслась к нашему призыву совершенно равнодушно», и на лекцию в честь М. Н. Ермоловой пришло всего 6 слушателей (при средней посещаемости прочих лекций — 40 человек)²³.

Важно отметить, что культурная память эмиграции была многослойна, и не была полностью закрыта от внешних влияний. Помимо русских персонажей прошлого в пантеон памяти входили, правда, в меньшей степени и представители других народов, в особенности те из них, которые были тесно связаны с историей и культурой России.

Большое место занимало чествование памятных дат славянской истории, что легко объяснить высокой концентрацией русских именно в славянских странах, и многовековой традицией межкультурных контактов. В конце 1920-х гг. к примеру, широко отмечалось 50-летие Русско-турецкой войны за освобождение балканских народов от османского ига.

В 1927 г. в Праге по случаю 50-й годовщины с начала войны прошло торжественное заседание Русского исторического общества, на котором со вступительным словом выступил его председатель Е. Ф. Шмурло. Памятный вечер был организован и в Русском народном университете при участии М. М. Новикова, М. А. Иностранцева и др. Непременным гостем пражских торжеств был В. И. Немирович-Данченко, один из первых русских военных корреспондентов, и живой свидетель далекой войны²⁴. Правда, юбилей не обошелся без идейных споров. На собрании в Пражском магистрате чешский профессор И. Горак заявил, что, несмотря на героизм русских солдат, война с Турцией оказалась бы проигранной из-за

²³ Новиков М. М. От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. С. 346.

²⁴ *Važant Z.* O významu a činnosti Ruské lidové university v Praze // Научные труды Русского народного университета. Прага, 1929. Т. II. С. 388; Русский Народный университет в Праге. Отчет о деятельности за 1926–1927 учебный год. Прага, б. г. С. 15; Русское историческое общество в Праге за девять лет существования. 1925–1934. Прага, 1934. С. 6, 11.

бездарности русских генералов, если бы на помощь им не пришли болгарские ополченцы. Южные славяне находились под влиянием чешских будителей, которые своим идейным воздействием воспитали поколение болгарских патриотов. В действительности болгарские ополченцы по сравнению с огромной русской армией составляли лишь небольшое по численности подразделение и, конечно же, не могли решить исход войны, несмотря на свой героизм. К тому же, в русской армии было немало талантливых генералов, хотя главное командование, в самом деле, допускало серьезные просчеты. Русские эмигранты болезненно восприняли выступление И. Горака. Профессор М. М. Новиков вспоминал, что они уходили с собрания уязвленными, подавленными и глубоко потрясенными²⁵.

Местом проведения основных торжеств в 1928–29 гг. стала, разумеется, сама Болгария. Русские эмигранты приняли в них деятельное участие, «ветераны выступали с воспоминаниями, ученые и культурные деятели эмиграции — с торжественными речами, лекциями, докладами, с использованием музыкальных и литературно-художественных произведений». Премьер-министр Болгарии А. Ляпчев, выступая в 1928 г. на торжествах в Пловдиве, воздал должное героизму русских участников освободительной войны, оказавшихся теперь в изгнании²⁶. В Болгарии в 1929 г. был подготовлен научный сборник²⁷, в котором приняли участие как известные болгарские (С. С. Бобчев, В. Н. Златарски), так и русские специалисты (В. А. Францев, П. М. Бицилли, И. И. Лаппо, А. А. Кизеветтер, А. В. Флоровский и др.).

Война, вызвавшая некогда небывалый патриотический подъем, по-прежнему волновала умы множества российских людей. Образы героев Шипки и Плевны, генерала М. Д. Скобелева, мечты о славянской взаимности продолжали жить в исторической памяти.

²⁵ Новиков М. М. Русские эмигранты в Праге // Новый журнал. Нью-Йорк, 1957. Кн. XLIX. С. 251-252.

²⁶ См.: Бирман М. А., Горяинов А. Н. Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии 1920–1930-х годов // Новая и новейшая истории. 2002. № 1. С. 188.

²⁷ Прослава на освободителната война 1877–1878. Руско-български сборникъ. София, 1929.

Для русской диаспоры в Чехословакии огромное значение имели юбилеи, связанные с возрождением чешской государственности. Ежегодно в день независимости республики (28 октября) организовывались памятные вечера и собрания. Обычно русские организации устраивали торжественный вечер, в первой части которого произносились официальные речи, а во второй проходил концерт. С особой пышностью было отпраздновано 10-летие Чехословацкой республики в 1928 г. Одним из главных центров торжеств сделался Русский народный университет. 20 октября 1928 г. на годичном собрании университета с поздравительными речами в честь юбилея выступили М. М. Новиков, А. А. Кизеветтер, Е. А. Ляцкий. Эмигранты также принимали участие в празднествах по случаю 75-летия (1925) и 80-летия (1930) Т. Масарика²⁸. Для большей части русских изгнанников знаменитый мыслитель и государственный деятель был настоящим кумиром. Русская диаспора чувствовала не просто основателя Чехословацкой республики, но великого демократа и гуманиста не только европейского, но и всемирного масштаба²⁹. В юбилейной речи в честь 80-летия чехословацкого президента в марте 1930 г. А. А. Кизеветтер назвал его смелым борцом «с общественными предрассудками во имя Истины, Правды и Добра, во имя всех самых светлых и прогрессивных начал, которыми живо человечество»³⁰.

Дальневосточная ветвь эмиграции отмечала даты, оставившие след как в российской, так и в китайской истории. Колоритную ок-

²⁸ Общий обзор деятельности Русского народного университета за 1928–1929 учебный год // Научные труды Русского народного университета. Прага, 1929. Т. II. С. 399; *Новиков М. М.* Русские эмигранты в Праге. С. 253.

²⁹ См.: *Фенцик С. А.* Юбилей Т. Г. Масарика // *Т. Г. Масарик*: Юбилейный сборник по поводу восьмидесятилетия со дня его рождения. Ужгород, 1930. С. 10–15. В своей статье этот известный деятель писал о чешском президенте как о «стойком труженике на поле человековоспитания», который, «служа своему народу, ...служил всему человечеству». В Подкарпатской Руси культ Т. Масарика приобрел особый размах. В июле 1927 г. в Ужгороде по инициативе Культурно-просветительского общества имени А. Духновича, в работе которого участвовало и местное население, и русские эмигранты, был заложен памятник Т. Масарику.

³⁰ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 566. Карт. 7. Ед. хр. 8. Л. 10.

раску носили массовые торжества, прошедшие 11–12 июня 1923 г. в Харбине по случаю 25-летия основания города и строительства КВЖД³¹. Юбилей был организован совместными усилиями русских и китайцев. Отдавая дань уважения китайскому народу, было решено открыть в дни торжеств памятник первому председателю КВЖД Сюй Цзинчэну, казненному ихэтуанями в 1900 г. 11 июня состоялся молебен в фойе Железнодорожного собрания, после которого прошло торжественное заседание правления КВЖД. Вечером «был устроен грандиозный раут-спектакль: оперный ансамбль поставил оперу «Паяцы», был устроен стол а-ля фуршет и, конечно, был фокстрот, который танцевали во всех залах и даже на площадках второго этажа собрания»³². На следующий день состоялось открытие памятника и Юбилейной выставки в Московских торговых рядах, было проведено торжественное заседание Общества изучения Маньчжурского края.

Многочисленные представители интеллектуального сообщества, оказавшиеся в эмиграции, отмечали юбилейные даты, связанные с историей русской науки: 200-летие Российской Академии наук, 100-летие со дня рождения Б. Н. Чичерина (1928), А. Н. Пыпина (1933) В. И. Ламанского (1933), Д. И. Менделеева (1934), 100-летие Киевского университета (1934), 15-летие Юридического факультета в Харбине (1936), 10-летие Русского научного института в Белграде и мн. др. Но все эти мероприятия носили узкокорпоративный характер и были выдержаны в классическом академическом стиле. Обычно в честь подобных дат устраивались торжественные публичные собрания, на которых заслушивались сообщения о том, или ином памятном событии, в соответствии с традициями дореволюционной научной культуры.

Широкий размах в странах русского рассеяния имело празднование в 1929 г. 70-летия П.Н. Милюкова. Он был необычайно популярен в широких кругах русских изгнанников по всему миру. В немалой степени этому способствовал огромный успех редактируемой им газеты «Последние новости»³³. Друзья и коллеги имени-

³¹ См.: Мелхов Г. В. Белый Харбин: Середина 20-х. М., 2003. С. 376-383.

³² Там же. С. 379.

³³ «Последние новости» издавались в Париже в 1920–1941 гг. Это была самая многотиражная газета Зарубежной России. Она удовлетворяла

того историка и политика издали в Париже, Праге и Софии юбилейные сборники в честь этого события³⁴. Этот юбилей объединил многих русских интеллектуалов в разных странах. Разве что праворадикальные круги эмиграции восприняли его враждебно.

Одним из главных торжеств для всей научной эмиграции стал 175-летний юбилей Московского университета, отмеченный в 1930 г. В подготовке памятных мероприятий принимали участие русские интеллигенты, жившие в Праге и Париже. Центром празднеств решено было сделать французскую столицу. 24 января 1930 г. прошел торжественный вечер в парижском зале «Гаво», на котором с речами выступили перед собравшимися В. А. Маклаков и П. Н. Миллюков. Завершилось торжество концертом Н. Плевицкой. На следующий день утром прошел молебен в соборе Александра Невского на улице Дарю, а вечером состоялся банкет в ресторане «Мобер»³⁵.

Согласно с московскими университетскими традициями было также ежегодное празднование Татьянина дня. Сохранению этого обычая в эмигрантской среде во многом способствовали московские профессора, оказавшиеся в вынужденном изгнании — А. А. Кизеветтер, М. М. Новиков, В. А. Стратонов и др. Главными центрами Татьянинских празднеств считались Прага и Харбин, поскольку именно в этих городах имела развитая сеть русских высших учебных заведений, концентрировалась русская профессура и студенчество³⁶. Татьянинские дни занимали важное место в передаче

интересы разных групп читателей. См. подробнее: *Бирман М. А.* В одной редакции (О тех, кто создавал газету «Последние новости») // Евреи в культуре Русского Зарубежья. Иерусалим, 1994. Т. III. С. 147-167.

³⁴ См.: Бирман М. А. К истории изучения жизненного и творческого пути П. Н. Миллюкова // Отечественная история. 1997. № 1. С. 94.

³⁵ См.: Гутнов Д. А. Празднование 175-летия со дня основания Московского университета в Париже 24-26 января 1930 г. // www.historia.ru/2004/01/.

³⁶ В иных центрах русского рассеяния празднование Татьянина дня часто было невелико по масштабу, носило камерный характер. Тем не менее, праздник этот оставался одним из самых любимых. Живший в Латвии журналист Г. Гроссен писал в своих биографических заметках: «Когда в Ригу прибыл профессор Грибовский... мы с ним решили открыть общество празднования Татьяниного дня... Многие живо отклик-

университетских традиций от старшего к молодому поколению. Бывшая студентка Северо-Маньчжурского университета в Харбине вспоминала: «Создавалось застолье профессуры и студентов, где пелись знаменитые старинные студенческие песни, сочинялся не менее знаменитый Журавель — шуточные куплеты на злобу дня»³⁷. Помимо этого, Татьянин день рассматривался как благотворительная акция. Доходы от продажи входных билетов на праздничный бал использовались для поддержания нуждавшихся студентов, закупки учебной литературы, издания научных трудов и т. д. В Праге «многие из приглашенной чешской интеллектуальной знати по почте присылали, кроме денег за билеты, еще добавочные пожертвования»³⁸, в Харбине «почетные билеты заранее охотно раскупались коммерческим миром, жертвователями и просто хорошей публикой»³⁹. Немалые средства в копилку праздника давала и организация буфетов. Традиция Татьянина дня уходила своими корнями в историю университетского образования в России. В условиях эмиграции она была призвана стать прибежищем памяти о славном прошлом.

«День русской культуры» стал самой удачной попыткой *общеземлянского* культурно-исторического праздника. Впервые его отметили в 1924 г. в Эстонии, а уже в марте 1925 г. эмигрантские организации в Чехословакии обратилась ко всем русским людям за рубежом с предложением ввести празднование «Дня русской культуры» в ежегодную практику и придать ему объединительный характер. В своем обращении эти организации указывали на опасность денационализации молодого поколения, которая не позволит «выполнить мечту огромного большинства русских за рубежом: вернуться в Россию и работать над ее воссозданием»⁴⁰. Было предложено приурочить торжества ко дню рождения

нулись. В январе, кажется, 1923 г. состоялось первое собрание в Русском клубе, где избрали комитет по празднованию этого значительного для русских студентов дня» (Гроссен Г. Жизнь в Риге // Даугава. Рига, 1994. № 1. С. 175).

³⁷ Медведева Е. С. Татьянин день // Русский Харбин. М., 1998. С. 62.

³⁸ Пушкарев С. Г. Воспоминания историка. 1905–1945. М., 1999. С. 96.

³⁹ Медведева Е. С. Указ. соч. С. 63.

⁴⁰ К русским людям за рубежом // На чужой стороне. 1925. Кн. X. С. 306.

А. С. Пушкина (6 июня) и придать им неполитический характер. Цель «Дня русской культуры» была тройной: «объединить эмиграцию, усилить ее связи с русской культурой, которые неизбежно становились все слабее, и распространить знание русской культуры в ведущих обществах»⁴¹.

Идея общеэмигрантского праздника встретила большую поддержку со стороны русской диаспоры по всему миру. Рижская газета «Сегодня» писала в 1925 г.: «День Русской культуры, прежде всего, чужд не только партийности, но и политики. В этот день русское население, разбросанное в разных странах, стремится почувствовать свое духовное единство, осознать те великие ценности в области литературы и искусства, которые созданы творческим гением русского народа и получили мировое признание»⁴². Эту же мысль выразил и знаменитый историк А. А. Кизеветтер, который, говоря о значении всеэмигрантского праздника, подчеркнул: «“День русской культуры” нам дорог, потому что в этот день мы чувствуем себя духовно объединенными»⁴³.

С середины 1920-х гг. празднование «Дня» прочно вошло в эмигрантскую традицию, участие в нем принимали тысячи русских изгнанников, разбросанных по разным частям света. Он широко отмечался в 1920–1930-х гг. в Париже, Софии, Риге, Харбине и т. д. В Чехословакии, Франции, Германии, Болгарии, Югославии, Польше, Латвии, Бельгии, Китае возникли Комитеты «Дня русской культуры», выступившие в качестве организаторов празднеств. Во многих странах местные власти оказывали содействие русским эмигрантам. Так в Праге поддержку им оказывали Чешское радио, Национальный театр, Пражская филармония. Апогеем празднования в Чехословакии, как отмечают И. Савицкий и Е. Андреева, стали 1928–1930 гг. В 1930 г. очаг празднеств переместился из Праги в Братиславу, где главным событием стала постановка оперы «Борис Годунов» с Ф. И. Шаляпиным в главной партии⁴⁴.

⁴¹ *Andreyev C., Savický I.* Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918–1938. New Haven, 2004. P. 156.

⁴² День Русской культуры // Сегодня. Рига, 1925. 20 сентября. № 211.

⁴³ *Кизеветтер А. А.* Смысл дня русской культуры // День Русской Культуры: Краткий отчет о праздновании в 1928 году. Прага, 1928. С. 16.

⁴⁴ *Andreyev C., Savický I.* Op. cit. P. 158.

Разразившийся мировой экономической кризис значительно ухудшил и без того нелегкое материальное положение русских беженцев. Поддержка эмиграции чешским правительством была фактически прекращена из-за переориентации внешнеполитического курса Чехословакии и нормализации ее отношений с СССР⁴⁵. В других же странах мира эмигранты давно перестали получать какую-либо правительственную поддержку. Тем не менее, празднование «Дня русской культуры» продолжалось вплоть до Второй мировой войны, а в некоторых странах и после нее. В Праге его в последний раз отмечали уже в годы немецкой оккупации в мае 1941 г., когда торжества были приурочены к столетней годовщине гибели М. Ю. Лермонтова⁴⁶.

В «Дне русской культуры» была заложена идея духовного сплочения русской диаспоры, национального единения на основе общности языка, вероисповедания, культуры и исторического прошлого. В то же время празднование «Дня русской культуры» имело региональные особенности. По словам Н. Е. Андреева, «он преломлялся от города к городу, от района к району, от страны к стране...», «кое-где он праздновался с подчеркиванием политического момента, кое-где — религиозного, где-то был просто русский праздник»⁴⁷.

Эти ежегодные торжества были призваны продемонстрировать всему миру силу и мощь классической русской культуры. Они способствовали укреплению связей между эмигрантами и коренным населением в странах русского рассеяния. В них принимали участие и иностранцы, как правило представители интеллектуальной и политической элиты. В 1925 г. в организации торжеств в Бельгии участвовали профессор Брюссельской консерватории Клоссон, в Париже — профессор Сорбонны Э. Оман, в Страсбурге — профессора С. Рошеблар, Л. Тернье и Х. Троншон и т. д.⁴⁸. В

⁴⁵ Ibid. P. 158.

⁴⁶ Veber V. Dny ruské kultury // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945 (Sborník studií - 2). Praha, 1994. S. 92.

⁴⁷ Андреев Н. Е. То, что вспоминается. Таллин, 1996. Т. II. С. 14.

⁴⁸ См.: День Русской Культуры. Отчет о праздновании «Дня Русской Культуры» за рубежом в 1925 г. Прага, 1926. С. 10-11, 31-33 и др.; Цуриков Н. А. Краткий отчет о праздновании «Дня Русской Культуры» в 1928 году // День Русской Культуры: Краткий отчет о праздновании в 1928 году. С. 7-8.

Белграде и Софии русское население регулярно получало поддержку со стороны местных научных, политических кругов и духовенства. Выступая перед эмигрантской аудиторией в 1928 г. в Праге депутат парламента А. Прокупек от лица своей страны заявил: «Мы воздаем сегодня свою благодарность Русской Культуре, гордости русского народа, славянства и всего мира»⁴⁹.

«День русской культуры» был одной из первых в российской истории попыток конструирования поистине национального праздника, опыт которого с успехом может быть использован и в наши дни. Он как бы провозглашал единение, свободное от идейных разногласий.

Тем не менее, правые круги эмиграции, сконцентрированные главным образом в Белграде, попытались противопоставить празднованию «Дня русской культуры», окрашенного пушкинской символикой, «День русского национального сознания» в честь Святого князя Владимира, который отмечался 28 июля. Сторонники этой идеи «утверждали, что Пушкинский день задуман масонами, либералами и безбожниками, которые несут главную ответственность за революцию и поражение Белой армии в гражданской войне»⁵⁰. Князь Владимир воспринимался в монархической среде как православный идеал Государя и духовный отец русского народа. Его почитание должно было призвать эмиграцию к осознанию «великих начал пути русского народа и к подвигу верности им»⁵¹. Но демарш белградских монархистов не встретил широкой поддержки; им так и не удалось, несмотря на усиленные попытки, обосновать особое место князя Владимира в исторической памяти.

В 1938 г. Зарубежная Россия отметила 950-летие крещения Руси. К этой дате в Белграде был выпущен сборник статей в честь князя Владимира со вступительным словом митрополита Анастасия⁵². К участию в издании были привлечены ведущие русские исследователи-эмигранты из разных стран: В. А. Мошин, А. Л. Пого-

⁴⁹ Цуриков Н. А. Указ. соч. С. 9.

⁵⁰ Раев М. Указ. соч. С. 122-123.

⁵¹ Сборник в память Святого Равноапостольного князя Владимира. Белград, 1930. С. 9.

⁵² Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси. Белград, 1938.

дин, Г. А. Острогорский А. В. Карташев, И. И. Лаппо, Е. В. Спекторский, Г. П. Федотов, Д. А. Расовский и др. Примечательно, что статьи сборника были выдержаны в научном тоне и лишены следов политической ангажированности, хотя сами авторы были представителями различных идеологических течений.

Совершенно особое место в иерархии памятных дат заняли пушкинские юбилеи. Культ А. С. Пушкина должен был служить противовесом нескончаемым политическим спорам эмигрантов. Сами они полагали, что только великий поэт, само имя которого превратилось в синоним русской культуры, сможет стать объединительной фигурой для русской диаспоры. Живший в Швейцарии русский эмигрант Б. А. Никольский, выступая перед соотечественниками в зале художественного общества «Атенэ» в Женеве в 1925 г., отметил: «Трудно было выбрать более яркий символ полного слияния всего существа человеческого с Родиной. Ведь Пушкин немыслим без России, вне ее, как Россия последнего столетия... немыслима без Пушкина»⁵³.

В 1937 г., в 100-летнюю годовщину трагической гибели А. С. Пушкина, во многих уголках русского рассеяния возникли юбилейные комитеты, в задачу которых входила организация памятных мероприятий. В православных храмах по всему миру служили панихиды по великому поэту. Пушкинский юбилей 1937 г. в Зарубежной России проводился в противовес пушкинскому юбилею в СССР, которому была придана политическая окраска. Ф. А. Степун писал, что эмиграция «чествовала Пушкина, — впервые увиденного Достоевским, человека всеобъемлющей любви и всепонимающего сердца»⁵⁴. В Шанхае был открыт первый за пределами России памятник великому поэту. Бронзовый бюст А. С. Пушкина был изготовлен скульптором Подгурским и установлен 11 февраля 1937 г. на территории французской концессии⁵⁵.

⁵³ Цит. по: День Русской Культуры. Отчет о праздновании «Дня Русской Культуры» за рубежом в 1925 г. С. 45.

⁵⁴ Степун Ф. А. Духовный облик Пушкина // Пушкин в русской философской критике конца XIX–XX вв. М., 1999. С. 520.

⁵⁵ Слободчиков В. А. О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай. М., 2005. С. 210-211.

В череде дат, призванных увековечить память о знаменательном историческом событии или великом человеке, трудно было найти ту, которая могла бы объединить *всю* эмиграцию. Лишь день рождения А. С. Пушкина смог в некоторой степени примирить различные группировки русской эмиграции. Память о великом поэте была практически лишена политического налета и заставляла задуматься о вечных ценностях русской культуры⁵⁶. В своей программной речи на праздновании «Дня русской культуры» в Париже в июне 1926 г. В. А. Маклаков подытожил эту мысль: «Русская культура оказалась могучей и живучей, чем наша русская государственность... Наш долг поэтому беречь нашу культуру, развивать ее, распространять ее, знакомить с ней мир»⁵⁷.

Исторические праздники напоминали о славном прошлом России, демонстрировали своеобразие русской культуры, связывали воедино символы идентичности: язык, религию, историческую память и т.д. Обращение к образу прошлого таким образом, способствовало пробуждению национального самосознания, расколотого историческими потрясениями. Многочисленные юбилейные торжества представляли собой попытку реанимировать из разорванных революцией частей коллективную культурную память, создавая новый образ былой России. Они служили мощным моральным стимулом в условиях экзистенциальной трагедии изгнания.

⁵⁶ Литература об образе А. С. Пушкина в культуре Зарубежной России многообразна: Пушкин и культура русского зарубежья: Международная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения. М., 2000; Центральный Пушкинский комитет в Париже. 1935–1937. М., 2000. Т. 1-2; *Бирман М. А.* П. М. Бицилли — пушкинист (Заметки к библиографии учебного) // После юбилея... Jerusalem, 2000. С. 227-234; *Чельшев Е. П.* А. С. Пушкин в литературе русского зарубежья // Русское зарубежье. 2004. № 1. С. 3-28; *Филин М. Д.* Зарубежная Россия и Пушкин. М., 2004; Ковалев М. В. А. С. Пушкин и его творчество в трудах историков русского зарубежья // Изменяющаяся Россия — изменяющаяся литература: художественный опыт XIX – начала XX веков. Саратов, 2006. С. 116-120 и др.

⁵⁷ *Маклаков В. А.* Указ. соч. С. 236-237.

К. В. СРЕДНЯК

ТВОРЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ ВЫЕЗДА ПИСАТЕЛЕЙ ИЗ СССР

НА ПРИМЕРЕ ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ

Многие из нас были свидетелями того, как после падения железного занавеса на страницы ведущих изданий хлынул поток полузабытых и новых для российского читателя имен литературной эмиграции. Средства массовой информации широко освещали первые визиты писателей-эмигрантов в постперестроечную Россию, газеты и журналы буквально пестрили взятыми у них интервью, а их произведения выходили большими, по тогдашним меркам, тиражами. При этом в публикуемых материалах был высок градус политической конъюнктуры, а также, по меткому выражению Н. И. Ажгихиной, заметна «некая эйфорическая нота»¹. Сейчас, когда ажиотаж вокруг проблемы заметно стих, а книги писателей-эмигрантов заняли достойное место на наших книжных полках, доказывая тем самым единство русской литературы XX века, настало время для исторического, основанного на источниках, рассмотрения темы, начинать которое следует, на наш взгляд, с обращения к мотивам выезда писателей из Советского Союза.

Вопрос о причинах и истоках третьей волны эмиграции в науке поставлен давно. Относительно литературной интеллигенции наиболее распространенным является выделение политических, творческих, национальных мотивов². Следует отметить, что последние в данной статье специально не рассматриваются. Несмотря на то, что третья эмиграция часто приравнивалась к еврейской³, для большинства советских писателей внимание к проблемам евреев в

¹ *Ажгихина Н. И.* Уроки «третьей волны» // *Общественные науки и современность.* 1992. № 3. С. 110.

² См.: *Ланин Б. А.* Проза русской эмиграции (Третья волна). М., 1997; *Агеносов В. В.* Литература русского зарубежья (1918–1996). М., 1998; *Зубарева Е.* Проза русского зарубежья (1970–1980-е гг.). М., 2000 и др.

³ *Глэд Дж.* Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье. М., 1991. С. 15; *Окороков А. В.* Третья волна эмиграции // *Эмиграция и репатриация в России.* М., 2001. С. 85.

СССР было формой общественного протеста против проводимой в стране национальной и культурной политики, а получение израильской визы — единственной возможностью выехать за рубеж. Вот почему автор находит возможным согласиться с утверждением писателя и публициста Б. Хазанова о том, что «еврейская судьба — это только парафраз судьбы интеллигенции в этой стране [Советский Союз. — К. С.], судьбы ее культуры»⁴.

Оставляя в стороне национальный вопрос, обратимся к глубинным предпосылкам эмиграции — творческим и общественно-политическим. На сегодняшний момент их наличие не вызывает споров у исследователей, однако вопрос о соотношении этих мотивов остается открытым. Так, в литературоведческих трудах заметна тенденция к выделению в качестве преобладающей проблемы творческого развития в условиях навязывания образцов и постоянного партийного давления⁵, в то время как в собственно исторической литературе на первый план выходят политические мотивы выезда писателей из Советского Союза⁶.

При разрешении этого противоречия, на мой взгляд, следует учитывать неоднородность литературной эмиграции 1970–1980-х гг. Одни (например, А. Галич, Е. Эткинд, В. Максимов, В. Войнович, Л. Копелев, Г. Владимов, В. Некрасов, А. Солженицын, М. Поповский, А. Синявский, Г. Сvirский, Д. Дар, С. Резник, В. Аксенов, А. Гладилин) входили в Союз писателей РСФСР, их произведения публиковались в советской печати, а имена были хорошо известны как внутри страны, так и за рубежом. Другие (А. Амальрик, В. Буковский, Н. Горбаневская, Г. Суперфин, Ю. Телесин, Ф. Кандель, Д. Шраер-Петров, И. Рубин) — являлись одновременно активными деятелями диссидентского и правозащитного движений и сочетали занятие писательским трудом с общественной деятельностью, участием в митингах, написанием и подписанием многочисленных писем протеста, преимущественным вниманием к социально-политическим проблемам в Советском Союзе. Между двумя

⁴ Хазанов Б. Новая Россия // *Время и мы*. 1976. № 8. С. 143.

⁵ Мышалова Д. В. *Очерки по литературе русского зарубежья*. Новосибирск, 1995; Зубарева Е. *Проза русского зарубежья*. М., 2000.

⁶ История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. М., 2002.

перечисленными группами можно расположить так называемых «непризнанных» или «полупризнанных» писателей и поэтов, представителей литературного андеграунда, таких как Д. Бобышев, В. Андреева, М. Армалинский, В. Марамзин, Д. Савицкий, К. Кузьминский, Ю. Милославский, В. Бахчанян, В. Крейд, Ю. Кублановский, С. Соколов, не публиковавших свои произведения в советской печати и не состоявших в Союзе писателей.

Подобное деление, остающееся во многом условным, помогает установить соотношение творческих и общественно-политических мотивов выезда из СССР в каждой из указанных групп. Рассмотрение проблемы логично начать с тех, за кем был официально закреплён статус «советский писатель». Именно они стали лицом эмиграции и объектом пристального внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей⁷. Во второй половине 1960-х гг. мы видим этих писателей в авангарде движения за очищение советской литературы от тяжелого наследия сталинского режима. Вот почему возвращение Главлиту его властных функций в 1966 г.⁸ вызывает появление в литературной среде острого спора о положении дел в советской литературе. Сигналом к его началу явилось открытое письмо А. Солженицына IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей от 16 мая 1967 г., отредактированное Е.Эткиндо⁹. В нём автор говорит о незаконной власти цензуры, которая «под затуманенным именем Главлита тяготеет над <...> художественной литературой и осуществляет произвол литературно-неграмотных людей над писателями»¹⁰. Обращение А. Солженицына было поддержано другим прозаиком — Г. Владимовым. В письме Президиуму Всесоюзного съезда советских писателей от 26 мая 1967 г. он отмечает, что советская литература «не может без свободы творчества, полной

⁷ *Hosking G.* Beyond Socialist Realism: Soviet Fiction since Ivan Denisovich. N. Y., 1980 (об А. Солженицыне, В. Максимове и др.); *Brown E. J.* Russian Literature since the Revolution. Cambridge; L., 1982 (о В. Аксенове, В. Войновиче и др.).

⁸ *Горяева Т.* Главлит и литература в период «литературно-политического брожения в Советском Союзе // Вопросы литературы. 1998. № 5. С. 277.

⁹ *Сан Висенто Р.* Разговор с Ефимом Григорьевичем Эткиндо // *Ефим Эткинд*. Здесь и там. СПб., 2004. С. 237.

¹⁰ *Солженицын А.* Письмо IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей от 16 мая 1967 г. // Антология самиздата. Т. 2. М., 2005. С. 80.

и безграничной свободы»¹¹. Эхом этих писем прозвучала речь Г. Свирского на общем партийном собрании писателей Москвы 16 января 1968 г., в которой писатель осудил наметившиеся тенденции ресталинизации и заклеил советскую цензуру, что «с жестокостью и слепотой паводка затопила всю социальную культуру»¹². Отмеченное бурными аплодисментами писателей, присутствовавших на собрании, выступление было названо возглавлявшим Главлит П. Романовым «злостной клеветой и умышленной фальсификацией фактов»¹³. Сам Г. Свирский после этого, по его собственному выражению, был «отлучен от читателя»¹⁴ на целых семь лет и, не имея средств к существованию, в 1972 г. эмигрировал в Израиль.

Таким образом, к концу 1960-х гг. наметились явные разночтения между тем, к чему стремились писатели, и тем, как подобные стремления трактовались властями. Это в свою очередь вызывало настроения разочарования в среде интеллигенции. Обратимся к письмам известных писателей: «О московских новостях не спрашиваю, все равно ничего хорошего не услышу»¹⁵, — пишет В. Некрасов из Киева; «Кругом все паршиво, и, кажется, будет еще хуже»¹⁶, — констатирует Е. Эткинд в письме к Л. Копелеву, и два года спустя тому же адресату: «Новостей мало, да и те — печальные»¹⁷.

Однако творческий мотив эмиграции не исчерпывался усилением цензуры в годы «застоя». Он охватывал и саму сферу писательской

¹¹ *Владимов Г. В.* Президиум Всесоюзного съезда советских писателей, 26 мая 1967 г. // Антология самиздата. Т. 2. С. 84.

¹² *Свирский Г. Ц.* Стенограмма [выступления на общем партийном собрании писателей Москвы 16 января 1968 г.] // Вопросы литературы. 1994. № 4. С. 272.

¹³ Записка начальника Главлита при Совете Министров СССР П. И. Романова в ЦК КПСС от 5 марта 1968 г. // Вопросы литературы. 1994. № 6. С. 284.

¹⁴ Статья Г. Свирского «Почему?» / Архив «Мемориала». Ф. 102. Оп. 1. Д. 33. Л. 25.

¹⁵ Письмо Некрасова В. П. Копелеву Л. З. от 27 февраля 1963 г. / Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 2549. Оп. 1. Д. 321. Лл. 5-6.

¹⁶ Письмо Эткинда Е. Г. Копелеву Л. З. от 27 апреля 1968 г. / РГАЛИ. Ф. 2549. Оп. 1. Д. 478. Л. 6.

¹⁷ Письмо Эткинда Е. Г. Копелеву Л. З. от 7 октября 1970 г. / РГАЛИ. Ф. 2549. Оп. 1. Д. 478. Л. 7.

деятельности: темы, сюжеты, форму и содержание художественных произведений. Продолжая в большинстве своем создавать произведения на основе реалистического метода, литераторы, впоследствии оказавшиеся в эмиграции, намеренно или нет, отходят от его «социалистической» составляющей. Причем этот отход шел в различных направлениях. Одно из них заключалось в освобождении себя от цензуры и обращении к социально острым темам. Так, В. Некрасов в передаче на радио «Свобода» в 1982 г. вспоминал, что сам он, равно как А. Солженицын, В. Аксенов, В. Войнович, В. Максимов, Г. Владимов, А. Гладиллин, знавшие, что такое слава, почет и «сопутствующие им блага»¹⁸, не побоялся потерять их в обмен на «другое благо — писать правду»¹⁹. Подобная эволюция произошла с драматургом и киносценаристом А. Галичем, прозаиком Ю. Дружниковым, поэтом Л. Друскиным, писателем и публицистом И. Ефимовым. Последний, объясняя причины «охлаждения» своих отношений с официальной советской литературой, отмечал: «Когда ты пишешь, у тебя невольная приглядка-оглядка — пройдет такая вещь или не пройдет. Это калечит тебя еще до того, как ты понесешь рукопись»²⁰.

Другим вариантом творческой эволюции был отход в сторону так называемого чистого искусства. По крайней мере, именно это ставилось в вину Е. Эткинду при обсуждении его книг на заседании Ученого совета по гуманитарным наукам в 1974 г.²¹ Немногом ранее, на заседании Ученого совета Ленинградского педагогического института, посвященного разбору идеологических ошибок профессора Эткинда, член-корреспондент Академии педагогических наук Ю. В. Кожухов возмущенно обратился к собравшимся: «Он [Е. Эткинд. — К. С.] в письме²² пишет, что толковал своим слушателям о любви к поэтическому слову, о гуманитарной науке, внушал «уважение к подлинным ценностям культуры», но не пи-

¹⁸ Некрасов В. Спасибо партии и правительству! [Выступление на радио «Свобода», 1982] // *Континент*. 2003. № 117. С. 409.

¹⁹ Там же. С. 411.

²⁰ Интервью с И. Ефимовым, Женева, 2003 г. / Официальный сайт И. Ефимова / <http://www.igor-efimov.com/interview/index.html> (июнь, 2008).

²¹ Запись заседания Ученого совета по гуманитарным наукам от 8 мая 1974 г. // *Эткинд Е. Записки незаговорщика*. Лондон, 1977. С. 97.

²² Имеется в виду письмо Е. Эткинда Ученому совету Ленинградского педагогического института им. Герцена от 24 апреля 1974 г.

шет, что старался воспитать коммунистическую убежденность. Но как мы-то это допустили?»²³.

Таким образом, складывалась ситуация, когда признанные писатели, творчество которых не укладывалось в рамки социалистического реализма, вынуждены были либо отказываться от идеи публиковаться в советской печати, как сделал, например, Н. Коржавин и Л. Халиф, либо вести «двойную жизнь», отдавая часть произведений в печать, а часть — в сам- и тамиздат. Так поступали В. Войнович, А. Гладилин, В. Максимов, продолжавшие писать в духе соцреализма для серии «Пламенные революционеры» и, вместе с тем, создававшие произведения иного порядка, отвергавшиеся советскими издательствами.

Особенностью ситуации второй половины 1960–1970-е гг. было то, что известные писатели становились видными общественными деятелями, их требование свободы начинало выходить за рамки литературного творчества. Политический мотив эмиграции в этой связи часто рассматривается в контексте диссидентского движения в Советском Союзе. Сам термин представляет собой русскую транскрипцию английского слова *dissident* (раскольник, несогласный с церковью, инакомыслящий). Как отмечала Р. Орлова, «определение пришло извне, из-за границы»²⁴, что объясняет причину, почему этим словом пользовались неохотно: «мне не довелось слышать, чтобы кто-либо говорил о себе “диссидент”»²⁵. Однако тенденция отождествления литературной эмиграции с диссидентской широко распространена в современной науке. Так, А. В. Окороков, описывая третью волну эмиграции, пишет о слиянии творческого и диссидентского потока в ней²⁶. Сходную позицию занимает Н. М. Лебедева. По ее мнению, третья эмиграция возникла вместе с движением инакомыслящих (диссидентов)²⁷. В ряде номеров журнала «Новое литературное обозрение» за 2004 г. была опубликована биобиблиогра-

²³ Запись заседания Ученого совета Ленинградского педагогического института им. Герцена от 25 апреля 1974 г. // *Эткинд Е. Г.* Записки незаговорщика. Лондон, 1977. С. 66.

²⁴ Орлова Р. Двери открываются медленно. *Venson, Vermont*, 1984. С. 67.

²⁵ Там же.

²⁶ Окороков А. В. Третья волна эмиграции. С. 85.

²⁷ Лебедева Н. М. Третья эмиграция из России // *Эмиграция и репатриация в России*. С. 127.

фическая подборка под названием «Писатели-диссиденты», сделанная на основе готовящегося к печати издания «Словарь диссидентов: Представители оппозиционных движений в коммунистических странах Центральной и Восточной Европы в период 1956–1989 гг.». При этом к числу диссидентов составители словаря отнесли «лиц, чья культурная, гражданская, религиозная, национальная или политическая активность шла вразрез с официально провозглашенными или подразумеваемыми установками тоталитарной системы и при этом не допускала насилия и призывов к насилию или, по крайней мере, не сводилась к ним»²⁸.

Таким образом, мы видим склонность к толкованию термина «диссидент» в широком смысле, что делает возможным отнесение к числу диссидентов большей части литературной эмиграции. Вместе с тем, следует учитывать, что подобный взгляд на движение инакомыслящих зародился за рубежом. Как отмечал в своих мемуарах А. Зиновьев, существовало отличие в понимании термина «диссидент» на Западе и в СССР: на Западе — это все, кто в различных формах вступает в конфликт с советским обществом, а в Союзе — часть оппозиционеров, публично делавших заявления и создававших группы²⁹. Сам писатель при этом подчеркивает, что «не был диссидентом в советском смысле слова, не был антисоветчиком и антикоммунистом»³⁰.

Как показало знакомство с некоторыми работами иностранных авторов, посвященными истории диссидентства в СССР, в западной историографии действительно превалирует тенденция рассмотрения движения инакомыслящих в широком смысле. В опубликованном в 1983 г. исследовании американской славистки Ж. Уолл говорится о «советской диссидентской литературе»³¹. Историк У.-У. Гёрлант, автор современных исследований на тему инакомыслия в СССР, считает так называемую «вторую культуру», представителями которой по большей части являлись будущие эмигранты, показателем диссидентских настроений в среде интеллигенции³².

²⁸ Писатели-диссиденты: библиографические статьи // Новое литературное обозрение. 2004. № 2. С. 388.

²⁹ Зиновьев А. Исповедь отщепенца. М., 2005. С. 378.

³⁰ Там же. С. 7.

³¹ Woll J. Soviet Dissident Literature — a critical guide. Boston, 1983.

³² Gerlant U.-U. Dissidenz in der Sowjetunion. Berlin, 2005. S. 104.

Если рассматривать диссидентство в широком смысле, то, на мой взгляд, можно согласиться с точкой зрения П. Вайля и А. Гениса, согласно которой первые шаги инакомыслия «сделали поэты, художники, писатели»³³. Однако продиктованы они были творческими мотивами, стремлением к свободе самовыражения, а не желанием изменить политический строй. Литературовед И. Серман, находясь в эмиграции, написал о своем коллеге Е. Эткинде, биография которого включена в «Словарь диссидентов»: «диссидентом Фима не был, но вся его многогранная переводческая и исследовательская деятельность своим содержанием противоречила официальной политике унификации культуры»³⁴. Другой известный писатель В. Войнович в интервью 1981 г. проводит четкую границу между диссидентами в политическом смысле, «сторонниками подрыва государства»³⁵, и инакомыслящими, писателями, «потому что каждый писатель — инакомыслящий»³⁶. Похожую мысль мы находим у А. Синявского, отмечавшего, что инакомыслие его проявлялось «не в общественной деятельности, а исключительно в писательстве»³⁷.

Вместе с тем, в высказываниях некоторых писателей, сделанных после принятия решения о выезде из страны, либо уже в эмиграции, прослеживается тенденция представить свой шаг как акт политический. Так, отправляя свой членский билет в Правление СП РСФСР, прозаик А. Белинков сопроводил его письмом, в котором указывал, что «считает недостойным честного человека пребывание в организации, с собачьей преданностью служащей самому жесткому, бесчеловечному и беспощадному политическому режиму всех веков человеческой истории»³⁸. Дописанная уже в эмиграции повесть «Прошлогодний снег» бывшего редактора одного из разделов «Литературной газеты» И. Сулова заканчивается словами: «Надо уходить! И если кто-то скажет, что это дезертирство, я ему отвечу,

³³ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 2001. С. 177.

³⁴ Серман И. Человек тридцатых годов // Ефим Эткинд: Здесь и там. СПб., 2004. С. 290.

³⁵ Интервью с В. Войновичем // Глэд Дж. Беседы в изгнании... С. 101.

³⁶ Там же. С. 101-102.

³⁷ Синявский А. Диссидентство как личный опыт // Синявский А. Литературный процесс в России. М., 2003. С. 20.

³⁸ Письмо А. Белинкова в СП РСФСР от 20 июня 1968 г. // Антология самиздата. Т. 2. С. 94.

что это — побег из тюрьмы!»³⁹. Другой ведущий сотрудник «ЛГ» В. Перельман в разговоре с З. Шаховской охарактеризует третью эмиграцию как «обвинение режиму»⁴⁰. Все эти высказывания звучат эхом знаменитых строк А. Галича, написанных в 1974 г.:

Мы бежали от подлых свобод,
И назад нам дорога заказана.
Мы бежали от пошлых забот —
Быть такими, как кем-то приказано!⁴¹

Эта мысль в различных вариантах будет повторена после падения железного занавеса. В своих мемуарах А. Зиновьев назовет третью волну частью «первого в советской истории массового протеста против условий жизни советского общества»⁴². Практически идентичную фразу мы находим у Б. Хазанова, в 1998 г. заявившего, что «эмиграция была едва ли не единственным в своем роде жестом коллективного протеста против режима всеобъемлющей лжи и узаконенного насилия»⁴³.

Оставляя в стороне антисоветский пафос подобных высказываний, мы все же не можем не признать, что во второй половине 1960-х, в 1970-е гг. роль писателя в обществе существенно изменилась. Известные литераторы активно проявляют свою гражданскую позицию, выступая единым фронтом с диссидентами. Так, широкий резонанс получило подписание в 1968 г. членами СП СССР Л. З. Копелевым, В. П. Аксеновым, В. Н. Войновичем, Н. М. Коржавиным, В. Е. Максимовым и др., заявления в защиту осужденных за антисоветскую деятельность в ходе «Процесса четырех» А. Гинзбурга, Ю. Галанскова, А. Добровольского, В. Лашковой. Власти ответили на это постановлением Московского секретариата СП РСФСР от 20 мая 1968 г., согласно которому «за политическую безответственность, выразившуюся в подписании заявлений и писем в разные адреса, по своей

³⁹ Сулов И. Прошлогодний снег (окончание) // *Время и мы*. 1976. № 4. С. 74.

⁴⁰ Третья эмиграция [беседа В. Перельмана с З. Шаховской, гл. редактором газеты «Русская мысль»] // *Время и мы*. 1977. № 14. С. 131.

⁴¹ «Нам такое прекрасное брезжится...» // *Галич А. Песня об Отчем доме*. М., 2003. С. 459.

⁴² *Зиновьев А. Исповедь отщепенца*. М., 2005. С. 439.

⁴³ *Хазанов Б. «За тех, кто далёко...»* // *Знамя*. 1998. № 3. С. 163.

форме и содержанию дискредитирующих правопорядки и авторитет советских судебных органов, а также за игнорирование факта использования этих документов буржуазной пропагандой в целях, враждебных Советскому Союзу и советской литературе»⁴⁴, все перечисленные литераторы получили выговор, а Л. Копелев — «строгий выговор с занесением в личное дело»⁴⁵. По сообщению «Хроники текущих событий», вскоре после этого в газетах стали мелькать фразы о несовместимости подписей под письмами по процессу и пребыванием в рядах Союза писателей, но ответом литературной интеллигенции стало заявление, сделанное от имени ста писателей, которые сообщали, что если хоть один из подписавшихся будет исключен, то все они выйдут из этой организации⁴⁶. Коллективный протест возымел действие и перечисленные писатели были исключены из СП РСФСР не в 1968 г., а значительно позже.

Тем не менее «подписанты» не оставались безнаказанными: их «прорабатывали» на различных собраниях, переставали печатать, в некоторых случаях, как было, например, с В. Войновичем, ранее изданные книги изымались из библиотек, запрещались к постановке пьесы, созданные по произведениям «провинившегося»⁴⁷. Подобным же образом фиксировались «проступки» и других «официальных» литераторов. Так, В. Аксенов и А. Гладилин фигурировали в докладных записках как возможные провокаторы, собиравшиеся устроить на Красной площади антисоветскую манифестацию⁴⁸. Присутствие В. Аксенова, В. Войновича, В. Корнилова, «постоянных участников скандальных сборищ»⁴⁹, на похоронах

⁴⁴ Постановление Московского секретариата СП от 20 мая 1968 г. // *Галич А.* Песня об Отчем доме. С. 233.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Хроника текущих событий. Вып. 2 (30 июня 1968 г.) // www.memo.ru/history/diss/chr/chr2

⁴⁷ *Войнович В.* «Я все эти годы жил надеждой...» // Юность. 1988. № 10. С. 81.

⁴⁸ Докладная записка Секретаря МГК ВЛКСМ В. Трушина Секретарю ЦК ВЛКСМ тов. С. П. Павлову от 6 марта 1966 г. «О задержании комсомольским отрядом группы людей, которые по предварительным данным хотели устроить на Красной площади антисоветскую манифестацию» // Вопросы литературы. 1994. № 4. С. 337-338.

⁴⁹ Записка Комитета Государственной безопасности при Совете Мини-

погибшего при невыясненных обстоятельствах диссидента К. Богатырева также не ускользнуло от пристального взгляда КГБ.

Однако все эти факты еще не дают достаточного основания называть будущих эмигрантов общественными деятелями, стремившимися изменить существовавший режим. Хотя события 1956 года в Венгрии и, в особенности Пижская весна 1968 года, по независимым друг от друга свидетельствам Е. Эткинда, А. Зиновьева, Ю. Дружникова, заставили писателей усомниться в правильности линии партии, это отнюдь не стало почвой для отрицания системы как таковой. Замечу, что основным объектом критики Г. Свирского в его выступлении на собрании писателей Москвы 16 января 1968 г. были реакционеры, кому «собственные интересы дороже интересов партии и народа»⁵⁰. В его выступлении звучит призыв «дать бой тем, кто не думает ни о своем народе, ни о международном коммунистическом движении, тем, кто наносит ущерб достоинству и престижу нашей страны»⁵¹.

Стоит признать, что будущие эмигранты из числа профессиональных писателей по своим социально-политическим взглядам вряд ли были радикальнее остальной части советской интеллигенции, выступавшей за дальнейшее продвижение партии и общества по пути, намеченному XX съездом. Активное участие литераторов в общественной жизни в этом случае может быть объяснено не столько устоявшейся системой представлений о существующем режиме и путях его реформирования, сколько исходя из традиционного для русской литературы отведения писателю особого места в обществе: «поэт в России больше, чем поэт». Ощущая себя представителями народа, его голосом, писатели идут на достаточно смелые шаги, ставя под угрозу собственный статус. В ответ на это власти начинают проводить последовательную политику в отношении наиболее «дерзких» литераторов, которая приведет к выдворению большей части из них за пределы Советского Союза.

стров СССР «О похоронах литературного переводчика К. П. Богатырева» от 21 июня 1976 г. // Вопросы литературы. 1996. № 1. С. 237.

⁵⁰ Свирский Г. Стенограмма [выступления на общем партийном собрании писателей г. Москвы 16 января 1968 г.] // Вопросы литературы. 1996. № 6. С. 282.

⁵¹ Там же. С. 282-283.

Несколько иначе обстояло дело с последней группой литераторов, отнесенных в начале статьи к активистам диссидентского движения. А. Амальрика, Г. Суперфина, В. Буковского, Н. Горбаневскую, Ю. Телесина, Ю. Мальцева, Ю. Вознесенскую, И. Ратушинскую можно назвать диссидентами как в широком, так и в узком смысле, так как на их счету участие в митингах и акциях протеста, инициатива создания групп и написания различных петиций. В результате за ними закрепляется соответствующая репутация, а сами они начинают восприниматься в Советском Союзе и за рубежом как общественные фигуры, осмелившиеся бросить вызов системе. Их действия изначально были направлены на «пробуждение» общества — если не в СССР, то хотя бы на Западе. По свидетельству итальянского переводчика и советолога М. Корти, в 1970-е гг. много общавшегося с советской оппозиционной интеллигенцией, диссиденты были почти уверены в том, что их деятельность ни к чему не приведет, поэтому рассчитывали они исключительно на поддержку Запада и в то же время на возможную эмиграцию⁵². Еще одним вариантом было попадание в психиатрическую лечебницу либо исправительно-трудовое учреждение. В биографиях большинства инакомыслящих присутствуют годы, проведенные там (А. Амальрик — три года лагерей и три года ссылки в Магадане; И. Бокштейн — пять лет лагерей в Мордовии, В. Буковский — принудительное лечение в Ленинградской спецпсихбольнице и три года лагерей, Н. Горбаневская — принудительное лечение в психиатрической больнице им. Кащенко, Казанской спецпсихбольнице и др.). Однако перспектива лагеря не останавливала их, а в отдельных случаях даже наоборот: по словам поэта И. Бокштейна, известного своими смелыми политическими речами на площади Маяковского, его друзья посоветовали ему «посидеть в тюрьме, т.к. нужно через это пройти»⁵³. При этом четыре года, проведенные в ИТЛ Мордовии, он вспоминал как лучшие из проведенных в СССР, ведь «ситуация в лагере приближалась к положению в высокоразвитой западной стране: многопартийная система, интереснейшие дискуссии»⁵⁴.

⁵² Беседа с М. Корти на радио «Свобода», 1975 / Архив радио «Свобода»: полвека в эфире, 1975 г. / <http://www.svoboda.org/50/Files/index.html>

⁵³ Бокштейн И. «Если жизнь имеет смысл...» (интервью) // Бокштейн И. Авангардист на крышу вышел. Иерусалим, 2003. С. 39.

⁵⁴ Там же. С. 40.

Таким образом, в литературной эмиграции выделяется диссидентская составляющая — неофициальные литераторы, которые воспринимались и во многом позиционировали себя сначала как диссиденты, а уже потом как писатели. Для них именно активное, порой направляющее, участие в диссидентском движении, стало решающим шагом в эмиграцию.

Между двумя перечисленными группами условно можно расположить наиболее многочисленную и наименее изученную часть эмиграции — представителей «второй», неофициальной культуры. Как отмечала Л. Алексеева, «смысл их литературных и духовных поисков был в бегстве от всего навязываемого, скорее не из-за осознанного политического протеста против данной системы, а из-за отвращения к банальности и заданности»⁵⁵. Отношения этих литераторов с официальной советской литературой складывались непросто. Государство не признавало за ними статуса писателей, даже несмотря на то, что некоторые из них, во избежание обвинения в тунеядстве, с середины 1960-х гг. вошли в профессиональные литературные группы при Союзе писателей. Так, например, в характеристиках для подачи в ОВИР И. Бродского и В. Марамзина указано, что оба литератора состояли в профессиональной группе писателей Ленинградского отделения Литфонда СССР⁵⁶. Но и сами представители литературного андеграунда не торопились отказываться от звания непризнанных гениев. Как отмечал С. Юрьенен в интервью 1978 года, принятие его в ряды СП РСФСР в 1977 г. мало что изменило в жизни: по-прежнему хотелось дышать «ворованным воздухом литературы <...>, а сам факт разрешения подрывал ценность того, чем восхищались и зачитывались другие»⁵⁷. Попадание же в официальную советскую печать для непризнанных литераторов было чревато нелюбезными рецензиями, как произошло, например, с молодой поэтессой Л. Владимировой. В ответ на опубликование подборки ее стихов в журнале «Молодая гвардия» вышла разгромная статья. Некий Г. Могилевцев возмущенно

⁵⁵ Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. М., 1992. С. 197-198.

⁵⁶ Характеристика И. Бродского для подачи в ОВИР / Архив «Мемориала». Ф. 102. Оп. 1. Д. 33. Л. 49; Характеристика В. Марамзина / Архив «Мемориала». Ф. 102. Оп. 1. Д. 33. Л. 79.

⁵⁷ Интервью С. Юрьенена газете «Фигаро», 1978 г. / Архив радио «Свобода»... / <http://www.svoboda.org/50/Files/index.html> (июнь, 2008).

писал: «...наша классика и Пастернака спрямила, так зачем, спрашивается, повторять уже знакомые и отвергнутые историей еретические ходы? Вызывая голоса мертвецов, не тех вечно живых наших покойников, а тех мертвецов, что умерли второй смертью, поэтесса занимается опасным своеволием»⁵⁸.

Лучшие отношения складывались у представителей «второй» литературы с диссидентской средой. Они охотно участвовали в различных акциях, проводимых инакомыслящими. Однако открытым остается вопрос о том, вкладывали ли они в это особый политический смысл. Скорее всего, подобные действия были продиктованы общим духом оппозиционности, царившим в среде интеллектуалов, и желанием противопоставить себя правительству и управляемым им массам. П. Вайль и А. Генис видят в этом еще и моральную подоплеку⁵⁹. Они приводят случай, когда опоздавший на демонстрацию Е. Кушев так объяснил на следствии свои действия: «Мне было неудобно, что я не пришел, и потому я решил крикнуть “Долой диктатуру!”»⁶⁰.

Данные обстоятельства не позволяют в мотивах выезда из СССР вынести на первый план общественно-политические. Более того, некоторые из литераторов, наблюдая застойные явления в советской системе, предпочитают уход от злободневных вопросов. Е. Мнацаканова в письме 1968 г. сообщает своему другу и наставнику Л. Копелеву: «А вообще живу тихо, никого не вижу, ничего не знаю и не хочу знать: излишняя информация очень вредит творчеству»⁶¹. Последнее слово, на мой взгляд, является ключевым в определении мотивов эмиграции. Однако, в отличие от своих признанных коллег-писателей, представители литературного андеграунда отстаивали право на свободу творчества не письмами в Правление СП СССР или публичными выступлениями, а своими художественными поисками и экспериментами. Создаваемые ими произведения были призваны восстановить связь с русской литературной традицией, возродить многообразие ее жанров и стилевых форм, соответственно в них не было места альфе и омеге советской литературы — социа-

⁵⁸ Могилевцев Г. Суд над поэзией (о поэзии Л. Владимировой) // *Время и мы*. 1975. № 2. С. 138 (перепеч.).

⁵⁹ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. С. 180.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Письмо Мнацакановой Е. А. Копелеву Л. З. от 11 апреля 1968 г. / РГАЛИ. Ф. 2549. Оп. 1. Д. 313. Л. 2.

листическому реализму. Их отношение к этому методу было близко взглядам А. Синявского, впервые поставившего под сомнение само существование этого «иррационального понятия»⁶². Вот почему К. Кузьминский, называя в предисловии к многотомной антологии неофициальной советской поэзии имя главного врага «второй» литературы, пишет: «Имя ему — социалистический реализм»⁶³. Подобную позицию занимали не только поэты, но и прозаики. Так, характеризуя свои отношения с данным методом, прозаик С. Соколов назовет его «преступлением перед литературой»⁶⁴.

Но, освободив себя от цензуры, данная группа литераторов фактически отказывалась от возможности выйти к читателю напрямую, ведь на официальном уровне творческие поиски, раскрытие индивидуальности и талантов по-прежнему допускались лишь «на основе метода социалистического реализма»⁶⁵. В результате их произведения становились достоянием самиздата и частично публиковались тамиздатом. Так, Д. Бобышев и В. Делоне еще до эмиграции печатались в зарубежных русскоязычных изданиях, таких как «Грани», «Континент», «Вестник РСХД», «Время и мы» и другие; у И. Бродского до выезда из СССР вышло два стихотворных сборника — «Стихотворения и поэмы» (Вашингтон, 1965); «Остановка в пустыне» (Нью-Йорк, 1970); стихи находившегося в СССР Б. Кенжеева были включены в альманахи «Бронзовый век. Neue Russische Literatur» (Зальцбург) и «Глагол» (Анн Арбор), стихотворения А. Кушнера и К. Кузьминского вошли в изданный в Нью-Йорке сборник «Живое зеркало». В небольшом по объему альманахе “Russia’s Other Poets”, опубликованном в 1968 г. в Лондоне, значительную часть составили стихотворения Д. Бобышева, И. Бродского, Н. Горбаневской и А. Кушнера⁶⁶. Рассматривая это как выпад против

⁶² Терц А. [Синявский А.] Что такое социалистический реализм? // Литературное обозрение. 1989. № 8. С. 89.

⁶³ Кузьминский К. От составителя // Антология «У Голубой Лагуны». Т. 1. Ньютонвилл: Несс, 1980. С. 22 / <http://kkk-bluelagoon.nm.ru/tom1/prev.htm#1> (июнь, 2008).

⁶⁴ Соколов С. Американцы не могут понять — о чем это можно говорить два часа // Юность. 1989. № 12. С. 66.

⁶⁵ Доклад Генерального секретаря ЦК тов. Л. И. Брежнева 30 марта 1971 г. // Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971. С. 89.

⁶⁶ Russia’s Other Poets. L., 1968. 92 с.

советской системы, власти пытались воздействовать на авторов, начиная от лишения работы и заканчивая выдвиганием уголовных обвинений, как было, например, с И. Бурихиным⁶⁷.

Органы видели опасность не только в факте нелегального распространения рукописей, но и в самом содержании художественных произведений. Вне рамок Союза писателей создавалась другая по стилю литература. В ней, как правило, отсутствовали острые социальные мотивы, явная критика режима, но это раздражало власти едва ли не больше антисоветских памфлетов. Получалось, что литераторы в своих произведениях творили свой мир, иную реальность, в которой не оставалось места ни государству, ни партии, ни реалиям советской жизни. Как показал процесс И. Бродского 1964 года и суд 1974 года над В. Марамзиным и М. Хейфецем, подготовившими пятитомное самиздатовское издание поэта, власти видели реальную опасность в далеких от политики стихах, хотя сам И. Бродский, по словам близко знавшего его П. Карпа, «советскую власть отвергал не теоретически, а просто нарушая ее порядок»⁶⁸ своими произведениями.

Таким образом, проблему соотношения творческих и политических мотивов выезда писателей из СССР нужно рассматривать, исходя из неоднородности литературной эмиграции. Не вызывает сомнений, что отстаивание права на свободу творчества явилось важнейшим шагом на этом пути, объединившим все группы писательской интеллигенции. Однако если для писателей-диссидентов данное требование являлось составной частью общественно-политической борьбы за свободу личности в Советском Союзе, то для остальных право на творческое самовыражение выступало в качестве самоценности. Выражаясь словами А. Синявского, «эстетические разногласия с советской властью»⁶⁹ лежали в основе конфликта большинства будущих эмигрантов с существовавшим режимом. Другое дело, что это приравнивалось властями (и не случайно) к политическим преступлениям, ведь создаваемые за пределами Союза писателей произведения последовательно разрушали атмосферу всеобщего единомыслия.

⁶⁷ Сообщение о начале нового литературного дела // *Время и мы*. 1978. № 26. С. 218.

⁶⁸ *Карп П.* Не касаясь самой поэзии (о Бродском) // *Вопросы литературы*. 2005. № 4. С. 320-321.

⁶⁹ *Синявский А.* Диссидентство как личный опыт. С. 21.

А. С. УСАЧЕВ

МЕТОДЫ РАБОТЫ ДРЕВНЕРУССКОГО КНИЖНИКА И ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА СТЕПЕННОЙ КНИГИ

ЧАСТЬ II*

Высказанное в первой части статьи предположение о том, что, по крайней мере, жизнеописания главных героев степеней создавались, по-видимому, одним лицом (или под руководством одного лица), выстроено лишь на итогах нашего рассмотрения жизнеописаний главных героев степеней, т. е. лишь одной (хотя и важнейшей) составляющей СК. Есть ли основания говорить о единстве методов создания СК применительно ко всему памятнику? Для того чтобы ответить на этот вопрос, обратим внимание на прочие приемы, с помощью которых создавались разделы СК, вне зависимости от того, кому они были посвящены — предкам Ивана IV или тем персонажам русской истории, которые ими не являлись.

Рассказы о лицах и событиях «второго плана»

Как уже неоднократно отмечалось в историографии, автора СК характеризует стремление составлять из отрывочных сведений своих источников (чаще всего, летописных) развернутые рассказы, посвященные характеристике того или иного лица или события¹. Как показывает анализ этих отрывков, их нельзя рассматривать как механическое соединение известий — как правило, в СК эти фрагменты имеют характер законченных повестей, в которых изложение материала подчинено развитию конкретной идеи: чаще всего — прославлению потомков Владимира и подчеркиванию божественного покровительства им.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 06-04-00497а).

¹ Например, см.: *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 362, 423; *Кусков В. В.* Степенная книга. С. 94, 97 и др.; *Lenhoff G.* Unofficial Veneration. С. 391-416; *Idem.* Novgorod's Znamenie Legend in Moscow's Stenennaiia kniga // Московская Русь: специфика развития. Budapest, 2003. P. 175-182.

В 65 гл. 1 ст. («О храбрых мужех») книжник создает пространный рассказ о служащих Владимиру «богатырях» на основе отдельных записей Ник., которые сообщали о смерти Рагдая Удалого (под 6508 г.), о победе Александра Поповича и Яна Усмошвеца над печенегами (6509, 6512 гг.), о смерти Малвреда Сильного (6510 г.) и Андриха Добрянкова (6512 г.)². При этом подзаголовок «Богатыри», который в Ник., по всей видимости, относится лишь к рассказу о победе Александра и Яна, в СК распространен на все эти известия. В результате обработки текста источника создателем памятника они были объединены в одном связном повествовании. При этом, если относительно службы Александра, Усмошвеца и Рагдая Владимиру Ник. содержит прямые указания, то контекст упоминания Малвреда и Андриха не представляется однозначным. Из множества возможных интерпретаций книжник остановился на признании Малвреда и Андриха также богатырями Владимира. Это дало ему возможность расширить круг служивших киевскому князю богатырей. С какой целью в произведении было уделено такое внимание составу мужей Владимира? Ответ на этот вопрос дает обращение к 2 Цар. (гл. 23, ст. 8-39), которая повествует о 37 храбрых мужах царя Давида. Как видим, внесение данного рассказа обуславливалось стремлением создателя памятника, уподобив «богатырей» киевского князя воинам ветхозаветного царя, сравнить и Владимира с этим персонажем, «имяше у себе сильныхъ мужъ тридесять и семь таковы мужествены, яко меншему ихъ могущо выити на сто мужей». Сравним материал источника СК и текст ее 65 гл. 1 ст.:

Источник СК (Ник.)	65 гл. 1 ст. СК
«В лѣто 6508. Прииде Володарь с половцы к Киеву, забыв благодѣяния господина своего князя Владимера, дѣмономъ научень. Володимеру же тогда въ Переславцѣ на Дунаи, и бысть смятение велие в Киевѣ, и изыде ноцию во стрѣтении имъ [половцам. — А. У.] Алек-	« О храбрыхъ мужехъ. Елико же преблагыи Богъ в тѣлесныхъ преспѣяниихъ усугуби благородию его [Владимира. — А. У.] благодать мужества и смысла, тако же дарова ему и вельможи его премудры и разумны и въ благосъвѣттии дивны, мнози же и силни и храбростию удалы, и нарочиты. Яко же некогда Давидъ царь имяше у себе сильныхъ мужъ тридесять и семь таковы мужествены, яко меншему ихъ могущо выити на сто мужей, вьщешему же наипаче възможно и противу тысящи братися. Тако и сеи блаженныи Владимиръ по благодати Божиен и имяше у себе, яко же

² ПСРЛ. Т. 9. М., 2000. С. 68.

сандрь Поповичъ, и уби Володаря, и брата его и иных половець изби, а иных въ поле прогна. И се слышав Володимер, возрадовася зѣло, и възложи на нь гривну злату, и сотвори и вельможа въ полатѣ своей».	вышереченно, мужи храбры, и удалы, и силны. Ян. В них же бяше прежереченны Янь Усмошвецъ, иже убивыи исполина печенѣжанина велика и силна. Рагдаи. Тако же дивень бяше в победахъ и Рагдаи удалыи, иже на брань единъ могии исходити противу триехъ сотъ съпротивныхъ. Александръ. Подобно же симъ мужество и храбрость имѣя и Александръ, рекомый Поповичъ. Мальврѣдъ. Таковъ же бѣ и Мальврѣдъ сильныи. Анрихъ. Равень же мужествомъ и Анрихъ Доблянковъ и инии мнози. Храбрость Александрова. Бысть же тогда нѣкто половчинь, именуемый Володаръ, и сеи диаволимъ научениемъ, забывъ многое к себѣ благодѣяние государя своего, святого и великаго князя Владимира, прииде бранию къ граду Киеву съ братомъ си и съ многими половци, яко время удобно усмотривъ своему зломыслию, великому бо князю Владимиру самому не сущу тогда въ Киевѣ, но в Переяславци на Дунаи. И бысть тогда в Киевѣ смятение великое. Но обаче вѣры ради и благодѣяния блаженнаго Владимира въскорѣ разори Богъ неправедныя совѣты безумнаго Володаря, и не токмо не успѣ граду ничто же зло сътворити, наипаче же самъ погиге и прочии с нимъ. На них же Богомъ подвизаемъ изыде ношию вышереченны Александръ Поповичъ и абие побѣди ихъ. Самого же враждотворца Володаря оружию въ снѣдъ сътвори и конечной пагубе предаде. С нимъ же вкупѣ и брата его низложивъ и мрътва сътвори, и иныхъ множество половець изби, овѣхъ же в поле прогна. Слышавъ же сиа, блаженныи самодръжець Владимиръ възрадовася зѣло и велие благодарение въздаваше Богу. На Александра же възложи гривну злату и сътвори его велможю честна в полатѣ своеи. Александрово и Яново мужество. И паки потомъ Александръ Поповичъ и Янь Усмошвецъ, иже убивыи печенѣжска исполина, и сиа предивная храбра оба вкупѣ помощию Божию многи побѣды показаша и многимъ съпротивнымъ одолѣваша. Нѣкогда же множество печенегъ избиша, и самого князя ихъ Радмана и с тремя сыны его живыхъ изымаша, и къ блаженному Владимиру в Киевъ приведоша. Боголюбивыи же Владимиръ о всѣхъ Божиихъ благодѣяниихъ сугубо радовашеся ...» ³ .
«Того же лѣта [6508. — А. У.] преставися Рагдай Удалой, яко наѣзжаше сей на триста воин».	
« Богатыри. В лѣто 6509. Александръ Поповичъ и Янь Усмошвецъ, убивыи печенѣжская багатыря, избиша множество Печенѣгъ, и князя ихъ Родмана и съ тремя сыны его в Киевъ къ Володимеру приведоша».	
«В лѣто 6510. Преставися Мальврѣдъ сильный».	
«В лѣто 6512. Идоша печенѣзи на Бѣльградъ; Володимеръ же посла на нихъ Александра Поповича и Яна Усмошвеца съ многими силами. Печенѣзи же слышавше, побѣгоша въ поле».	
«Того же лета [6512. — А. У.] Андриха Добрянкова храбраго отравою смертною окормиша свои его слуги» ⁴ .	

³ Степенная книга. С. 322-324.⁴ ПСРЛ. Т. 9. С. 68.

Как видим, событийная канва в СК осталась прежней, однако, разрозненные летописные известия под пером автора памятника превратились в связный рассказ о «храбрых мужах» Владимира, которые были вполне под стать слугам ветхозаветного царя Давида. Хронологический порядок здесь соблюдается далеко не во всем (например, известие об Андрихе в СК помещено ранее сообщения о второй победе Александра и Яна Усмошвеца), книжник допускает пропуски (например, известие об отравлении Андриха слугами). Лишая хронологической привязки объединенные в один рассказ известия, создатель СК также отчетливо достраивает текст своих источников, особое внимание при этом обращая на боголюбие Владимира и его богатырей и Божье покровительство киевскому князю. Приведенный нами пример построения текста крупного фрагмента, с одной стороны, является одним из наиболее ярких; с другой, далеко не единственным — сходным образом строились и другие разделы СК. Так, при описании окончания Большой феодальной войны в 12 гл. 14 ст. книжник обобщает летописные записи, повествующие о победах Василия II над Шемякой, и, как верно подметил В.В. Кусков⁵, сообщив о смерти последнего, подводит черту в описании княжеских междоусобиц на Руси: «И оттоле уньшии князи ко старейшимъ быша послушни, а вящшии, Богом укрепляеми, славою и честию державствующи, и рогъ царствия их возывашеся»⁶.

Однако не всегда скупые летописные сообщения в СК разрастались в пространные повести. В ряде случаев книжник соединял известия, нередко сокращая их, в рамках одного рассказа, посвященного тому или иному персонажу или событию. Так, как отметил В.В. Кусков⁷, рассказ о Судиславе в 8 гл. 2 ст. основан на известиях об этом князе, помещенных в записях Ник. под 6541, 6566 и 6571 гг.:

Источник СК (Ник.)	8 гл. 2 ст. СК
«Того же лѣта [6541. — А. У.] разгнѣвася Ярославъ на менший братъ свой Судислава, и всади его въ порубь	« О свобожении князя Судислава. Тогда же благороднии братиа Ярославичи: Изяславъ, Свѣтославъ, Всеволодъ, Игорь, Вячеслав, милостивыи

⁵ Кусков В. В. Степенная книга. С. 228.

⁶ ПСРЛ. Т. 21. 2-я половина. С. 471.

⁷ Кусков В. В. Степенная книга. С. 114.

во Псковѣ до живота своего; оклеветанъ бо бѣ к нему» ⁸ .	свѣтъ умысливше, и выведоша стряга своего Судислава, сына блаженнаго великаго князя Владимира, сѣдѣвша в порубѣ въ Псковѣ лѣтъ 24 за нѣкую крамолу. Судислав же съ многимъ благодарениемъ велико и душеспасительное умиление стяжа, и вмѣсто враждотворения богоподражателное смирение изволи, и аггельское житие възлюбил, и въ иноческый образъ облечеса, и самую святую схиму възложи на ся, в нем же чину добръ подвизася, и къ Богу отиде, и положенъ бысть въ церкви святаго Георгия в монастыри» ⁹ .
«В лѣто 6566. Изяславъ, и Святославъ и Всеволодъ выняша дядю своего Судислава ис поруба, бяше бо сидѣл лѣта 24 въ Псковѣ, и укрѣпиша его крестнымъ цѣлованиемъ. Онъ же вышедше ис поруба пострижеса во иноческый чинъ, и введоша его въ Киевъ, и подвижася добродетельнымъ житиемъ» ¹⁰ .	
«В лѣто 6571. Судиславъ преставися, сынъ великаго Владимира, братъ Ярославль, во святѣмъ образѣ во иночествѣ и въ скимѣ; и положиша и въ церкви святаго Георгия в монастырѣ» ¹¹ .	

Итоги сравнения текстов Ник. и СК указывают на использование методики создания целостного рассказа о персонаже посредством обобщения материала отрывочных летописных данных. При этом известия выстраиваются в связанный рассказ, в котором особенно подчеркнуты «милостивый» совет Ярославичей, решивших выпустить дядю из заключения, а также непамятозлобие и боголюбие Судислава, который, сердечно поблагодарив своих освободителей, «аггельское житие възлюбил». Также в СК упомянуты имена всех сыновей Ярослава (а не трех фигурирующих в летописи — Изяслава, Святослава и Всеволода), что подчеркивало «единомыслие» всех русских князей в данном вопросе. При этом, как мы видим, для книжника существенен сам факт освобождения и пострижения Судислава — книжник, также как и в предыдущем случае, не привязывает известия к конкретным датам, как это сделано в Ник. Со сходным примером в создании текста СК мы сталкиваемся и в ряде других ее разделов (например, в рассказах о Святославе Ярославиче в 9 гл. 3 ст., Игоре Ольговиче в 10 гл. 5 ст., Варлааме Хутынском в 16 гл. 7 ст., Довмонте Псковском в 12 гл. 9 ст., в описании Софии Витовтовны в 10 гл. 14 ст.).

⁸ ПСРЛ. Т. 9. С. 80.

⁹ Степенная книга. С. 385.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 9. С. 91.

¹¹ Там же. С. 92.

Впрочем, необходимо отметить, что использование отдельных летописных известий в СК могло и не сопровождаться дополнениями автора, которые были призваны связывать их в целостный рассказ. В ряде случаев книжник лишь перечисляет известия, только некоторые из них (очевидно, представляющиеся для него важнейшими) сопровождая датами. Например, таким образом построен текст 2 гл. 6 ст. («О прменении державных»):

Источник СК	2 гл. 6 ст. СК
«В лѣто 6665. ... [Юрий Долгорукий. — А. У.] собирая воинство, и по мале впаде в болезнь, въ ней же и преставится, месяца маиа в 15 день ...».	«По сих же [после рождения Всеволода Юрьевича. — А. У.] въ третие лѣто преставися отъ житиа сего великии князь Георгии. По немъ же вниде паки в Киевъ Изяславъ Давидовичъ, братъ преподобнаго Святоши, внукъ Свѣтославъ Ярославича, и вся имѣнниа Георгиева разграби и многихъ вельможъ узамъ и темницамъ предаде. По единомъ же лѣтѣ и самъ убиень бысть на брани, о немъ же послѣди речется. В Киевѣ же сѣдѣ Ростиславъ Мстиславичъ внукъ Манамашъ. К нему же прииде от Царяграда митрополитъ Феодоръ, сего же ради посылалъ, и приять бысть честно. И четыре лѣта пребысть на митрополии, и къ Богу отиде. Въ него же мѣсто прииде отъ Царяграда митрополитъ Иванъ. Ростиславъ же не въсхоте его преже приати, но обаче присла к нему царь греческии многая друголубезная дарования съ благоговѣинымъ увещаниемъ; и тако приать бысть» ¹² .
«В лѣто 6665. ... Изяславъ Давыдовичъ Чръниговский пришедъ въ Киевъ, и вся имѣнниа его [Юрия. — А. У.] взять, и дружину его поима, овѣхъ оковы желѣзными связза, а другихъ въ темницы всади, и сяде на столѣ на великомъ княженни в Киевѣ ...» ¹³ .	
Описание смерти Изяслава Давидовича (запись Воскр. под 6668 г.) ¹⁴ .	
Описание вокняжения в Киеве Ростислава Мстиславича (запись Ник. под 6666 г.) ¹⁵ .	
«В лѣто 6667. ... прииде изъ Константинограда Феодоръ митрополитъ на Киевъ и на всю Русь, поставленъ патриархомъ Константиноградскимъ, понеже князь великии киевский Ростиславъ Мстиславичъ посылалъ о немъ къ патриарху; и изыде изъ Киева князь великии Ростиславъ Мстиславичъ въ срѣтение ему, и срѣте его со мноюу честно ...» ¹⁶ .	
Известие о смерти митрополита Феодора (запись Ник. под 6671 г.) ¹⁷ .	
«В лѣто [6]672. Прииде митрополитъ Иоанн из Царяграда, и не хотѣ прияти его Ростиславъ. Царь же присла к нему дары многи, и приять его» ¹⁸ .	

¹² Степенная книга. С. 449.

¹³ ПСРЛ. Т. 9. С. 208.

Как видим, наряду с «достраиванием» известий своих источников (упоминания о «благоговеинном увещевании» византийского императора и родстве Изяслава Давидовича с Николой Святошей) книжник сокращает текст летописных известий. При этом сохраняется, очевидно, важная с точки зрения автора произведения информация — относительно преемственности киевских князей и митрополитов. Сходным образом построен и ряд других разделов СК — рассказы о победах Владимира (20 гл. 1 ст.) и Ярослава (3 гл. 2 ст.) над соседями, о событиях времени правления Юрия Даниловича (1 гл. 10 ст.) и Семюна Ивановича (2 гл. 11 ст.), о «наречении на государство» Василия III (24 гл. 15 ст.), о русско-литовской войне в малолетство Ивана IV (6 гл. 17 ст.).

Одним из вариантов метода создания в СК связного рассказа из фрагментов ее источников является использование разножанровых памятников (чаще всего, летописных и иных), сведения которых дополняли друг друга. Примером соединения книжником различных источников в едином повествовании является 42 гл. 1 ст., которая сообщает о крещении Суздальской земли и об основании Владимира-на-Клязьме. Рассмотрим тексты СК и ее источников:

Источники СК	СК
«Ходи Володимеръ въ Суздальскую землю, и тамо крести всѣхъ; бѣ же съ Володимеромъ два епископа Фотѣя патриарха. И заложи тамо градъ въ свое имя Володимеръ, на рѣцѣ на Клязьмѣ, и церковь в немъ постави древяну Пречистыя Богородици, и наказуаше люди съ епископы Фотѣя патриарха» (запись Ник. под 6500 г.) ¹⁹ .	«... отъ Киева подвижесе блаженнии Владимиръ шествовати в Суждальскую землю, вземъ съ собою дву епископовъ ... послани отъ патриарха Фотиа, и в земли Суждальстѣи вся люди крестиши. Тамо же и градъ заложи свѣтель же и красенъ и въ свое имя нарече его Владимиръ на речѣ на Клязмѣ, в нем же и церковь постави древяну въ имя Пречистыя Бого-
«... равноапостольной Владимир прииде в Суздальскую землю и тамо вся люди святым крещением просвети и Божию благодатию изволи в свое имя създати град, светел же и	

¹⁴ ПСРЛ. Т. 7. М., 2001. С. 74-75.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 9. С. 214.

¹⁶ Там же. С. 218.

¹⁷ Там же. С. 231.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 28. М.; Л., 1963. С. 35.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 9. С. 64.

красен и нарече и Володимер, на реце на Клязьме. И церковь съборную в нем въздвиже в имя Пречистыа Владычица Девы Богородица Мариа честнаго и славнаго Еа Успения. И толико того възлюби, и украси, и почте паче всех град руських, яко же повсюду того обносится имени» («Поучение» на память Владимира) ²¹ .	матери, честнаго Ея Успения. И толико той градъ възлюби и украси и почте, яко паче всѣхъ градъ русьскихъ того имяни повсюду обносится. Подвизаше же ся самъ съ епископы, наказуя люди благочестию» ²⁰ .
---	--

Итоги сравнения текстов «Поучения», Ник. и СК дают возможность представить процесс работы книжника. Как видим, он тщательно отбирает данные как «Поучения» (эпитеты по отношению к Владимиру и основанному им городу, уточнение того, что поставлена была Успенская церковь, указание на предпочтение князем созданного им города прочим), так и Ник. (известие о епископах патриарха Фотия, сообщение о материале, из которого была построена церковь, подробности крещения Суздальской земли). В результате создается подробный рассказ о крещении Северо-Восточной Руси и основании Владимира-на-Клязьме, который, согласно версии СК, полтора столетия спустя унаследует «самодержжество» Киева.

На основе сочетания данных летописного и хронографического источников был написан текст 19 гл. 13 ст., повествующей о замужестве дочери Василия I Анны. Сравним тексты СК и ее источников:

Источники СК	СК
«... совѣтъ сотвори князь велики Василей Дмитреевич со отцемъ своимъ Фотѣмъ митрополитомъ о дщери своей Аннѣ, юже хотяше дати въ греки въ Костянтинѣградъ за царевича Ивана, Мануилова сына; Фотѣй же митрополитъ благослови ему тако быти и благослови его. Того же лета князь велики Василей Дмитреевич отдаде дщерь свою княжну Анну въ Царѣградъ за царевича Ивана Мануловича» (запись Ник. под 6917 г.) ²² .	«И той [Мануил. — А. У.] посла на Москву к великому князю Василию Дмитреевичю, прося у него за себя дщери его, великия княжны Анны. Он же о сем совѣтъ сотвори со отцемъ своимъ Фотѣмъ, митрополитомъ всеа Русии. От него же вземъ благословение, отпусти ю со мноюю честию. Царь же Мануил в Царствующемъ граде поят ю и сотвори брак лю-
«Потом же царь Мануил присла к великому	

²⁰ Степенная книга. С. 298.

²¹ Усачев А. С. Из истории. С. 41.

²² ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 217.

<p>князю Василию Димитреевичю, прося у него за себе тщерь Анну, еуже и отпусти со мноюу честию и сотвори брак любочестен и всенароден на многи дни царь Мануил в царствующем градѣ и своим посланьным пиршество велико и многотолстотъны трапезы и гостьбу велику. И посланных отпускает со многими дарми и поминки. Царствова же Мануил 33 лѣта и роди ото Анны царицы сынов 6: Калуяна, Андроника, Феодора, Коньстянтина, Димитриа, Фому» (Хр. 1512)²⁴.</p>	<p>бочестен и всенароден своим людем и руским посланником пиршество велико и многотолстотны трапезы и гостьбу велику. И посланников отпускает со многими дарми и поминки. Царствова же Мануил 33 лѣта и роди от царицы Анны сынов шесть: Калуяна, Андроника, Феодора, Костянтина, Димитриа, Фому ...»²³.</p>
--	---

Как видим, текст СК создавался на основе сочетания материалов Ник. и Хр. 1512. Из первой был, по-видимому, заимствован основной текст известия, а также указания на «совет» Василия I с митрополитом Фотием и благословение последнего. Летописные данные были дополнены хронографическими, из которых книжник почерпнул сведения об имени представителя династии Палеологов, за которого выдавалась замуж русская княжна, а также сведения о генеалогии Палеологов. Очевидно, книжник при выборе имени супруга Анны предпочел версию Хр. 1512 в силу того, что, вероятно, в большей степени доверял в этом вопросе «греческим летописаниям», чем русским источникам.

Со сходными примерами читатель СК сталкивается и в других разделах. Так, например, при описании войн Феодосия Великого с Русью (8 гл. 1 ст.) использовался ряд источников: Чудеса Димитрия Солунского, Житие Стефана Сурожского, Поучение митрополита Фотия Василию Дмитриевичу, и, вероятно, «Слово о законе и благодати». Подобные случаи характерны и для других частей СК: описания возвращения Владимира в Киев после крещения в 35 гл. 1 ст. (созданного с привлечением летописей и Жития Климента Римского); начала Ростовской епархии в 53 гл. 1 ст. (рассказ составлен на основе сочетания материала Жития Леонтия Ростовского и летописей); смерти Владимира и похвал ему в 70 гл. 1 ст. (использованы как летопись, так и «Поучение» на память Владимира, Проложное

²³ ПСРЛ. Т. 21. 2-я половина. С. 423.

²⁴ ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. СПб., 1911. С. 422. Сходный текст читается также в Хронографе западнорусской редакции, см.: ПСРЛ. Т. 22. Ч. 2. Пг., 1914. С. 196.

Житие, «Память и похвала» Иакова, «Слово о законе и благодати»); в повествовании о строительстве Киево-Печерского монастыря во 2 гл. 3 ст. (составлено на основе летописных записей и материала Киево-Печерского патерика); в «Похвале вкратце» Дмитрию Ивановичу в 13 гл. 12 ст. (привлечено «Слово о житии» с добавлением Чуда о свече); в краткой заметке о походе Тамерлана на Русь в 16 гл. 12 ст. (использованы Ник. и Повесть на сретение Владимирской иконы). Рассказ о митрополите Киприане в 25 гл. 13 ст. создан на основе Ник. и Жития митрополита Ионы третьей редакции. Путем сочетания данных различных памятников построен и один из самых пространных рассказов в СК — сообщение о взятии Новгорода Иваном III в 4 гл. 16 ст. Посредством обобщения разрозненных отрывков своих летописных (Ник., Воскр.) и иных (Житие Зосимы и Савватия Соловецких, «Словеса избранные») источников книжник создает связный рассказ о «неправдах» и «безумиях» новгородцев, которые побудили московского князя предпринять свои победоносные походы на этот мятежный город. В результате сочетания текста летописной записи под 7026 г. и Чуда Сергия Радонежского была создана повесть о чудесном избавлении Опочки от литовского войска (11 гл. 16 ст.). Итогом комбинирования данных «Слова похвального» Василию III и летописной записи под 7042 г. явился рассказ о смерти этого князя и похвала ему (24 гл. 16 ст.). С помощью обобщения материала ряда летописных записей, а также, по-видимому, Жития Даниила Переяславского и устных источников был написан центральный раздел заключающей памятник 17 ст. — ее 10 гл., посвященная взятию Казани.

Перечислим основные фрагменты СК, в которых содержатся связные рассказы, построенные на основе сочетания отдельных известий разных источников²⁵:

Раздел СК	Рассказ	Источники
3 гл. 1 ст.	Начало княжения в Новгороде Рюрика.	Воскр. (6370, 6374), Ник. (6367, 6372).

²⁵ Ниже приводятся лишь наиболее характерные случаи использования описанной выше методики создания разделов СК. В том случае, если глава содержит более одного сообщения, во второй колонке таблицы для удобства помещено указание на важнейший рассказ соответствующего раздела СК.

4 гл. 1 ст.	Описание правления Олега и Игоря в Киеве.	Летописец от 72-х язык (6370, 6415), Воскр. (6390, 6411), Ник. (6389), Житие Ольги пространной редакции.
5 гл. 1 ст.	Рассказ о княжении Святослава.	Летописец от 72-х язык (6472, 6475-6476).
8 гл. 1 ст.	Войны Руси с Византией.	Чудеса Димитрия Солунского, Житие Стефана Сурожского, Поучение митрополита Фотия Василию Дмитриевичу, «Слово о законе и благодати».
17 гл. 1 ст.	Описание погибших на охоте правителей.	Житие Параскевы Пятницы, Воскр. (6542), Ник. (6541).
19 гл. 1 ст.	Описание междоусобиц на Руси после смерти Святослава Игоревича.	Воскр. (6483, 6488), Ник. (6485, 6488).
21 гл. 1 ст.	Страдание Варяга и его сына.	Воскр. (6488), Ник. (6488, 6491).
25 гл. 1 ст.	Описание посланников от различных вер.	Воскр., Ник. (6494).
29 гл. 1 ст.	Крещение Владимира в Корсуне.	«Поучение», Житие Константина и Елены, Воскр., Ник. (6496).
35 гл. 1 ст.	Возвращение Владимира в Киев.	Житие Климента Римского, Ник. (6496).
38 гл. 1 ст.	Крещение Руси Владимиром.	Проложное Житие Владимира, «Память и похвала», Ник. (6497), Воскр. (6496).
42 гл. 1 ст.	Крещение Суздальской земли.	«Поучение», Ник. (6498).
43 гл. 1 ст.	Крещение в Новгороде.	Ник. (6498, 6499), Воскр. (6497).
53 гл. 1 ст.	Начало Ростовской церкви.	Житие Леонтия Ростовского, Ник. (6670), Воскр. (6499).
54 гл. 1 ст.	Основание Белгорода и епископии в нем.	Ник. (6500, 6504).
60 гл. 1 ст.	Обретение мощей Ольги, описание добродетелей Владимира.	«Память и похвала», «Слово о законе и благодати», Житие Ольги пространной редакции, Воскр. (6504), Ник. (6506).
65 гл. 1 ст.	«Храбрые мужи» Владимира.	Ник. (6508-6510, 6512).
70 гл. 1 ст.	Смерть Владимира.	Ник., Воскр. (6523), «Поучение», Проложное Житие Владимира, «Память и похвала», «Слово о законе и благодати»
74 гл. 1 ст.	Описание Мстислава Владимировича.	Ник. (6523, 6530-6531, 6541).
3 гл. 2 ст.	Победы Ярослава Владимировича.	Ник. (6537-6538, 6546, 6549, 6555).
4 гл. 2 ст.	Учение книжное отроча-том в Новгороде, цер-	Ник. (6525, 6538, 6545, 6547, 6551, 6553, 6558-6559), Киево-Печерский патерик.

	ковные события на Руси XI в.	
8 гл. 2 ст.	Рассказ о Судиславе.	Ник. (6541, 6566, 6571).
2 гл. 3 ст.	«О церкви Печерской».	Ник. (6581, 6597, 6602), Киево-Печерский патерик.
4 гл. 3 ст.	Описание княжны Янки Всеволодовны.	Воскр. (6594), Ник. (6597, 6598).
9 гл. 3 ст.	Описание Святослава Ярославича.	Ник., Воскр. (6581, 6583-6584).
2 гл. 4 ст.	Междоусобицы конца XI в.	Воскр. (6605, 6608), Ник. (6609).
4 гл. 4 ст.	Победа над половцами и знамения.	Ник., Воскр. (6614, 6619).
9 гл. 4 ст.	Победы Владимира Мономаха и его смерть.	Воскр. (6633), Ник. (6624, 6628, 6631, 6633-6634, 6638), списки митрополитов.
5 гл. 5 ст.	Княжение Юрия Владимировича.	Ник. (6660, 6663), Воскр. (6660, 6667).
10 гл. 5 ст.	Описание Игоря Ольговича.	Ник. (6654-6655).
2 гл. 6 ст.	«Премещение державных» в Киеве.	Ник. (6665, 6667, 6672).
9 гл. 6 ст.	Победы Всеволода Юрьевича.	Ник. (6692, 6694, 6705, 6713, 6721), Воскр. (6692, 6694).
11 гл. 6 ст.	События последних лет правления Всеволода Юрьевича.	Ник. (6718, 6720), Воскр. (6718-6720).
19 гл. 6 ст.	События конца XII в.	Ник. (6697, 6699-6700, 6703, 6710-6711), Воскр. (6697, 6701, 6703, 6710-6711), Новгородская IV летопись (6700).
16 гл. 7 ст.	Описание Варлаама Хутынского.	Новгородская IV летопись (6701, 6751).
4 гл. 8 ст.	Повесть об убиении Батя.	Воскр. (6755, 6758, 6788).
12 гл. 9 ст.	Описание Довмонта Псковского.	С I мл. (6775, 6779-6780, 6807).
1 гл. 10 ст.	События времени правления Юрия Даниловича.	Ник. (6811-6812, 6816, 6819, 6822-6825, 6827, 6829, 6832-6834), Воскр. (6811-6813, 6816, 6819, 6822-6825, 6827, 6829, 6832-6834).
2 гл. 11 ст.	События времени правления Семена Ивановича.	Ник. (6856-6857, 6860), Воскр. (6855, 6857-6858, 6860).
4 гл. 11 ст.	События правления Ивана I Ивановича.	Ник. (6858, 6865), Воскр. (6859, 6865), Житие митрополита Алексия.
13 гл. 12 ст.	Похвала Дмитрию Ивановичу.	«Слово о житии», Чудо о свече.

15 гл. 12 ст.	Описание строительства церковью Евдокией-Евфросинией.	Ник., Воскр. (6901, 6903, 6915).
16 гл. 12 ст.	Описание похода Тамерлана на Русь.	Ник. (6903), Повесть на сретение Владимирской иконы.
19 гл. 13 ст.	Рассказ о замужестве дочери Василия I Анны.	Ник. (6919), Хр. 1512.
25 гл. 13 ст.	Описание митрополита Киприана.	Житие митрополита Ионы третьей редакции, Ник. (6915).
10 гл. 14 ст.	Возвращение Софьи Витовтовны от Шемяки.	Ник., Воскр. (6955, 6961).
12 гл. 14 ст.	Окончание Большой феодальной войны.	Ник., Воскр. (6957-6958, 6960-6961).
4 гл. 15 ст.	Присоединение Новгорода.	Ник., Воскр. (6979-6980), «Словеса избранные», Житие Зосимы и Савватия Соловецких.
11 гл. 15 ст.	Присоединение Перми и Ростова.	Ник. (6980), Воскр. (6980, 6982).
24 гл. 15 ст.	«Наречение на государство» Василия III.	Ник., Воскр. (7006, 7007).
7 гл. 16 ст.	Взятие Смоленска.	Ник., Воскр. (7021-7023).
11 гл. 16 ст.	Чудесное спасение Опочки от литовцев.	Воскр. (7026), Чудеса Сергия Радонежского.
24 гл. 16 ст.	Смерть Василия III и похвалы ему.	Летописец начала царства, Воскр. (7042).
6 гл. 17 ст.	Русско-литовская война 1535-1536 гг.	Летописец начала царства, Воскр. (7043, 7044).
10 гл. 17 ст.	Рассказ о взятии Казани.	Летописец начала царства (7042, 7044, 7053, 7056-7061, 7063), Житие Даниила Переяславского, устные сказания.

Итоги рассмотрения описанной выше методики составления помещенных в СК рассказов на основании отрывочных сведений ее источников заставляют нас обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, в тексте фиксируются различные варианты использования данной методики — создание развернутых повестей, написание относительно небольших рассказов путем сокращения материала источников (в т. ч. и разножанровых), составление краткого перечня событий, относящихся к тому или иному персонажу или периоду. Во-вторых, все указанные выше варианты встречаются во всех, или в значительном числе разделов СК. Как видим, и описанная выше методика составления помещенных в СК рассказов на

основании отрывочных сведений источников СК (прежде всего, летописных), характерна не для какой-либо одной или нескольких степеней, а для всего текста памятника с 1 по 17 ст.

Краткие экскурсы в генеалогию «героев второго плана»

Одной из важнейших составляющих текста СК являются генеалогические пояснения. Как уже отмечалось выше, в первой главе каждой степени через краткие экскурсы в генеалогию уточняется место соответствующего персонажа русской истории в ряду потомков Владимира (а также, в большинстве случаев, — и Рюрика). Однако, подобные пояснения сопровождают не только прямых предков Ивана IV — главных героев степеней: эти уточнения содержатся и в жизнеописаниях ряда прочих лиц княжеского происхождения, которым посвящены более или менее пространственные разделы СК. Если брать всю совокупность случаев правки источников СК ее автором, то оказывается, что наиболее последовательно уточнения относительно родословной героев вносились в те разделы, которые, как указал Н. Н. Покровский, были основаны на материале Ник²⁶. Так, если изложенные по летописным текстам детали из жизнеописаний потомков Владимира вносились лишь в отдель-

²⁶ Покровский Н. Н. Томский список. С. 31. Ниже нами рассматриваются те случаи генеалогических вставок, которые отсутствовали в тексте соответствующего фрагмента источника, в котором эта вставка помещена (даже если это известие читается в других разделах этого же источника). Например, нами учитывается пояснение родословной тверского епископа Андрея в рассказе о попытке осудить митрополита Петра на соборе в Переяславле. Источником соответствующего рассказа в 1 гл. 10 ст. СК, как отметил В. В. Кусков (см.: Кусков В. В. Степенная книга. С. 173. Прим. 2), послужила Ник. При этом в этой летописи (запись под 6834 г.), указание на генеалогию Андрея отсутствует — оно есть в записи Ник. под 6797 г., т. е. в другом месте этого источника СК (см.: Степенная книга. С. 561; ПСРЛ. Т. 9. С. 167, 191-192). Таким образом, ниже нами приводятся те генеалогические пояснения, которые не могли попасть в текст в результате механического переписывания текста того или иного рассказа — ниже приведены лишь те указания на родословную, появление которых в тексте СК было обусловлено целенаправленным редактированием текстов фрагментов соответствующих источников СК (даже если речь идет об одном источнике — Ник. — введение генеалогии того или иного персонажа требовало целенаправленных усилий книжника по поиску соответствующего указания в другом разделе привлекаемого источника).

ные жития и рассказы (например, в Житие Всеволода Псковского), то вставки генеалогических пояснений характерны для всех рассказов о том или ином потомке Владимира, т. е. являлись их неотъемлемым элементом. Обратимся к данным генеалогическим добавлениям книжника²⁷. Для удобства представим их в виде таблицы (помещенные в первых главах степеней пояснения генеалогии главных героев не учитываются):

Раздел СК	Персонаж, чья генеалогия уточняется	Подвергающийся дополнениям источник
74 гл. 1 ст.	«князь Мьстиславъ, иже бысть сынъ седмый блаженнаго князя Владимира, братъ же великомученикомъ Борису и Глѣбу, единоматерень великому князю Ярославу» ²⁸ .	Летопись.
7 гл. 3 ст.	Изяслав Ярославич «внукъ равноапостолнаго великаго князя Владимира» ²⁹ .	Летопись.
9 гл. 3 ст.	Святослав Ярославич «внукъ блаженнаго и равноапостольнаго великаго князя Владимира» ³⁰ .	Летопись.
10 гл. 3 ст.	Давид Святославич «внук Ярослава Владимирича», «Свѣтослава Ярославича сынъ», «бѣ четвертый отъ святаго Владимира» ³¹ .	«Слово о князьях».
11 гл. 3 ст.	Николай Святоша «внукъ Свѣтославль, правнукъ Ярославль Владимирича», «пятыи отъ святаго Владимира» ³² .	Киево-Печерский патерик
2 гл. 4 ст.	Василько Теробовльскый «бысть сынъ Ростиславль, внукъ Владимиръ Новгородьскаго Ярославича Великаго» ³³ .	Летопись.
5 гл. 4 ст.	Святополк Изяславич «внукъ Ярослава Владимирича» ³⁴ .	Летопись.
9 гл. 5 ст.	Всеволод «сын великаго князя Мьстислава.	Житие Всеволода.

²⁷ Фрагменты, в которых автор СК точно копировал текст своего источника, содержащего указание на происхождение того или иного персонажа, нами ниже не рассматриваются.

²⁸ Степенная книга. С. 371.

²⁹ Там же. С. 391-392.

³⁰ Там же. С. 394.

³¹ Там же. С. 395-396.

³² Там же. С. 396, 401.

³³ Там же. С. 403.

³⁴ Там же. С. 407.

	Владимировича Манамаха, правнукъ же великому князю Всеволоду, сыну Ярославлю, внук равноапостольнаго великого князя Владимира» ³⁵ .	Псковского редакции Василия-Варлаама.
10 гл. 5 ст.	Игорь Ольгович «внук Свѣтославль, правнукъ Ярославль сына Владимира, крестившаго землю Русьскую» ³⁶ .	Летопись.
11 гл. 5 ст.	«Всеславъ, сын Брячиславовъ, внукъ Изяславовъ, правнукъ блаженнаго и равноапостольнаго Владимира. Тои же Всеславъ имяше сыны многи, и бѣяше у него сын меньшии именемъ Георгии. Отъ него же родися» Евфросиния Полоцкая» ³⁷ .	Житие Евфросинии Полоцкой редакции сборников.
18 гл. 6 ст.	Михаил Черниговский «внукъ Свѣтославль, правнук Олговъ, праправнукъ Свѣтославль Ярославича Великаго» ³⁸ .	Житие Никиты Переяславского.
2 гл. 7 ст.	Константин Всеволодович «пръвыи сынъ великаго князя Всеволода Георгиевича Длѣгуроугаго» ³⁹ .	Летопись.
9 гл. 7 ст.	Василий Всеволодович «внукъ Костянтина Ростовскаго» ⁴⁰ .	Летопись.
14 гл. 7 ст.	Михаил Черниговский «сынъ Всеволожь, внукъ же Свѣтославль, правнукъ же Ольгов, праправнукъ Свѣтославль Ярославля Владимирича, крестившаго землю Русскую» ⁴¹ .	Житие Михаила Черниговского редакции Пахомия Серба.
15 гл. 7 ст.	Ярослав Владимирович «внук Рюрика Киевскаго, правнук Ростислава Мстиславича Манамаша» ⁴² .	Летопись.
9 гл. 9 ст.	Роман Ольгович Рязанский «внукъ Инъвгарев ⁴³ , правнукъ Игоревъ, праправнукъ Глѣбовъ. Глѣбъ же — сынъ Ростиславль, внукъ Ярославль, правнукъ Свѣтославль, праправнукъ Ярославль Владимирича» ⁴⁴ .	Летопись.

³⁵ Там же. С. 418.

³⁶ Там же. С. 429.

³⁷ Там же. С. 434.

³⁸ Там же. С. 479.

³⁹ Там же. С. 488.

⁴⁰ Там же. С. 498.

⁴¹ Там же. С. 503.

⁴² Там же. С. 515.

⁴³ Так в ркп.

⁴⁴ Там же. С. 542.

10 гл. 9 ст.	После упоминания Войшелка, следует генеалогический экскурс: «земли Литовьстѣи сынъ Молковдовъ [Молковдовъ братъ Давиль. Давиль сынъ Ердень, Ердень сынъ тферьской владыка Андрѣи, при Петрѣ чудотворцѣ. Давиль сынъ Видь. Видь сынъ Проидень. Проидень сынъ Витень. Витень сынъ Гедиманъ. Гедимановъ сынъ Олгердь. Олгердовъ сынъ Ягаило. Ягаиловъ сынъ Казимиръ. Казимировъ сынъ Жыгдимантъ], великий князь именемъ Миндовгъ...» ⁴⁵ .	Летопись.
11 гл. 9 ст.	Довмонт Псковский «сынъ Миндовговъ, братъ Вошлеговъ» ⁴⁶ .	Летопись.
18 гл. 9 ст.	Федор Ярославский «бысть девятымъ отъ сѣмени святого и равноапостольнаго Владимира, внукъ Мьстиславль, правнукъ Давида Смоленскаго, праправнукъ Ростиславль Мстиславича Владимеря Манамаша» ⁴⁷ .	Житие Федора Ярославского.
1 гл. 10 ст.	Тверской епископъ Андрей «бысть сынъ Ердена, князя литовьскаго» ⁴⁸ .	Летопись.
6 гл. 10 ст.	Михаил Тверской «внукъ великаго князя Ярослава, правнукъ Всеволода Юрьевича Долгорукого», «сего Михаила отецъ Ярославъ, братъ Александру Невьскому» ⁴⁹ .	Летопись.
11 гл. 11 ст.	Василиса-Федора «бысть супружница благовернаго князя Андрея Константиновича, внука Васильева, правнука Михайлова, правнука Андрея Александровича Невскаго, родомъ же бѣше тверянка, отца Ивана Киясавскаго и матери Анны» ⁵⁰ .	Летопись.
26 гл. 13 ст.	Юрий Святославич Смоленский «внукъ Иванов, правнукъ Александров, праправнукъ Ростиславль Мьстиславича; Мстиславъ же бѣше сынъ Давыдов, внукъ Ростиславль, правнукъ Мьстислав Владимерича Манамаша» ⁵¹ .	Повесть о Иулиании Вяземской старшей редакции.
17 гл. 14 ст.	Дмитрий Юрьевичъ Красный «бе великому кня-	Летопись.

⁴⁵ Там же. С. 543. Помещенный в квадратных скобках текст представляет собой запись на полях Томск. и Чуд. (цит. по Чуд.).

⁴⁶ Там же. С. 544.

⁴⁷ Там же. С. 550.

⁴⁸ Там же. С. 561.

⁴⁹ Там же. С. 582.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 21. 2-я половина. С. 391.

⁵¹ Там же. С. 444.

	зю Василию Васильевичю брат из двоюродных, брат же присный враждебному Шемяке, внук блаженного и достохвальнаго великаго князя Дмитрия Ивановича Донскаго, от равноапостольнаго же Владимира 14» ⁵² .	
5 гл. 15 ст.	«Царь Фома [отец Софьи Палеолог — А.У.] бысть сын Мануила, царя греческаго, брат же царю Димитрию и Константину и Ивану Калюяну» ⁵³ .	Летопись.

К дополнениям генеалогического характера может быть отнесена и отмеченная Н. Н. Покровским вставка в Томск. на нижнем поле л. 344 об. относительно последовательности ярославских князей в 18 гл. 9 ст.: в Ярославле «преже быс[ть] великий князь Всеволод, сын Костянтина Всеволодовича Ростовьскаго. По Всеволоде же Костянтиновиче сын его Василий господствова в Ярославли. Сей же Василий во граде Владимири пребывая, с миром к Богу отиде, от Владимира ж в Ярославль пренесен быс[ть] и положен в соборной церкви на северной стране. [По нем же в Ярославле бяше княгиня его Ксения со дщерию]»⁵⁴.

Рассмотрим основные тенденции в приведенных выше генеалогических добавлениях автора СК к тексту своих источников. Прежде всего, важно отметить, что часть, но далеко не все — 11 из 25 рассмотренных (если учитывать последнюю вставку) — случаев вставки генеалогических пояснений отразилась в древнейших списках СК. Приведем их.

В 74 гл. 1 ст. при прояснении места Мстислава Владимировича в ряду потомков крестителя Руси в Волк. на л. 253 об. над строкой написано «седыми» (сын Владимира Святославича); в Томск. (л. 196) и Чуд. (л. 189) правка учтена — в этих списках данные слова находились уже в строке. В 11 гл. 3 ст., описывая Николая Святошу, книжник в Волк. на верхнем поле л. 277 внес уточняющее указание «[вн]укъ С[вят]ославль, правнукъ Ярослава Владимирича» (верхний край листа срезан), которое было учтено в Томск. (л. 209) и Чуд. (л.

⁵² Там же. С. 488.

⁵³ Там же. С. 542.

⁵⁴ В квадратные скобки заключен текст, который утрачен в Томск. (нижний край л. 344 об. этого списка срезан при переплете) и восстанавливается по Чуд. (л. 356).

215). В Волк. в 5 гл. 4 ст. внесено уточнение относительно генеалогии Святополка Изяславича — на правом поле л. 287 написаны слова «внук Ярослава Владимировича»; эта правка была учтена в Томск. (л. 218) и Чуд. (л. 224). Как указал А.В. Сиренов, родословная Евфросинии Полоцкой была написана на нижнем поле л. 311 об. Волк.; в Томск. (л. 239) и Чуд. (л. 246 об.) правка учтена — в этих списках данные слова находились уже в строке⁵⁵. В Томск. и Чуд. отразилась генеалогическая вставка относительно Василия Ярославского — слова «[Василий] Всеволодович внук Костянтина Ростовскаго» написаны на правом поле сбоку л. 294 Томск. и на нижнем поле л. 305 Чуд. В Томск. в 15 гл. 7 ст. на правом поле л. 310 написаны слова (Ярославу Владимировичу) «правнуку Ростислава Мстиславича Манамаша» (аналогичная правка выполнена на правом поле л. 322 в Чуд.). На нижнем поле л. 337 Томск. и л. 348 об. Чуд. помещена приведенная выше генеалогия Романа Ольговича Рязанского. На л. 374 Томск. отразилась и генеалогическая вставка относительно родословной Михаила Тверского — на левом поле этого листа дописано: «[внук великаго князя] Ярослава, правнук Все[волода Юрьевича Долгорукаго]». Как представляется, данная правка носила скорее характер исправления допущенного пропуска и грамматической ошибки, чем генеалогический характер — редактор лишь исправил ошибку писца в воспроизведении имени Всеволода и вставил, очевидно, забытое писцом имя Ярослава. В Чуд. на правом поле л. 388 помещена аналогичная вставка (без начала имени Всеволода). Н.Н. Покровский⁵⁶ обратил внимание на то, что вставка экскурса в генеалогии литовских князей в 10 гл. 9 ст. отразилась на полях Томск. (л. 338 — 338 об.) и Чуд. (л. 349 об. — 350). Как отметил этот же исследователь, вставка генеалогического характера помещена и в рассказе о предках Софьи Палеолог: в словах «царь Фома бысть сын Мануила, царя греческаго, брат же царю Димитрию и Константину, Ивану Калуяну» слова «Димитрию и Константину» помещены над строкой в Томск. (л. 610) и Чуд. (л. 632 об.)⁵⁷.

⁵⁵ Сиренов А. В. О Волковском списке. С. 288-289.

⁵⁶ Покровский Н. Н. Томский список. С. 27.

⁵⁷ Как отметил Н. Н. Покровский (см.: Покровский Н. Н. Томский список. С. 30), в 14 гл. 7 ст. в Томск. (л. 298 об.) и Чуд. (л. 310) при описании генеалогии Михаила Черниговского в словах «внук же Светославль, правнук Ольгов, пра-

Можно отметить, что за пределами 15 ст. генеалогические пояснения относительно потомков Владимира не фиксируются (если, конечно, не считать упоминаний братьев Василия III и Ивана IV). Как представляется, с этим может быть связано то, что в 16-17 ст. отсутствуют развернутые рассказы о представителях великокняжеского рода (это, конечно, не относится к главным героям этих степеней — отцу первого русского царя и к нему самому). Это в свою очередь дает основания полагать, что генеалогические пояснения книжником рассматривались как составная (более того — неотъемлемая) часть этих рассказов. При упоминании какого-либо персонажа «вскользь», создатель памятника специально не останавливается на его родословной.

Чрезвычайно показательным, что в ряде случаев (жизнеописание Николая Святоши, Евфросинии Полоцкой, Михаила Черниговского) внесение генеалогических пояснений было, по сути, единственным случаем вмешательства создателя СК в текст соответствующего источника. Это в свою очередь дает основания полагать, что генеалогическая редакция текста источника, содержащего специальный рассказ о ком-либо из потомков Владимира, являлась обязательным условием включения повествования о нем в СК.

Важно отметить, что генеалогия не всех князей, специальные рассказы о которых помещены в СК, возводится непосредственно к Владимиру. В ряду случаев, описывая близких родственников главного героя степени, книжник ограничивается лишь указанием на степень родства между ним и соответствующим предком Ивана IV. Так, описывая Константина Всеволодовича в 2 гл. 7 ст., он отмечает, что тот был «первым сыном великого князя Всеволода Георгиевича Долгорукого»⁵⁸. Весьма немногословно повествует автор СК и о родословной брата Ярослава Всеволодовича Юрия и его племянника Василько Константиновича (4, 13 гл. 7 ст.)⁵⁹, обращая внимание чи-

правнук Светославль Ярославля Владимерича» «праправнук» написано на поле. Как указал историк, здесь «равно правдоподобны и писцовая ошибка, и сознательное редактирование». Учитывая то, что неясно, идет речь о редакторской правке или нет, данный случай мы не будем рассматривать в ряду прочих случаев редакторской правки древнейших списков СК.

⁵⁸ Степенная книга. С. 488.

⁵⁹ Там же. С. 492, 501.

тателя лишь на степень их родства по отношению к главному герою 7 ст. прямо (Юрия) и косвенно (13 гл. сообщает о том, что Василько был племянником Юрия Всеволодовича, брата Ярослава). Это дает основания полагать, что при прояснении места соответствующего персонажа в ряду потомков Владимира в ряде случаев книжнику было достаточно его возвести к главному герою степени — например, Ярославу Владимировичу (Святополк Изяславич, Николай Святоша, Роман Ольгович).

Любопытно отметить, что в повествовании о нижегородской княгине Василисе-Феодоре, имевшей не княжеское происхождение, книжник ограничивается приведением генеалогии ее супруга — Андрея Константиновича (в 11 гл. 11 ст. внимание читателя обращено на его происхождение от брата Александра Ярославича Андрея). Это дает основания полагать, что, давая родословную мужа Василисы-Феодоры, автор СК рассматривал эту княгиню в качестве неотъемлемого члена рода потомков Владимира. Очевидно, для этого он и поместил в 11 гл. 11 ст. описание родословной Андрея Нижегородского. Отсутствует специальный экскурс и в генеалогию Евдокии-Евфросинии в 12 ст. — в рассказе о ней книжник лишь ограничивается упоминанием ее отца — Дмитрия Константиновича и мужа — Дмитрия Ивановича⁶⁰.

Сказанное выше дает основания полагать, что текст СК адресовался читателю, по всей видимости, имеющему некоторый багаж познаний в генеалогии — для определения места какого-либо персонажа в ряду потомков Владимира ему было достаточно упоминания о том, что тот состоял в соответствующей степени родства с главным героем грани. А, как было показано ранее, генеалогия непосредственного предка Ивана IV прояснялась в первых главах степеней, где она неизменно возводилась к Владимиру с указанием степени родства с ним.

Интересно отметить, что генеалогические пояснения относятся не только к русским князьям. На это указывают экскурс в родословную Войшелка и пояснение относительно происхождении Довмонта Псковского. Интерес к генеалогии литовских князей в России времени Ивана IV был неслучаен, чем, по-видимому, и обуславливалось доведение перечня литовских князей до Сигизмунда I (1506–

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 21. 2-я половина. С. 408.

1548) — отца современника Ивана IV Сигизмунда II. Очевидно, книжнику было важно подчеркнуть место Войшелка и Довмонта не только и, вероятно, не столько в ряду их предков, сколько в ряду последующих правителей Литвы. Интересом к генеалогии литовских правителей, по-видимому, обуславливалось и основанное на записи Ник. под 6797 г. уточнение родословной тверского епископа Андрея, являвшегося сыном литовского князя. Есть основания говорить и об особом внимании автора СК к династии Палеологов. На это указывает генеалогическая вставка в рассказе о происхождении жены Ивана III Софии. Интересом к генеалогии Палеологов, очевидно, обуславливалось также заимствование из Хр. 1512 перечня сыновей Анны, дочери Василия I, вышедшей замуж за одного из представителей этой династии — в данном перечне среди прочих фигурируют Фома, Дмитрий, Константин и Иоанн Калужан, которые упоминаются во вставке в 5 гл. 15 ст. Учитывая то, что интерес книжника по отношению к нерусским правящим родам ограничивается Гедиминовичами и Палеологами (экскурсы в генеалогию Ваза, Габсбургов, Гиреев, Османов и др. правящих родов Европы и Азии в СК не фиксируются), можно предположить, что автора памятника интересовала лишь родословная тех семей, с которыми московский правящий дом был связан тесными родственными узами.

Итоги анализа случаев генеалогической правки источников СК, отразившихся в ее древнейших списках, побуждают заключить, что данный вид правки был последовательно проведен через весь текст памятника (за исключением 16-17 ст.). Есть основания полагать, что генеалогическая правка была необходимым условием включения в СК произведений (житий или летописных повестей), повествующих о потомках Владимира. Иногда внесением родословной справки редактирование источника рассматриваемого памятника и ограничивалось. Большинство генеалогических пояснений касалось представителей русского княжеского рода; исключением из этого правила являются указания на происхождение ряда представителей династий Гедиминовичей и Палеологов, с которыми московские князья были связаны родственными узами. Как справедливо отметил Н.Н. Покровский, генеалогическая редакция служила для «усиления заглавной идеи книги о единстве "царского родословия", всех колен рода Рюриковичей, сошедшихся в генеалогической линии московского

государя»⁶¹. Как показывают результаты изучения рассмотренных выше генеалогических вставок, в соответствии с этой целью, они возводили тех или иных представителей династии русских князей либо непосредственно к Владимиру, либо к главному герою степени, место которого в ряду потомков крестителя Руси четко определялось в первых главах граней.

Внутритекстовые ссылки

Дополнительный свет на методы работы автора СК проливают итоги анализа его внутритекстовых ссылок. Несмотря на то, что в литературе уже отмечались подобные ссылки⁶², предметом специального анализа они не стали. Попытаемся, по крайней мере, отчасти восполнить этот пробел в изучении СК.

Памятник содержит целый ряд ссылок на текст, который помещен либо до того фрагмента, в котором находится ссылка, либо после него. Назначение ссылок книжник определяет в служащем своего рода введением к СК «Сказании о святем благочестии российских началодержец...»:

«Чюдесныя же о них [потомках Владимира. — А. У.] повести, их же елико возмогахомъ отчясти изообрѣсти, и сия здѣ въ книзѣ сеи степенями расчинены суть, и граньми объявлени, и главами с титлами сказуеми; ими же возможно всяку повѣсть, въ книзѣ сеи реченну, немедлено обрѣсти. Идеже и святѣиших митрополитовъ всея Руси имена вчинена суть, и о прочихъ святых, и знаменія, иже с небеси отъ Бога»⁶³.

Для того чтобы «всякую повесть» можно было бы «немедленно обрести» в тексте СК, перед основным ее текстом (после Жития Ольги) помещено гранесование — перечень разделов памятника: степеней / граней, глав и титл. Однако и гранесования книжнику показалось недостаточно — по всему тексту произведения рассеяны ссылки на те или иные его разделы. Учитывая важность приведенных в СК ссылок для последующего изложения, приведем их все (гранесование не учитывается):

⁶¹ Покровский Н. Н. Томский список. С. 31.

⁶² См.: Васенко П. Г. «Книга степенная царского родословия». С. 173-175.

⁶³ Степенная книга. С. 148.

Место ссылки	Текст ссылки	Раздел СК, на который ссылается книжник
17 гл. 1 ст.	«прочее же о немъ [Мстиславе Владимировиче. — А. У.] инде речется» ⁶⁴ .	74 гл. 1 ст.
72 гл. 1 ст.	«Олга, о ней же довольно есть особое сказание» ⁶⁵	Житие Ольги
75 гл. 1 ст.	О победах Святослава Игоревича «выше явлено о сих въ степени» ⁶⁶ .	5 гл. 1 ст.
1 гл. 2 ст.	О Ярославе «речено есть в первой степени, въ главѣ 69 и въ 73» ⁶⁷ .	69, 73 гл. 1 ст.
2 гл. 3 ст.	О чуде, имевшем место в Киево-Печерском монастыре, «послѣди речется» ⁶⁸ .	9 гл. 3 ст., 4 гл. 4 ст.
2 гл. 5 ст.	Об Игоре Ольговиче «послѣди речется» ⁶⁹ .	10 гл. 5 ст.
3 гл. 5 ст.	О потомках Юрия Долгорукого «ино сказание послѣди явленно будетъ» ⁷⁰ .	6 ст. (?)
2 гл. 6 ст.	О смерти Изяслава Давидовича «послѣди речется» ⁷¹ .	15 гл. 6 ст.
11 гл. 6 ст.	О братьях и сыновьях Всеволода Юрьевича «сказание сице» ⁷² .	12 гл. 6 ст. ⁷³
18 гл. 6 ст.	О Михаиле Черниговском «послѣди речено будетъ» ⁷⁴ .	14 гл. 7 ст.
1 гл. 7 ст.	О Михаиле Черниговском и его боярине Федоре «послѣди о сихъ довольно изъявлено бысть» ⁷⁵ .	14 гл. 7 ст.
4 гл. 7 ст.	О Владимире «довольно писано бысть в началѣ книги сея» ⁷⁶ .	1 ст.
4 гл. 7 ст.	Об усобицах потомков Владимира «выше вкратцѣ речено бысть» ⁷⁷ .	3-4 гл. 7 ст.

⁶⁴ Там же. С. 234.

⁶⁵ Там же. С. 336.

⁶⁶ Там же. С. 374.

⁶⁷ Там же. С. 379.

⁶⁸ Там же. С. 388.

⁶⁹ Там же. С. 413.

⁷⁰ Там же. С. 414.

⁷¹ Там же. С. 449.

⁷² Там же. С. 460.

⁷³ 12 гл. 6 ст. повествует о братьях Всеволода — Андрее и Михаиле — но ничего не сообщает о его сыновьях.

⁷⁴ Степенная книга. С. 481.

⁷⁵ Там же. С. 487.

⁷⁶ Там же. С. 492.

⁷⁷ Там же. С. 493.

16 гл. 9 ст.	О Житие Федора Ярославского «послѣди речется» ⁷⁸ .	18 гл. 9 ст.
17 гл. 9 ст.	«прочее же о сих [событиях, последовавших после смерти Андрея Александровича. — А. У.] послѣди речется» ⁷⁹ .	1 гл. 10 ст.
1 гл. 10 ст.	О Михаиле Тверском «послѣди повѣсть явлена будеть» ⁸⁰ .	6 гл. 10 ст.
2 гл. 10 ст.	«прочее же его [митрополита Петра. — А. У.] чудотворное рождение, и житие богоугодное ... явна быше в сеи же десятой степени въ третееи главе» ⁸¹ .	3 гл. 10 ст.
6 гл. 10 ст.	О Ярославе Ярославиче «зри в конци осьмья грани» ⁸² .	13 гл. 8 ст.
4 гл. 11 ст.	«О страдании же Феогнаста митрополита последи речется» ⁸³ .	6 гл. 11 ст.
4 гл. 11 ст.	Житие митрополита Алексия «последи явлено есть» ⁸⁴ .	7 гл. 11 ст.
16 гл. 12 ст.	О перенесении Владимирской иконы из Владимира в Москву «сказание имат в книзе сей в третьейнадесять степени» ⁸⁵ .	24 гл. 13 ст.
7 гл. 13 ст.	О перенесении Владимирской иконы из Владимира в Москву «писана последи в степени сем в торжественном словеси» ⁸⁶ .	24 гл. 13 ст.
17 гл. 13 ст.	После сообщения о смерти Евдокии-Евфросинии указано, что «о ней же преже речено бысть во второй надесять степени» ⁸⁷ .	14-20 гл. 12 ст.
17 гл. 13 ст.	При упоминании митрополитов Киприана и Фотия отмечается, что «о них же последи речется» ⁸⁸ .	25 гл. 13 ст., 16 гл. 14 ст.
20 гл. 13 ст.	О Колочской иконе «явлено суть в степени сем, глава 27» ⁸⁹ .	27 гл. 13 ст.

⁷⁸ Там же. С. 549.

⁷⁹ Там же. С. 550.

⁸⁰ Там же. С. 561.

⁸¹ Там же. С. 564.

⁸² Там же. С. 582.

⁸³ ПСРЛ. Т. 21. 2-я половина. С. 344.

⁸⁴ Там же. С. 344.

⁸⁵ Там же. С. 409.

⁸⁶ Там же. С. 417.

⁸⁷ Там же. С. 422.

⁸⁸ Там же. С. 423.

⁸⁹ Там же. С. 423.

20 гл. 13 ст.	О Василии II «есть сказание в книзе сей, в четвертомнадесять степени, глава I» ⁹⁰ .	1 гл. 14 ст.
23 гл. 13 ст.	О Василии II «во своем ему степени изрядно сказание достигнем и тамо явлено речется» ⁹¹ .	14 ст.
4 тит. 28 гл. 13 ст.	О разделении русской митрополии «явлено есть в житии Фотия митрополита» ⁹² .	16 гл. 14 ст.
4 гл. 14 ст.	«о житии же Фотия митрополита и о бывших по нем мятежах последи речется».	16 гл. 14 ст.
7 гл. 14 ст.	«прочее же о сих [событиях, связанных заключением Ферраро-Флорентийской унии. — <i>А. У.</i>] довольнее баше писано в житии святого и блаженного Ионы, митрополита всеа Русии» ⁹³ .	19 гл. 14 ст.
7 гл. 14 ст.	«о нем же [Иване III. — <i>А. У.</i>], аще благоволит Бог, последи хошет рещися во степени пятойнадесять» ⁹⁴ .	15 ст.
11 гл. 14 ст.	О чудесах митрополита Ионы «в житии его свидетельствует о нем» ⁹⁵ .	19 гл. 14 ст.
14 гл. 14 ст.	Сообщая о смерти Ионы, книжник отмечает, что «о нем же повесть последи явит» ⁹⁶ .	19 гл. 14 ст.
15 гл. 14 ст.	«о нем же [Иване III. — <i>А. У.</i>] последи сказание явит» ⁹⁷ .	15 ст.
1 гл. 15 ст.	О подчинении Новгорода «последи речется».	4 гл. 15 ст.
1 гл. 15 ст.	О правлении Василия II «выше явлено есть в четвертойнадесять степени книги сея» ⁹⁸ .	14 ст.
2 гл. 15 ст.	Об обретении мощей ярославских князей-святых «довольна есть повесть в девятой степени книги сея» ⁹⁹ .	19 гл. 9 ст.
5 тит. 4 гл. 15 ст.	О Марфе Борецкой «выше речено бысть» ¹⁰⁰ .	2 тит. 4 гл. 15 ст.
12 гл. 15 ст.	О перенесении мощей митрополита Петра и основании Богородичной церкви «писано есть доволь-	19 гл. 14 ст.

⁹⁰ Там же. С. 424.

⁹¹ Там же. С. 424.

⁹² Там же. С. 453.

⁹³ Там же. С. 462.

⁹⁴ Там же. С. 463.

⁹⁵ Там же. С. 470.

⁹⁶ Там же. С. 474.

⁹⁷ Там же. С. 475.

⁹⁸ Там же. С. 528.

⁹⁹ Там же. С. 529.

¹⁰⁰ Там же. С. 533.

	но в книзе сей, в четвертойнадесять грани, в житии новешаго чудотворца Ионы» ¹⁰¹ .	
19 гл. 15 ст.	О войнах Василия III с казанским ханом Махмет-Амином «последи речется» ¹⁰² .	2 гл. 16 ст.
29 гл. 15 ст.	Об основании митрополитом Алексием Чудовской церкви «явлено есть в житии сего великаго чудотворца Алексия, митрополита всеа Руси, в первойнадесять степени книги сея» ¹⁰³ .	24 тит. 7 гл. 11 ст.
1 гл. 16 ст.	О чудесном рождении Василия III «явлено есть в пятойнадесять степени книги сея во главе пятойнадесять» ¹⁰⁴ .	15 гл. 15 ст.
2 гл. 16 ст.	О казанском хане Махмет-Амине «преже явлено бысть в пятойнадесять степени книги сея во главе девятойнадесять» ¹⁰⁵ .	19 гл. 15 ст.
4 гл. 16 ст.	О войнах с крымскими татарами «последи речется» ¹⁰⁶ .	10, 16, 20 гл. 16 ст.
14 гл. 16 ст.	Чудеса митрополита Алексия «писана в книзе сей, в первойнадесять степени, в житии святаго сего чудотворца» ¹⁰⁷ .	7 гл. 11 ст.
22 гл. 16 ст.	О Данииле Переяславском «последи речется во степени сей» ¹⁰⁸ .	25 гл. 16 ст.
1 гл. 17 ст.	О пророчестве инока Галактиона о рождении Ивана IV «писано в книзе сей в шестойнадесять степени во второйнадесять главе» ¹⁰⁹ .	12 гл. 16 ст.
1 гл. 17 ст.	О рождении Ивана IV «явлено есть в книзе сей, в шестойнадесять степени, во главе двадесять второй» ¹¹⁰ .	22 гл. 16 ст.
9 гл. 17 ст.	О Василии Блаженном «в мале нечто явлено есть в шестой на десять степени книги сея, во главе шестой же на десять» ¹¹¹ .	16 гл. 16 ст.

¹⁰¹ Там же. С. 552.

¹⁰² Там же. С. 567.

¹⁰³ Там же. С. 577.

¹⁰⁴ Там же. С. 582.

¹⁰⁵ Там же. С. 583.

¹⁰⁶ Там же. С. 586.

¹⁰⁷ Там же. С. 596.

¹⁰⁸ Там же. С. 607.

¹⁰⁹ Там же. С. 629.

¹¹⁰ Там же. С. 629.

¹¹¹ Там же. С. 636.

Прежде чем начать разбор ссылок СК необходимо сделать важное замечание. Большое значение для анализа ссылок в контексте проблемы авторства СК имеет то, что все ссылки (за одним исключением¹¹²) помещены в основном тексте в древнейших списках СК и таким образом, не могут быть отнесены к творчеству редакторов этих списков. Это дает веские основания полагать, что ссылки принадлежат автору СК, а не редактору Волк., Томск. и Чуд. (вопрос о возможности их тождества нами специально здесь рассматриваться не будет). Итоги обобщения материала приведенных выше ссылок в СК на отдельные ее фрагменты заставляют нас обратить внимание на ряд моментов.

Пожалуй, самой явной тенденцией, которая фиксируется в 49 выявленных нами ссылках, является их незначительное количество в первых разделах с нарастанием их числа в последующих степенях (больше всего ссылок приходится на 13-15 ст.). Любопытно отметить, что первоначально книжник в 1 ст., воспроизводя порой весьма обширные пассажи из Жития Ольги (в 1 ст. они фиксируются, по меньшей мере, в 7 главах: 4, 11, 23-24, 60, 72, 75 гл.¹¹³), не сопровождал их ссылками. Лишь начиная с 72 гл. вместо пространных повторов появляется ссылка на «особное сказание» об Ольге. Таким образом, можно предположить, что к использованию ссылок книжник пришел не сразу. Вместе с тем, как показывают итоги анализа выявленных нами ссылок, делая их изредка в начале памятника, автор СК в последующих разделах использует их уже намного чаще. Так, в 1 ст. (самой пространной) фиксируется лишь 3 ссылки, во 2 и 3 ст. — по одной, в 4 и 8 — ни одной, в 5 — 2, в 6 и 7 — по 3, в 9 — 2, в 10 — 3, в 11 — 2, в 12 — 1, в 13 — 7 (!), в 14 — 6 (!), в 15 — 7 (!), в 16 — 5, в 17 — 3. Есть основания полагать, что незначительное число ссылок в первых разделах могло быть обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, предшествующий им материал был невелик, чем и могло объясняться незначительное число ссылок. Во-

¹¹² См. ссылку в 6 гл. 10 ст. на рассказ о Ярославе Ярославиче в конце 8 ст.

¹¹³ Подробнее об использовании Жития Ольги в 1 ст. см.: *Околович Н. Ф.* Жития святых. С. 55, 58, 75; *Соболевский А. И.* Поп Сильвестр и Домострой. С. 200-201; *Курукин И. В.* Сильвестр и составление Жития Ольги Степенной книги // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории: сб. ст. М., 1978. С. 51-60; *Усачев А. С.* Источники. С. 244.

вторых, есть все основания полагать, что лишь в процессе написания текста памятника методика работы книжника окончательно оформилась. Меньшее (по сравнению с 13-15 ст.) число ссылок в 16 ст., по всей видимости, объясняется тем, что на момент ее создания написание 17 ст. не планировалось¹¹⁴, т.е. отпадала необходимость в ссылках на следующий за ней текст. Причинами сравнительно небольшого числа ссылок в 17 ст., могли быть, во-первых, то, что она писалась в последнюю очередь и при работе над ней книжник был вынужден спешить, во-вторых, ее продолжение, по-видимому, не планировалось (т.е. как и в случае с 16 ст. отпадала необходимость в ссылках на текст последующей степени, которые, как будет показано ниже, составляли основной объем ссылок).

Внутритекстовые ссылки в СК можно разделить на две группы: «ретроспективные» (ссылки на предшествующий соответствующему разделу текст) — 17 ссылок и «перспективные» (т.е. ссылки на тот текст, который должен был следовать позднее) — 32 ссылки. В первом виде ссылок, как правило, точно указывался номер главы и степени; реже лишь номер степени. При ссылках на тот текст, который должен был следовать далее, книжник ограничивался указанием на степень (как правило, ту, в которой помещена ссылка) или отмечал лишь то, что о том или ином персонаже или событии «последи речется» (это также относилось к этой же или следующей степени).

Любопытно отметить, что ни в одной (!) «перспективной» ссылке автор СК не обращался далее следующей степени. Вряд ли только на этом основании можно говорить, что он не имел общего плана произведения, выходящего за рамки соответствующей степени и той степени, которая должна была следовать за ней. Рассмотренный материал лишь дает основания полагать, что степени писались в порядке их следования в памятнике. На это прямо указывает фраза в повествующей о Василии II 7 гл. 14 ст. о том, что «о нем же [Иване III. — А. У.], аще благоволит Бог, последи хоцет рещися во степени пятнадцатый». Данные слова являются прямым свидетельством того, что в момент написания 14 ст. за 15 ст. книжник еще не

¹¹⁴ Как отметил Н.Н. Покровский (см.: Покровский Н.Н. Томский список. С. 22-24), заключающее 16 ст. Житие Даниила Переяславского и 17 ст. в памятнике появились позднее написания основного текста 16 ст. Подобнее этот вопрос нами будет рассмотрен ниже.

принимался. На такой порядок создания СК указывает и упоминание в 24 гл. 16 ст. Ивана IV, о котором «лепо есть особой степени вчинитися, яко же в летописании явлено есть довольно писание, како трудолюбезно подвизашеся о благочестии ...»¹¹⁵. Вряд ли можно сомневаться в том, что на момент написания 16 ст. 17-я не только еще не была написана, но даже и не планировалась (в отличии от 15 ст., возможность создания которой отмечается уже во время написания 14-й).

Вероятно, важнейшим моментом, который фиксируется при рассмотрении ссылок в СК на ее текст, является место их расположения. Все без исключения (!) ссылки помещены в тексте, который признается созданным автором СК — ни одной (из 49!) ссылки не фиксируется в тех разделах памятника, которые основаны целиком или в большей своей части на вошедших в СК полностью или в значительных фрагментах произведениях (прежде всего, Житиях): в СК могут лишь содержаться ссылки на эти памятники. Ни одной ссылки на последующие или предыдущие разделы СК читатель не встретит в Житиях Ольги, Всеволода Псковского, Евфросинии Полоцкой, митрополитов Петра, Алексия и Ионы, Сказании о Борисе и Глебе, Повести на перенесение Богородичной иконы из Владимира в Москву и т. д. Это может означать лишь одно — автор СК четко отделял созданный им текст от текста, который он заимствовал полностью или в своей основной части из сочинений своих предшественников. Данное обстоятельство в свою очередь дает основания полагать, что ссылки на текст СК дают возможность четче определить контуры «авторского» текста в памятнике, т.е. текста, который полностью или в значительной мере создавался самим автором СК. Как правило, речь идет о «стыках» между пространными фрагментами (или полными текстами) источников СК.

Итоги наблюдений над ссылками не дают возможности ответить на вопрос об их тематическом приоритете. Представленный выше материал позволяет констатировать, что ссылки делались на все группы помещенных в СК рассказов — о русских митрополитах и князьях, святых, чудесах, чудотворных иконах.

Таким образом, результаты рассмотрения внутритекстовых ссылок в СК приводят нас к выводу, что все ее разделы (за исключе-

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 21. 2-я половина. С. 615.

нием полностью включенного в памятник Жития Ольги) писались с использованием одной методики ссылок. Есть основания полагать, что эта методика оттачивалась от раздела к разделу СК, чем и обуславливается наибольшее число ссылок в заключительных степенях памятника. Кроме того, напрашивается предположение, что ссылки делались автором в написанном им (полностью или частично) тексте и не включались в чисто компилятивные фрагменты, основанные исключительно на источниках СК.

Окончания граней

Дополнительный свет на совокупность методов, с помощью которых создавалась СК, проливают, на наш взгляд, наблюдения над окончаниями составляющих памятник граней. Почти все степени имеют особые концовки. Это могло быть упоминание главного персонажа данной степени и краткая характеристика героя и событий следующей степени (1, 4, 8, 15 ст.), а могло быть и краткое указание на конец соответствующего раздела (2-3, 5-7, 9-10, 12-13 ст.). Так, в 15 ст. концовка выглядит следующим образом: «Бог творит вся, елика хошет, иже и zde паче инех степени возвыси и прослави сий 15 степень, ему же сказание до zde и конец пятнадцатая грани. Да не умолчано же буди к прочим шестнадцатая степень, ему же начало сице»¹¹⁶. Во 2 ст. концовка читается по иному: «Дозде вторыи степень и конец грани вторыи»¹¹⁷. Концовки отсутствуют в 11, 14, 16 ст., а также в заключающей СК 17 ст. (т.е. в 4 степенях из 17). Чем могло быть обусловлено это обстоятельство? Точно ответить на этот вопрос вряд ли возможно. Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет лишь высказать одно предположение.

Обращает на себя внимание, что концовок нет в тех степенях, которые заканчиваются пространными биографиями — Василисы Нижегородской (11 гл. 11 ст.), митрополита Ионы (19 гл. 14 ст.), Даниила Переяславского (25 гл. 16 ст.). Относительно окончания 16 ст. известно, что, как установил Н.Н. Покровский¹¹⁸, Житие переяславского святого вошло в СК после написания основного текста 16 ст., т.е. было приписано несколько позднее (вставка отразилась в Томск.; в Чуд.

¹¹⁶ Там же. С. 581.

¹¹⁷ Степенная книга. С. 385.

¹¹⁸ Покровский Н. Н. Томский список. С. 22-24.

создававшемся на основе Томск. правка учтена и кодикологического «шва» между 24 и 25 гл. 16 ст. не фиксируется). Вероятно, при переписке Жития Даниила в Томск. концовка грани была пропущена писцом, а редактор не внес соответствующей правки. Нельзя исключить, что при включении жизнеописаний Василисы Нижегородской и митрополита Ионы, заключающих 11 и 14 ст., писец также не внес соответствующего указания, а редактор не поправил его. Отсутствие концовки в 17 ст., вероятно, обуславливалось незаконченным характером памятника, который завершала эта степень (об этом ниже).

Рассмотрев некоторые методы создания и оформления текста СК, необходимо сказать несколько слов об имеющихся в этом тексте несогласованностях. Как уже отмечалось выше, в четырех (из 17) степенях отсутствуют концовки. Встречаются и противоречия фактического характера. Так, в известии о браке дочери Василия II Анны, основанном на данных Хр. 1512, сказано, что русская княжна вышла замуж за византийского императора Мануила (12, 19 гл. 13 ст.)¹¹⁹. В то время как в жизнеописании митрополита Фотия (16 гл. 14 ст.), основанном в значительной степени на данных Ник., указано, что Анна стала женой сына Мануила — Иоанна¹²⁰. К числу подобных противоречий можно отнести упоминание одного сына Ивана IV (царевича Ивана) в Житии Алексия в 33 тит. 7 гл. 11 ст.¹²¹ и нескольких «чад» Грозного в других разделах памятника (Житие Ольги, 8 гл. 17 ст.)¹²². Чем могли быть обусловлены подобные нестыковки?

При рассмотрении методов работы создателя СК в контексте проблемы ее авторства необходимо отметить, что, как уже отмечалось в историографии¹²³, текст памятника окончен не был. Так, как указал Н. Н. Покровский, в «Похвале» митрополиту Ионе, помещенной в 19 гл. 14 ст., книжник вслед за своим источником — третьей редакцией Жития этого святителя¹²⁴ — использует характерную для

¹¹⁹ ПСРЛ. Т. 21. 2-я половина. С. 420, 423.

¹²⁰ Там же. С. 478.

¹²¹ Там же. С. 369.

¹²² Там же. С. 30, 635.

¹²³ Например, см.: Покровский Н.Н. Томский список. С. 9-10.

¹²⁴ См.: «... испроси благочестивому царю нашему великому князю имярек, государю и самодержцу всея Руси», см.: Усачев А.С. Житие митрополита Ионы третьей редакции // Вестник церковной истории. 2007. Вып. 2. С. 60.

богослужебной литературы форму «имярек» применительно к правящему на момент ее написания русскому государю (Ивану IV)¹²⁵; при этом любопытно, что в соответствующем фрагменте, относящемся к митрополиту Макарию, имя московского первосвятителя приведено, ср.:

Третья редакция Жития м. Ионы	Степенная книга
«Пресвященному же архиепископу имярек, митрополиту всея Руси, правящаго престол твой, в мире житие исправи...» ¹²⁶ .	«Пресвященнаго же господина нашего архиепископа Макария, митрополита всеа Руси, правящего престол твой, в мире житие исправи ...» ¹²⁷ .

Более показательным то, что, как указал этот же исследователь, конец памятника скомкан — последним (по расположению в тексте) известием является сообщение о голоде в Крыму (26 гл. 17 ст.), которое явно не могло служить достойным завершением такого обобщающего памятника исторической литературы, каким является СК¹²⁸. Внесение, по-видимому, на заключительном этапе оформления текста произведения краткого упоминания о самой громкой победе русского оружия времени составления СК — о взятии Полоцка (18 гл. 17 ст.) — также дает основания зафиксировать следы спешки в написании произведения (во всяком случае, его заключительных разделов). Учитывая сказанное выше, можно полагать, что, по всей вероятности, спешкой в работе над памятником и обусловливалось появление в его тексте ряда «ляпов», которые книжник не имел возможности «вычитать». Так, нельзя исключить того, что создатель СК не успел согласовать тексты хронографической и летописной версий рассказа о браке дочери Василия II Анны. Этим же может быть объяснено и отсутствие упоминания прочих детей Ивана IV в Житии Алексия, а также использование формулы «имярек» применительно к Ивану IV в Житии Ионы. Как уже отмечалось выше, незаконченный характер СК проявился и в отсутствии концовок в 11, 14, 16 и 17 ст.

¹²⁵ ПСРЛ. Т. 21. 2-я половина. С. 525.

¹²⁶ Усачев А. С. Житие митрополита Ионы. С. 60.

¹²⁷ ПСРЛ. Т. 21. 2-я половина. С. 525.

¹²⁸ Покровский Н. Н. Томский список. С. 10.

* * *

Подводя некоторые итоги необходимо отметить:

1. Жизнеописания главных героев степеней — непосредственных предков Ивана IV, представляющие собой ядро текста СК, создавались по четкому плану: первая глава содержала пояснение генеалогии персонажа, последующий текст рассказывал о его жизни; в случае наличия необходимого материала источников повествование заключалось похвалой и чудесами, включение которых было характерно для житий макарьевского времени. Во многих случаях в основу биографии главного героя грани клался наиболее пространный (иногда единственный) повествующий о нем памятник, сведения которого дополнялись летописным материалом. При отсутствии подходящего источника жизнеописания создавались на основе обобщения летописных известий.

2. Все помещенные в СК рассказы о потомках Владимира (в т.ч. и тех, которые не являлись прямыми предками Ивана IV) при включении их в текст памятников дополнялись генеалогическими пояснениями, часть которых отразилась в древнейших списках памятника. Достаточно часто генеалогические вставки оказывались единственными следами вмешательства книжника в тексты своих источников.

3. Автора СК характеризует стремление создавать связанные рассказы о лицах и событиях. Как правило, такие разделы памятника писались на основе обобщения летописных записей, текст которых иногда дополнялся данными иных памятников. При этом материал источников мог сокращаться, излагаться не в хронологическом, а в тематическом порядке; порой фрагменты доступных книжнику произведений дополнялись его пояснениями и уточнениями, которые, как правило, не носили фактологического характера.

4. Важной отличительной чертой СК являются внутритекстовые ссылки, которые отсылали читателя либо к предшествующему соответствующей степени разделу, либо к тексту следующей степени. Любопытно отметить, что эти ссылки содержатся в 15 из 17 степеней, т.е. практически во всем тексте СК. Также необходимо

отметить, что все без исключения ссылки фиксируются в «авторском» тексте СК и отсутствуют в ее компилятивных частях.

5. Ряд фиксирующихся в памятнике несогласованностей в известиях, а также в методах его создания не имеют точек взаимных пересечений, которые были бы неизбежны в том случае, если бы различные разделы текста создавались разными лицами. Так, внутритекстовые ссылки отсутствуют в 4 и 8 ст.; концовки граней в 11, 14, 16 и 17 ст.; указания на происхождение главных героев степеней в 3-4 и 7 ст.; нестыковки в известиях фиксируются в Житии Ольги, 33 тит. 7 гл. 11, 8 гл. 17 ст. и 12, 19 гл. 13 ст., 16 гл. 14 ст. Данные нестыковки могут быть объяснены спешкой книжника в работе над текстом памятника, которую он, по всей видимости, не имел возможности довести до конца.

6. Есть основания полагать, что ряд отличий в тексте первых степеней от последующих, по всей видимости, обуславливался тем, что первые степени выступали в качестве некой «пробы пера» книжника — как представляется, по мере написания разделов СК методика работы ее создателя совершенствовалась. Это проявилось 1) в нарастании количества внутритекстовых ссылок в заключительных степенях; 2) в закреплении указаний родословной главного героя степени не только от Владимира, но и от Рюрика (с 8 ст.)¹²⁹.

¹²⁹ Как было указано выше (при разборе соответствующего материала), могут быть предложены, по крайней мере, три возможные причины пропуска указаний на происхождение от Рюрика трех непосредственных предков Ивана IV (Всеволода Ярославича, Владимира Мономаха и Ярослава Всеволодовича). Однако необходимо отметить, что представленный выше материал убеждает 1) в отсутствии точек взаимных пересечений данных «нестыковок» в 3-4 и 7 ст. с другими «нестыковками» в СК и 2) в единстве методов создания ее текста. Также нет никаких оснований выделять фигуры главных героев соответствующих степеней из ряда прочих прародителей первого русского царя. На явное совершенствование методики работы автора СК, как отмечено выше, указывает нарастание числа внутритекстовых ссылок в заключительных степенях памятника. Сказанное заставляет нас отдать предпочтение именно представленному выше объяснению — по всей видимости, начиная с 8 ст., повествующей об Александре Ярославиче, книжник, «набив руку» на написании первых глав степеней, уже неизменно сообщал читателю о происхождении того или иного персонажа как от Владимира, так и от Рюрика.

7. Для всего текста СК характерно использование одних источников, которые привлекались к созданию всех или почти всех степеней (основные летописные источники СК — Ник., Воскр.), либо значительного их числа (СІ мл., Новгородская IV летопись и др.). Это свидетельствует в пользу предположения, что все разделы памятника создавался в одном книгописном центре, располагающем списками соответствующих памятников.

Сказанное выше дает основания заключить, что весь текст СК создавался с помощью одного набора методов. При этом любопытно отметить, что эти методы характерны лишь для этого памятника, который в ряду предшествующих и современных ему произведений выделяется не только своеобразием своей структуры, но и специфичной приемов, с помощью которых он создавался. Это в свою очередь на данном этапе изучения СК дает основания констатировать, что на протяжении всего ее текста фиксируется одна рука. Принадлежала ли эта рука автору, редактору, составителю или руководителю работ над памятником сказать вряд ли возможно. Вероятно, итоги последующего изучения теории древнерусской литературы дадут возможность ответить на этот вопрос более определенно.

Рассмотренный материал позволяет заключить, что гипотеза о коллективном авторе СК возможна, но только при условии того, что эти лица полностью разделяли свои взгляды на общий характер этого памятника, использовали один круг источников, создавали все его разделы по единому плану в порядке их следования в СК, все вместе одновременно практически во всех разделах делали внутритекстовые ссылки (вставки ссылок в Волк., Томск. и Чуд. не фиксируются), с помощью одной методики создавали на основе источникового материала более или менее пространные рассказы о персонажах и периодах русской истории на протяжении всего текста СК, проявляли одинаковый интерес к генеалогии потомков Владимира и состоявших в родстве с ними Палеологов и Гедиминовичей, сходным образом редактировали источники, при этом все вместе демонстрируя навыки во многом отличные от традиций, в соответствии с которыми создавались все предшествующие СК произведения древнерусской книжности (прежде всего, памятники летописания и агиографии). На наш взгляд, вероятность существования такой группы единомышленников в России середины XVI в.

даже в таком крупном книгописном центре как митрополичий Чудов монастырь весьма сомнительна.

Однако, принимая представленное выше решение проблемы авторства СК, читатель настоящей работы вправе задаться вопросом: а было ли под силу одному книжнику (даже если его функции ограничивались составлением и редактированием) создать такой масштабный памятник как СК в течении достаточно короткого периода времени?

Пытаясь развеять закономерные сомнения, необходимо обратить внимание на ряд обстоятельств. Во-первых, как показали итоги нашего исследования времени написания СК, вероятно, ее текст создавался не в течении трехлетнего периода (1560–1563 гг.), как полагал П. Г. Васенко, а на протяжении гораздо более длительного времени — около 7 лет (ок. 1556–1563 гг.)¹³⁰. Во-вторых, как было отмечено нами выше, при написании помещенных в СК жизнеописаний (прежде всего, главных героев степеней), книжник придерживался четкого плана, выработав особый алгоритм конструирования повествования. Вряд ли можно сомневаться в том, что это давало ему возможность сэкономить время. В-третьих, как показали итоги обобщения накопленного в историко-филологической науке материала об СК, а также наблюдения автора настоящей работы, создатель рассматриваемого памятника в процессе его написания не написал ни одного (!) крупного произведения. Так, в памятник включались либо уже имеющиеся произведения (как правило, агиографические) полностью, либо более или менее пространственные заимствования из них, которые дополнялись материалом других источников (прежде всего, летописных), а также сентенциями автора, который вносил некоторую (в ряде случаев минимальную) правку в известия своих источников. В-четвертых, мож-

¹³⁰ См.: Усачев А. С. К вопросу о датировке Степенной книги // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 4 (22). С. 28-40. О датировке этим временем Волк., Томск. и Чуд. см.: Усачев А. С. Первые русские печатные книги: филогранологические наблюдения // Федоровские чтения 2007. М., 2007. С. 56-72; *Он же*. Минея № 257 из собрания П. А. Овчинникова и значение ее водяных знаков для датировки ряда рукописных книг середины – третьей четверти XVI в. // Очерки феодальной России. Вып. 11. М.; СПб., 2007. С. 291-308.

но отметить, что текст СК создавался, по всей видимости, в порядке следования степеней, на что указывают «перспективные» ссылки в ее тексте. Данное обстоятельство побуждает думать, что, по всей видимости, разделы последовательно создавались одним лицом, которое в тексте одной степени выражает надежду на написание следующей. В-пятых, как уже было отмечено выше, на протяжении всего текста памятника фиксируются следы спешки в работе над ним, которые свидетельствуют о том, что работа не была доведена до конца. Сказанное выше дает основания считать возможность создания такого крупного памятника как СК одним лицом вполне вероятной¹³¹.

¹³¹ Отмеченное не исключает возможности использования автором / руководителем работ помощи писцов, которым поручалась «техническая» работа — вероятно, переписка текстов входящих в СК произведений (прежде всего, вошедших с минимальной правкой Житий). Во всяком случае, как отмечено в археографическом введении к новому изданию памятника, к созданию его древнейших списков, написание и редактирование которых собственно и представляет собой процесс создания текста древнейшей редакции СК, было привлечено около двух десятков писцов. Так, при создании и редактировании Волк. использовался труд по меньшей мере 11 писцов, Томск. и Чуд. — 7; один из писцов Волк. также осуществлял редактирование всех трех списков (см.: *Покровский Н. Н., Журавель О. Д., Сиренов А. В.* Археографическое предисловие // *Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам*. Т. 1. М., 2007. С. 6-23; описание почерков Томск. и Чуд. выполнено О. Д. Журавель, Волк. — А. В. Сиреновым).

ИЗ ИСТОРИИ ИДЕЙ

Е. Н. КИРИЛЛОВА

ОБЩЕСТВЕННОЕ БЛАГО И ДРУГИЕ АРГУМЕНТЫ СОЗДАНИЯ И ИЗ- МЕНЕНИЯ РЕМЕСЛЕННЫХ УСТАВОВ¹

Обращаясь с просьбой об утверждении регламента, представители ремесленных и торговых корпораций формулировали некоторое обоснование, объясняя как сам факт обращения к властям, так и отдельные, особенно важные или спорные статьи устава. Ремесленные и торговые регламенты, составленные в Реймсе с конца XIII по конец XVIII вв., и ряд документов, сопровождавших их запись и утверждение, позволяют рассмотреть комплекс таких аргументов и проанализировать, как они изменялись со временем.

Обоснования появляются с самого первого реймского регламента — с устава мастеров-сукноделов и ткачей сукна 1292 г. и далее присутствуют в подавляющем большинстве уставов, за незначительными исключениями. Обычно их нет в тех случаях, когда у устава нет преамбулы, когда не сохранились утверждавшие устав постановления местной или центральной власти.

В центре внимания этой работы — место и роль обоснований, их происхождение (авторство — насколько о нем можно говорить применительно к такому материалу), а также некоторые особенности формулировок и аргументации.

Прежде всего, отмечу, что необходимость утвердить регламент требовалось обосновывать. Это действие не относилось ни к самоочевидным, ни к самодостаточным. В отличие, например, от постановлений, рассматривавших или разрешавших конфликты между ремесленниками. В таких постановлениях нет установочного раздела, в котором бы говорилось о каких-то особых целях и задачах, об общем благе, о пользе города и горожан. В них могли привести аргументы или претензии каждой из сторон, но разре-

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Легитимация и дискредитация власти в письменных источниках. Россия и Запад: опыт компаративного анализа» Программы фундаментальных исследований ОИФН «Власть и общество в истории».

ния конфликта или стремления его разрешить было уже достаточно самого по себе, чтобы принимать какие-то постановления.

Итак, уставу как нормативному акту требовалось обосновать свою необходимость. Эту задачу и решали ремесленники или купцы, обращаясь с прошением к властям. Тексты таких прошений сохранились, но для Реймса лишь от XVIII в.: это прошения о новых регламентах изготовителей шерстяной кисеи 1710 г., мясников 1737 г., ножовщиков 1738 г. и поваров 1757 г. Когда прошения стали составляться письменно, неясно. Вероятно, что в течение какого-то, скорее всего, достаточно длительного периода это были устные обращения. Как устно рассказывались и обычаи ремесленного сообщества, которые письменно фиксировались не самими ремесленниками, а городскими писцами. Также вероятно, что и позднее, представляя на рассмотрение городских властей уже записанные тексты регламентов, свою просьбу мастера по-прежнему высказывали устно. Если искать здесь хронологические границы, применительно к Реймсу я бы предположила, что письменное изложение аргументов сначала появляется исключительно в тех случаях, когда в силу особых обстоятельств мастера или купцы обращались за утверждением устава к королю. В XV в. это устав мясников 1467 г., в XVI в. регламенты кожевников и дубильщиков 1535 г., суконщиков 1569 г., возможно, аптекарей и бакалейщиков 1552 г.

Письменные обращения ремесленников к представителю местной власти, к бальи реймского архиепископа, появляются, как можно предположить, с начала XVII в. Дело в том, что утверждая регламент, бальи приводил объяснение этого действия, пересказывая обращенное к нему прошение. С начала XVII в. эти пересказы становятся довольно объемными и подробными. И примерно с этого же времени традиционным становится такой формуляр окончательного постановления, в котором обоснование приводится дважды. Первый раз рассказывается о ходатайстве мастеров или купцов — это и есть пересказ прошения, полный или сокращенный. Во второй раз обосновывается уже решение бальи (короля)².

² Хотя могли ограничиться и исключительно изложением прошения: в 1618 г., добавляя статьи к уставу стригальщиков сукна, бальи привел лишь их аргументы. См.: *Varin P. Archives législatives de la ville de Reims. Pt. 2. Statuts. Vol. 2. P., 1847. P. 392. Not.*

Формулировки, использованные во втором случае, могут повторять первый вариант, могут совпадать с ним частично³ и могут выглядеть как краткое его резюме — можно сказать, перевод прошения на язык, свойственный властным структурам (в связи с тем, что у вас возникли вышеизложенные проблемы, мы принимаем решение, понимая свою роль следующим образом...)⁴.

Подобное краткое резюме использовано в большинстве реймских уставов второй половины XVI в. при полном отсутствии пересказа прошения, на основании чего я и предполагаю, что просьба была высказана устно.

Соотношение первого и второго обоснований позволяет уточнить такой момент из истории ремесленных и торговых регламентов, как разную практику обращений к местной и центральной власти. До середины XVII в. далеко не все уставы утверждались и в городе, и в столице, нередко — только где-то в одном месте. А вот в тех случаях, когда устав утверждался и местной, и центральной властью, скорее всего, составлялись разные прошения. Так, разные выражения, не повторяющие друг друга, использованы при пересказе прошения бочаров во введении их устава 1606 г. и в постановлении королевского совета⁵ (хотя это может быть и резюме, сделанное в королевской канцелярии). Очевидно, что с разными

³ В преамбуле к уставу столяров 1592 г. бальи Жан Пиош не стал перечислять причины, указав, что полностью они изложены в прошении мастеров и других документах: «pour les causes à plain déclarés en laditte requeste et autres pièces produites» (Ibid. P. 342); аналогично — в королевском патенте для сукноделов 1569 г.: «à ce que, pour les causes y continues, nostre bon plaisir fust» (Ibid. P. 191. Not. 1); «à ce que pour les causes y contenu» (королевский патент 1742 г., утвердивший сентенцию бальи Реймса для бочаров от 1730 г.: Ibid. P. 420. Not.). Другой вариант: использование в ордонансе первых слов из прошения, фраза даже не закончена: «que depuis plus d'un siècle, etc.» (изготовители шерстяной кисеи, 1710 г.: Ibid. P. 227. Not. 1).

⁴ Пример из истории мясников 1467 г.: введение устава, составленное от имени архиепископа, содержит как пересказ прошения со всеми подобающими аргументами, так и резюме, выраженное следующим образом: «мы, рассмотрев эти обстоятельства, стремясь об этом позаботиться к благу и здоровью людей и пользе общества...» — «Nous, ces choses considérées, désirans sur ce pourvoir au bien et santé du peuple et utilité de la chose publique». См.: *Varin P. Archives législatives. Pt. 2. Vol. 1. P., 1844. P. 987-988.*

⁵ *Varin P. Archives législatives. Pt. 2. Vol. 2. P. 400, 427-428. Not. 1.*

прошениями обратились к королю и к реймским властям купцы-мерсье. На собрании, созванном специально для составления регламента и организации его утверждения властями, было сделано общее заключение о причинах, побудивших купцов действовать⁶. Далее они обратились к генеральному наместнику президиального суда Реймса с просьбой высказать свое мнение о составленном регламенте в 1638 г.: «sur l'utilité que les articles par eux dressés en forme de règlement pourront apporter en ladite ville et au public», и он оценил их как «civiles, raisonnables et très-utiles au public, pour servir de règlement ausdits marchands»⁷. А в утвердившем устав королевском патенте 1639 г. высоким слогом сказано о том, что город — один из древнейших в королевстве и славен... (см. далее). Постановление реймского балья 1710 г. дословно повторяет первую фразу из ходатайства изготовителей шерстяной кисеи (также 1710 г.): прошение, представленное нам мастерами и мастерицами, «expositive que depuis plus d'un siècle, etc.»⁸. В королевском же патенте 1711 г., утвердившем регламент, использованы другие выражения: «tant pour le bien public que pour remédier aux abus»⁹.

Основная идея, которая встречается чаще всего, — либо «общее благо», «общая и частная польза / выгода или вред», либо говорят о поддержке просителей, благорасположенности к ним¹⁰.

⁶ «En laquelle assemblée a esté dit et remontré, que pour n'y avoir règlement entr'eux, ainsy qu'en plusieurs villes policées de ce royaume, gardes et maîtres jurez, qui aient l'oeil et esgard aux désordres qui se peuvent commettre en la vente et débit de la marchandise, manutention du commerce, et autres malversations qui pourroit arriver, qu'il seroit expédient d'estre réglé» (Ibid. P. 560).

⁷ Ibid. P. 561-562. Not. 1.

⁸ Ibid. P. 227. Not. 1.

⁹ Ibid. P. 232. Not.

¹⁰ Как сумма причин: «A ces causes, désirant favorablement traiter lesdits exposans» (королевский патент 1659 г., утвердивший регламент для музыкантов всего королевства: Ibid. P. 622. Not.). «A ces causes, voulant favorablement traiter lesdits exposans» (королевский патент для слесарей 1708 г.: Ibid. P. 590. Not.*). Более развернутый вариант: «A ces causes, désirant favorablement traiter lesdits exposans et leur faciliter le moyen de pourvoir aux abus qui peuvent arriver à l'avenir dans leurdit métier, que tout soit exécuté dans un bon ordre» (королевский патент для пряничников 1708 г.: Ibid. P. 223. Not. 1). В королевском патенте 1774 г., утвердившем новый устав для сапожников: «A ces causes voulant contribuer à l'union et à la concorde qui doit régner entre nos sujets» (Ibid. P. 246. Not.).

Обоснования бывают более или менее развернутыми, составляя от одной фразы до подробного изложения всех сопутствовавших созданию регламента обстоятельств.

Краткое выражение «*bien public*» (общее благо) с вариантом «*commodité ou incommodité publique et particulière*» (общая и частная польза/выгода или вред) использовались самым широким образом. Традиционно они употреблялись при определении задачи экспертов, знающих ремесло уважаемых в городе людей, обычно купцов, оценивавших, как составлен регламент: правильно ли, не во вред ли отрасли или городу (у стригальщиков, прессовщиков и аппретурщиков сукна в 1603 г.¹¹, у каменщиков в 1625 г.¹², галантерейщиков и суконщиков в 1626 г.¹³, токарей в 1642 г.¹⁴ и др.). В 1603 г. бальи принял решение об уставе изготовителей режущих инструментов и скобяных изделий после того, как ему сообщили о пользе, которую могут принести обществу представленные мастерами статьи¹⁵.

Таким же образом давали поручение должностным лицам разного уровня. Выслушав купцов, знающих ремесло, о пользе или вреде¹⁶, к которым может привести реализация прошения булавоочников, высказывался фискальный прокурор в 1635 г. У генерального наместника королевского президиального суда Реймса спрашивали мнение о регламенте купцы-мерсье в 1638 г. Мэр и эшеваны Реймса 18 апреля 1693 г. выразили свое отношение к статутам бакалейщиков¹⁷. Генеральному наместнику реймского бальяжа в 1716 г. от имени короля давалось поручение определить, каковы представленные для утверждения новые семь статей реймских бочаров в выражениях «*pour donner leur avis, pour sçavoir s'il est du bien public*»¹⁸.

Что касается формулировок, то удивительно, что выражая довольно похожие мысли, они почти никогда не повторяются, а зна-

¹¹ Ibid. P. 400.

¹² Ibid. P. 479.

¹³ «*Et seroit ouys douze notables bourgeois de ladicté ville, sur la commodité ou incommodité et utilité commune, que pourroit avoir ladicté ville*» (Ibid. P. 571. Not.).

¹⁴ Ibid. P. 581.

¹⁵ «*Après information faite de la commodité ou incommodité que pouroient apporter au publicq les articles présentez*» (Ibid. P. 428).

¹⁶ Ibid. P. 543.

¹⁷ «*Qu'il n'y a rien de contraire au bien public*» (Ibid. P. 977. Not. 3).

¹⁸ Ibid. P. 411. Not.

чит — в каждом следующем случае создавались заново. С одной стороны, конечно, обращения исходили всякий раз от других людей (от разных корпораций); с другой — у всех рассматриваемых обращений был один адресат: местная или центральная власть и одинаковая задача — утверждение регламента.

Какие же аргументы использовались? Преимущественно говорили о предотвращении злоупотреблений, о высоком качестве изделий, о благе города и горожан, о стремлении установить или поддержать порядок. Позднее к ним добавился такой аргумент как время, прошедшее с тех пор, как был составлен и утвержден первый устав корпорации. Эта причина — необходимость в прояснении устаревшего текста — появляется в качестве дополнительного аргумента в начале XVII в. при утверждении новых регламентов изготовителей шелковых изделий (1600 г., прежний — 1582 г.) и бочаров (1606 г., прежний — 1596 г.). Временные интервалы здесь минимальны — 20 лет и даже меньше, и в общем эта причина далеко не главная.

Позднее этот аргумент приобрел самостоятельное и самостоятельное значение. Когда в конце XVII в. и особенно в первой половине XVIII в. к нему вновь обратились, речь шла уже о сроках, приближающихся к столетию и даже намного его превосходящих: у столяров в 1684 г. (с 1592 г.), колпачников 1706 г. (с 1581 г.), слесарей в 1708 г. (с 1565 и 1646 гг.), изготовителей шерстяной кисеи в 1710 г. (с 1572 г., с модификациями середины XVII в.), закройщиков и старьевщиков в 1716 г. (с 1628 г.), веревочников 1736 г. (с 1571 г.), мясников в 1737 г. (с 1467 г.), булочников в 1743 г. (с 1561 г.). Обычно не только называли эти датировки, но и подчеркивали произошедшие за этот срок значительные изменения (новый устав колпачников 1706 г.¹⁹, веревочников 1736 г.²⁰, мясников 1737 г.²¹), на то, что из-за неясности или несоответствия устава новым обстоятельствам присяжным приходится постоянно заниматься разьяснением старого текста и вести многочисленные судебные тяжбы²². Столяры, указавшие на такой момент в 1684 г., стремились улучшить свой

¹⁹ Ibid. P. 280. Not.

²⁰ Ibid. P. 213. Not.

²¹ *Varin P.* Archives législatives. Pt. 2. Vol. 1. P. 990. Not. 1.

²² Новый регламент столяров 1684 г. См.: Ibid. Pt. 2. Vol. 2. P. 343. Not.

прежний устав 1592 г. Правда, решив, что почти сто лет для своего регламента — очень большой срок, мастера иначе отнеслись к уставу парижских столяров, составленному еще на 50 лет раньше, чем их собственный, в 1545 г., который они и взяли за образец (также были использованы регламенты столяров Шалона 1613 г., постановление для них Парижского парламента 1678 г. и постановление парламента для реймских столяров 1660 г.).

Промежуточный вариант — у шляпников 1630 г., своеобразно сформулировавших свою просьбу. Они не стали просить об утверждении нового устава, хотя представили бальи новый текст, а сославшись на «старость и ветхость прежнего регламента, который уже не может служить и читаться», обратились в 1630 г. с просьбой переписать старые статьи и добавить к ним новые²³. Бальи пошел им навстречу, постановив, чтобы переписанный регламент служил мастерам впредь так же, как и оригинальный. Очень похоже на то, что мастера-шляпники были озабочены уменьшением затрат на процедуру утверждения устава. Ни у кого более подобных формулировок не встречается.

А история колпачников свидетельствует о некоторой — впрочем, традиционной для бюрократической практики — «независимости» предлагаемой аргументации и реальных действий. Использованный аргумент не очень соответствовал реальному содержанию регламента. Объясняя настоятельную необходимость в новом тексте, колпачники в 1705 г. заявили, что большая часть статей прежнего их устава 1581 г. уже не используется, поскольку товары сейчас «изготавливаются с намного большим совершенством, чем в прошлом». Хотя и в новом, 1706 г., и в прежнем уставах качеству изделий посвящены лишь две весьма небольшие статьи.

Возвращаясь к основным аргументам, отмечу, что «жанр» прошения задавал объяснения некоторую пафосность и неизбежные преувеличения, указывавшие на наихудшую из возможных ситуаций и на самый нежелательный результат, который может возникнуть в случае отказа просителям. В связи с этим одним из наиболее убедительных аргументов и было общее благо. Апелли-

²³ «...Que le réglement de leur métier... sera de nouveau transcript par nostre greffier, pour laditte copie leur servir d'original au lieu de celle qu'ils ont à présent» (Ibid. P. 205. Not.).

руя к нему, упоминают о значении ремесла или отрасли (бакалейщики в 1692 г., например, говорили о значении оптовой торговли бакалейными товарами в королевстве, об их роли в питании и в лечении), о стремлении предотвратить «полное разрушение» этого производства в городе (регламент свечных мастеров 1733 г.). Купцы-мерсье в 1639 г. вообще начали с того, что Реймс — один из древнейших и славнейших городов королевства, а жители весьма преуспели в разных видах деятельности, особенно в коммерции, в первую очередь в том, что касается торговли галантерейными товарами, тканями, ювелирными изделиями²⁴.

Упоминание о многочисленных и разнообразных злоупотреблениях в ремесле, иногда с подробными их описаниями, чаще — в самой общей форме, с указанием на ненадлежащее качество изделий, является одной из главных причин, заставляющих составлять или изменять устав. Как и такое следствие этих злоупотреблений как раздоры, волнения, судебные тяжбы. В королевском патенте, утвердившем устав кожевников и дубильщиков 1535 г., сказано о том, что в Реймс, который граничит с землями Льежа, Фландрии, Эно, Артуа, Лотарингии и другими, «стекаются ежедневно среди прочих товаров большое число кож, которые выставляются на продажу и перевозятся в самые разные места нашего королевства, и из-за того, что не являются хорошими, достаточными, ни товарными, ведут ко многим мошенничествам, которые обращаются к большому вреду для общественного интереса, к возмущению и к ослаблению мастеров и работников названного дубильного ремесла в указанном городе Реймсе»²⁵.

Одной из главных причин создания новых регламентов или изменения прежних уставов выступала забота о надлежащем каче-

²⁴ «Que ladite ville estoit une des plus anciennes et célèbres de nostre royaume; les habitants d'icelle se seroient addonnez à diverses manufactures, au moyen desquelles elles auroit tellement fleury dans le commerce, particulièrement pour le fait des marchandises de mercerie, grosserie, estaminerie, jouaillerie, qu'elle auroit donné de la jalousie à ses voisins, mesme aux estrangers dont elle est limitrophe» (Ibid. P. 562. Not.).

²⁵ Грамоты эдикта, излагающего регламент для кожевников и дубильщиков Реймса // Средневековый город. Приложение к ежегоднику «Средние века». Вып. 1. М., 2006. С. 64.

стве продукции (уставы хирургов, аптекарей и бакалейщиков 1552 г.; бочаров 1606 г. и мн. др.). Этот аргумент использовался самостоятельно и для усиления других обоснований.

Со временем приобрел самостоятельное значение такой аргумент как необходимость создания корпорации. Здесь надо разделять общую идею поддержания порядка и надлежащего управления, о которой говорили и в середине XV (мясники), и в середине XVI вв. (аптекари, булочники), и позднее (у веревочников в 1571 г., колпачников в 1581 г., каменщиков в 1625 г., в королевском патенте 1708 г., утвердившем устав изготовителей колбасных изделий 1685 г., у литейщиков в 1741 г.), и идею о том, что ремесло должно быть урегулированным, присяжным ремеслом (*métier juré*).

Впервые в реймской практике в таких выражениях заговорили суконщики в 1569 г.²⁶. Следующий пример — королевский ордонанс 1607 г. для изготовителей шелковых изделий, утвердивших их новый регламент 1600 г.²⁷. Далее — купцы-мерсье, четко указавшие в своем решении 1639 г., что, стремясь получить регламент, они ориентируются на «управляемые города королевства»²⁸. Эти ремесленные и торговые сообщества ориентировались в своей деятельности на Париж и крупнейшие города страны, и потому стремились соответствовать их нормам и установкам, как и существующим в обществе представлениям о правильном статусе. Указанным потребностям отвечал статус присяжной корпорации, и именно в этом качестве желали утвердиться три указанных профессиональных сообщества.

Отмечу, что к 70-м гг. XVI в. в Реймсе действительно были слабо представлены ремесленные и торговые корпорации, уставы которых были бы утверждены королевской или местной властью. Регламенты цирюльников и мясников почти столетней давности (1462 и 1466 гг.); королевский ордонанс для кожевников и дубильщиков 1535 г., внешне не очень похожий на устав (в нем нет раз-

²⁶ «Que ledict art et mestier de chaussetier soit doresnavant juré et reiglé en la forme et manière de ceulx de nostre bonne ville et cité de Paris et aultres villes bien policées de cestuy nostre royaume». См.: *Varin P.* Archives législatives. Pt. 2. Vol. 2, P. 191. Not. 1.

²⁷ «Que ledit art et mestier de tissutier, rubannier et ouvrier en drap d'or, d'argent, ... de nostreditte ville et fauxbourgs de Reims, sera doresnavant juré» (*Ibid.* P. 377. Not.).

²⁸ «...Ainsy qu'en plusieurs villes policées de ce royaume» (*Ibid.* P. 560).

бивки на статьи), хотя и рассматривавший все традиционные для устава вопросы; регламент аптекарей, хирургов и бакалейщиков, утвержденный ордонансом 1552 г., но из-за конфликтов с докторами медицины молодого реймского университета (1547 г.) не действовавший как минимум до 1554 г.²⁹ Уставы, утвержденные на местном уровне: регламент булочников 1561 г., созданный не столько для установления присяжной корпорации, сколько для разрешения длительных споров по поводу раздела штрафов³⁰, и уставы слесарей 1565 г. и столяров 1567 г. (их тексты не сохранились)³¹. Таким образом, суконщики (купцы-шоссетье) в 1569 г. имели все основания для заявления об особом статусе их сообщества. Но уже к 1600 г. число урегулированных ремесел значительно возросло: регламенты получили уже более 15 корпораций, в том числе и сами изготовители шелковых изделий (1582 г.). Наиболее вероятное объяснение того факта, что лишь с устава 1600 г. эта корпорация стала расцениваться как присяжная (*juré*), видится в том, что предыдущий регламент утверждался лишь на местном уровне, бальи реймского архиепископа³², и это представлялось недостаточным для желаемого статуса.

Отмеченное несоответствие фактического и признаваемого статуса корпораций нуждается в дальнейших исследованиях, поскольку реймские источники позволяют лишь поставить проблему.

В отношении сукноделия, производства шелковых изделий и оптовой торговли тканями и другими товарами особое значение имеет сам факт стремления к статусу присяжной корпорации, присяжного ремесла. Несомненно, что деятельность этих трех корпораций выходила за рамки городской экономики, свидетельствуя о формировании в Реймсе новых форм организации производства, способных к расширению и ассортимента (о чем специально гово-

²⁹ См. подробнее: *Кириллова Е.Н.* Корпорации раннего Нового времени: ремесленники и торговцы Реймса в XVI–XVIII вв. М., 2007. С. 75–76.

³⁰ Там же. С. 61–65.

³¹ Из более ранней реймской истории известны регламенты для сукноделов 1292 и 1340 гг., действовавшие достаточно долго, в частности, постановление 1340 г. рассматривалось в 1599 г. (*Varin P.* Archives législatives. Pt. 2. Vol. 2. P. 370).

³² Регламент 1582 г. не сохранился, но об утверждении его именно реймским бальи сказано в преамбуле устава 1600 г.: *Ibid.* P. 375.

рили изготовители шелковых изделий), и объемов. Когда очевидно несоответствие масштабам ремесленных мастерских и ремесленного производства, исследователи стремятся увидеть и проследить формирование капиталистической мануфактуры, расценивая ее как более высокую ступень развития экономики. Непосредственные участники этих событий столь же очевидно осознавали свой более высокий статус — по сравнению с остальным реймскими мастерами и купцами, но это осознание проявилось как стремление обозначить этот статус самым что ни на есть традиционным образом, утвердив его на более высоком властном уровне.

Самоценность стремления создать присяжную корпорацию стала очевидна для властей и мастеров в конце XVII–XVIII вв. Так, изготовители колбасных изделий, подавая в 1685 г. прошение королю, указывали, что в лучших городах королевства это ремесло организовано в корпорацию³³. В то время как в Реймсе много бедных людей, которые не имеют возможности у себя готовить мясо для своего пропитания и для своих семей, нередко покупают его у людей неизвестных и бессовестных, выставляющих на продажу некачественные изделия, что приводит ко многим болезням и огромному вреду для общества. Чтобы воспрепятствовать в дальнейшем подобным злоупотреблениям, просители собирались организовать корпорацию и рассчитывали на разрешение и содействие властей. Бакалейщики в 1692 г. также указывали на то, что до сих пор их ремесло являлось свободным³⁴, как и пуговичники в 1736 г.³⁵, повара в 1757 г.³⁶.

Корпорации же, просившие об утверждении не первого, а второго, третьего устава, стали помещать на первое место указание на то, что они с давних времен живут по установленным правилам, что они всегда были хорошо организованы и управляемы: стригальщики и аппретурщики тканей в 1704 г.³⁷; слесари в 1708 г.³⁸;

³³ «Dans la plupart des principales villes de notre royaume, nous aurions établis les charcutiers en corps et communauté, en maîtrise et jurande» (Ibid. P. 932. Not.).

³⁴ «Comme ledit commerce d'épicerie est demeuré libre jusqu'à présent en ladite ville de Reims» (Ibid. P. 974. Not. 1).

³⁵ *Varin P.* Archives législatives. Pt. 2. Vol. 3. P., 1852. P. 306. Not. 1.

³⁶ Ibid. P. 497-498. Not.*

³⁷ Ibid. P. 122. Not.

изготовители шерстяной кисеи в 1710 г.³⁹; закройщики и старьевщики в 1716 г.⁴⁰. Примечательно, что, подчеркивая этот факт, нигде не проводят разделения прежних регламентов на утвержденные в Реймсе или в Париже как на неправомерно или правомерно утверждающие за корпорацией статус присяжного ремесла⁴¹ (речь не идет о праве должностных лиц реймского архиепископа утверждать ремесленные и торговые уставы — это право было несомненным). Таким образом, даже если отмеченное выше стремление отдельных корпораций утвердить свой устав в Париже, получить королевский ордонанс для закрепления такого статуса и было оправдано в конце XVI – начале XVII вв., к началу XVIII столетия этот фактор не имел существенного значения.

И в заключение — еще два аргумента, выступивших в качестве уважительных причин для изменения регламентов. Первая причина — личного порядка: обеднение. В 1686 г. уксусовары и изготовители горчицы просили добавить к их регламенту новую статью, поскольку стало много мастеров, которые не могут найти сбыта своим изделиям и потому не могут прокормиться⁴².

Вторая причина — фискальные интересы короны. О них стали говорить с конца XVII в., поскольку суммы, которые король требовал с корпораций, были весьма значительны, порой непосильны даже для самых крупных и могущественных объединений. В прошении ножовщиков к балю Реймса о новом регламенте 1738 г. сказано о том, что в прежнем их уставе от 6 мая 1697 г. не были зафиксированы ни права учеников, ни вступительные взносы при приеме в мастера и при открытии лавки, в то время как эти средства могли бы помочь мастерам уплачивать королевские налоги. В то

³⁸ *Varin P.* Archives législatives. Pt. 2. Vol. 2. P. 590. Not.*

³⁹ *Ibid.* P. 226-227. Not. 1.

⁴⁰ *Ibid.* P. 514. Not.*

⁴¹ В королевском ордонансе 1708 г. для слесарей упоминаются два их предыдущих устава, 1565 и 1646 гг., утвержденные должностными лицами, которые представляли юрисдикцию герцога: «les statuts qui leur avoient été accordez et homologuez par les officiers de la jurisdiction du duché et parie de Reims, ayans la police de ladite ville» (*Ibid.* P. 590. Not.*). А у закройщиков и старьевщиков был королевский патент, утверждавший их регламент в 1627 г.

⁴² «...Qu'il y a présentement grand nombre de maistres qui ne peuvent subsister, ne pouvant faire aucun débit de leur marchandise» (*Varin P.* Archives législatives. Pt. 2. Vol. 2. P. 319. Not. 1).

время осталось лишь трое мастеров, которые с трудом выполняют прежний регламент, так как многие предпочитают работать, не вступая в корпорацию⁴³.

Об этом свидетельствует и история объединения в 1704 г. двух крупных и влиятельных реймских корпораций — купцов-мерсье и суконщиков, прежде постоянно конфликтовавших из-за раздела сфер влияния. Как упоминается в регистрах Государственного совета от 30 декабря 1704 г., купцы-мерсье уже обращались в 1693 г. с просьбой о таком объединении, но им было отказано. Однако с тех пор конфликты продолжались, выливаясь в многочисленные судебные процессы. Это обстоятельство названо первым в числе причин, побудивших центральную власть удовлетворить прошение купцов, тем не менее, оно не было главным. По королевским эдиктам 1693 и 1703 гг. купцы были обязаны «купить многие должности, которые Его Величество создал в разное время для корпораций, и заплатить за утверждение права их наследования». Для купцов Реймса совместно с купцами некоторых других городов и местечек их провинции были установлены 50 тыс. ливров (для королевства — 1200 тыс. ливров). И именно невозможность заплатить такую сумму без объединения корпораций и выступила той самой причиной, не принять которую власти не смогли⁴⁴. Далее купцы привели такое существенное для них обстоятельство, как ослабление торговли из-за войн и истощения виноградников и сослались на пример других городов — Труа, Шалона, Руана, Канна и Тура⁴⁵, в которых эти отрасли уже были объединены.

Выдвигая разнообразные аргументы, ремесленные или торговые сообщества исходили из собственных потребностей — в упорядочении их сферы деятельности или в урегулировании отношений с другими корпорациями, но, несомненно, учитывали основательность и весомость этих аргументов в глазах представителей власти. Это тот самый язык, на котором корпорации и властные структуры разного уровня говорили между собой; тот язык, на котором они могли договориться и реально договаривались.

⁴³ Ibid. P. 1034-1035. Not. 1.

⁴⁴ В кассе суконщиков было 16 230 ливров, почти в два раза больше у мерсье — 28 200 ливров (Ibid. P. 574. II статья).

⁴⁵ Ibid. P. 572-573. Not.

С. В. АРТАМОШИН

МЕТАФИЗИКА РАБОЧЕГО
КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПРОЕКТ МОДЕРНА
ЭРНСТА ЮНГЕРА
В ГОДЫ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В 1930 г. в Берлине под редакцией Эрнста Юнгера был опубликован сборник статей под общим названием «Война и воин». Он объединял в себе работы, посвященные проблеме переживания и рефлексии первой мировой войны. Статья, давшая названия сборнику, принадлежала перу младшего брата Эрнста Юнгера — Фридриха Георга. Сам Эрнст Юнгер, в ту пору уже известный писатель Германии, на шумевший своей книгой «В стальных грозах» и публицистическими работами, в которых отражались его консервативно-националистические взгляды, опубликовал эссе «Тотальная мобилизация». Именно с этой небольшой работы начинается постепенный переход Э. Юнгера с боевой националистической позиции политической публицистики 1920-х годов на философское осмысление современности, его путь к книге «Рабочий. Господство и гештальт», опубликованной в конце 1932 г.

Юнгер исходил из трактовки современности как буржуазного мира, обладающего своими законами и нравственными нормами. Его представителем являлся бюргер, которого автор относит к носителям статичных сил. Буржуазный мир был наследником эпохи Просвещения, установившей договорную систему отношений. Государство, образованное вследствие общественного договора, выступало в качестве гаранта прав и интересов индивида. Преодолевая общественный конфликт путем заключения общественного договора, оно стремится к установлению, прежде всего, порядка и стабильности, нормализации отношений и исключению из общественного тела любых стихийных проявлений, что достигается посредством принятия юридических законов и нравственных норм. В этом выражается органическая свобода человека в обществе. Таким образом, полагал Юнгер, бюргер «видит свою свободу не в своеобразии собственного

характера, а во всеобщей морали»¹. Бюргер ограничивает свой мир исключительно образом общества, понимаемым им как совокупность сословных элементов и взаимоотношений между ними: «Общество — это совокупное население земного шара, являющееся пониманию как идеальный образ человечества, расщепление которого на государства, нации или расы зиждется, в сущности, не на чем ином как на мыслительной ошибке. Однако с течением времени эта ошибка корректируется заключением договоров, просвещением, смягчением нравов или просто прогрессом в средствах сообщения». Поэтому общество не предстает как «некая форма сама по себе», а является лишь отражением одной из основных форм бюргерского представления. Общество подчиняет себе государство, подгоняя его под свои мерки. Это определяется, прежде всего, «бюргерским пониманием свободы, нацеленным на превращение всех связующих отношений ответственности в договорные отношения, которые можно расторгнуть». Социальная активность осуществляется в границах общества и не выходит за её рамки. Фактически любые трансформации изменяют только общественные элементы, принципиально не меняя само общество. Юнгер подчеркивал, что в буржуазной системе «пробуждающаяся власть должна осознать себя как сословие, равно как и то, что захват власти должен характеризоваться как изменение общественного договора»².

Классовый характер буржуазного общества есть, прежде всего, результат бюргерского мышления, которое создает удобную для себя систему взаимоотношений стихийного и статичного. Создание социально ранжированного общества минимизирует стихийность и выполняет охранительную функцию, служащую лишь продлению и упрочению бюргерских порядков. Разделение общества на классы со свойственными им классовыми интересами предполагает договорную форму их взаимоотношений друг с другом, что создает возможность для переговоров. Юнгер очень четко отразил эту особенность взаимоотношений, подчеркнув, что «общество обновляется в ходе мнимых нападков на самое себя; его неопределенный характер или, скорее, его бесхарактерность позволяет ему вбирать в себя даже са-

¹ Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт // Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли / Пер. с нем. СПб., 2000. С. 72.

² Там же. С. 73-74.

мое острое свое самоотрицание. Средства для этого двояки: оно либо относит отрицание к своему индивидуально-анархическому полюсу и включает его в свой состав, подчиняя своему понятию свободы; либо вбирает его в себя на будто бы противоположном полюсе, где располагается масса, и посредством расчетов и согласований, посредством переговоров или разговоров превращает его в демократический акт.<...> Всякую противоположность оно стремится не отторгнуть, а вобрать в себя. Где бы ни встретилось ему то или иное притязание, заявляющее о своей решимости, оно идет на утонченный подкуп, объявляя его очередным выражением своего понятия свободы и таким образом придавая ему легитимность перед судом своего основного закона, то есть обезвреживая его»³.

Буржуазный мир стремится к комфорту. Бюргер использует технические достижения для обеспечения этого. Пресыщенность, спокойствие, романтический мир формируют буржуазный уют, где нет места опасности и стихийности. Юнгер подчеркивал, что бюргера «следует понимать как человека, который познает в безопасности высшую ценность и сообразно ей определяет свою жизнь. Верховная власть, которая обеспечивает ему эту безопасность, есть разум». Однако «идеальное состояние безопасности, к которому устремлен прогресс, состоит в мировом господстве бюргерского разума, которое призвано не только уменьшить источники опасности, но, в конце концов, привести к их исчезновению. Действие, благодаря которому это происходит, состоит как раз в том, что опасное предстает в лучах разума как бессмысленное и тем самым утрачивает свое притязание на действительность. В этом мире важно воспринимать опасное как бессмысленное, и оно будет преодолено в тот самый момент, когда отразится в зеркале разума как некая ошибка»⁴. Поэтому стремление бюргера избегать стихийного объясняется, с одной стороны, тем, что его природе чуждо стихийное как таковое и он не обладает энергией стихийных сил, а, с другой стороны, само стремление к безопасности, статичности исключает динамику стихийных сил. Поиск компромисса, стремление к переговорам как средству обустройства мира выражается в попытке избежать столкновения и конфликта как такового. Если это не удастся, то конфликт объявляется «заблужде-

³ Там же. С. 75.

⁴ Там же. С. 107-108.

нием, повторения которого можно избежать с помощью образования или просвещения. Такие заблуждения возникают лишь оттого, что не всем еще стали известны параметры того великого расчета, результатом которого будет заселение земного шара единым человечеством, в корне добрым и в корне разумным, а потому и в корне себя обезопасившим»⁵. Поэтому, заключал Юнгер, «триумф бюргерского мира выразился в стремлении создавать заповедники, где последний остаток опасного или чрезвычайного сохранялся бы как некий курьез. <...> Бюргеру почти удалось убедить сердце искателя приключений, что ничего опасного вовсе не существует, а миром и его историей правит экономический закон»⁶.

В современном мире бастионом бюргерской безопасности выступает город, за стенами которого хранится буржуазный уют. Город перестает быть крепостью, в которой можно укрыться от неприятеля, а превращается в символ модернизма, в котором «теперь заточают жизнь в камень, асфальт и стекло». Здесь победа техники выступает как победа комфорта, а вторжение стихий регулируется экономическими средствами. Юнгер обращал внимание на то, что «необычность бюргерской эпохи состоит не столько в стремлении к безопасности, сколько в свойственном этому стремлению исключительном характере. Она состоит в том, что стихийное оборачивается здесь бессмыслицей, и потому крепостная стена бюргерского порядка выступает в то же время как крепостная стена разума. На этом пути бюргер отмежевывается от других явлений, какими предстают верующий человек, воин, художник, мореход, охотник, преступник и, как уже было сказано, — от фигуры рабочего. Быть может, здесь уже становится ясна причина бюргерской неприязни к появлению этих и других фигур, которые словно в складках своих одежд приносят в город запах опасности. Это неприязнь к наступлению, нацеленному не то чтобы на разум, а на культ разума, к наступлению, которое очевидно уже в силу одного лишь наличия этих жизненных позиций. Один из маневров бюргерской мысли сводится как раз к тому, чтобы наступление на культ разума провозгласить наступлением на сам разум и благодаря тому отмахнуться от него как от чего-

⁵ Там же. С. 109.

⁶ Там же. С. 112-113.

то неразумного»⁷. Юнгер считал, что в начале XX века наметился кризис бюргерского общества во всех его проявлениях. За спиной бюргера проявляется тень искателя приключений, который готов бросить вызов нынешнему миру. Его успех будет зависеть от того, насколько удастся ему вырваться из тисков бюргерского мира и прорваться на свободу. Для этого, полагал Юнгер, необходимо «перестать мыслить и чувствовать в рамках этих форм», чтобы затем «перестать действовать в них»⁸.

Надлом начался с началом первой мировой войны, которая «проводит красным широкою итоговую черту под этой эпохой»⁹. Воодушевление, возникшее в германском обществе с началом войны, отражало резкое изменение жизненного уклада, связанное с вторжением в размеренную жизнь стихийных элементов. В книге «В стальных грозах» Юнгер очень точно передает состояние человека, отправляющегося на войну: «Нас, выросших в век надежности, охватила жажда большой опасности. Война, как дурман, опьяняла нас. Мы выезжали под дождем цветов, в хмельных мечтах о крови и розах. Ведь война обещала нам все: величие, силу, торжество. Таково оно, мужское дело, — возбуждающая схватка пехоты на покрытых цветами, окропленных кровью лугах, думали мы. Нет в мире смерти прекрасней <...> Ах, только бы не остаться дома, только бы быть сопричастным всему этому!»¹⁰. Война разломала мир, разделив его на закат старого буржуазного и рождение нового, выходящего из горнила мировой войны. Это касается и человеческого типа, распавшегося на две субстанции — буржуа, укрывшегося вдалеке от окопных боев на линии атаки и ждущего только ближайшей возможности прекратить войну и остановить разрушительное воздействие стихийных сил, наносящих удар по самому спокойствию буржуазного мира, и воина, рожденного в пламени войны, «сделанного с помощью молота и зубила», когда «тот, кто размахивает молотом, доводит зубилом, одновременно, есть кузнец и разлетающаяся сталь, мученик настоящего дела, передаваемого инстинктом»¹¹. Юнгер ус-

⁷ Там же. С. 106.

⁸ Там же. С. 74.

⁹ Там же. С. 113.

¹⁰ Юнгер Э. В стальных грозах / Пер. с нем. СПб., 2000. С. 35.

¹¹ Jünger E. Der Kampf als inneres Erlebnis. Berlin, 1922. S. 2.

матривал в проявлении стихийного подтверждение божественного начала, выражение героического, относящегося к античной традиции. Так, в одном из мест «Рабочего» он подчеркнул: «Боги любят открываться в стихиях, в раскаленных светилах, в громе и молнии, в горящем кусте, который не может поглотить пламя. Когда земной круг гудит во время битвы богов и людей, Зевс трепещет от радости на своем высочайшем троне, потому что видит здесь подтверждение всеохватности своей власти»¹².

Мировая война породила целое поколение, которое Э. М. Ремарку виделось лишь «потерянным», а у Юнгера выступало в качестве поколения, которому принадлежит будущее. Поэтому из «слепой жертвы» оно превращалось в «творца». Рожденное в условиях буржуазного мира, оно сохранило в себе все присущие буржуазному порядку черты. Однако, оказавшись на фронте, молодые люди столкнулись с иным миром, который находится несколько в стороне от привычно устойчивого буржуазного порядка и по своей внутренней динамике противостоит ему. Именно сближение со стихийным наносит первый удар по прочности буржуазного мира. Юнгер видел в войне не только символ романтического проявления, хотя и оно присутствует в душах солдат, но исчезает, стоит лишь вступить в бой. Бросившись в атаку, боец попадает в иное состояние. Все вокруг смешивается в ритме бега, кровь бьет в виски, и ты не ощущаешь ничего, кроме самого боя. Боевой угар обостряет человеческие чувства до предела, разделяя на «до» и «после». Игра, которую ведет человек, балансируя между жизнью и смертью, игра, в которой в любой момент кусок металла может оборвать жизнь игрока либо изменить ее до неузнаваемости, создает реальное ощущение опасности, исходящее от неприятеля: «Здесь я понял, что защитник, с расстояния пяти шагов вгоняющий пули в живот захватчику, на пощаду рассчитывать не может. Боец, которому в момент атаки кровавый туман застилает глаза, не хочет брать пленных, он хочет убивать. Он ничего перед собой не видит и находится в плену властительных первобытных инстинктов. И только вид льющейся крови рассеивает туман в его мозгу; он осматривается, будто проснулся после тяжелого сна. Только тогда он вновь становится сознательным

¹² Юнгер Э. Рабочий. С. 107.

воином и готов к решению новых тактических задач»¹³. Следует отметить, что, несмотря на боевую ожесточенность войны, Юнгер питал чувство уважения к погибшему противнику, который сражался до конца и погиб. Тела солдат на поле боя — это «трупы храбрых защитников, ружья которых все еще торчали в амбразурах»¹⁴. Такое отношение к противнику отражает рыцарскую черту воина первой мировой войны. Юнгер четко характеризовал свое отношение к убитому врагу: «Во время войны я всегда стремился относиться к противнику без ненависти и оценивать его соответственно его мужеству. Моей задачей было преследовать врага в бою, чтобы убить, и от него я не ожидал ничего иного. Но никогда я не думал о нем с презрением»¹⁵.

Можно с полной уверенностью сказать, что в войне Юнгер видел не только высвобождение стихийных сил, он рассматривал ее в качестве суровой школы, в которой фронтовики выковали свой характер. Война породила иное отношение к жизни и смерти, так как солдат вечно балансирует между этими крайностями, и переход из одного состояния в другое весьма скор. Это очищало отношения между людьми, отбрасывая прочь ненужные социальные наслоения. В окопах на передовой формировалось фронтовое братство. Оно поддерживалось не только чувством товарищества и поддержки в бою, но и совместными попойками, в которых участвовали и солдаты, и командиры. Воинский обычай, вспоминал Юнгер, «научил меня ценить офицерскую трапезу. Здесь, где собирались носители фронтового духа и воинский авангард, концентрировалась воля к победе, обретая форму в очертаниях суровых и закаленных лиц. Здесь оживала стихия, выявляющая, но и одухотворяющая дикуную грубость войны, здоровая радость опасности, рыцарское стремление выдержать бой. На протяжении четырех лет огонь постепенно выплавлял все более чистую и бесстрашную воинскую касту»¹⁶.

Сама мировая война становится иной. Войны буржуазного века, в которых сохранялись индивидуально-рыцарские черты, уходят в прошлое. На смену им приходит война нового времени, где индиви-

¹³ Юнгер Э. В стальных грозах... С. 279.

¹⁴ Там же. С. 56.

¹⁵ Там же. С. 90.

¹⁶ Там же. С. 176.

дуально-групповой поединок на поле боя сменяется массовым столкновением войск, когда в жерновах сражений перемалываются воины один за другим. Война становится формой технического уничтожения человека. Однако война выигрывается не лязганьем гусениц и щелканьем оружейных затворов, а духом борьбы, волей защитников к сопротивлению. Юнгер подчеркивал, что «не в мощных укреплениях было дело, а в силе духа и бодрости людей, стоявших за ними»¹⁷. Он видит в войне созидающее начало: из-под обломков разрушения встает переродившийся человек, а вместо романтического влечения к поиску приключений формируется новая воля к жизни. Уют буржуазного порядка был заменен волей к действию. Прошедший сквозь огонь воин сохранил в себе стремление к созиданию. Юнгер писал: «эта война была чем-то большим, чем просто великой авантюрой»¹⁸. Он полагал, что отцом нового, «твердого как сталь» типа людей была именно война: «Война — наш отец, он зачал нас в раскаленном чреве окопов как новый род, и мы с гордостью признаем наше происхождение»¹⁹.

Война дала выход стихийным силам, создав тип солдата мировой войны. Сам факт его появления знаменует возникновение контрбуржуазных сил, способных к поступку, и тем самым к изменению существующего мира. Их действия носят всеохватывающий характер, не только проникая во все сферы жизни, но и формируя в них новое мировидение, которое разрушает буржуазный порядок, вносит в него беспокойство, динамику, анархию. Появление этих сил знаменует начало новой эпохи: «Из растерзанной огнем и напоенной кровью земли поднимается дух, который не изгнать, остановив канонаду; напротив, он странным образом проникает во все привычные оценки и изменяет их смысл. Пусть одни считают это впадением в новое варварство, а другие приветствуют как очищение сталью, — важнее видеть, что наш мир охвачен новым и еще необузданным приливом стихийных сил... Эти силы слишком близки, слишком разрушительны, чтобы ускользнуть даже от поверхностного взгляда. Их форма есть форма анархии, которая в периоды так называемого

¹⁷ Там же. С. 43.

¹⁸ Там же. С. 64.

¹⁹ *Jünger E. Vorwort // Jünger F. G. Aufmarsch der Nationalismus / Hrsg. E. Jünger. Berlin, 1926. S. XI.*

мира беспрестанно пробивается на поверхность из пылающих вулканических жерл. Тот, кто еще полагает, что этот процесс можно обуздать с помощью порядков старого образца, — принадлежит к расе побежденных, которая обречена на уничтожение. Тут возникает необходимость новых порядков, которые рассчитаны не на исключение опасного, но создаются благодаря новому сочетанию жизни с опасностью»²⁰.

Юнгер смотрел на войну глазами солдата, который боролся с противником на своем участке фронта и удержал занятые позиции за собой. Поэтому он не мог проиграть, если не был разбит и убит. Для Юнгера первая мировая война не была проиграна на поле боя, так как солдат на фронте не был побежден противником, и поражение в войне было исключительно политическим решением. Автор писал о политическом предательстве, совершенном в тылу против германской армии, что породило в Германии легенду «об ударе ножом в спину», в которую автор, как и многие националистически настроенные политики и фронтовики, внес свой вклад. Вину за поражение Юнгер возлагал на бюргера: «достаточно долго подкарауливал он удобный момент для начала переговоров и этими переговорами было достигнуто то, чего не достигнуть было даже крайним напряжением сил целого мира»²¹. Таким образом, для Юнгера первая мировая война формирует не только гештальт фронтовика, но и создает диссонанс буржуазного мира порядка с болезненным переживанием войны, что отражается в восприятии Веймарского государства и революции.

Отношение Юнгера к утвердившейся Веймарской системе выражалось во взгляде на нее сквозь образ Версаля, что вообще характерно для консервативной и праворадикальной мысли Веймарской Германии. Это, прежде всего, предполагало представление Веймарской демократии как ставленника Антанты, на которую «наложили свой отпечаток предательство и бессилие»²². Легализованная на основе либеральных ценностей немецкая демократия представляла собой новое государство масс с ампутированным национальным инстинктом, взамен которого вживлялся космополитический дух. На-

²⁰ Юнгер Э. Рабочий... С. 117.

²¹ Там же. С. 77.

²² Там же. С. 349.

ционализм растворялся в мире мирового города и массового общества. На смену словесному делению общества приходит всеобщее равенство, на смену социальным интересам — партийные интересы. Последние представляют собой современную форму бюргерского господства, где человек опутывается партиями и подчиняется им. Партии приходят на смену государству, но стремятся только к удовлетворению своих интересов, тем самым, создавая предпосылку для гражданского противостояния. Юнгер писал, что «государственные знаки отличия замещаются партийными знаками; дни выборов, голосования и начала парламентских заседаний походят на мобилизационные приготовления к гражданской войне. Партии выделяют из своей среды постоянные армии, между которыми идет скрытая война за передовые посты.<...> В заглавия газет проникает необузданная пропаганда крови, беспрецедентная в немецкой истории»²³. Восприятием партийной борьбы как гражданской войны Юнгер во многом обязан своему другу и крестному отцу своего второго сына, видному германскому юристу и политическому публицисту Карлу Шмитту²⁴. Германская революция и веймарская демократия были, по мнению Юнгера, чужды германскому духу. В них соединилась трагедия государства вследствие военного поражения и неспособность новой власти быть властью, отстаивающей государственные интересы. Веймарское государство было чудовищной трагикомедией, «начавшейся с рабочих и солдатских Советов, члены которых отличались тем, что никогда не работали и никогда не сражались; трагикомедией, в которой бюргерское понятие свободы обернулось в дальнейшем жаждой покоя и хлеба, которая была продолжена

²³ Там же. С. 370.

²⁴ Знакомство Э. Юнгера с К. Шмиттом относится к осени 1930 г. и связано с подарком шмиттовского «Понятия политического» Юнгеру. Именно в этой работе вооруженное противоборство выступает синонимом политической борьбы. Для придания политическому более конкретного значения Шмитт вводил понятия «друг» и «враг»: «Специфически политическое различие есть различие друга и врага. К нему сводятся человеческие действия и мотивы в их политическом смысле. <...> Не нужно, чтобы политический враг был морально зол, не нужно, чтобы он был эстетически безобразен; он не должен непременно оказываться хозяйственным конкурентом, а, может быть, даже окажется выгодно вести с ним дела. Он есть именно иной, чужой». (*Schmitt C. Der Begriff des Politischen. Hamburg, 1933. S. 7-8.*)

символическим актом поставки оружия и кораблей, которая отважилась не только вести дебаты о немецкой задолженности перед идеальным образом человечества, но и признать её; которая с неопостижимым бесстыдством намеревалась возвести в ранг немецкого порядка покрытые пылью понятия либерализма; в которой триумф общества над государством отныне вполне однозначно предстал как перманентная государственная измена вкупе с предательством родины, измена всем общим, предельно общим чертам в составе немца»²⁵.

Единственной силой, противостоящей новому мировому порядку и слабости государственной власти были пограничные корпуса, добровольческие соединения и саботажники, которые «жертвовали собой ради государства вопреки государству. Именно тут стало очевидно, что Германия еще располагает людьми такого склада, на который можно рассчитывать и который способен противостоять анархии»²⁶. Войну проиграли руководители, тогда как «немецкий фронтовик оказался не только непобедимым, но и бессмертным». Однако революция 1918 г. не была революцией в истинном смысле этого слова, так как она не привела к утверждению нового порядка, будучи совершенной бюргерами на бюргерских ценностях для усиления бюргерского общества. Отказывая Веймарской демократии в революционности, Юнгер сохранял её за солдатом, считая революционность атрибутом стихийных сил и гештальта, которыми в полной мере обладает фронтовик. «Потому-то сражаться за свободу у нас могут только такие силы, которые в то же время являются носителями немецкой ответственности»²⁷, а таковыми, по глубокому убеждению Юнгера, были только фронтовики.

Во второй половине 1920-х годов в публицистике Э. Юнгера намечилась эволюция гештальта фронтовика в гештальт рабочего. Это определялось рядом факторов. Во-первых, период активности фронтовых союзов и милитаристских обществ приходится на первую половину 1920-х годов. Вооруженные выступления против республики в данный момент окончились безрезультатно, а последовавший за этим период стабилизации значительно снизил

²⁵ Юнгер Э. Рабочий... С. 78.

²⁶ Там же. С. 371.

²⁷ Там же. С. 93-94.

политическую активность данных сил; во-вторых, политический образ фронтовика со временем теряет притягательность и лидерство в политическом противостоянии, но сохраняет значимость фронтовых ценностей, на основе которых можно строить контр-буржуазное общество; в-третьих, мировой экономический кризис и его последствия вновь радикализировали германское общество, выдвинув на передний фронт борьбы рабочего, в душе которого жил воин, борющийся с демократией.

Рабочий у Юнгера теряет свою социально-профессиональную связь и превращается в гештальт, внешне оформленный и завершенный, обладающий исконно присущими ему ценностями и знающий свое предназначение в мировом масштабе. Таким образом, он выводится из сферы социальных отношений буржуазного общества и приобретает свое призвание, свою судьбу. Для того чтобы заявить о себе в метафизическом смысле, рабочий должен определить свое отношение к буржуазному обществу. Это отношение характеризуется не состоянием «противоположности к этому обществу, а в отношении инородности к нему». Тем самым он не выступает антагонистом буржуазному миру в духе К. Маркса, а является «иным». В сфере политического он превращается в «заклятого врага общества», претендующего на господство. Осознав свою инаковость, рабочий может с презрением отринуть буржуазный мир только в том случае, если откажется «мыслить, чувствовать и существовать в его формах. Однако случится это, лишь когда он узнает, что до сих пор был слишком скромным в своих притязаниях и что бюргер учил его вожделью лишь то, что кажется вождельным самому бюргеру». Рабочий должен отойти от буржуазно-либерального отношения к обществу и перестать быть опорой ему, а «стать опорой нового государства»²⁸.

Рабочий стремится к власти и господству, но желает власти не экономической или политической, а власти вообще, которая была бы направлена на коренное изменение всей жизни, как внешних её сторон, так и сущности. Рабочий сознает свое превосходство над бюргером, благодаря чему создает собственные ценности для своего будущего господства. Неотвратимость его определяется уже тем, что

²⁸ Там же. С. 79.

рабочий занял ключевое положение в политической сфере: это «можно заключить уже из того, что сегодня каждая величина, обладающая волей к власти, пытается установить с ним связь»²⁹. Рабочий обладает стихийной связью с войной, он следует приказу и состоит на службе как воин, тем самым рабочий уже не относится к бюргерскому миру переговоров, а вступает в сферу деятельности, где его жизнь превращается в военную мобилизацию, во главе которой стоят вожди. Юнгер отмечал, что «рабочий выступает носителем фундаментальной героической субстанции, определяющей новую жизнь. Там, где мы чувствуем действие этой субстанции, мы близки рабочему, и мы сами являемся рабочими в той мере, в какой мы наследуем её. Все, что мы ощущаем в наше время как чудо и благодаря чему мы еще явимся в сагах отдаленнейших столетий как поколение могущественных волшебников, принадлежит этой субстанции, принадлежит гештальту рабочего. Именно он действует в нашем ландшафте, бесконечную странность которого мы не ощущаем лишь потому, что были рождены в нем; его кровь — это топливо, приводящее в движение колеса и дымящееся на их осях»³⁰. Выделяя рабочего из положения участника производства и превращая его в некое метафизическое состояние, Юнгер созвучен Артуру Мёллеру ван ден Бруку, одному из ведущих идеологов «консервативной революции», который писал в «Третьем рейхе», что «действительным пролетарием является тот, кто считает себя пролетарием»³¹, лишь с той разницей, что последний относил это к немцу, в то время как Юнгер избегал национальной идентификации и говорил о некоем всемирном типе. Гештальт рабочего, по Юнгеру, входит в тело человека и превращается в его сущность, «не существует знамен помимо тех, которые носят на теле»³². Неслучайно Юнгер характеризует рабочего как гвардию, новую элиту, придавая ей «имя ордена»³³.

Придание миру будущего определенных черт осуществляется посредством мобилизации. Первые формы проявления мобилизации

²⁹ Там же. С. 134.

³⁰ Там же. С. 103.

³¹ *Moeller van den Bruck A. Das Dritte Reich. 3. Aufl., bearbeitet. v. H. Schwarz. Hamburg; Berlin, 1931. S. 155.*

³² *Юнгер Э. Рабочий...* С. 160.

³³ Там же. С. 181.

приходится на начало первой мировой войны. Стремление государства контролировать все виды военного производства привело к необходимости его строгого учета, регулированию процесса производства. Юнгер видит в этом только проявление «частичной мобилизации», которая не затрагивает метафизическое начало и является лишь вынужденной мерой военной необходимости³⁴. Лишь в конце войны проступают черты истинной мобилизации, когда «становится все труднее отличить среди солдат офицера, потому что тотальность процесса работы размывает классовые и сословные различия». Происходит стирание отличия фронта и тыла; возникает состояние взаимосвязанного единства, где «фронт войны и фронт работы суть одно и то же»³⁵. Именно отсюда выводил Юнгер образ будущего государства — военного корабля, в котором господствует простота и экономия. Таким образом, тотальные усилия являются отражением работы в метафизическом смысле, и именно такой смысл и характер работы выступает репрезентацией гештальта рабочего³⁶.

Тотальный характер усилий размывает индивидуально-коллективные границы работы и создает основу для произрастания нового продуктивного начала, аккумулирующего два предшествующих и выступающего характерной особенностью нового времени. В процессе распада индивидуальности человек все больше вовлекается в тотальную мобилизацию, что формирует у него иные свойства и добродетели. Юнгер указывал на то, что человек в процессе разрушения индивидуальности не изолируется от нового характера работы, а вовлекается в него, тем самым приобретает новую свободу, которая уже не выступает в качестве той меры, в какой существует индивидуальность человека, а «определяется степенью, в какой в существовании этого единичного человека выражается тотальность мира, в которую он включен»³⁷.

Юнгер в который раз проводит параллель тотальной мобилизации и войны, отмечая как общие черты, так и новые проявления, которые обеспечивают более глубокое, чем военное, проникновение в

³⁴ Юнгер Э. Тотальная мобилизация // Юнгер Э. Рабочий... С. 447.

³⁵ Юнгер Э. Рабочий... С. 180-181.

³⁶ Там же. С. 304-305.

³⁷ Там же. С. 227.

жизнь общества. Война захватывает не только вооруженные подразделения на фронтах, но и многочисленные армии рабочих тыла. Их действия, их достижения сливаются, возникает их тесная взаимосвязь как частей единого механизма, движение одного из элементов которого порождает ответное движение сопутствующих элементов. Юнгер указывал на то, что это превращает «воюющие индустриальные державы в некие вулканические кузницы... Для развертывания энергии такого масштаба уже недостаточно вооружиться одним лишь мечом, — вооружение должно проникнуть до мозга костей, до тончайших жизненных нервов. Эту задачу принимает на себя тотальная мобилизация, акт, посредством которого широко разветвленная и сплетенная из многочисленных артерий сеть современной жизни одним движением рубильника подключается к обильному потоку воинственной энергии»³⁸. Таким образом, подчеркивая тотальный характер работы, Юнгер указывает на его взаимосвязь как с техническим пространством работы, так и с тотальностью типа, осуществляющего его. Стремление к единству между средствами и типом обеспечивает стирание различий между органическим и механическим мирами и образует органическую конструкцию, представленную гештальтом рабочего.

Отличительной особенностью консервативной публицистики Эрнста Юнгера начала 1930-х годов является стремление придать проблеме социализма и фигуре рабочего философско-метафизические черты. Метафизика Рабочего предполагала рассмотрение его как базовую категорию и придание работе всеобщих, всемирных черт. Юнгер переступает через националистический рубеж, присущий восприятию этой проблемы О. Шпенглером или А. Мёллером ван ден Бруком, и, поднимая Рабочего над национальностью, превращает его в метафизический тип, который выходит за национально-государственные границы и имеет планетарный характер. Это было концом нового национализма «консервативной революции» и началом философской эссеистики Эрнста Юнгера.

³⁸ Юнгер Э. Тотальная мобилизация... С. 449-450.

Д. В. МИХЕЛЬ

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ЧУМА¹

Эпидемии, или массовые распространения инфекционных заболеваний, всегда несли угрозу человечеству. Не раз они стирали с лица земли целые народы, убивали их правителей, уничтожали режимы, меняли установления повседневной жизни и разрушали саму ее ткань. Вплоть до начала XX века они определяли ход мировой истории, влияли на исход войн. Но и сегодня человечество еще далеко от того, чтобы праздновать победу над массовыми болезнями.

Эпидемии обрastaли собственной мифологией, поэтому со времен первых цивилизаций и до наших дней, идет ли речь о чуме или о СПИДе, люди видели в них божью кару. Вспышки массовых заболеваний неизменно становились предметом внимания историков, которые оставили о них многочисленные свидетельства. Особенно насыщена сведениями историография эпидемий чумы. Рассмотрим, как изменялись представления о способах исследования чумы в историческом знании.

Чума и медицинская история (1860–2000-е гг.)

Во второй половине XIX века, когда на Западе сложилась медицинская специальность врач-гигиенист, вопрос об эпидемиях чумы стал постепенно переходить в область специализированного медицинского знания. Тогда же появилась и такая форма исторической мысли, как *медицинская история*. Ее представители внесли важный вклад в написание обобщающих работ, посвященных истории чумы и ее проявлений в отдельные исторические эпохи. Во второй половине XIX века к числу таких авторов относились Г. Гезер, Г. Н. Минх, С. Г. Ковнер².

С начала XX века, когда возникла эпидемиология, к написанию истории эпидемий чумы подключились врачи-эпидемиологи, опиравшиеся на естественнонаучные представления о механизмах воз-

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ, грант № 07–03–00204а.

² Гезер Г. История повальных болезней. СПб., 1867; Минх Г. Н. Чума в России (Ветлянская эпидемия 1978–79 г.) Ч. 1. Киев, 1898; Ковнер С. Г. История средневековой медицины. Киев, 1893.

никновения и распространения опасной инфекции. С этого момента и в течение последующих десятилетий проблематика истории чумы стала темой работ микробиологов и эпидемиологов и перекочевала в основном на страницы специализированных изданий³. В Советском Союзе их вначале представлял журнал «Гигиена и эпидемиология», который издавался с 1922 по 1931 гг., а затем «Журнал эпидемиологии, микробиологии и иммунологии» (издается с 1931 г.).

Медицинская история чумы в значительной степени производна от работы в лаборатории, где специалисты исследуют микробы, культивируемые в пробирках. Этот вид исторического знания сосредоточен на реконструкции истории возбудителей конкретных болезней, а также на изучении деятельности врачей и ученых, которые ведут с ними борьбу. Акцент делается на том, что история болезней обусловлена эволюцией болезнетворных микроорганизмов, чередованием их «волн» — от вспышек эпидемий в различных регионах до периодов их угасания и продолжительного спокойствия.

«Человеческая сторона» этой истории связана с изучением заболеваемости и смертности; она раскрывается лишь через сухую статистику. Временами ее оживляет присутствие небольшого числа имен, но это имена врачей и ученых и, в крайнем случае, государственных деятелей. Такая история мыслится как борьба врача и болезни, ведется ли она у постели больного или в лаборатории. В исторической перспективе борьба, как правило, оказывается успешной, и потому медицинскую историю эпидемий можно уподобить репортажу о победоносных сражениях медицины против коварных микробов. Историкографическая традиция такого рода достигла апогея в 1960-е гг., а в СССР она процветала и в последующие десятилетия⁴.

³ Готштейн А., Добрейцер И. Учение об эпидемиях. М., 1933; Добрейцер И. А. Малярия в СССР. Материалы по эпидемиологии малярии. М., 1924.

⁴ Бароян О. В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии. М., 1968; *Он же*. Закономерности и парадоксы: Раздумья об эпидемиях и иммунитете, о судьбах ученых и их труде. М., 1986; Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России. М., 1960; Гольдин М. И. Жизнь и смерть эпидемий. М., 1957; Де Крюи Р. Охотники за микробами. Борьба за жизнь. М., 1982; Лотова Е. И., Идельчик Х. И. Борьба с инфекционными болезнями в СССР 1917–1967: Очерки истории. М., 1967; Павловский Е. Н. Бессменные дозоры. Рассказы о работах советских медиков по борьбе с природно-очаговыми заболеваниями. М., 1963; Токаревич К. Н., Грекова Т. И. По следам минувших эпидемий. Л., 1986 и др.

Один из последних примеров изучения истории чумы в рамках медицинской истории — двухтомное сочинение супругов Супотницких⁵. Эта книга во многих отношениях претендует на энциклопедичность. Авторы стремились представить систематическое описание своего объекта, всякий раз говоря о географии распространения очередной эпидемии чумы, ее течении, клинических проявлениях заболевания и его патологоанатомической картине, а также о противоэпидемических мероприятиях и отдельных последствиях их применения.

Все же взгляд на историю эпидемий чумы, демонстрируемый Супотницкими, кажется односторонним, поскольку позволяет увидеть ее лишь с позиций ученых-микробиологов. В тени остаются представления других страт общества — духовенства, чиновников, народа. Так, например, в очерках о случаях чумы в Гонконге (очерк XXII) или в Маньчжурии (очерк XXXI) авторы не уделяют никакого внимания тому обстоятельству, что эта эпидемия стала одним из эпизодов в истории попыток колонизации Китая великими державами, вызвавшей целый ряд бедствий для многомиллионной страны. Целенаправленное ослабление правящего режима, стремление завладеть богатствами страны, отчуждение ее земель, отношение к китайцам как к отсталому, невежественному и некультурному народу, погрязшему в нечистоте и болезнях, — все это вело к тому, что на протяжении почти целого столетия Запад, включая его врачей и ученых, пользовался в Китае полной свободой. Чем иначе объяснить тот факт, что меры борьбы с эпидемиями, оставленные к тому времени и в Европе, и в Америке, и в России, здесь применялись без всяких стеснений. Сожженные в целях санитарного очищения городов бедняцкие кварталы, сотни китайцев, принудительно помещенные в вагоны-карантины, где смертность составляла почти сто процентов, — такова картина установления контроля над эпидемиями легочной чумы в Китае, которую описывают авторы книги. При этом они, к сожалению, часто воспроизводят стереотипы, которыми руководствовались и западные, и отечественные специалисты столетие назад. Отсюда возникает критика в адрес китайцев, оказывавших сопротивление военным и санитарным властям (укрывание больных, подбрасывание трупов в публичные места, бегство из карантин и пр.), которая столь шаблонно воспроизводится на страницах книги.

⁵ Супотницкий М. В., Супотницкая Н. С. Очерки истории чумы: в 2-х кн. М., 2006.

Тем самым, возникнув более ста лет назад, традиция исследований чумы с позиций медицинской истории еще не угасла. Ее представителями являются главным образом ученые-медики, для которых чума — феномен преимущественно природного порядка, серия событий, главными участниками которых являются патогенные организмы и — до определенной степени — те, кто обладает знанием о них.

Чума и социальная история (1950–1970-е гг.)

В результате профессиональной экспансии специализированного медицинского знания представители традиционной исторической науки долгое время избегали разрабатывать тему эпидемий. Когда в 1924 г. один из отцов-основателей «новой исторической науки» Марк Блок в своей книге о королях-чудотворцах указал на связь между историей золотухи и проблемой становления абсолютизма на Западе, многие его коллеги отнеслись к этому скептически, посчитав данный сюжет маргинальным для профессионального исторического знания⁶. Большинство историков не было готово к тому, чтобы «вмешиваться» в «чужие» сферы знания.

Для такой позиции есть объяснение. Традиционная подготовка историков долгое время основывалась на усвоении опыта гуманитарных наук и изучении языков. При этом их связь с естественнонаучными дисциплинами всегда оставалась весьма неустойчивой. Вместе с тем, когда им приходилось затрагивать вопрос о значении эпидемий для истории общества, они с доверием относились к традиционным построениям историков медицины и их выводам. Это было во многом характерно для Фернана Броделя, имя которого олицетворяло социальную историю в послевоенной Европе. Броделю удалось показать, что при «старом биологическом порядке» уровень развития производства прямо зависел от демографической ситуации, которая, в свою очередь, определялась состоянием климата и распространенностью инфекционных и паразитарных заболеваний⁷.

⁶ Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998.

⁷ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. В 3 т. М., 1986–1992.

Наряду с Броделем и другие авторы пытались оценить влияние эпидемий на состояние демографического потенциала и экономики прошлых столетий. Наибольшее внимание, разумеется, было уделено эпидемиям чумы, оказавшим трагическое воздействие на ход мировой истории. Важной чертой этих работ было стремление критически оценить данные о реальном масштабе человеческих потерь⁸, которые, как правило, базировались на исследованиях более раннего времени.

Со времен исследований Гезера принято считать, что в XIV веке от эпидемий чумы в Европе умерло около трети жителей⁹. Между тем, было не вполне ясно, какие категории населения более всего пострадали от болезни, где она проявилась сильнее — в городах или в сельской местности. Как сказалась смерть такого числа людей на конкретных отраслях экономики — сельском хозяйстве, городских ремеслах? Как она отразилась на состоянии цен на рынках, в том числе на цене труда? К каким изменениям в характере потребления привела эпидемия? Эти и подобные им вопросы оказались важны для исследований историков броделевского поколения.

Эпидемии и история идей (1960–1990-е гг.)

История идей с самого начала предложила иную форму повествования об эпидемиях. Вместо того чтобы считать эпидемии некой природной данностью, исследователи, работавшие в рамках этого направления, сосредоточили свое внимание на том, как воспринимались эпидемии различными социальными группами в исторических контекстах. Иначе говоря, темой исследований стали не сами болезни, а представления о них и дискурсы.

Показательными в этом плане стали работы Мишеля Фуко, который в своих сочинениях 1960-х и 1970-х гг. затронул тему немедицинского восприятия болезни. Наиболее привлекательным для него сюжетом была история представлений о душевных расстройствах, однако наряду с этим он также дал краткий, но весьма ценный анализ

⁸ Russel J. C. Effects of Pestilence and Plague, 1315–1385 // *Comparative Studies in Society and History*. 1966. Vol. 8 (4). P. 464-473; Thrupp S. L. Plague Effects in Medieval Europe: Demographic Effects of Plague: A Comments on J. C. Russell's View // *Comparative Studies in Society and History*. 1966. Vol. 8 (4). P. 474-483. См. также: Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М., 1991.

⁹ Гезер Г. История повальных болезней. СПб., 1867. С. 91.

истории восприятия чумы. Фуко рассматривал такую историю как составную часть истории введения новых форм административного контроля над маргинализованными слоями общества. Тем самым он обозначил тему *административно-политического восприятия чумы*, которому соответствовал ряд практик — введения дисциплины, полицейского порядка и карантин¹⁰. По мысли Фуко, для власти чума была, прежде всего, символом социального беспорядка, торжества анархии и неуправляемости. Именно поэтому в период наступления эпидемий в Новое время на Западе всегда происходила полная мобилизация всех сил, а «чуму встречали порядком»¹¹.

Позднейшие исследования в области истории идей укрепили интерес специалистов к различным формам немедицинского восприятия болезни. Прежде всего, в фокусе внимания оказались представления духовенства, философов, юристов, экономистов и администраторов, т. е. образованных групп общества, которые наряду с медиками, а зачастую и без их помощи, были заняты разработкой основ санитарной политики в век Просвещения и эпоху индустриализации¹². Вместе с тем, историки идей практически не рассматривали представления такой обширной социальной группы как народ. Народ все еще оставался за пределами истории, был ее «безмолвствующим большинством»¹³.

Новый шаг в исследованиях восприятия эпидемий был сделан в 1990-е гг., когда историки идей сделали серьезные попытки сравнить, как одна и та же болезнь воспринималась образованной элитой и народом. Постановка этой проблемы совпала с публикацией в 1992 г. в Кембридже книги *Epidemics and Ideas*, составленной из

¹⁰ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997; *Он же*. Рождение клиники. М., 1998; *Он же*. Рождение социальной медицины // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2006. Ч. 3. С. 79-107.

¹¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 288-289.

¹² Evans R. Epidemics and Revolutions: Cholera in Nineteenth-Century Europe // *Past and Present*. 1988. Vol. 120. P. 123-146; Magee G. B. Disease Management in Pre-industrial Europe // *Journal of European Economic History*. 1997. Vol. 26 (3). P. 605-626; Porter D. Health, Civilization, and the State: A History of Public Health from Ancient to Modern Times. L., 1999 и др.

¹³ Ср.: Гуревич А. Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства // Гуревич А. Я. Избранные труды. Т. 2. Средневековый мир. М.—СПб., 1999.

текстов ведущих историков разных стран¹⁴. В ней производилась убедительная реконструкция отношения к эпидемиям со стороны властей, ученых и народа, начиная с событий Пелопоннесской войны и вплоть до начала эпидемии СПИДа в Великобритании первой половины 1980-х гг.

Примерно в то же время Джулия Кальви опубликовала исследование о флорентийских женщинах во времена чумы¹⁵. Она показала, что женщины чаще всего воспринимались как главные жертвы эпидемий, как те, кто неизменно оказывался в самом эпицентре болезни. Однако их собственное мнение никогда не учитывалось теми, кто организовывал карантин или писал об этом исторические сочинения. Эта реконструкция представлений о болезни, сделанная с поправкой на гендерные различия, в сущности, привела историческую науку к необходимости учитывать взгляды максимально большого числа участников событий, привычно именуемых эпидемиями.

Чума и экологическая история (1970–1990-е гг.)

В 1970-е гг. среди историков появились исследователи, которые начали систематически использовать данные естественных наук. Одновременно с этим и некоторые медики, писавшие исторические работы, стали более внимательно прислушиваться к тому, что делалось в сфере социальной истории¹⁶. Одним из результатов сближения истории с естественными науками было возникновение в эти годы *экологической истории*.

Наиболее ярким представителем данного направления можно считать Уильяма Мак-Нила, который в 1976 г. опубликовал свою книгу об эпидемиях в истории человечества¹⁷. Его взгляд отличался свежестью: Мак-Нил показал, что эпидемии были вовсе не периферийным явлением всемирной истории, а, напротив, определяли ее течение, так как влияли на судьбы целых цивилизаций. Усвоив естествен-

¹⁴ Epidemics and Ideas: Essays on the Historical Perception of Pestilence / Ed. by T. Ranger and P. Slack. Camb., 1992.

¹⁵ Calvi G. Histories of a Plague Year: The Social and Imaginary in Baroque Florence. Berkeley, 1989.

¹⁶ Ackerknecht E. H. History and Geography of the Most Important Disease. N. Y., 1965; Rosenberg C. E. The Cholera Years: America in 1832, 1849 and 1866. Chicago, 1962; *Idem*. Explaining Epidemics and Other Studies in the History of Medicine. Cambridge, 1992.

¹⁷ McNeill W. Plagues and Peoples. N. Y., 1976.

нонаучный взгляд на болезнь как природный феномен, Мак-Нил показал, что причина волн эпидемий, накатывавших на целые континенты, заключалась в том, что человеческие сообщества, жившие изолировано друг от друга, периодически вступали в контакт. Те народы, у которых не было иммунитета к «новым болезням», должны были нести жестокие потери от встречи с новыми вирусами. Так было и во время «великого переселения народов» на закате античного мира, и в период монгольского завоевания, и в эпоху установления трансатлантических контактов, когда Европу накрыла волна эпидемии сифилиса, а Америка подверглась опустошению из-за оспы.

Мак-Нил предложил считать всякую инфекционную болезнь, или *инвазию* некоей человеческой популяции микропаразитами, в культурном и биологическом смысле родственной тем формам эксплуатации, которые практикует социальная элита — бюрократия, духовенство, купцы, иначе говоря «макропаразиты», живущие за счет труда крестьянства и городских рабочих. Согласно Мак-Нилу, человеческая история дает многочисленные примеры появления «новых болезней», которые выступают как особые формы эколого-исторического опыта. В ходе его освоения разрушается баланс сосуществования популяции и ее паразитов — больших и малых. Такие болезни оказываются «новыми» из-за того, что общество не обладает по отношению к ним биологической, культурной и институциональной памятью, не имеет должной модели ответа на их вызов. Всемирная история оказывается историей поиска ответов на такие вызовы.

Еще одним видным представителем экологической истории стал Альфред Кросби — историк, географ и эколог, который в серии своих работ примерно в то же время что и Мак-Нил попытался изучить экологические аспекты культурных обменов между народами. В центре его внимания оказались контакты народов Старого и Нового Света, а также сопровождавшая их «биологическая экспансия» европейцев и выросший на этой основе «экологический империализм». Оттолкнувшись от идеи о разрушительном влиянии европейской биоты — животных, растений и микробов — на культуру американских индейцев, Кросби проанализировал и другие случаи подобной экспансии в Австралии и Океании. Важную роль в истории этих опустошительных влияний сыграла чума¹⁸.

¹⁸ Crosby A. W. Conquistador y Pestilencia: The First New World Pandemic

С 1970-х гг. эколого-исторические интерпретации истории эпидемий чумы сделались постоянными темами публикаций и других авторов. Среди них оказалось довольно много профессиональных медиков, что указывает на несомненное родство медицинской и экологической истории¹⁹. В конечном итоге, экологическая история эпидемий стала своего рода компромиссом между медицинской историей и традиционной формой историографии, о чем свидетельствует появление работ, выполненных совместно историками и врачами²⁰.

Чума и историческая наука рубежа XX–XXI веков

Развитие экологической истории показало, что современные историки все чаще стали проявлять интерес к проблемам, которыми прежде занимались лишь эпидемиологи и историки медицины. Социальная история в духе Броделя выявила значимость вопроса об эпидемиях для оценки состояния демографии и экономики сообществ прошлого. История идей привела исследователей к выводу о глубоких социальных различиях в представлениях о болезни. Историческим работам последнего времени свойственно учитывать все эти положения.

В известном смысле урок был извлечен еще в начале 1980-х годов. В качестве примера можно привести дискуссию на страницах журнала *The Economic History Review*, публикуемого международным Обществом экономической истории. В одном из его номеров была напечатана статья авторитетного американского специалиста Эндрю Эпплби, в которой шла речь о причинах исчезновения

and the Fall of the Great Indian Empires // *The Hispanic American Historical Review*. 1967. Vol. 47 (3). P. 321-337; *Idem*. The Columbian Exchange: Biological and Cultural Consequences of 1492. Westport, 1972; *Idem*. Ecological Imperialism: The Biological Expansion of Europe, 900–1900. N. Y., 1986; *Idem*. Reassessing of 1492 // *American Quarterly*. 1989. Vol. 41 (4). P. 661-669; *Idem*. America's Forgotten Pandemic: The Influenza of 1918. Camb., 1989; *Idem*. Germs, Seeds, and Animals: Studies in Ecological History. Armonk, N. Y., 1994.

¹⁹ *Bollet A. J.* Plagues and Poxes: The Impact of Human History on Epidemic Disease. N. Y., 2004; *Melville E. G. K.* A Plague of Sheep: Environmental Consequences of the Conquest of Mexico (Studies in Environment and History). Camb., 1997; *McNeill J. R.* The Pacific Islands in World-History: Of Rats and Men, A Synoptic Environmental History of the Island Pacific // *Journal of World History*. 1994. Vol. 5 (3). P. 299-349 и др.

²⁰ *Cartwright F. F., Biddiss M.* Disease and History. N. Y., 1972.

чумы на Западе в начале XVIII века²¹. Придерживаясь эколого-исторического подхода к проблеме, Эпплби сделал вывод о том, что решающее значение для сравнительно быстрого исчезновения чумы в Англии и других странах в Новое время имели вовсе не действия людей, а «изменения отношений между микробами и их носителями — крысами». Реакцией на эту публикацию стал ответ молодого британского историка Пола Слэка²², который в последующем стал одним из наиболее крупных специалистов в области *новой социальной истории эпидемий*²³. Слэк заявил о том, что главными причинами прекращения эпидемий чумы на Западе следует считать административно-политические меры — введение карантинных и санитарных кордонов, которые прямо и непосредственно влияли на разрушение эпидемиологических механизмов распространения инфекции. Тем самым Слэк подчеркнул значение широкого круга социальных факторов, без которых нельзя добиться полного понимания истории эпидемий.

Наряду со Слэком внимание к социальной истории эпидемий в те же годы проявили Джон Александер²⁴ и Энн Кэрмайкл²⁵, специалист по русской и итальянской истории Нового времени. Как и Слэк, они продемонстрировали, что в широком социальном контексте история эпидемий на Западе выглядела как история борьбы с бедностью и народными беспорядками, в рамках которой отчетливо проявились различия в представлениях правящей элиты и народных масс.

Наиболее показательным исследованием последних лет стала работа Шелдона Уоттса, западного историка, который длительное время работал в африканских университетах²⁶. Предприняв свое

²¹ *Appleby A. B.* The Disappearance of Plague: A Continuing Puzzle // *The Economic History Review*, New Series. 1980. Vol. 33 (2). P. 161-173.

²² *Slack P.* The Disappearance of Plague: An Alternative View // *The Economic History Review*, New Series. 1981. Vol. 34 (3). P. 469-476.

²³ *Idem.* The Impact of the Plague in Tudor and Stuart England. L., Boston, Melbourne, 1985.

²⁴ *Alexander J. T.* Catherine II, Bubonic Plague, and the Problem of Industry in Moscow // *The American Historical Review*. 1974. Vol. 79 (3). P. 637-671; *Idem.* Bubonic Plague in Early Modern Russia: Public Health and Urban Disaster. Oxf., 2003.

²⁵ *Carmichael A. G.* Plague and the Poor in Renaissance Florence. Camb., 1986.

²⁶ *Watts S. J.* Epidemics and History: Disease, Power, and Imperialism. New Haven, L., 1999.

исследование о роли эпидемий в истории человечества, Уоттс увязал его с историей взаимоотношений между правящими элитами и народом в различные эпохи в различных частях света. Уоттсу удалось показать, что во всех разбираемых им случаях элита навязывала народу свои представления о болезнях и вводила соответствующие меры борьбы с ними. Эпидемии чумы выступали в роли своеобразного индикатора противоречий между элитой и остальным населением. В результате, даже медицинские знания о болезни, как правило, включались в систему господствующих социальных взглядов и ценностей. Наиболее показательным случаем стала история эпидемий в колониальном мире, которая выявила зависимость медицинских суждений о заразных болезнях от интересов правящих групп. Тем самым, как показывает Уоттс, исторические исследования эпидемий должны смыкаться с изучением политики правящих элит и историей империализма в широком смысле слова.

Работа Шелдона Уоттса успешно дополнила исследования других специалистов, занимающихся изучением проблем колониальной медицины и эпидемий в странах Третьего Мира. Наибольший вклад здесь принадлежит англоязычным авторам, для которых история эпидемий в Африке, Азии и Океании является частью историй тех стран, с которыми они связаны узами общего прошлого²⁷. Начатая на рубеже двух веков работа показала, что тема эпидемий чумы в контексте истории все еще не закрыта, и здесь намечаются новые интересные проблемы для изучения.

* * *

Историография эпидемий чумы чрезвычайно богата и многообразна²⁸. Давно ушло то время, когда история этой болезни изображалась как победоносная борьба с чумой, как неуклонный прогресс науки и медицины и победа над суевериями. Современную

²⁷ *Arnold D.* Colonizing the Body: State Medicine and Epidemic Disease in Nineteenth-century India. Berkeley, 1993; *Anderson W.* Immunities of Empire: Race, Disease and the New Tropical Medicine, 1900–1920 // *Bulletin of the History of Medicine.* 1996. Vol. 70 (1). P. 94-118; *Harrison M.* Public Health in British India: Anglo-Indian Preventive Medicine 1859–1914. Camb., 1994 и др.

²⁸ См. также: *Михель Д. В., Михель И. В., Сироткина И. Е.* Медицина против эпидемий в Поволжье: социально-исторический контекст (1890–1925) // *Вестник Евразии.* 2004. № 3 (26). С. 113-139.

историю эпидемий чумы интересует, как различные общества реагировали на краткие, но разрушительные эпидемические кризисы, какие интерпретации им давали и как с ними справлялись.

Как и другие социальные кризисы и катастрофы, эпидемии чумы ставят перед людьми задачи объяснения и борьбы с ними, и способы решения этих задач воспроизводятся на протяжении человеческой истории. В то же время, они варьируются в зависимости от исторического, социального и культурного контекстов. Эпидемиям чумы подвержены все без исключения культуры и континенты; поэтому эта тема дает обширные возможности для сравнительных исследований. Эпидемии подвергают испытанию взгляды и верования людей и поэтому позволяют изучать историю идей — религиозных, социальных, политических, научных и медицинских. Представления об эпидемиях и о мерах борьбы с ними — как медицинские, так и народные — часто противоречили друг другу; историк находит здесь богатую пищу для анализа «структур знаний», ответственных за понимание болезни.

История эпидемий чумы дает важный материал для изучения социального и медицинского контроля — темы, ставшей одной из главных в европейской и американской историографии последней четверти XX века. Способ борьбы с эпидемиями, который сложился в Средневековой Европе, был похож на ведение военной кампании; решающую роль в нем играло государство. В Новое время гражданские власти видели в чуме символ великого беспорядка, который можно было подавить лишь жесткими полицейскими мерами. Реакция какой-либо страны на эпидемии в XIX веке могла служить показателем степени авторитарности ее режима. Зародившись в Европе, административная модель борьбы с эпидемиями стала официальной медицинской моделью и, впоследствии, была распространена на весь мир. Политика стран-колонизаторов по отношению к населению колоний представляла еще более жесткий вариант этой модели. История колониальной медицины, активно развивающаяся на протяжении последних десятилетий, позволила ставить и обсуждать вопросы о более и менее демократичных способах контроля над эпидемиями, о различных культурных интерпретациях болезни и здоровья, чистого и грязного, порядка и беспорядка.

Г. Д. СЕЛЯНИНОВА

ОБЩЕСТВО ИСТОРИЧЕСКИХ, ФИЛОСОФСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК ПРИ ПЕРМСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В 1917–1918 ГОДЫ

Вскоре после открытия 1 (14) октября 1916 г. университета в Перми профессура, приехавшая из университетских центров, почувствовала потребность в создании интеллектуальной среды в городе, хотя и имевшем статус столицы губернии, но остававшемся в определенном смысле провинциальным. Идея о необходимости учреждения интеллектуального сообщества объединила как ученых-гуманитариев, так и естествоиспытателей.

Уже 23 ноября 1916 г. группа профессоров историко-филологического, юридического и физико-математического факультетов¹ обратилась в совет Пермского отделения Петроградского университета с ходатайством об учреждении «Научного общества, посвященного разработке исторических, философских, филологических и социально-юридических знаний»². После одобрения советом проекта устава Общества последний был представлен на утверждение министра народного просвещения. Революционные катаклизмы задержали утверждение устава, и Обществу суждено было открыться уже после обретения Пермским университетом самостоятельности. Устав Общества утвержден был министром народного

¹ Инициаторами создания Общества выступили: А. П. Кадлубовский, Б. Д. Греков, В. Ф. Глушков, Л. В. Успенский, А. И. Вольдемар, К. К. Буга, Д. В. Алексеев, А. А. Заварзин, В. Ф. Матвеев, М. В. Птуха, А. А. Смирнов, А. И. Сырцов, С. П. Обнорский, А. Н. Круглевский, Н. П. Оттокар.

² См. Краткий отчет о деятельности Общества по 1 июля 1918 г. // Сборник общества исторических, философских и социальных наук при Пермском Университете (далее Сборник...) / Под ред. Г. В. Вернадского. Вып. 1. Пермь, 1918. С. 176.

просвещения Временного правительства 15 октября 1917 г., а 21 декабря того же года состоялось открытие Общества³.

В качестве целей было объявлено развитие и распространение исторических, философских, филологических и социально-юридических знаний. Но, создавая Общество первоначально с просветительными целями, пермская профессура в условиях разворачивавшейся Гражданской войны использовала его возможности для самоорганизации «в тяжелое и смутное время, неблагоприятное для мирной научной работы», не считая себя вправе «ожидать более благоприятных времен для начала своей деятельности», как отмечал Г. В. Вернадский⁴.

К лету 1918 г. в состав Общества входило 48 действительных членов и 6 членов-сотрудников. Председателем Общества в течение полугодия состоял профессор А. П. Дьяконов, товарищем председателя — профессор М. В. Птуха, секретарем — профессор Н. Н. Фиолетов, товарищем секретаря — профессор В. Н. Дурденевский, казначеем — профессор С. П. Обнорский (все избраны 3 января 1918 г.); кроме того, членами совета Общества были избраны 14/27 февраля 1918 г. профессора Г. В. Вернадский и Б. В. Казанский⁵.

Большинство членов Общества принадлежало к университетской корпорации, но были и представители внеуниверситетских кругов Перми (12 чел.)⁶. Это было связано с тем, что организаторы,

³ Там же.

⁴ Предисловие Г. В. Вернадского // Сборник... С. I.

⁵ Краткий отчет о деятельности... // Сборник... С. 177–178.

⁶ На 1 июня 1918 г. действительными членами общества были: 1) члены-учредители, профессора Пермского университета: Алексеев Д. В., Богаевский Б. Л., Буга К. К., Вольдемар А. И., Глушков В. Ф., Греков Б. Д., Заварзин А. А., Круглевский А. Н., Матвеев В. Ф., Обнорский С. П. (казначей), Оттокар Н. П., Птуха М. В. (товарищ председателя), Смирнов А. А., Сырцов А. И., Успенский Л. В.; 2) профессора и преподаватели Пермского университета: Булаховский Л. А., Вейхардт Г. Г., Вернадский Г. В. (член совета), Дурденевский В. Н. (товарищ секретаря), Дьяконов А. П. (председатель), Казанский Б. В. (член совета), Кржевский Б. А., Крусман В. Э., Ламанский В. В., Покровский К. Д., Полканов А. А., Фиолетов Н. Н. (секретарь), Шмидт В. К., Яценко А. С.; ассистенты — Дьяконов Д. М., Иванов В. Н., Павлов М. А., Сюзев П. В., а также Вейдле

не желая замыкаться в стенах университета, стремились привлечь «местные культурные силы Перми к совместной научной и беспристрастной разработке философских, исторических и социальных знаний»⁷.

Деятельность Общества выразилась, главным образом, в устройстве публичных заседаний, на которых читались и обсуждались доклады и сообщения по вопросам, входившим в круг исторических, философских и социальных знаний. Таких заседаний было за полгода 12, и на них было сделано 17 докладов и сообщений.

Дошедший до нас первый выпуск «Сборника» был издан в 1918 г. Он содержал, кроме научных статей, также устав и протоколы заседаний Общества. Знакомство с опубликованными в нем материалами дает возможность прикоснуться к атмосфере жизни города, познакомиться с культурой ведения научной дискуссии, получить представления об интеллектуальной жизни пермской научной интеллигенции в сложное историческое время.

На первом заседании Общества 21 декабря 1917 г. с приветственной речью выступил ректор Пермского университета К. Д. Покровский, а сделанные доклады были посвящены общенаучным вопросам.

Решение организационных вопросов на первом заседании было связано с формированием состава Общества, были избраны действительные члены, а также члены-сотрудники по рекомендации членов-учредителей.

Деятельность Общества началась с доклада профессора кафедры энциклопедии и истории философии права юридического факультета гегельянца Л. В. Успенского на тему «Философия и

В. В. — оставленный при университете, Обнорский Н. П. — библиотекарь Университета, Кадлубовский А. П.; 3) представители пермской общественности, в том числе священнослужители: Богословский П. С., Диковский Н. Р. Потоцкий Л. А. Несслер Н. А., Раев И. Г.; адвокаты — Белоруссов В. В, Полозов А. Н., Попов Б. М., Чижов В. Е., краевед Весновский В. А., Шмидт А. В., инженер Штейнберг С. С. Членами — сотрудниками Общества были: Вернадская Н. В., Жукатынская М. Г., Кузнецова А. А., Сергеева Л. И., Шмидт Р. В., Штейнберг О. С. Там же. С. 177.

⁷ Предисловие Г.В.Вернадского // Сборник... С. I.

наука»⁸. Противоречие между философией, как единой и законченной системой, и многообразным и изменчивым конкретным бытием, определяющим условность, фрагментарность и отрывочность отражающей это бытие науки, по мнению докладчика, преодолевается созданием синтеза науки и философии⁹. Постановка вопроса о необходимости единого цельного философского знания, основанного на толще научного опыта, вероятно, представлялась особенно актуальной в переломную эпоху, когда мир стал «смутным и противоречивым», а человек оказался «перед стихийным потоком непосредственного восприятия, который являл лик подлинного, беспредельного древнего хаоса». При этом докладчик ссылается на то, что античный мир не знал противоположения науки и философии, кроме того, и перед философией, и перед наукой стоит одна великая цель — знание. Л. В. Успенский в своем докладе назвал состояния неведения, печали, изумления человека перед «темной стихией данности» основным мотивом познания, которое дает возможность преодолеть стихийный хаос переживаний через понимание единой истины, возвышающей над мимолетной данностью. Причиной обращения человека к научным и философским занятиям философ считал «желание увидеть в дисгармоничности гармонию, в хаосе — лад и настроенность, в беспорядке — смысл и систему». Но для этого «надо прозреть, почуять ... подлинное гармоничное бытие, истинное первоначало и логос всего сущего»¹⁰.

⁸ Леонид Васильевич Успенский (1888–1930?) после окончания юридического факультета Московского университета в 1911 г. был оставлен на кафедре энциклопедии и истории права для подготовки к профессорскому званию, с декабря 1915 г. — как приват-доцент Московского университета, а с 1916 г. — кафедры энциклопедии и истории философии права Пермского отделения Петроградского университета. Был избран экстраординарным профессором 1 июля 1917 г. В 1917 г. Л.В. Успенский активно участвовал в деятельности партии кадетов, сотрудничал в пермской газете «Народная свобода». В июне 1918 г. был командирован в Москву, а после в Пермь не вернулся. В 1920-х гг. являлся профессором Среднеазиатского университета в Ташкенте. См. *Шилов А. В.* Профессора Пермского государственного университета. Пермь, 2001. С. 116-117.

⁹ *Успенский Л. В.* Философия и наука // Сборник... С. 1-4.

¹⁰ *Там же.* С. 1.

Историческое разъединение науки и философии связано с различиями в способах познания: «законная и необходимая предпосылка философствования — это стремление понять весь мир как единую и законченную систему», а «наука никогда не есть мышление до конца, она всегда условна и фрагментарна, ее задачи — привести в систему не всю действительность, а лишь какую-либо часть ее»¹¹. Поскольку «наука всегда и неизбежно отрывочна», а философия без науки «превращается в бесплодную диалектическую ухищренность ума», то «задача философии — осмыслить критически высшие положения наук», и тогда «не только философия будет ориентирована в науке, но и наука в философии», и тогда исполнится «завет великого Гегеля, озаглавившего первую часть своей философской системы феноменологии духа «Система науки»¹². Декларация о необходимости синтеза науки и философии базировалась на утверждении о необходимости критически осмыслить с общеполитических позиций высшие положения наук, поскольку «с плодотворных низин конкретных наук не окинуть взором всю область знания»¹³. Но, думается, что сформулированное в докладе стремление выйти за пределы эмпирического взгляда на мир было обусловлено, помимо стремления к знанию как таковому, тяжестью переживаемых Россией катаклизмов.

Еще один доклад Л. В. Успенского, сделанный на заседании Общества, назывался «О компромиссе в морали». Главным тезисом автора было положение «об абсолютном и ненарушимом значении моральной нормы»¹⁴, составляющем основную предпосылку всякой этики. При этом Л. В. Успенский выступает против принципа иезуитизма, который, рассматривая моральное качество поступков людей в зависимости от их конечного результата, приводит к утверждению о том, что «цель оправдывает средства»¹⁵. Такая постановка вопроса перекликается с веховской традицией. С. Л. Франк, например, в статье «Этика нигилизма» оценивал умонастроение русской интеллигенции как морализм, то есть непризнание абсо-

¹¹ Там же. С. 2.

¹² Там же. С. 3-4.

¹³ Там же. С. 3.

¹⁴ Успенский Л. В. О компромиссе в морали // Сборник... С. 102.

¹⁵ Там же. С. 102.

лютных ценностей, а морализм, по его мнению, это и есть выражение и отражение нигилизма, то есть аморализма¹⁶.

Но, говоря об абсолютных ценностях, Л. В. Успенский понимает, что сталкивается с противоречием: поскольку «всякий этический закон по содержанию своему есть правило человеческого поведения», а «всякий порядок человеческого поведения необходимо условен и относителен», и «человек может действовать только в конкретной обстановке», то «по содержанию этические нормы всегда являются относительными и условными»¹⁷. Следуя дальше такой логике, Успенский продемонстрировал путь, ведущий к пониманию того, что «всякий поступок всегда есть лишь средство, и лишь конечная цель придает ему моральную значимость»¹⁸. В этой ситуации, когда целесообразность становится единственным критерием моральной оценки, «политика с успехом может заменить этику»¹⁹, утверждал философ.

Таким образом, Л. В. Успенский показал, как мораль вседозволенности находит свое обоснование: поскольку, если есть высшая цель, «все низшие цели отвергаются в своем моральном значении, они должны уступить высшей последней цели», а все средства «позволены для того, чтобы скорее и вернее ее достичь»²⁰. Полученное противоречие Успенский формулирует в виде вопроса: «как совместить ненарушимость этических правил с иерархическим подчинением низшей цели высшей?»²¹. В данном случае речь идет о стремлении примирить общеобязательную (даже абсолютную) значимость нормы с условностью и относительностью ее содержания.

Рассуждая над данным противоречием, Л. В. Успенский критикует взгляды И. Канта, который считал, что «всякое содержание моральных правил условно и относительно», а «единственным принципом на котором можно построить этику, остается идея за-

¹⁶ Франк, С. Этика нигилизма // Вехи; Интеллигенция в России: Сборник статей. 1909–1910 / Сост. и коммент. Н. Казаковой. М., 1991. С. 156, 158, 159.

¹⁷ Успенский Л. В. О компромиссе в морали // Сборник. С. 102–118.

¹⁸ Там же. С. 102.

¹⁹ Там же. С. 103.

²⁰ Там же. С. 103.

²¹ Там же. С. 103.

кономерности вообще», потому что «этический поступок повторим, и сводится к некоторому моральному шаблону»²². Сам же философ полагал, что «моральный закон в последнем счете определяется идеей конечной цели, ... в смысле объективной цели идеи высшего блага, долженствующего воплотиться в мире»²³. Именно этой конечной цели, как высшему закону этики, должен соответствовать любой поступок для того, чтобы быть моральным, иначе он осуждается. Но Л. В. Успенский прекрасно понимает, что, следуя за такой логикой рассуждений, можно прийти к заключению о том, что «если моральная норма едина, если принцип служения последней [то есть абсолютной] цели применим во всех моральных суждениях, то правило «цель оправдывает средство» получает всю свою силу»²⁴. А если вместо абсолютной цели будет поставлена цель относительная, тогда «этика будет заменена политикой и поступок ... окажется морально осужденным»²⁵.

Хотя в тексте доклада Л. В. Успенского нет ни слова о классовой морали в стратегии и тактике партии большевиков, но полемическая заостренность его тезисов, вероятнее всего, имела конкретного адресата.

Философ выходит за рамки научного мировоззрения в своих рассуждениях об этике, утверждая, что «для того, чтобы оценить конкретный поступок с точки зрения верховного закона, нужно известное моральное вдохновение, этическая интуиция, этика здесь переходит в религию». Обращение к состояниям особенного подъема человеческого духа привело автора доклада к рассуждениям о внутреннем божественном голосе, который человек слышит в редких случаях, и этот голос может говорить ему, «что его поступок свят» или «оправдан сам по себе независимо от всяких условных норм, от всяких относительных заповедей»²⁶. Но в повседневной жизни нельзя найти такого подъема духа, а для того чтобы «рассудочно можно было бы отличать должное от недолжного... нужны заповеди, которые запрещали бы и повелевали бы определенные

²² Там же. С. 104-105.

²³ Там же. С. 109.

²⁴ Там же. С. 110.

²⁵ Там же. С. 111.

²⁶ Там же. С. 111.

поступки людям»²⁷. Необходимо свести поступки людей «к определенным, условным отвлеченным, а потому и повторимым, схемам». Но такая этика будет условной, а «всякая условная этика всегда в известном смысле произвольна, в ее нормах всегда выдвигается какая-нибудь одна сторона в человеческих поступках в ущерб остальным, всякое правило условной этики всегда и обязательно несправедливо, всегда в нем есть некоторое отступление от требований абсолютного нравственного закона, предписывающего оценивать поступок по совокупности всех сопутствующих ему в действительности условий»²⁸. В качестве выхода Успенский предлагает подняться над условными заповедями относительной морали и, опираясь на моральную интуицию, «применяя верховный моральный закон, найти должное поведение для данного конкретного случая»²⁹. Но к формулировке высшего закона все-таки Успенский так и не приблизился. Поэтому он остался в рамках своих субъективных представлений об абсолюте.

Что же касается определения так называемой условной морали, то это и есть право, оно «никогда не имеет дела с жизненными отношениями во всей их полноте», поскольку «право всегда условно, и всегда поэтому носит в себе известный момент несправедливости»³⁰. Утверждая, что право всегда исторично, Л. В. Успенский определяет как ошибку школы естественного права признание наличия какого-то абсолютно справедливого права, «применимого во всякое время и во всяком месте»³¹.

Сформулированный далее вопрос о том, что, «если право всегда и обязательно несправедливо, то почему должны мы ему покоряться» вообще переводит рассуждения о морали и праве в противопоставление государства и личности.

Л. В. Успенский был убежден в следующем: чтобы действовать вне и независимо от условных норм права, «человек должен ясно слышать голос нравственного закона, его душа должна быть пассивно раскрыта для этого голоса абсолютного добра, деяние его

²⁷ Там же. С. 112.

²⁸ Там же. С. 113.

²⁹ Там же. С. 114.

³⁰ Там же. С. 115, 117.

³¹ Там же. С. 116.

должно ощущаться им как безусловно оправдываемый им в своем историческом своеобразии поступок, как религиозное дело»³². Весьма прозрачен призыв, заключающий доклад: «Условная правота права находит свое моральное оправдание, и лишь особое вдохновение добра, ясное сознание преступления допустимого предела компромиссности правовых норм дает нам основания для правого противления неправому делу»³³.

Обратившись к философским проблемам, Л. В. Успенский заострил внимание на соотношении философии и науки, а также на рассуждениях о морали, в то время как А. И. Сырцов обратился к вопросу об аналитических суждениях³⁴.

А. И. Сырцов³⁵ длительное время изучал философию Лейбни-

³² Там же. С. 117-118.

³³ Там же. С. 118.

³⁴ Протокол заседания общества № 1 от 21 декабря 1917 г. // Сборник... С. 143.

³⁵ Сырцов Анатолий Иванович работал профессором Пермского университета с 1916 по 1929 гг. Профессор ПГУ В. Костицын писал о том, что тот родился в Тобольске 8 апреля 1880 г. в семье преподавателя духовной семинарии, окончил Петербургскую духовную академию, затем историко-филологический факультет Петербургского университета, где был оставлен на кафедре философии для подготовки научной работы. Женится в 1915 г. на Марии Александровне Оливетской, дочь Татьяна родилась в Перми в 1918 г. В 1917–1918 гг. — секретарь и декан историко-филологического факультета, в 1918–1920 гг. — проректор университета, в 1920 — заведующий учебной частью рабфака, помощник ректора, в 1921–1922 гг. — декан рабочего и педагогического факультетов, с 1924 г. — заведующий кафедрой педагогики. С 1 ноября 1929 г. — профессор кафедры педагогики во вновь открытом Самарском педагогическом институте. О его дальнейшем жизненном пути неизвестно. Сам А. И. Сырцов писал о своей деятельности в автобиографии, целью которой было соискание академической пенсии (т. е. с учетом официальной идеологии): «Ретроспективно обзревая пройденный мною многолетний путь научного развития, я нахожу, что сравнительно легко и быстро освободился от влияния церковно-богословской науки, но с гораздо большим трудом и далеко не всегда успешно освобождал себя от философского идеализма, вооруженного несравнимо большим аппаратом могущественных средств классовой обработки сознания. Влияние пережитых мной философских систем идеализма до сих пор сказывается методологическими «прорывами» и ошибками в моих печатных рабо-

ца, его результаты выразились в книге «К методологии изучения философской системы Лейбница», изданной в 1929 г. в Перми. Именно за сочинение по философии материи Г. В. Лейбница в 1911 г. он был оставлен на историко-филологическом факультете Петербургского университета для подготовки к профессорскому званию, а с 1 октября 1916 г. начался пермский период его деятельности в должности экстраординарного профессора по кафедре философии и психологии. После февраля 1917 г. его интерес привлекали феноменология и логика Г. В. Ф. Гегеля, а также проблемы психологии и педагогики³⁶. В автобиографии он отмечал: «От Гегеля я последовательно, побуждаемый чувством необходимости подвести глубокий философский фундамент под мои общественно-политические позиции, перешел к изучению материализма»³⁷. Интерес к материалистической диалектике, безусловно, продиктованный политической ситуацией, развивался в направлении изучения творчества А. Эйнштейна. В Перми была опубликована работа Сырцова «Пространство и время Эйнштейна», в которой он характеризовал элементы «стихийной диалектики», заключенное в теории относительности³⁸. Как видно по протокольным записям, А. И. Сырцов активно участвовал в дискуссиях Общества.

В последующих заседаниях докладчики тоже касались вопросов, вроде бы далеких от современности, но она вольно или невольно проникала в их размышления.

Статья В. Н. Дурденевского³⁹ «Субъективное право и его ос-

тах». *Костицын В.* Пермский период профессора Сырцова // Звезда (Пермь), 2002. 12 октября.

³⁶ Там же.

³⁷ Цит по: *Костицын В.* Указ. соч.

³⁸ В этой работе А.И. Сырцов констатирует: «Я установил в ней [теории относительности] наличие диалектики и материализма (физизма), но не нашел диалектического материализма». (Цит. по: *Костицын В.* Указ. соч.

³⁹ Дурденевский Всеволод Николаевич (1889–1963). После окончания юридического факультета Московского университета в 1911 г. был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре полицейского права. С 1 июля 1917 г. — исполняющий должность экстраординарного профессора Пермского университета по кафедре административного права. Читал курс административного права. Летом 1919 г.

новное разделение» была включена в сборник без обсуждения на заседании Общества. Автор выделил четыре главных доктрины, назвав их теориями воли, интереса, комбинационной и нормативной⁴⁰. Упомянув, что нормативная теория хотя и представляется логически весьма законченной, но является весьма бессодержательной, правовед обратился к трем остальным.

Теория воли интересна с точки зрения понимания человеческой психологии, поскольку «для человеческих стремлений, как таковых, нет юридического предела, ... легальный запрет действует на волю и хотение часто стимулирующим образом», поскольку человеку свойственно стремиться к запрещенному⁴¹.

В основе понятия о субъективном праве лежит возможность действовать. Но, поскольку «нельзя в мире людей действовать вообще, так сказать, беспредметно», в действии осуществляется человеческий интерес⁴². Но интерес В. Н. Дурденевский понимает как цель субъективного права, но не сущность его. Исходя из этого он дает собственное определение субъективного права как предоставленную объективным правопорядком возможность действовать с целью осуществления тех или иных человеческих интересов⁴³.

В качестве субъекта права рассматривается «могущая сознательно действовать человеческая личность», то есть «люди взрослые и здравомыслящие»⁴⁴. Что же касается маленьких детей, идиотов, помешанных, то их «интересы еще не создают наличность

эвакуировался вместе с отступавшими колчаковцами в Томск, читал курс административного права на юридическом факультете Томского университета, с 1920 г. — в Иркутском университете. Работал на ответственных постах в центральном аппарате ведомства иностранных дел с 1944 по 1961 гг., участвовал в Потсдамской конференции (1945) и других международных конференциях. С 1948 г. — профессор МГИМО. (Добровидов А. Н. Дурденевский В. Н. // Профессора Томского университета: Биографический словарь / Отв. ред. С. Ф. Фоминых. Томск, 1998. Т. 2. С. 134-135.)

⁴⁰ Дурденевский, В. Н. Субъективное право и его основное разделение // Сборник... С. 66-101.

⁴¹ Там же. С. 71.

⁴² Там же. С. 72.

⁴³ Там же. С. 73-74.

⁴⁴ Там же. С. 76.

права, а лишь приходящую извне косвенную защиту таких интересов», то есть «не субъективное право, а рефлекс права»⁴⁵. Такое же положение в древности имели рабы, не имея никаких прав и оставаясь «живым инструментом»⁴⁶. Автора статьи интересует процесс приобретения юридических прав бесправными прежде личностями: «И в области права понадобились века, дабы из положения объекта, из субъективного нуля, раб стал сначала субъективной дробью, сокращенным субъектом, имеющим возможность действовать лишь путем права жалобы, — а затем постепенно и окончательно эмансипировался. За рабом эту ступень полу-субъекта, полу-объекта... полуживотного прошла эмансипировавшаяся женщина. Сейчас на той же переходной ступени ... стоят малолетние и несовершеннолетние»⁴⁷. К этой же категории, по мнению В. Н. Дурденевского, законодатели относят преступников и бедных. Субъективное право не может существовать без обязанности, но выпячивание на первый план обязанностей изгоняет из юридического обихода само понятие субъективного права как защиты прав личности. И Дурденевский показывает, как это случилось в социалистических воззрениях Л. Дюги, известного тогда французского профессора из Бордо, утверждавшего, что государство может обязать человека к труду, создав соответствующие законы. И в такой системе воззрений «индивид не цель, а средство, ... он не что иное как колесо в огромной машине, которой является социальное тело»⁴⁸. В этом случае государство является «монополистом силы и освобождено от представлений о личности, как самоцели; индивид имеет право на существование лишь постольку, поскольку «социально» полезен»⁴⁹.

Реализация таких представлений, устраняющих субъективное право, по мнению В.Н. Дурденевского, приведет к тому, что сформируется государство, которое не будет заинтересовано в свободном всестороннем развитии способностей и сил подвластных», более того, «доктрина Дюги... применяет малосимпатичное

⁴⁵ Там же. С. 77.

⁴⁶ Там же. С. 80.

⁴⁷ Там же. С. 80-81.

⁴⁸ Там же. С. 85.

⁴⁹ Там же. С. 87.

средство — упразднения личности в праве перед коллективом и приходит к подмене юридического долженствования — силой вещей, социальным фактом»⁵⁰. И автор далее незамысловато экстраполирует эту ситуацию на реальность: «Рассматривая государство ... как иерархическую систему правоотношений — право по отношению к низшим или равным может быть обязанностью по отношению к высшим; и во всяком случае на высших звеньях системы правящие сохраняют за собой права к подвластным. Весьма возможно, что в социалистическом строе разовьется только что указанное явление права-обязанности; по психологическим причинам ... права правящих в таком строе могут весьма расширяться...»⁵¹.

Симпатии В. Н. Дурденевского скорее на стороне теории естественного права, так как «сила и непреходящая заслуга доктрины естественного права заключаются ... как в выдвигании ею в праве начала высшей справедливости, так и в провозглашении прав индивида..., в признании личности самоцелью...»⁵².

Возможность развития субъективного права В. Н. Дурденевский связывает с психологическими чертами, присущими человеческой личности: «Чем больше оказывается развитой в человеке готовность к риску личному или, по меньшей мере, материальному при борьбе за самоутверждение, тем скорее добивается он некоторого равновесия меж собой и средой, тем прочнее оформливается и обеспечивается вырабатывающимися в обществе нормами желанная возможность действовать, влекущая сообразное поведение других людей»⁵³. То есть к постоянным изменениям в правовой сфере ведет только постоянная борьба личности за свои права, а субъективное право должно рассматриваться «не только как способ выполнения социальной функции на страх и риск выполняющего; это средство выявления и совершенствования человека в истории, приближения его к вечному идеалу справедливости, «правды» в людских отношениях, — по мере того, как сознание человека крепнет и запросы к себе и миру растут»⁵⁴. Автору статьи, наблюдавшему

⁵⁰ Там же. С. 87.

⁵¹ Там же. С. 91.

⁵² Там же. С. 92.

⁵³ Там же. С. 93.

⁵⁴ Там же. С. 95.

становление советской власти, хотелось видеть последнее без «анти-индивидуалистической тенденции будущего социалистического государства» к упразднению прав», поэтому он высказывал предположение о том, что «социализм навряд ли захочет осудить все права и упразднить их и, во всяком случае, не сможет этого сделать иначе как на бумаге; права могут лишь перетасоваться»⁵⁵. Реальность предлагала другую ситуацию, и В. Н. Дурденевский констатирует: «...правлящие государств, подходивших менее или более близко к социалистическому типу — будь то Петр Великий в своем *Polizeistaat*, иезуиты в Парагвае или Советская власть в новейшей русской истории — обладают громадными правами, доходящими до превращения в почти неограниченное дискреционное усмотрение». Но все-таки, по его мнению, «как бы ни была централизована и "обобществлена" система правоотношений, как бы ни были правомочия человека превращаемы в публичные, направляясь на достижение общественного интереса — субъективные права не исчезали в прошлом и не исчезнут из культуры будущего; пока человек не превратился в ангела или автомата, он будет строить свои взаимоотношения на сочетании обязанностей с правами...»⁵⁶. И в заключение В. Н. Дурденевский утверждает, что частное субъективное право и публичное субъективное право есть предоставленная объективным правом порядком возможность действовать для достижения или эгоцентрического интереса или социцентрического интереса⁵⁷.

Профессор кафедры классической филологии Б. В. Казанский уделил внимание проблемам античности, избрав в качестве темы доклада на втором заседании Общества 3 января 1918 г. идею бессмертия в античном мире. Но усиленный поиск исторических параллелей, которые могли бы объяснить современную ситуацию, был неизбежен и при анализе античной мифологии: «В жизни личности и в истории народов есть моменты, есть эпохи особенно повышенного религиозного томления, когда иррациональное, мистическое, безумное овладевает умами и волей, приводит к крушению

⁵⁵ Там же. С. 95.

⁵⁶ Там же. С. 96.

⁵⁷ Там же. С.101.

рационального мирозерцания...»⁵⁸. Именно тогда, по мнению Б. В. Казанского, усиливается страстная жажда чуда, великая тоска о невозможном, которая и воплощается в мистическом чувстве.

Рассуждая о соотношении глубокомысленных и блестящих рассудочных построений и мистического чувства, Б.В.Казанский восторженно говорил о религиозной стихии, «которая погружала и темные сердца первых людей в бездну священного ужаса или восторга», поднимавшего «из недр человеческого духа, как откровение или воспоминание о тайном прошлом, непостижимое верование — пророческий миф». На вершинах христианского мистицизма автор называет имена Мейстера Экхарта, Франциска Ассизского, русских святителей, погружавших «свои сердца в самые глубокие воды древнего народного мироощущения и богосознания»⁵⁹. Указание на благосклонное отношение христианских мистиков к языческим воззрениям о жизни и смерти дает автору веские основания возвысить их и приковать к ним интерес читателей.

Б. В. Казанский указывал, что идея неистребимости жизни пришла из более ранних эпох: от семитических и арийских народов, «которые знали, что, минуя смерть, человеческая жизнь — душа и тело в целом — снова вернется к жизни»⁶⁰. И в центре этих воззрений — первое биологическое учение древности о «Матери всего сущего, всерождающей матери», «Матери-Земле», которой подражают в беременности и родах женщины⁶¹.

Идея возрождения определяла многие обряды и традиционные действия людей в древности, связанные с необходимостью усвоения тела землей как сосуда жизни, зерна, которое может вновь прорасти — то есть возродиться. При этом стихии жизни — земля, вода, воздух и огонь как источники жизненной силы и приемники смерти создают тело и душу человека, дают способность деторождения, исцеления, очищения и пророчества⁶². Осознание личностью себя в единстве со своим родом, называемое «филономической мо-

⁵⁸ Казанский Б. В. Очерк развития идеи бессмертия в античности // Сборник... С. 5.

⁵⁹ Там же. С. 5.

⁶⁰ Там же. С. 5-6.

⁶¹ Там же. С. 6.

⁶² Там же. С. 12.

ралью» объединяет древние основы воззрений различных народов⁶³, говорил Б. В. Казанский вслед за Ф. Ф. Зелинским. Кроме того, аниматизм, полидемонизм, политеизм как ступени религиозного сознания преемственны и резко отличаются только от единобожия. А культ героев, переведший на более высокую ступень политеистические верования, включал «упование на чудесное похищение (*harpasmos*) божественной силой героя во плоти», и таким образом давал «"смерти" совершенно особенное мистическое значение апофеоза»⁶⁴. Приводимые автором примеры исчезновений и похищений героев дополняются примерами их метаморфоз — превращений в змей, камни, деревья, птиц⁶⁵.

Таинственные священные обряды, имевшие «громкую власть над душой народа», возникли на мистической почве представлений о том, что «смерть есть возвращение к божественной стихии», а «рождение — тайна, которая находится во власти Бога»⁶⁶. Отраженная в Библии идея жертвоприношения первенца (не только ритуальное детоубийство, но и спускание на воду и т. д.) зародилась в магической практике и трактовалась как искупление⁶⁷. Автор подчеркивает при этом, что мифотворческое осмысление и одухотворенность различных обрядов, кажущихся с обыденной точки зрения абсурдными, жестокими или просто странными⁶⁸.

Многочисленные примеры проявления магического эротизма, ритуальных убийств, включая побивание камнями и последующее сожжение, оргиастических хороводов вакханок, женского обряда «опахивания» проводившегося в состоянии «остервенения» русскими женщинами, Б. В. Казанский типологически объединяет как древние обряды земледельческой магии, предназначавшиеся для усиления стихийного плодородия Матери-Земли. Рассматривая таким образом сходство «дионисийского безумия» и «русского остервенения», автор выделял их единую основу — магическое зна-

⁶³ Там же. С. 14.

⁶⁴ Там же. С. 15, 16.

⁶⁵ Там же. С. 17.

⁶⁶ Там же. С. 18.

⁶⁷ Там же. С. 18, 19.

⁶⁸ Там же. С. 20.

чение возбудителя урожая⁶⁹. Тот же магический смысл усматривается автором в проявлениях эсхатологического сознания. «Дионисийский оргиазм» автор усматривал и в марксизме, отмечая в его идеях языческое начало: «...Даже Маркс, мечтавший о "прыжке из царства необходимости в царство свободы" — разве это не то же чудотворчество Диониса?»⁷⁰

По мнению Б. В. Казанского, чудесное спасение от смерти, предлагавшееся ясной религией Аполлона, приводило «к самым тягостным конфликтам, к самым безнадежным состояниям сознания». Хотя в лучезарном оптимизме этого «спасителя царства Зевса» и «исчезают последние пятна зла, последние тени смерти»⁷¹, Аполлон создавал лучший мир только для своих избранников, а разграничение героев и смертных еще более усугубляло катастрофичность мировосприятия, проявлением которого была утрата народом гениальности жизни и творческого пути, а лучшим жребием считалось не родиться на свет, труд воспринимался как проклятие, а дети — как бремя⁷². Рай Аполлона был нездешним⁷³.

Преображение могла принести только катастрофа, могучее половодье, воплотившееся в «дионисийском оргиазме», дарующем упоение вакхического праздника, напряжение экстаза, не нуждающееся в сказках о нездешнем мире⁷⁴. Так преодолевалась двойственность мира и достигалось «бессмертие во плоти в магическом круге Диониса»⁷⁵. Аполлиническое и дионисийское рассматриваются Б. В. Казанским как два пути души человечества.

Обращаясь к вопросам жизни и смерти, пытаясь при этом вскрыть основы самых древних воззрений, объединяющих традиции различных народов, Б. В. Казанский отражал потребность своего времени — эпохи войн и революций — в осмыслении сущностных вопросов человеческого бытия. Не только человеческая жизнь, но и сама смерть, обесцененная первой мировой войной, формирующим-

⁶⁹ Там же. С. 22, 23.

⁷⁰ Там же. С. 30.

⁷¹ Там же. С. 27.

⁷² Там же. С. 27.

⁷³ Там же. С. 29.

⁷⁴ Там же. С. 28, 29.

⁷⁵ Там же. С. 28.

ся большевистским террором, означала для него гораздо больше, нежели для политиков, сделавших ее разменной монетой для реализации своих прагматических целей и политических схем.

Чрезвычайно активной в Обществе была деятельность декана историко-филологического факультета Б. Л. Богаевского, представившего ряд докладов на темы древней истории: «Легенда о рае в Шумерийском эпосе», «Учение о примирении противоположностей в античной Греции», «Памяти Н. И. Веселовского». Ни один из этих докладов не был оформлен в статью и об изложенных в них идеях свидетельствуют лишь скупые протокольные записи. Но и они дают представления о научных поисках Б. Л. Богаевского, превратившего историко-филологический факультет Пермского университета в один из центров изучения античности в России. В докладе «Учение о примирении противоположностей в античной Греции» речь шла о понимании древнегреческими философами Гераклитом, Платоном, Аристотелем срединного состояния как наиболее справедливого и добродетельного⁷⁶. В дискуссии, разгоревшейся по поводу высказанных положений, указывалось, что такое срединное состояние можно понимать различно — в смысле компромиссного соглашения и в смысле преодоления противоположностей⁷⁷. Скрупулезное цитирование докладчиком и его оппонентами древнегреческих текстов отражало стремление приблизиться к максимально точному пониманию непреходящих научных истин, а также демонстрировало высокий уровень ведения научного спора.

Выступая на четвертом заседании Общества 24 января (6 февраля) 1918 г. профессор юридического факультета Н. Н. Фиолетов, посвятил свои выступления истории церкви: один из его докладов затрагивал вопрос о правообразовании в православной церкви, другой — проблему отношения церкви и государства в церковном сознании. Говоря о православной церкви и правовом русском государстве, докладчик высказывал надежду, что они в будущем «должны будут найти общий язык и согласное устройство»⁷⁸. По мнению

⁷⁶ Протокол заседания общества № 7 от 18 (31) марта 1918 г. // Сборник... С. 159.

⁷⁷ Там же. С. 160.

⁷⁸ Протокол заседания общества № 4 от 24 января (6 февраля) 1918 г. //Сборник... С. 145.

Н. Н. Фиолетова, эти отношения, пройдя длительный сложный путь борьбы «священства» и «царства», в конечном итоге должны прийти к «симфонии», гармоническому согласию властей императорской и патриаршей⁷⁹. Постановка вопроса о власти светской и духовной в 1918 г. была не случайной — это был отклик на Всероссийский церковный собор, состоявшийся чуть раньше, в 1917 г. Именно тогда русская церковь впервые оказалась в ситуации становления демократической государственности и правового государства⁸⁰. Статья Н. Н. Фиолетова по сути своей представляла собой осмысление проекта «Правового положения церкви в государстве», который был принят собором. Этот проект представлял собой пожелания для обсуждения в представительном органе, который должен был определить будущую судьбу российского государства⁸¹.

Католическая церковь намного раньше приспособилась к этим новым условиям, оценивая правовую сторону организации лишь «с точки зрения практической целесообразности»⁸².

Н. Н. Фиолетову хотелось видеть, что отношение православной церкви к правовому государству является более объективным и положительным, и в то же время более свободным и самостоятельным. Он утверждал, что «при первой же возможности свободного самоопределения православное церковное сознание остановилось именно на ... системе «правового государства» как на желательной системе церковно-государственных отношений»⁸³, приводя в качестве доказательств положения из резолюции Всероссийского съезда духовенства и мирян и решений Всероссийского церковного собора. Н. Н. Фиолетов полагал, что «правовое государство — это та правовая форма, которая наилучшим образом обеспечивает для церкви свободное проявление ее сил, в относительных условиях человеческого существования дает возможность свободного твор-

⁷⁹ Фиолетов Н.Н. Проблема отношения Церкви и государства в современном православном церковном сознании // Сборник... С. 31.

⁸⁰ Там же. С. 32.

⁸¹ Там же. С. 38.

⁸² Там же. С. 34.

⁸³ Там же. С. 34, 35.

чества, свободного и подлинного усвоения истины»⁸⁴. На его взгляд, «правовое государство с религиозной точки зрения имеет большую ценность, большую правду, чем принудительная теократия или абсолютное, полицейское государство...»⁸⁵.

В то же время Н. Н. Фиолетов не считал, что отделение церкви от государства действительно обеспечивает религиозную и церковную свободу. Логика его рассуждений основывалась на представлении о том, что «правовое государство призвано охранять не только религиозную свободу индивида, но и религиозную свободу церковного союза», а теория религии «"как частного дела" связана с социалистической религией "земного рая" и в условиях русской действительности не имеет государственного смысла, поскольку отделение от церкви означает отделение от православного народа». Проблема взаимоотношений церкви и государства касалась таких вопросов как признание или непризнание государством церковных метрических книг, церковного брака, освобождение священников от воинских и личных натуральных повинностей и т. д.⁸⁶.

Еще одним существенным аспектом проблемы было положение различных конфессий в государстве. Н. Н. Фиолетов разделял позиции руководства православной церкви о том, что «в русском государстве Православная церковь занимает первенствующее среди других исповеданий публично-правовое положение, подобающее ей, как величайшей святыне огромного большинства населения», в связи с чем «во всех случаях государственной жизни, когда государство обращается к религии, преимущественно пользуется Православная церковь». Можно увидеть противоречие в логической конструкции Н. Н. Фиолетова, хотя и утверждавшего, что «система правового государства не знает какого-либо «господствующего» или «государственного» исповедания, но в то же время признававшего, что не может быть «механического, нивелирующего равенства между ними»⁸⁷.

Интерес для нас представляют не только воззрения Н. Н. Фиолетова о взаимоотношении государства и религиозных обществ, но

⁸⁴ Там же. С. 38-39.

⁸⁵ Там же. С. 39.

⁸⁶ Там же. С. 36-37.

⁸⁷ Там же. С. 38.

также и его представления о правовом государстве. Постановка этого вопроса в условиях становления большевистского государства и разворачивания деятельности его учреждений (включая ВЧК) в России может быть рассмотрена как акт большого мужества. Профессор Н. Н. Фиолетов утверждал, что «правовое государство есть организация нейтрального юридического порядка в той нейтральной среде, в которой до времени пребывает естественное, непретворенное еще человечество»⁸⁸. Дополнением к развитию политических основ системы правового государства рассматривалась необходимость христианизации всех сторон общественной жизни»⁸⁹.

Безусловно, призыв к нейтральному характеру государства диссонировал с пристрастной классовой политикой большевиков, так же как и призыв к христианизации в формирующемся атеистическом государстве.

Н. Н. Фиолетов заявлял о приоритете высших ценностей, утверждая, что «в критический момент общественной жизни, когда духовная нищета приводит уже к физической катастрофе и разлетается в прах земная мечта «о земном рае» — блаженном царстве сытого самодовольства и благополучия — особенно напряженной становится потребность в подлинных духовных основах, в подлинном обосновании общественного идеала». И, дискутируя с новоявленными властями, стремившимися установить чистоту классовой идеологии во имя грядущего коммунизма, декларировал: «Только свободное усвоение истины может создать действительное органическое преображение. И не через отрицание и не через подавление относительных степеней и относительных ценностей достигается это творчество, а чрез приятие их в их значении и просветлении их высшим смыслом»⁹⁰.

Сохранился протокол обсуждения доклада Н. Н. Фиолетова. Наиболее остро в прениях прозвучали вопросы профессора В. Н. Дурденевского, предположившего, что при некоторых концепциях «правового государства» «возможна идея гражданской религии,

⁸⁸ Там же. С. 39.

⁸⁹ Там же. С. 42.

⁹⁰ Там же. С. 41.

вынуждающая весьма последовательно, почти враждебно "разделяться" с традиционной церковью»⁹¹. Другой вопрос В. Н. Дурденевского был посвящен возможности сотрудничества церкви с государством без подчинения, но при поддержке церкви, как, например, в католической Бельгии.

Н. Н. Фиолетов, отвечая оппоненту, отметил, что его «понимание правового государства устраняет концепции абсолютного народовластия (Руссо) и неозвдемонизма или демократически-полицейского государства (Коммунистический Манифест), оно есть понимание либеральное — Константа, Канта»⁹². Но при этом, по его мнению, «не со всяким государством возможно сотрудничество церкви; бывают государства, в которых церкви возможно лишь страдание... что этого не произойдет теперь... и что в настоящем церковным деятелям не придется идти путями протопопы Аввакума — хотя эти пути не исключаются»⁹³. Последнее утверждение звучало провидчески.

Докладчик признавал возможность для сотрудничества с государством и для «очищенного католичества», и для протестантизма, но при этом настаивал на преимуществах православия и отверг предположение о близости его точки зрения с протестантской, хотя и признал сходство с германскими системами «признанной церкви»⁹⁴.

А. П. Дьяконов, выступая в прениях, согласился, что для теперешней эпохи выводы Н. Н. Фиолетова приемлемы, но наилучший тип взаимоотношений церкви и государства должен быть основан на обоюдной и полной независимости⁹⁵.

Впоследствии профессор Фиолетов, оставив Пермский университет, возглавил (с 27 декабря 1918 г.) Главное Управление по делам вероисповеданий, учрежденное в Омске при правительстве адмирала А. В. Колчака, и, стремясь воплотить свои идеи в реальную жизнь, придал этому учреждению функцию посредника «в

⁹¹ Там же. С. 146.

⁹² Протокол заседания общества № 4 от 24 января (6 февраля) 1918 г. // Сборник... С. 146.

⁹³ Там же. С. 146, 147.

⁹⁴ Там же. С. 146.

⁹⁵ Там же. С. 146.

сношениях Правительства с центральными и местными органами православно-церковного управления, школы и хозяйства»⁹⁶.

Доклад С. С. Штейнберга «Исторический материализм Карла Маркса и марксистов» вызвал бурную полемику, продемонстрировавшую искреннее желание членов Общества — немарксистов уточнить его философские истоки и сущность, поскольку «совершающаяся ... русская революция идет под знаменем Маркса», «тем более оснований всмотреться без предвзятости и пристрастия в доктрину Маркса, более трудную, чем это часто полагают»⁹⁷. В докладе были отмечены противоречия в учении марксизма, касающиеся понимания имущественных отношений, деятельности людей, разделения общественных явлений на фундамент и надстройку. Выступавшие в прениях отмечали телеологический характер марксизма, указывая, что будущее царство свободы есть предмет религиозной веры марксистов и религиозный мотив в марксизме — благодарная почва для исследования и дальнейшего развития⁹⁸.

Специализировавшийся в области романо-германской филологии профессор кафедры истории западноевропейских литератур Б. А. Кржевский посвятил свой доклад вопросу о происхождении легенды о Дон Жуане, доставив «слуховое наслаждение слушателям цитатами на прекрасном испанском языке»⁹⁹.

Активно выступали на заседаниях Общества представители пермской общественности: Б. М. Попов и Л. А. Потоцкий. Их включение в интеллектуальную среду осуществлялось сознательно: «Общество не хотело ... замыкаться в стенах университета, а стремилось привлечь и местные культурные силы к совместной и беспристрастной разработке философских, исторических и социальных знаний»¹⁰⁰. Будучи любителем искусства, Б. М. Попов сотрудничал с местными газетами, публикуя в них театральные

⁹⁶ ГАПО. Ф. Р-746. Оп.2. Д.1. Л.142, 142об.

⁹⁷ Протокол заседания общества № 10 от 29 апреля (12 мая) 1918 г. // Сборник... С. 170.

⁹⁸ Там же. С. 173, 174.

⁹⁹ Протокол заседания общества № 8 от 1 (14) апреля 1918 г. // Сборник... С. 162.

¹⁰⁰ Вернадский, Г.В. Предисловие // Сборник... С. III.

рецензии. Его доклад на тему «Пути искусства» был сделан 18 февраля (3 марта) 1918 г. Публикацию для сборника автор доклада не представил, но его содержание изложено в протоколе № 5 заседаний Общества. Одним из основных тезисов докладчика было утверждение о том, что искусство в отличие от науки и религии является творчеством безусловным, «творчеством по преимуществу», тогда как наука может рассматриваться лишь как творчество второго порядка, а «религия выявляет скорее пассивную сторону духа». Но искусство и наука идут параллельно, «в том и другом — бескорыстное стремление к истине вне заботы о результате, ... но наука всегда идет путем анализа, а искусство же — путем синтеза»¹⁰¹. Другой тезис — о том, что искусство является утилитарным явлением, обосновывался его полезностью в разных смыслах: как развлекающее, полезно-приятное и в то же время «подымающее специально гражданские чувства»¹⁰². Кроме гражданских функций искусство может вести «к единению, слиянию, уравниванию людей в духе христианской любви»¹⁰³, хотя в то же время «следует признать, что искусство одинаково может служить в руках людей и объединению и разъединению их». Б. М. Попов полагал, что искусство выходит за рамки простого воспроизведения действительности, и в этом вопросе был согласен с Платоном, предостерегавшим художника от опасности, подражая природе, «создать таким путем «ухудшенную копию без того несовершенного мира»»¹⁰⁴. Что касается «искусства для искусства», то, по мнению Б. М. Попова, например, футурист подходит к познанию мира «как медиум, заклинатель, который вызывает духов, но не может справиться с ними, колдун, перевертывающий символ совершенного человека — священную пентаграмму — углом вниз»¹⁰⁵. И как следствие такого отношения к процессу познания, по мнению докладчика, футуризм не имеет будущего, лишь искусство символизма имеет перспективу, поскольку является творческим течением.

¹⁰¹ Протокол заседания общества № 5 от 18 февраля (3 марта) 1918 г. // Сборник... С. 151.

¹⁰² Там же. С. 147-148.

¹⁰³ Там же. С. 148.

¹⁰⁴ Там же. С. 149.

¹⁰⁵ Там же. С. 150.

Объявляя себя сторонником искусства символизма, докладчик сравнивал его с победоносным христианством эпохи падения Рима¹⁰⁶. Именно в искусстве символизма нашло воплощение красоты, прекрасного, по его мнению, поскольку именно «символизм ставит задачей искусства мистическое вчувствование в мире и установление связи с миром идей, вечных сущностей». Красоту Б. М. Попов определяет не как свойство вещи, заключенное в предмете, а движение души, озарение духа и «дело искусства — вызвать такое озарение, показать нам бесконечное в конечной форме, прекрасное «бесконечностью за ним лежащей дали»». Поэтому искусство, выявляя в человеке лучшее, и, будучи «приотворенной дверью в вечность», «учит, каким должен быть мир, но каким он никогда не бывает»¹⁰⁷.

В дискуссии, разгоревшейся после доклада Б. М. Попова, участвовали многие члены Общества. В. Н. Дурденевский, считал ошибочными представления о том, что «искусство — всегда синтез, а наука — всегда анализ»¹⁰⁸. А. И. Сырцов отметил, что «центральное понятие доклада — понятие прекрасного — осталось недостаточно выясненным, поскольку осталось неизвестным, принимает докладчик субъективное или объективное толкование прекрасного». По мнению Сырцова, в докладе было представлено субъективистское понимание, близкое к позиции А. Шопенгауэра, но «в конце появилось согласие с Платоном — неоспоримым объективистом». В то же время, «принимая объективистскую точку зрения, докладчик должен был бы дать гносеологию и метафизику прекрасного, ставя вопросы об абсолютной ценности, об абсолютном субъекте»¹⁰⁹.

Критические замечания Б. Л. Богаевского касались методов познания путей развития искусства — он указал, что автору доклада свойственно «мистическое вчувствование», в то время как метод историзма показал бы ему «действительные пути искусства, роль памятников, ...наметил бы черту анализа в искусстве грече-

¹⁰⁶ Там же. С. 150.

¹⁰⁷ Там же. С. 151.

¹⁰⁸ Там же. С. 153.

¹⁰⁹ Там же. С. 152.

ском»¹¹⁰. Упрек Б. Л. Богаевского вызвало также желание Б. М. Попова видеть проявления оккультизма в эгейской культуре. Замечание Б. А. Кржевского касалось отсутствия анализа генезиса поэтических форм¹¹¹. С позицией Б. М. Попова с диаметрально противоположных позиций спорил и Л. В. Успенский, утверждавший, что «искусство не гнозис, не знание, как думает докладчик, а магия, действенная магия, "серая магия" Булгакова, но не черная и не белая, ибо в ней смешаны добро и зло, свет и тени»¹¹². Отвечая оппонентам, докладчик подчеркнул, что его целью было «оттенить современное понимание искусства, а не пути его исторического развития»¹¹³.

Темой выступления Л. А. Потоцкого было учение Л. Н. Толстого об искусстве. В качестве источников, на которых был построен доклад, выступили теоретические работы Л. Н. Толстого, его письма и дневники¹¹⁴. По мнению докладчика, эволюция представлений Л. Н. Толстого прошла длительный путь от точки зрения искусства для искусства до взгляда на искусство как на средство человеческого общения, с помощью которого «люди передают друг другу свои чувства»¹¹⁵. Различая искусство вообще и искусство настоящее или истинное, великий писатель связывал последнее с религиозным сознанием, наделяя такими чертами как общедоступность, свобода творчества, новизна возбуждаемого им чувства.

Формальные характеристики искусства, по мнению Л. А. Потоцкого, сближают взгляды Толстого с позицией харьковского профессора А. А. Потебни, автора работы «Из записок по теории словесности»¹¹⁶. В разгоревшейся дискуссии Б. Л. Богаевский подчеркнул, что «полезно было бы привлечь не Потебню, в Вячеслава Иванова», а В. Н. Дурденевский указал «на скептические мнения Анри-де-Ренье и Сен-Санса о значении эстетических взглядов Тол-

¹¹⁰ Там же. С. 152.

¹¹¹ Там же. С. 152.

¹¹² Там же. С. 153.

¹¹³ Там же. С. 154.

¹¹⁴ Протокол заседания общества № 6 от 4 (17) марта 1918 г. // Сборник... С. 154-155.

¹¹⁵ Там же. С. 155.

¹¹⁶ Там же. С. 156.

стого и обвинение Толстого Альфредом Фулье в бесцеремонных заимствованиях у Гюйо»¹¹⁷.

В мае 1918 г. Общество приступило к изданию «Сборника» своих ученых трудов. Редактором изданий (на заседании 20 мая — 2 июня 1918 г.) был избран профессор Г. В. Вернадский, вспоминая впоследствии: «При университете образовалось "Общество исторических, философских и социальных знаний", в котором принимали участие, кроме профессоров, и городская интеллигенция (учителя гимназий, судебные деятели, члены Пермской ученой архивной комиссии и др.). Общество устраивало заседания, на которых читались доклады. Некоторые из них были напечатаны в "Сборнике" Общества (при мне вышел первый такой сборник, в котором помещены были две мои статьи)»¹¹⁸.

Первый выпуск «Сборника» вышел из печати в июле 1918 г., он был издан в объеме 11 печатных листов и в количестве 400 экземпляров. Его скромные размеры были связаны с ограниченностью средств Общества, источником которых стало «ассигнование из специальных средств Пермского университета (1500 руб. в год) и незначительные членские взносы. При дороговизне на типографские работы и бумагу издание первого выпуска даже в таких скромных размерах оказалось возможным только благодаря особому вниманию со стороны Совета университета, который разрешил дополнительное ассигнование»¹¹⁹.

В предисловии к «Сборнику» редактор упоминал о «трудностях научно-литературных мероприятий в наше время», имея в виду препятствия как материальные, так и идеологические.

Опубликованными в «Сборнике» оказались не все заслушанные на заседаниях Общества доклады (среди них отсутствовал доклад профессора В. В. Ламанского «Реформа русского правописания»), и, наоборот, в числе включенных в «Сборник» статей были те, что не озвучивались публично. В частности статьи «Императрица Екатерина II и Законодательная Комиссия 1767–1768 гг.»

¹¹⁷ Там же. С. 157.

¹¹⁸ Вернадский Г. В. Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 144.

¹¹⁹ Краткий отчет о деятельности Общества по 1 июля 1918 г. // Сборник... С. 179.

Г. В. Вернадского, а также «Субъективное право и его основное разделение» В. Н. Дурденевского.

Общество имело обширные планы дальнейшей публичной и издательской деятельности. Предполагалось издавать «Сборник» ежегодно в количестве двух выпусков приблизительно по 25 листов каждый; устраивать общедоступные лекции, организовывать экскурсии для этнографического и историко-археологического изучения местного края, заняться собиранием этнографических и археологических памятников, архивных материалов и рукописей и приобретением книг, в соответствии с уставом Общества. Однако все эти задачи остались не воплощенными в действительность. Острые материальные проблемы, усиление идеологизации общественной жизни во второй половине 1918 г. в условиях Гражданской войны стали непреодолимой преградой для дальнейшей деятельности Общества. Следует отметить также, что редактор «Сборника» Г. В. Вернадский в августе 1918 г. был вынужден покинуть Пермь¹²⁰.

¹²⁰ В своих воспоминаниях Г. В. Вернадский описывает причины, побудившие его к отъезду из Перми: «Кажется, в мае 1918 года друзья меня предупредили, что ЧЕКА собирается меня арестовать. Большевистский административный аппарат еще не был как следует налажен — все делалось, так сказать, кустарным способом. Пермским интеллигентам удалось устроить своего человека под видом служащего ЧЕКА. Ему и удалось многих предупредить. Мы с Ниной решили на лето поехать в какую-нибудь глухую деревню в пермском уезде, чтобы там укрыться на некоторое время, <...> В конце июля сменился начальник пермской ЧЕКА, и благожелатели сообщили мне, что я могу без риска вернуться на несколько дней в Пермь, а затем на остаток лета уехать куда-либо подальше, например, в Москву, а потом уже вернуться в Пермь к началу занятий в университете. В Перми, помнится, в самом начале августа, мы быстро подготовились к поездке в Москву. Заплатили Вечтому за комнаты до 1 октября. Вещи оставили в наших комнатах, кроме самого необходимого. Так оставили в Перми письма Бородина и других композиторов "Могучей кучки" к Нининому отцу, также Нинины альбомы с фотографиями институток ее класса (училище св. Елены в Петербурге). Ректор университета Покровский выдал мне свидетельство, что я командируюсь на шесть недель в Москву для научных занятий и еду с женой. Забыл раньше сказать, что когда мы приехали в Пермь, Покровский выдал нам новые паспорта взамен "царских". Паспорта эти мы, конечно,

Тем не менее, их стремление к беспристрастной научной истине и проявление твердости в следовании своей собственной мировоззренческой позиции в условиях наступления на свободомыслие и разворачивавшегося произвола, можно рассматривать не только как попытку самосохранения, но и противостояния идеологическому наступлению большевиков.

В 1927 г. вышел второй выпуск Сборника, а в 1929 г. — третий, но это уже были документы другой эпохи.

* * *

Сборник Общества, изданный в 1918 г., представляет собой результат общения и взаимодействия сплоченной научной корпорации, несмотря на привлечение пермской общественности, сюда были включены главным образом внутренние диалоги пермской научной интеллигенции. Но пермская профессура не ограничивалась обменом научными идеями только в своей среде, а ставила целью транслировать свои позиции в пролетарские массы. Примером такой трансляции стал еще один сборник, изданный в 1918 г. в Перми. Он включал статьи членов Общества исторических, философских и социальных наук и назывался «Пути науки. Введение в историческое знание». В нем были помещены уже не чисто научные, а научно-популярные статьи профессоров В. Э. Крусмана, Б. В. Казанского, В. Н. Дурденевского, Л. А. Булаховского, представлявшие собой переработку лекций, прочитанных на образовательно-педагогических курсах для учителей Пермской железной дороги летом 1918 г.

Данное издание предоставило благоприятную возможность вышеназванным членам Общества выступить с изложением теоретических проблем гуманитарного знания, которые непосредственно проецировались на происходившие революционные катаклизмы, современниками которых они были.

тоже взяли с собой. Благожелатели нам объяснили, что на вокзале агенты ЧЕКА проверяют отпускные свидетельства и паспорта. Нас предупредили, чтобы мы к нему не подходили, а предъявили бы свидетельство ректора университета коменданту станции (тоже большевику, но не ревностному). Так мы и сделали и благополучно сели в поезд». (Цит. по: Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 146-147.)

Сборник был издан в типографии управления Пермской железной дороги, а Президиум главного дорожного комитета выступил в качестве издателя и выделил средства для издания: «Главный Дорожный Комитет Пермской ж. д. охотно изъявил согласие на напечатание в ряде сборников цикла статей на всевозможные, интересующие массы темы, надеясь вызвать этим интерес к знанию, помня, что активность приобретается через заинтересованность, знанье и умение разбираться в насущных вопросах жизни»¹²¹. Но, в условиях идеологизации общественной жизни, издатели решили дистанцироваться от изложенных в сборнике позиций: «...Не соглашаясь полностью с развиваемыми в статьях взглядами авторов, он [Президиум главного дорожного комитета] не смущается их печатанием, зная, что тот, кто внимательно ознакомится с содержанием сборника, кто не удовлетворится написанным, а пойдет по пути расширения своих знаний по затронутым в статьях вопросам, тот отнесется к ним критически и сумеет взять из них то, что требуется для дальнейшего чтения и развития»¹²².

Целью издания была объявлена необходимость просвещения масс: «Советская Республика должна быть забросана школами, народными домами, рабочими клубами, популярными лекциями, беседами, литературой...»¹²³ Редактор сборника профессор Б. В. Казанский¹²⁴ в предисловии попытался объяснить, что труд, как рычаг культурного прогресса, как основа общественной организации, требует не только сложного оборудования техническими средствами, специальными знаниями, но и гораздо более важного — внутренней организации этих сил, психической ориентации, духовной

¹²¹ Предисловие от издателя // Пути науки. Введение в историческое знание. Сборник статей (Далее: Пути знания...) / Под ред. В. Г. Казанского. Пермь, 1918. С. 1.

¹²² Там же. С. 1.

¹²³ Там же. С. 1.

¹²⁴ Казанский Борис Васильевич (1889–?). Изучал греческую филологию и право, ознакомился с поэтикой и риторикой Аристотеля и историей римского государственного права. С 1 июля 1917 г. исполнял должность экстраординарного профессора Пермского университета по кафедре классической филологии. Являлся членом совета Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете (1918).

оценки¹²⁵. Замена рабского труда «без выбора и без исхода» осмысленной работой, сознательно и охотно выбранной, представлялась составителям сборника фундаментальной задачей развития России: «В этом преображении труда личной творческой мыслью народу может помочь только просвещение, которое одно способно слепую, униженную, неподвижную душу сделать зоркой и смелой, и повести ее от тягости подневольного труда к наслаждению свободного творчества»... Именно эта великая задача объявлялась задачей русской интеллигенции, которая должна «подниматься над стоячими водами повседневности, над косностью быта смелым размахом живой мысли, творческим напряжением и подъемом сознания»¹²⁶.

В качестве цели издания сборника была объявлена необходимость объяснить широким массам, что представляет собой интеллигенция, и преодолеть тем самым существовавший разрыв в их взаимоотношениях: «Этот роковой разлад между сознанием и действием, интеллигенцией и народом, порывом настоящего и властью прошлого — происходит всегда, когда вместо органического развития, живого рождения, происходит механическое, насильственное составление чужеродных элементов сознания и культуры»¹²⁷, — писал Б. В. Казанский в статье «Культура и сознание». Он предложил свое видение структуры культуры, чтобы подчеркнуть необходимость и значимость каждого составляющего ее звена: «...слоистость культуры не позволяет так называемое "прошлое" считать прошедшим, умершим, уже не существующим... Цельность и единство культуры, гармоническое существо личности сохраняется только тогда, когда верхний слой вырос из низшего, когда прошлое переродилось в настоящее, когда сознание питается и выявляется из безотчетной стихии личности»¹²⁸.

Свою идею Б. В. Казанский рассматривал как на индивидуально-личностном уровне, так и на абстрактно-логическом. Говоря о менталитете отдельной личности, он подчеркивал: «Человек, сознающий себя носителем культурных идей двадцатого века ... хра-

¹²⁵ Казанский Б. В. Предисловие редактора // Пути науки... С. 3.

¹²⁶ Там же. С. 4.

¹²⁷ Казанский Б. В. Культура и сознание // Пути науки... С.5.

¹²⁸ Там же. С. 6.

нит в себе, однако, многое и многое, что принадлежит еще к прошлому... по традиции более широких слоев окружающего общества, по привычкам и взглядам, унаследованным от отцов и дедов и более далеких поколений»¹²⁹. Но главное, ради чего он развивал свои идеи, заключалось в попытке предоставить возможность жаждающим просвещения массам подняться до понимания причин своего невежества: «Народное сознание также можно сравнить с конусом, которого только верхняя точка остря горит светом современной культуры, а основание погружено во мглу далекого прошлого. Психология народа, народное мировоззрение, народный быт, по отношению к культуре двадцатого века, является пережитком прошлого»¹³⁰.

Понимание причин вековой отсталости народа способствует объяснению значения каждого социального слоя и преодолению разрывности культуры: «И как сознание по отношению к личности, так высшие, руководящие слои общества ведут смелую разведку, повинаясь неизменным указаниям, не допускающим сопротивления давлению со стороны огромной массы народа»¹³¹.

Роль интеллигенции объявлялась автором исключительно важной: «История начинается в жизни человечества тогда, когда возникает в верхних слоях народа, в светлой области сознания передовых людей»¹³². Обращение к прошлому, его изучение необходимо для того, чтобы «понимать и смысл и путь развития» и выработать «личное цельное историческое мировоззрение, гармонически согласованное с народным духом в единой истинной культуре»¹³³.

Б. В. Казанский рассматривал главным образом культурническую, «учительную» функцию интеллигенции в ее отношении к народным массам. Поражает совпадение такого подхода с позицией авторов написанного примерно в это же время известного сборника «Из глубины». Там вопрос о путях и задачах русской интеллигенции был поставлен в статье П. И. Новгородцева, обозначившего два ос-

¹²⁹ Там же. С. 5.

¹³⁰ Там же. С. 6.

¹³¹ Там же. С. 7.

¹³² Там же. С. 9.

¹³³ Там же. С. 12.

новых направления развития интеллигентского сознания: революционное, восходящее к традиции, заложенной М. А. Бакуниним, Н. Г. Чернышевским, П. Л. Лавровым и Н. К. Михайловским, и нравственное, ведущее «свою генеалогию от Чаадаева, Достоевского и Влад. Соловьева»; сравнивая их, П. И. Новгородцев говорил о не-правильности и гибельности первого пути¹³⁴.

Б. В. Казанскому принадлежала также помещенная в сборнике статья «Введение в изучение религий». В ней шла речь о происхождении религиозных идей из «бессознательного», о пути движения религиозной мысли и о формах религиозного сознания. Кроме того, давался анализ роли и значения религии как в древних обществах, так и в современных.

Автор обратился к рассмотрению сложнейших вопросов о мистическом восприятии мира, магии, функциях знахарей и колдунов, — словом, к тем аспектам религиозной жизни, которые составляют «тайную жизнь человеческого духа»¹³⁵.

В статье было сформулировано определение религии как «солидаризации духовного творчества личности, открывающейся в обществе и закрепляющейся в общественном веропорядке и обрядности». Исходя из этого понимания, дан «приближенный рисунок народной души в целом»: «Русский народ — широчайший народ в мире. Кривая линия его восхождения — от низов до высот — необычайна. Нужно терпеливо и внимательно собирать все факты, как бы разноценны и противоречивы они ни казались...»¹³⁶.

Историк-медиевист профессор В. Э. Крусман¹³⁷ опубликовал в сборнике три статьи: «История и современность», «Грань между средневековой и новой историями», «Предел новой истории». В своих статьях историк стремился предостеречь пермских пролета-

¹³⁴ Новгородцев П. И. О путях и задачах русской интеллигенции // Вехи. Из глубины / Сост. и подгот. текста А. А. Яковлева. М., 1991. С. 428.

¹³⁵ Казанский Б. В. Введение в изучение религий // Пути науки... С. 97, 100, 102.

¹³⁶ Там же. С. 114.

¹³⁷ Крусман, Владимир Эдуардович (1879–1922). Изучал средневековую и новую историю Европы. С 1 июля 1917 г. — ординарный профессор Пермского университета по кафедре всеобщей истории.

риев от неодобрительного, опрометчивого отношения к научным знаниям. В частности, задачей В. Э. Крусмана было подчеркнуть общечеловеческое значение науки, носившей в пролетарском государстве определение буржуазной: «Говорят порою с пеной у рта о буржуазной науке, и договариваются при этом до враждебного отношения даже к науке чистой, но что-то не склонны говорить о буржуазной технологии, хотя бы она работала только служа капиталу и буржуазии...»¹³⁸.

Ставя вопрос о месте исторической науки, В. Э. Крусман отмечал, что «упрек истории в буржуазности в сущности для истории не упрек, а только характеристика ее положения в определенном обществе», связанная со стремлением использовать ее как прикладную науку¹³⁹.

Говоря о дальнейшем развитии исторической науки, историк подчеркивал, что оно находится под влиянием великой русской революции. И, кратко анализируя ее течение, останавливается на наблюдаемом парадоксе: «Первым делом поражают массы, которые этой революцией приведены в движение... А между тем, с другой стороны, никогда еще не бросалось так в глаза, что активную роль в массе играет меньшинство, что хозяевами положения могут оказываться при таких условиях ничтожные количественно группы, что огромными массами удачно управляют единичные личности. Вопрос о роли личности в истории, за последние годы как будто отложенный к старому хламу исторической науки, становится для науки вновь очередным»¹⁴⁰.

И потрясающе звучит в условиях складывания моноидеологии призыв к плюрализму мнений: «Чем больше разных подступов к действительности, тем легче познание ее»¹⁴¹.

Даже в статье, посвященной, казалось бы, специфической исторической теме («Грань между средневековой и новой историей»), В. Э. Крусман развивал положения, которые способствовали расширению представлений об общественном устройстве: «Под обществом вовсе не следует всегда понимать массу; достаточно

¹³⁸ Крусман В. Э. История и современность // Пути науки... С.15.

¹³⁹ Там же. С.17.

¹⁴⁰ Там же. С. 20.

¹⁴¹ Там же. С. 21.

принимать в расчет руководящие группы, так как вполне естественно, что лишь меньшинство активно участвует в общественном движении»¹⁴². И предостерегающе звучало следующее положение: «Большинство, уже тем, что оно не противодействует, своей пассивностью поддерживает движение, участвует в нем». И еще раз подчеркивалось значение элиты общества: «Если тот или другой комплекс идей удостоится активного внимания меньшинства общества, то это и создает характерный отпечаток таких эпох, как Возрождение, Католическая Реакция, Реформация, эпоха Просвещения и Революция и т. д.»¹⁴³.

«Мы не можем себе представить общение двух культур, если между ними лежит пропасть, мешающая общению»¹⁴⁴, — утверждал В. Э. Крусман, говоря о взаимоотношениях древних римлян и варваров. Но так ли это? О древней ли истории шла речь, если чуть ниже утверждалось: «Интеллигенция вообще говорит на другом языке, чем народ, более эластичном, более богатом, более отвлеченном языке. Дикарь довольствуется 300 словами, Шекспиру нужны десятки тысяч слов»¹⁴⁵. Каков же вывод? А он заключается в следующем: «...еще донныне не сведены все счета между культурой минувшей и культурой дозревшей до усвоения старой»¹⁴⁶.

Статья В. Н. Дурденевского «Понятие о социологии» была написана на основе вступительной лекции к курсу «Обществоведение». Автором были поставлены серьезные гносеологические вопросы. Была предложена следующая классификация систем знания: 1) монизм материалистический, 2) монизм агностический, 3) монизм спиритуалистический.

Давая характеристику материалистического монизма, В. Н. Дурденевский обращался к рассмотрению понятия «материя»: «Это лишь гипотетическая, предполагаемая нами сущность вещей... Материя и приписываемые ей свойства — простота, неизменность, постоянный порядок соотношений и т. д. — суть лишь отвлечен-

¹⁴² Крусман В. Э. Грань между средневековой и новой историями // Пути науки... С. 24-25.

¹⁴³ Там же. С. 25.

¹⁴⁴ Там же. С. 29.

¹⁴⁵ Там же. С. 32.

¹⁴⁶ Там же. С. 37.

ные понятия, символические означения...»¹⁴⁷. Из этого вытекало заключение о том, что «при все кажущейся цельности и стройности эта система слабо защищена логически»¹⁴⁸.

С точки зрения автора статьи «положение агностического монизма лучше», но все-таки его симпатии — на стороне спиритуалистического монизма, с позиций которого мир представляет собой «бесчисленные ряды психических процессов, различной степени сознательности», и поэтому «социология... изучает законы массовой психической жизни людей, законы «коллективной психологии»¹⁴⁹. А само общество — это «совершенно реальный процесс между-психического взаимодействия составляющих его индивидов»¹⁵⁰.

Квинтэссенцией идеалистического миропонимания В. Н. Дурденевского звучало следующее утверждение: «Когда мы говорим, что Великая Французская Революция шла под знаменем Руссо, а наша теперешняя идет под знаменем Маркса, то не признаем ли мы, что наиболее важные поступки французов 1789 и русских 1917 г. определились запасом (аккумуляцией) научных, религиозных и даже художественных идей, восходящих к обоим мыслителям»¹⁵¹.

В русле того же идеалистического подхода была написана статья Л. Булаховского¹⁵² «Наука о языке», развивавшая начала *психологии языка*. Автор подчеркивал, что существует непосредственная связь между типами языков и различиями в психике их носителей¹⁵³.

Авторы сборников, рассматривая поставленные вопросы в исторической ретроспективе, аргументированно пытались объяснить своим читателям необходимость гражданского мира в расколотой

¹⁴⁷ Дурденевский В. Н. Понятие о социологии // Пути науки... С. 49.

¹⁴⁸ Там же. С. 49.

¹⁴⁹ Там же. С. 50-51.

¹⁵⁰ Там же. С. 58.

¹⁵¹ Там же. С. 59.

¹⁵² Булаховский Леонид Арсеньевич (1888–1961). С 1 июля 1917 г. — исполняющий должность экстраординарного профессора по кафедре славянской филологии Пермского университета. Секретарь историко-филологического факультета.

¹⁵³ Булаховский Л. А. Наука о языке // Пути науки... С. 63.

революцией стране, обратить внимание на огромное значение интеллигенции в жизни общества и показать односторонность материалистической системы знания. Акцентирование идеалистических подходов к познанию мира, вероятно, было попыткой противостояния уже проявившемуся в 1918 г. идеологическому прессингу вульгарного материализма.

Планам Общества не суждено было сбыться, а вскоре и само Общество не смогло продолжить свою деятельность. В условиях начавшегося сбоя в продовольственном обеспечении во второй половине 1918 г. (с сентября) большая часть пермской профессуры была занята проблемами элементарного выживания, занимаясь мешочничеством, а не научными дискуссиями. Одним из первых покинул Пермь Г. В. Вернадский, спасаясь от угрозы ареста ЧК; после прихода колчаковских войск некоторые преподаватели Пермского университета включились в процесс сотрудничества с правительством адмирала А. В. Колчака (Н. Н. Фиолетов, Н. В. Устрялов), а основной преподавательский состав Пермского университета вместе с отступавшими колчаковскими войсками в июле 1919 г. оказался в Томске. Таким образом, в дальнейшем вместе члены Общества никогда не собирались.

Об интеллектуальной среде, которая сформировалась в Пермском университете, сохранились восторженные воспоминания очевидцев. Евгения Александровна Равдель — дочь профессора Александра Александровича Любищева — писала: «Общество, которое собиралось в заимковских домах, было ярким и интересным. Бурные споры, часто вспыхивающие за столом, являли собой образец "состязающихся умов". Полемика шла горячая и неистовая, аргументы приводились на самом высоком уровне осведомленности во всех областях культуры и развития мысли. Такой интересной товарищеской среды, такого тесного интеллектуального общения между людьми различных характеров, возрастов, специальностей, как в Перми, мне больше не доводилось встречать»¹⁵⁴.

Попытка организовать интеллектуальную жизнь в провинциальном городе на уровне лучших столичных университетов заслуживает самого пристального внимания.

¹⁵⁴ Цит по: *Костицын В.* Указ. соч.

Интеллектуальные размышления интересны сами по себе, поскольку дают представления о круге научных интересов, в который была вовлечена пермская профессура. Но, кроме того, они еще предоставляют материал, характеризующий историческую эпоху. Во многие научные статьи прорывались размышления о времени и о своем месте в нем, научная дискуссия приобретала публицистическую заостренность, профессора стремились объяснить свою позицию охваченным пылом классовый борьбы пролетарским массам, готовым всех ученых зачислить в ряды буржуазии вслед за идеологами большевизма.

Сборники Общества являются результатом тех свободных, открытых дискуссий, к которым российское общество привыкло в течение 1917 г. в условиях сложившегося идеологического плюрализма. В это время научная интеллигенция продемонстрировала стремление служить народу на поприще народного просвещения, используя те возможности, которые ей предоставила обретенная после свержения самодержавия свобода. В первой половине 1918 г. ситуация развивалась в этом же направлении, но уже по инерции. Кроме того, отдаленный от столичных центров губернский город представлял особую ситуацию в ландшафте складывавшейся большевистской политической системы. Местные советские и партийные лидеры во многих отношениях проводили более самостоятельную политику, в том числе это касалось и привлечения интеллигенции к делу народного просвещения.

Деятельность Общества исторических, философских и социальных наук, существовавшего в 1917–1918 гг. в Пермском университете, представляет собой яркий всплеск открытого интеллектуального творчества, который к тому же стал одним из последних и даже прощальных аккордов свободомыслия перед утверждением на долгие десятилетия официального единомыслия.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ МИР В ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ

А. В. ЯКУБ

ЛЮДОВИК БЛАГОЧЕСТИВЫЙ, КАРОЛИНГСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И «НОРМАННСКАЯ ПРОБЛЕМА»

Длительное правление императора Карла Великого стало временем, когда и самому государю, и его подданным впервые пришлось столкнуться с норманнской проблемой. Однако на рубеже VIII–IX вв. лишь только обозначились основные контуры будущих широкомасштабных контактов между франкским и скандинавским мирами, определились наиболее привлекательные для скандинавов направления экспансии и наиболее уязвимые места в обороне империи. Среди последних таковыми были Фризия и сухопутная граница между Франкской империей и владениями датских конунгов в Ютландии. Следует подчеркнуть, что Карл Великий во многом сумел уловить нарастающую угрозу и предпринял весьма энергичные шаги для ее предотвращения. Созданные им флот и элементы береговой охраны, а также активная политика сдерживания данов в Ютландии позволили ему предотвратить сколько-нибудь крупномасштабное вторжение скандинавов в пределы империи. Важной заслугой Карла можно считать также выработку основных методов общения со скандинавским миром: от переговоров и заключения мирных договоров до активного пресечения военным путем любых вторжений скандинавов на территорию империи¹.

Сыну и наследнику Карла Великого Людовику Благочестивому практически сразу же пришлось столкнуться с необходимостью определить свой собственный внешнеполитический курс, в том числе и в северном, скандинавском, направлении. Следует отметить, что внешнеполитическая деятельность императора Людовика привлекала намного меньше внимания со стороны как отечествен-

¹ Более подробно см.: *Якуб А. В.* «Датский вопрос» во внешней политике Карла Великого // *Международные отношения: теория, история, практика.* Омск, 2005. С. 44–62.

ных, так и зарубежных исследователей, нежели его внутривнутриполитическая практика². Однако такая односторонность подхода вряд ли отражает всю многогранность личности этого человека, который всю свою жизнь подчинил единственной цели — сохранению наследия своего отца, Франкской империи, не только как политически организованного сообщества, но и как единой геополитической единицы. Его активная внешняя политика, в том числе и в северо-западном направлении, явилась наглядным тому подтверждением³.

Одним из авторов, уделившим определенное внимание «норманнской проблеме» в период правления Людовика Благочестивого, был Теган, хорепископ Трирский. В отечественной историографии его главное сочинение «Деяния императора Людовика» до последнего времени особого внимания со стороны исследователей не вызывало⁴. Но даже всплеск интереса в последние годы к этому человеку и его тексту не слишком изменило общую картину, особенно когда речь заходит о внешнеполитической составляющей его труда. Объяснение этому находят в том, что сочинение Тегана нельзя отнести к какому-либо известному жанру исторической и дидактической прозы каролингского времени. Это явно не анналы, не житие святого, не светская биография⁵.

² См.: Сидоров А. И. Людовик Благочестивый // Вопросы истории. 2000. № 1; Свейшников А. В. Несчастный правитель великой империи: Современная российская историография об императоре Людовике Благочестивом // Социальные институты в истории. Петроспекция и реальность. Омск, 2005. С. 57-69; Ernst R. Karolingische Nordostpolitik zur Zeit Ludwigs der Frommen // Ostliches Europa. Spiegel der Geschichte. Weisbaden, 1977; Charlemagne's Heir. New perspectives on the reign of Louis the Pious (814-840). Oxford, 1990; Boshof E. Ludwig der Fromme. Darmstadt, 1996.

³ См.: Якуб А. В. Людовик Благочестивый и норманны: проблемы взаимоотношений // Исторический ежегодник. 2005. Омск, 2006. С. 40-57.

⁴ Издание первого комментированного перевода сочинения Тегана с параллельным латинским текстом впервые осуществлено в 2003 г.: Теган. Деяния императора Людовика / Под ред. А. И. Сидорова. СПб., 2003. Среди отечественных историков определенное внимание Тегану и его сочинению было уделено А. Ю. Карачинским. См.: Карачинский А. Ю. Vita Hludovici Tегана Трирского // Вестник всеобщей истории. СПб., 1999. Вып. 2. С. 3-7.

⁵ Сидоров А. И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб., 2006. С. 142, 150-151, 152. А. Ю. Карачинский определяет жанр сочинения Тегана как светскую биографию, написанную с крайне субъективных позиций, что превращает ее одновременно и в

Подобного рода оценка этого сочинения, казалось бы, снижает его ценность для реконструкции событий внешней политики Людовика Благочестивого. В качестве основного аргумента лапидарности сообщений Тегана используется тезис о том, что при создании своего труда он якобы не пользовался данными современной ему официальной анналистики, хотя и не отрицается возможность самостоятельного ведения им самим погодных записей в своем диоцезе и привлечении материалов каких-то местных анналов. Аргументы в пользу этого вывода, впрочем, как и против него, отсутствуют, что делает подобного рода предположения весьма гипотетическими⁶.

Однако, на наш взгляд, такое пренебрежение к внешнеполитической составляющей сочинения Тегана не просто некорректно, но и явно противоречит выводу о том, что в сочинении прослеживается сильное авторское начало⁷. Именно это начало, вероятно, во многом предопределило отбор тех фактов, при помощи которых у читателя формируется представление об основных направлениях внешней политики Людовика Благочестивого. Такая целенаправленность подтверждается и временем написания самого текста, датировка которого легко устанавливается. Согласно общепринятому в историографии мнению, сочинение было написано Теганом между осенью 836 и летом 837 г, самое позднее — зимой 837/838 гг⁸. В любом случае, это был уже завершающий период правления Людовика Благочестивого, и те факты внешней политики, которые приводятся в тексте, уже не просто произошли в прошлом, но имели конкретные результаты для настоящего. Даже если полностью согласиться с тем, что Теган не пользовался официальной анналистикой, сохраненные им факты удивительным образом могут свидетельствовать о значимости именно этих событий для жизни империи, войдя в своеобразный золотой фонд общественного сознания той эпохи.

Точно также, как в сочинении Эйнхарда, все внешнеполитические деяния Людовика, о которых сообщает Теган, можно фактиче-

«...историографический труд, и в политический памфлет». См.: *Карачинский А. Ю.* Указ. соч. С. 3, 6.

⁶ Там же. С. 146.

⁷ Там же. С. 148.

⁸ Там же. С. 141.

ски разбить на несколько весьма устойчивых групп. Первую группу составляют отношения императора с Византийской империей. Теган достаточно обстоятельно останавливается на описании посольства, прибывшего от императора Льва V, всячески подчеркивая благосклонное отношение со стороны Людовика к его членам⁹. А. И. Сидоров, основываясь на использованной Теганом в тексте своего сочинения титулатуре византийского монарха, делает вывод о том, что трирский хорепископ сознательно принижал значение византийского императора по сравнению с императором Людовиком¹⁰. Возможно, для конца 30-х гг. IX в. подобное представление о роли контактов с византийским миром было уже вполне адекватным, ибо в реальной внешнеполитической практике наблюдается заметный спад в интенсивности контактов между Западом и Востоком христианского мира. Но в начале своего правления Людовику активные контакты с Византией были жизненно необходимы, поскольку они должны были обеспечить сохранение за ним официального признания статуса императора как наследника Карла Великого¹¹. Когда эта цель была достигнута, наблюдается охлаждение

⁹ Теган. 9. С. 14: "Ille eos benigne suscipiens, et dona eorum cum gratiarum actione suscepit, et colloquium familiare interim quousque cum eo errant, habebat"; С. 45: «Тот милостиво встретил их и с благодарностью принял от них дары и дружески общался с ними до тех пор, покуда они были у него». См. также: *Annales Regni Francorum inde ab a. 741 usque ad a. 829 qui dicuntur Annales Laurissenses maiores et Einhardi*. Ed. G. H. Pertz, F. Kurze. Hannoverae, 1895 (Neudruck 1950) (далее, ARF), s. a. 814. S. 140: "Inter quas praecipua fuit legatio de Constantonopoli directa. Nam Leo imperator, qui Michaheli Constantinopoli dimisso Amalharo episcopo et Petro abate, qui ad Michahelem quidem missi, ad se tamen venerunt, legatos suos, Christoforum spatarium et Gregorium diaconem, cum eis ad domnum Karolum et per eos descriptionem et confirmationem pacti ac foederis misit".

¹⁰ Сидоров А. И. Комментарии // Теган. С. 83, прим. 59.

¹¹ Сообщение Тегана о том, что посланцы византийского императора были вскоре отпущены с большими почестями и подарками, а также с соответствующим их статусу сопровождением (Теган. 9. С. 14: "Non post multos dies magnis honoribus decoravit eos, et dimisit ire ad propria, et ante eos misit missos suos, praeparare eis quicquid desiderabant ad opus eorum, quousque fuissent in regno eius"; С. 45), находит свое подтверждение в сообщении «Анналов королевства франков» об отправке франкского посольства в Византию с целью подтверждения ратификации договора о дружбе с императором (ARF, s. a. 814. S. 140-141: "Quibus susceptis atque dimissis domnus Hludowicus legatos

в контактах между двумя империями, Франкской и Византийской¹². Вторую группу составляют отношения Людовика Благочестивого с правителями различных итальянских земель. Речь, прежде всего, идет о возобновлении вассальных отношений между империей и Беневентским герцогством, которое также длительное время находилось в сфере влияния Византийской империи. Далее Теган упоминает об аналогичной процедуре признания сюзеренитета Людовика со стороны Бернарда Италийского¹³.

Наконец, итальянские дела оказываются тесно увязанными с судьбой папского престола. В частности, Теган дважды упоминает о прямых контактах между императором и последовательно сменяющимися друг друга папами Стефаном IV и Пасхалием¹⁴. В обоих случаях у Тегана красной нитью проходит идея превосходства императорской власти по отношению к власти пап¹⁵. Подобная мысль, сформулированная Теганом, весьма примечательна, ибо звучит в период, когда стремление папства все более и более доминировать в светских делах становится весьма очевидной. В данном случае она

suos, Nordbertum Regiensem episcopum et Richoinum Patavinum comitem, ad Leonem imperatorem ob renovandam secum amicitiam et praedictum pactum confirmandum direxit”).

¹² «Анналы королевства франков» еще дважды, под 824 и 827 гг., сообщают об обмене посольствами с Византией: ARF, s. a. 824, 827. S. 165, 174.

¹³ Теган. 11-12. С. 14, 46. Ср.: ARF, s. a. 814. S. 141: “...Bernhardum regem Italiae, nepotem suum, ad se evocatum muneribus donatum in regnum remisit, cum Grimoaldo Beneventanorum duce pactum fecit atque firmavit, eo modo, quo et pater, scilicet ut Beneventani tributum annis singulis VII milia solidos darent”.

¹⁴ Теган. 16, 18. С. 15, 16, 47, 48.

¹⁵ Так, избранный без согласия Людовика Благочестивого папа Стефан IV тотчас же, согласно Тегану, обращается к императору за поддержкой, повелев римскому народу принести клятву верности императору. См.: Теган. 16. С. 15: “Eodem anno Leo papa Romanus obit, et Stephanus post eum successit. Qui statim postquam pontificatum suscepit, iussit omnem populum Romanum fidelitatem cum iuramento promittere Hludowico”; С. 47. Схожую версию событий излагают «Анналы королевства франков». См.: ARF, s. a. 816. S. 144: “Interea domnus Leo papa anno pontificatus sui vicesimo primo circiter VIII Kal. Iun. De corpore migravit, Stephanusque diaconus in locum eius electus atque ordinatus est; nondumque duobus post consecrationem suam exactis mensibus quam maximis poterat itineribus ad imperatorem venire contendit, missis interim duobus legatis, qui quasi pro sua consecratione imperatori suggererent”.

служит своеобразным напоминанием Людовику на закате его жизни и политической карьеры о необходимости сохранить незыблемыми те достижения, которых он достиг ранее в отношениях с папством.

Особое место в сочинении Тегана занимает описание взаимоотношений Людовика Благочестивого со славянскими землями. Он, в частности, сообщает о прибытии посольств от славянских правителей из соседних земель в Саксонию, где Людовик в 815 г. созвал большой совет. Теган, однако, не уточняет, откуда конкретно прибыли эти посольства¹⁶. Вероятно, речь идет об июльском большом совете в Падерборне, куда, как уточняют «Анналы королевства франков», прибыли представители знати и послы от «восточных славян»¹⁷. Более того, Теган перечисляет походы франков против сорбов, поднявших мятеж, и против чехов, которых возглавлял князь Лидуит. Оба этих военных предприятия закончились, согласно его тексту, победой франков¹⁸. В целом, славянский пласт сочинения Тегана не идет вразрез с сообщениями официальных франкских анналов, что позволяет предположить его знакомство с ними. Этот пласт лишь дополняет образ Людовика Благочестивого как активного борца против язычников, с одной стороны, и как продолжателя политики своего отца в отношении славянского мира, с другой¹⁹.

¹⁶ Теган. 14. С. 15: “Alio anno regni sui habuit generale placitum suum in partibus Saxoniae, et ibi multa bona constituit...; et omnes qui in circuitu errant paganorum nationum ad eum venerunt...”. С. 47.

¹⁷ ARF, s. a. 815. S. 142: “Ipse enim tunc temporis in loco, qui dicitur Padrebrunno, generalem populi sui conventum habebat. Ibi ad eum omnes orientalium Sclavorum primores et legati venerunt”.

¹⁸ Теган. 15. С. 15: “Anno sequenti (816) direxit exercitum suum contra Sclavos in oriente positos; qui valde oppresserunt eos, et victores Deo donante extiterunt”. С. 47. Ср.: ARF, s. a. 816. S. 143-144: “Hieme transacta Saxones et orientales Franci expeditionem in Sorabos Sclavos, qui dicto audientes non errant, facere iussi imperata strenue compleverunt et contumacium audaciam non mango labore compresserunt. Nam una civitate expugnata, quicquid in ea gente rebelled videbatur, subiectione promissa conquievit”; Теган. 27. С. 21: “Sequenti anno (820) exercitum suum misit adversus orientales Sclavos, quorum dux nominabatur Liduit, quem in fuga verterunt et terram illam vastaverunt”; С. 54. Ср.: ARF, s. a. 820. S. 152: “Mense Ianuario conventus ibidem habitus, in quo de Liudewiti defectione deliberatum est, ut tres exercitus simul et tribus partibus ad devastandam eius regionem atque ipsius audaciam coercendam mitterentur”.

¹⁹ Более подробно о взаимоотношениях Франкской империи и славянского мира при Карле Великом и Людовике Благочестивом см.: Ронин В. К. О

Дополнением к этому предположению служит упоминание Теганом двух экспедиций на другом краю империи. Речь идет о бретонцах, которые попытались после смерти Карла Великого восстановить свою независимость. Эти походы, по мнению Тегана, также увенчались полным успехом. Мятежная территория была приведена к повиновению²⁰, что, однако, не привело к окончательному решению бретонского вопроса²¹.

Наконец, Теган особо останавливается на посольстве, прибывшем из Болгарии. Теган подчеркивает весьма доброжелательное отношение, проявленное со стороны Людовика к болгарским послам, что разительно отличает его от того, как он описывал отношение с другими славянскими народами²². Возможно, эта благожелательность проистекала из того факта, что болгары уже были включены в орбиту христианского мира.

«власти» Карла Великого над славянами // Советское славяноведение. 1984. № 1; *Он же*. Международно-правовые формы взаимоотношений славян и империи Карла Великого (союз и вассалитет) // Советское славяноведение. 1982. № 6; *Он же*. Славянская политика Карла Великого в западноевропейской средневековой традиции // Средние века. М., 1986. Вып. 49; *Он же*. Славянская политика Людовика Благочестивого: 814–829 гг. // Из истории языка и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1985.

²⁰ *Теган*. 25. С. 21: “Tunc perrexit dominus imperator partibus Britaniae cum exercitu, et ibi Murcomannus dux eorum interfectus est, et omnem terram illam suae ditioni subegit”. С. 53. Ср.: ARF, s. a. 818. S. 148: “Nam postquam Mormanus, qui in ea praeter solitum Brittonibus morem regiam sibi vindicaverat potestatem, ab exercitu imperatoris occisus est, nullus Britto inveniebatur, qui resisteret aut qui imperata facere aut qui obsides, quo indebantur, dare renneret”. *Теган*. 31. С. 22: “Anno sequenti (824) imperator perrexit alia vice in Britanniam, et omnem terram illam magna plaga vastavit propter infidelitatem eorum”. С. 55. Ср.: ARF, s. a. 824. S. 164-165: “...Brittanium ingressus totam ferro et igni devastavit”.

²¹ Более подробно о взаимоотношениях между Франкской империей и Бретонским княжеством при первых Каролингах см.: *Шевеленко А. Я.* Начальные формы феодальной собственности в Бретани // Европа в средние века: экономика, политика, культура. М., 1972.

²² *Теган*. 32. С. 22: “Alio anno (825) erat Aquis palatio cum mango exercitu, et ibi venerunt legati Bulgarorum portantes dona; quos benigne suscipiens, dimisit ire ad propria”. С. 55. Ср.: ARF, s. a. 825. S. 167: “Sacros paschalia festo sollempniter Aquisgrani celebrato, arridente etiam verna temperie imperator venandi gratia Noviomagum profectus legatos Bulgarorum circa medium Maium Aquasgrani venire praecipit... Imperator vero audita Bulgarorum legatione per eosdem, qui ad eum missi fuerant, legatos regi eorum missis litteris, prout videbatur, respondit”.

Что же касается тех врагов, которые начали тревожить Франкскую империю еще в годы правления его отца с юга и с севера, то есть сарацин и норманнов, то отношение к ним со стороны Тегана сохраняется вполне спокойное. Он не выходит за рамки однократного упоминания о вторжении сарацин в южные пределы империи, отделавшись одним предложением²³.

Столь же спокойно он воспринимает «норманнскую угрозу». Теган дважды обращается к норманнской тематике, и оба раза это касалось деятельности датского конунга Харальда. Первое сообщение связано с неким посольством от данов, которое прибыло ко двору Людовика Благочестивого с просьбой о мире. Теган не уточняет дату этого посольства²⁴. По мнению А. И. Сидорова, здесь была нарушена хронологическая последовательность в изложении событий, когда события 815 г. оказались впереди событий предшествующего, 814 года, что якобы свидетельствовало о том, что Теган не пользовался данными официальной анналистики²⁵. Вряд ли можно полностью согласиться с этим мнением, поскольку в «Анналах королевства франков» под 814 годом также нет никакого упоминания о том, что кто-либо из противоборствующих сторон в датских землях просил франкского императора о помощи. Речь идет лишь о том, что в результате междоусобной борьбы Харальд был вынужден бежать во Франкию и там совершить акт коммемдации в пользу императора Людовика²⁶. Но в 815 году, по сообщению тех же анналов, Людовик действительно оказал помощь Харальду, попытавшемуся при помощи франкских мечей вернуть себе верховенство в датских землях²⁷. Поэтому выглядит вполне возможным

²³ Теган. 34. С. 22: "Alio anno (827) direxit exercitum suum obviam Sarracenis". С. 55. ARF дают более подробное описание событий на Пиренейском полуострове (ARF, s. a. 827. S. 172-173).

²⁴ Теган. 14. С. 15: "...et legatio Danaorum ad eum venit postulans pacem". С. 47.

²⁵ Сидоров А. И. Комментарии // Теган. С. 86, прим. 71.

²⁶ ARF, s. a. 814. S. 141: "Quo facto Herioldus rebus suis diffidens ad imperatorem venit et se in manus illius commendavit".

²⁷ ARF, s. a. 815. S. 142: "Tunc omnes Saxonici comites omnesque Abodritorum copiae cum legato imperatoris Baldrico, sicut iussam erat, ad auxilium Harioldo ferendum trans Egidoram fluvium in terram Nordmannorum vocabulo Sinlendi perveniunt et inde perfecti septimo tandem die in loco, qui dicitur... in litore oceani castra ponunt".

тот факт, что эта помощь была оказана датскому конунгу в результате его прямого обращения к императору.

Второй раз норманны появляются на страницах сочинения Тегана, когда он излагает события 826 года. Действительно, одним из наиболее примечательных среди них было крещение конунга Харальда, его жены и ближайшей свиты в Майнце. Об этом событии упоминают практически все более или менее значимые анналы того времени, авторы которых рассматривают это событие как еще одно доказательство господства христианской веры в тогдашнем мире. Но, сообщив об этом, безусловно, незаурядном событии, Теган отнюдь не склонен преувеличивать его значение. Даже передача Хериольду в управление части Фризии воспринимается им совершенно спокойно, как факт, который абсолютно не снижает образ Людовика Благочестивого как христианского монарха и защитника католической веры²⁸.

В целом, касаясь «норманнского вопроса», Теган совершенно не склонен придавать ему какое-либо исключительное значение. Он стоит в одном ряду с необходимостью Людовику Благочестивому решать более важные, на его взгляд, внешнеполитические проблемы, которые требуют его личного вмешательства. Таким образом, наш автор, вероятно, практически не ощущает в момент написания своего сочинения какой-либо значимой угрозы со стороны норманнов как для себя лично, так и для всей Франкской им-

²⁸ Теган. 33. С. 22: "Sequenti vero anno (826) erat in palatio regio Ingileneheim, et ibi ad eum venit Heriolt de Danais, quem dominus imperator elevavit de sacro fonte baptismatis, et uxorem eius elevavit de fonte domna Iudith augusta. Tunc dominus imperator magnam partem Fresonum dedit ei, et honorificis donis ornavit eum, et cum legatis suis dimisit eum ire cum pace". С. 55. Практически идентична по содержанию запись под 826 годом в «Анналах королевства франков». См.: ARF, s. a. 826. S. 169-170: "Eodem tempore Herioldus cum uxore et magna Danorum multitudine veniens Mogontiaci apud sanctum Albanum cum his, quos secum adduxit, baptizatus est; multisque muneribus ab imperatore donatus per Frisiam, qua venerat via, reverses est. In qua provincial unus comitatus, qui Hriustri vocatur, eidem datus est, ut in eum se cum rebus suis, si necessitas exigeret, recipere potuisset". См. также: Якуб А. В. Людовик Благочестивый и норманны: проблемы взаимоотношений // Исторический ежегодник. 2005. М., 2006. С. 47, прим. 36; Рыбаков В. В. Известия о Скандинавии в хронике Адама Бременского (кн. I, гл. 15) // Средние века. М., 2003. Вып. 64. С. 196-204.

перии. Это служит лишь дополнительным доказательством в пользу того, что опасность со стороны норманнов в 30-е гг. IX в. была сильно преувеличена историками спустя столетия. Весьма примечателен и тот факт, что Теган не использует самого понятия «норманны». Он знает только данов. Это может свидетельствовать о том, что в его время термин «норманн» еще не принял общеупотребительного значения, отождествляемого с грабежами и насилиями, подменив собой такие более нейтральные этнонимы, как «даны» или «свеоны».

Такой же подход сохраняется и в описании событий конца правления императора Людовика Благочестивого, содержащихся в так называемом «Дополнении в Венской рукописи», составленном в конце 40-х гг. IX в. Неизвестный продолжатель текста сочинения Тегана по-прежнему пользуется только этнонимом «даны», даже когда речь идет об их нападении на Фризию в 837 г. Безусловно, тональность этого отрывка выглядит несколько иной по сравнению с текстом самого Тегана, но ее недоброжелательный характер объясняется фактом убийства множества христиан, которое совершили даны, захватив одну из крепостей²⁹. Реальные, и отнюдь не радостные, события вторгаются в литературное творчество, заставляя автора указать на них.

Таким образом, сочинение Тегана вряд ли может рассматриваться в качестве серьезного аргумента в пользу формирования в Западной Европе классического «норманнского мифа». Его даны отнюдь не кровожадные дикари, уничтожающие все на своем пути. Наоборот, они склонны к восприятию христианской веры и, более того, к служению интересам франкского императора. Они лишь одни из многих тогдашних народов, граничивших с пределами империи, с которыми и Карл Великий, и Людовик Благочестивый выстраивают особую линию отношений, цель которых заключается,

²⁹ Теган. In codice bibliothecae Caesararum Vindobonensis haec subiiciuntur. С. 35: “Anno vero 24. (838) praenunciavit imperator, ut cum omni exercitu voluisset ire Romam cum filiis suis Pippino et Hludowico, et statuit sediciones in nonnullis locis contra Danaos. Illi vero Danaei nave venientes ad unam seditionem, et interfecerunt ibi innumerabilem multitudinem christianorum; et ibi cecidit Hemminch qui erat ex stirpe Danorum, dux christianissimus, et Eccihardus alius dux, et multi optimates imperatoris; et aliqui comprehensi sunt et postea redempti”. С. 69. См. также: Якуб А. В. Указ. соч. С. 54, прим. 71-73.

фактически, в стратегии сдерживания, сохранения статус-кво, складывавшегося в течение предшествующих десятилетий.

Конечно, у сочинения Тегана есть одна особенность. Когда он ведет речь о внешнеполитических событиях, он ограничивается их перечислением только до 827 года. Далее у него внешней политики Людовика как будто бы и нет. Но этому есть свое объяснение, которое лежит в самой цели появления его сочинения. Все, что случилось после 830 года и что заметно снижало ценность образа Людовика Благочестивого как монарха, должно было остаться вне текста, предназначавшегося для потомков. Вероятно, это распространялось и на внешнеполитическую часть его труда. Однако, даже такой искусственный отбор фактов не свидетельствовал о том, что Теган, излагая их в хронологической последовательности, стремился к сознательному их искажению. Иные источники того времени подтверждают их подлинность. Но сам принцип отбора фактов внешней политики Теганом служит, во-первых, дополнительным свидетельством их ценности для формирования коллективной внешнеполитической памяти франкской эпохи, и, во-вторых, их ценности для самого автора, ибо не сказать о внешних победах императора — значит, не сохранить для потомков подлинный, с точки зрения Тегана, образ Людовика Благочестивого.

К этой же группе биографов Людовика Благочестивого принадлежит автор, вошедший в историю как Астроном³⁰. Его имя остается неизвестным, но он, скорее всего, также принадлежал к духовному сословию. Большинство исследователей считает его придворным капелланом. Он сопровождал Людовика Благочестивого по крайней мере с 814 года вплоть до его смерти в 840 году. Этническая принадлежность Астронома также остается до конца не выясненной, но многие историки склоняются к тому, что был выходцем из области романо-германского пограничья. Астроном был также хорошо осведомлен о событиях, имевших место в Аквитании, что предполагает, что он мог достаточно долго жить там³¹. Но в вопросе о датировке сочинения Астронома царит почти полное единодушие. Его появление обычно относят ко времени не ранее ноября 842 года, когда Ас-

³⁰ Anonymi Vita Hludowici imperatoris // MGH SS. T. II. 1829. Перевод на русский язык см.: *Аноним. Жизнь императора Людовика* // Историки эпохи Каролингов. М., 1999.

³¹ *Сидоров А. И. Отзвук настоящего...* С. 99-103.

троном, по-видимому, оказался при дворе вдовствующей императрицы Юдифи и ее сына Карла. Однако сочинение Астронома не приобрело сколько-нибудь ярко выраженной политической направленности. Этим оно в корне отличается от сочинения Тегана³².

Источниковая база сочинения Астронома довольно обширна, при этом центральная часть сочинения (гл. с 23 по 43) написана автором явно под влиянием официальных «Анналов королевства франков». Именно в ней сосредоточены основные сведения о внешней политике императора Людовика Благочестивого. Однако, по мнению А. И. Сидорова, Астроном не стремится точно копировать текст Анналов, а зачастую весьма творчески его перерабатывает³³.

Но именно в этом отрезке сочинения фиксируются его знания и представления о северных соседях Франкской империи. Весьма примечательно, что у Астронома, как и у Тегана, знакомство с «норманнской проблемой» не идет дальше событий 829 года³⁴. За пределами этой даты Астроном лишь однажды обращается к ней³⁵.

Однако Астроном, в отличие от Тегана, который ни разу не использовал термин «норманны», упоминает о последних 9 раз³⁶. Можно предполагать, что за прошедшие 5–6 лет после появления сочинения Тегана само понятие «норманн» начинает закрепляться в политическом лексиконе той эпохи, перекочевывая на страницы литературных произведений. Но для Астронома понятие «норманн» по-прежнему остается связанным исключительно с этнонимом «дан». Именно с войском данов является в Майнц конунг Харальд для того, чтобы принять крещение из рук императора Людовика³⁷. Именно как конунги данов предстают и Харальд, и его

³² Там же. С. 103-106.

³³ Там же. С. 109.

³⁴ *Anonymi*. 15. S. 614; 27. S. 621; 35. S. 627; 40. S. 629; 42. S. 623; 43. S. 632.

³⁵ *Ibid.* 55. S. 641.

³⁶ *Ibid.* 15. S. 614: “Praeceperat namque tunc temporis fabricari naves contra Nordomanicas incursions in omnibus fluminibus quae mari influebant”; 25. S. 619; 27. S. 621: “Ipso anno filii Godefridi quondam regis Nortmannorum...”; 33. S. 625; 35. S. 627: “Missi Nordmannorum pacem renovantes et confirmantes non defuerunt”; 39. S. 628; 40. S. 629: “Necnon et Herioldus a Nordmanniae partibus...”; 43. S. 632; 55. S. 641.

³⁷ *Ibid.* 40. S. 629: “Necnon et Herioldus a Nordmanniae partibus cum uxore veniens Danorumque non parva manu...”.

соперники, сыновья конунга Готфрида³⁸. Фактически Астроном продолжает практику отождествления понятий «норманн» и «дан», характерную уже для сочинения Эйнхарда, посвященного жизни Карла Великого. Он упоминает «страну норманнов», «землю норманнов», «норманнский край», но все эти географические понятия оказываются территорией, расположенной за рекой Эдер³⁹.

«Норманны» Астронома еще не столь агрессивны, как это принято считать в последующей историографии. Они мало чем отличаются от других соседей империи на её восточных рубежах. И хотя «норманны» совершают набеги в пределы империи с целью грабежа, для Астронома они не имеют существенного значения, а император Людовик постоянно выходит победителем из этих пограничных инцидентов. Лишь однажды Астроном называет «норманнов» пиратами, явившимися с моря, особо подчеркивая грабительскую сущность и способ их действий⁴⁰.

Более того, следуя логике изложения фактов, содержащихся в «Анналах королевства франков», Астроном выпячивает стремление императора Людовика поддерживать мирный характер отношений со своими северными соседями. Он неоднократно сообщает об обмене посольствами между данами и франками, о стремлении первых заключать мирные соглашения с императором⁴¹. Это не снимает с «норманнов» обвинения в клятвопреступлении и невыполнении условий этих мирных соглашений⁴². Однако в дипломатической практике того времени подобные действия сторон являлись абсолютно нормальным явлением, что совсем не вносит диссонанс в общее изложение Астрономом внешнеполитической деятельности Людовика Благочестивого. Наоборот, отношения с «норманнами» — «данами» строятся в виде интегрирования датских конунгов в систему вассально-ленных отношений империи с ее соседями, где главным пропуском в нее становился акт крещения конунга, его семьи и ближайшего окружения. Именно под таким углом зрения, следуя фактам, изложен-

³⁸ Ibid. 24. S. 618; 42. S. 631.

³⁹ Ibid. 25. S. 619; 33. S. 625; 40. S. 629: "...a Nordmanniae partibus...".

⁴⁰ *Anonymi*. 33. S. 625.

⁴¹ Ibid. 27. S. 621: "...miserunt legatos petentes ab imperatore pacem"; 35. S. 627: "Missi Nordmannorum pacem renovantes et confirmantes non defuerunt"; 39. S. 628.

⁴² Ibid. 43. S. 632.

ным в *Анналах*, Астроном характеризует события междоусобицы и ее результатов в Дании, повлекших за собой свершение этого священного акта Харальдом и его окружением⁴³. Поэтому для Астронома характерно отсутствие анонимности в изложении франко-датских отношений. Их действующие лица известны. Это Харальд и его оппоненты в датских землях, сыновья покойного конунга Готфрида⁴⁴. Лишь однажды «норманны» выступают у Астронома как анонимная сила, представляющая угрозу империи и императору Людовику.

В целом, сочинение Астронома, как и сочинение Тегана, во многом остается вне поля формирования мифа о «норманнской угрозе» империи, как угрозе, приобретающей катастрофический характер. Сам тон сочинения Астронома свидетельствует о том, что для автора, а значит, и для самого императора «норманнской проблемы» как определяющей характер его внешней политики с точки зрения реальной угрозы стране просто не существовало. Человек 40-х гг. IX века по-прежнему был свободен от дамоклова меча «норманнской проблемы». Именно поэтому, того объема материала и того стиля его подачи в сочинении Астронома было вполне достаточно для того, чтобы образ благочестивого императора не потускнел в глазах потомков. В этом отношении следование тексту *Анналов* означало всего лишь очередную попытку сохранения одновременно индивидуальной и коллективной памяти о событиях той эпохи и месте и роли в них Людовика Благочестивого.

Другой вариант историографического осмысления реалий первой половины IX века представляет собой сочинение Нитхарда⁴⁵. Его «История», по мнению А. И. Сидорова, создавалась как своеобразный оправдательный документ и вместе с тем как определенная идеологическая программа, целью которой была «партийная» идентификация и консолидация немногочисленного круга сторонников Карла Лысого⁴⁶. Именно это во многом определяло само содержание этого сочинения, где в центре внимания на протяжении всего текста остаются внутрисемейные конфликты между тремя братьями — императором Лотарем, Людовиком Немецким и

⁴³ Ibid. 40. S. 629.

⁴⁴ Ibid. 24. S. 618; 27. S. 621; 29. S. 623; 40. S. 629; 42. S. 631.

⁴⁵ *Nithard. Historiarum libri III // MGH SS. T. 2. S. 649-672; Нитхард. История в четырех книгах // Историки эпохи Каролингов. М., 1999.*

⁴⁶ *Сидоров А. И. Указ. соч. С. 187.*

Карлом Лысым. Вероятно, именно поэтому за пределами данного текста остаются практически все события, которые можно было бы, говоря современным языком, определить как международные.

Не представляют исключения и материалы, связанные с норманнами и норманнской угрозой распадавшейся на части империи. На страницах своего сочинения Нитхард лишь дважды упоминает норманнов⁴⁷. Примечательно, что Нитхард, долгое время находившийся при дворах и императора Людовика Благочестивого, и короля Карла Лысого, использует исключительно понятие «норманны», которое для него начинает все более приобретать абстрактный характер. В отличие от своих предшественников и близких современников, Нитхард уже перестает прямо отождествлять норманнов с данами, хотя географическое расположение этих норманнов на границе владений императора Лотаря не оставляет никакого сомнения в том, что речь идет именно о данах.

Упоминания о норманнах у Нитхарда имеют, тем не менее, важную смысловую нагрузку. Одно из них связано со складывавшимся традиционным представлением о норманнах как грабителях и пиратах. Речь в данном случае шла о нападении на один из важнейших западно-франкских эмпориумов, Квентовик, в 842 году⁴⁸. Но столь отрицательное отношение к выходцам из Скандинавии для Нитхарда было лишь дополнительным штрихом в формировании образа императора Лотаря как «дурного государя», поскольку именно он впервые использовал норманнов в качестве орудия борьбы со своими братьями. Стремясь снизить образ Лотаря перед читателями, Нитхард подчеркивает, что Лотарь не просто призвал норманнов под свои знамена в качестве союзников, но и отдал им, язычникам, во владение христианские земли. Более того, он «позволил им грабить другие христианские народы»⁴⁹.

⁴⁷ *Nithardi*. 4. II; 4. III: *Humxapð*. С. 133.

⁴⁸ *Nithardi*. 4. III; *Humxapð*. С. 133. См. также: Якуб А. В. От Франкской империи к Западно-Франкскому королевству: Карл Лысый и норманнская проблема // Исторический ежегодник. 2006. Омск, 2007. С. 9-10.

⁴⁹ *Nithardi*. 4. II; *Humxapð*. С. 133. Более эмоционально свидетельствуют об этом вопиющем, с точки зрения христианской веры, поступке Сен-Бергенские анналы: *Annales de Saint-Bertin / Annales Bertiniani*. Ed. F. Grat, J. Vielliard, S. Clemencet. Paris, 1964, s. a. 841. P. 39: "...dignum sane omni detestatione facinus, ut qui mala christianis intolerant, idem christianorum terries et populis Christiane ecclesie praeferrentur, ut persecutores fidei christianae domini christianorum existerent et daemonum cultoribus christiani populi deserirent!".

Таким образом, на страницах своего сочинения Нитхард фактически превратил норманнов из силы, стоящей вне пространства христианского политического мира, силы, с которой договариваются, но которую всяческими способами стремятся в этот мир не впустить, в силу, которая начинает выступать в качестве самостоятельного политического актора в рамках этого пространства. При этом данный актор имеет исключительно отрицательную смысловую нагрузку. Он разрушает этот мир изнутри, не только заключая противоестественный союз с «дурным государем», но, что выглядит намного более опасным, с исконными врагами империи — славянами и особенно с мятежными саксами, поднявшими восстание Стеллинга и желавшими «... истребить в тех землях христианскую веру»⁵⁰.

Однако в целом для Нитхарда норманны по-прежнему во многом оставались весьма отдаленной угрозой, внимание к которой могло быть привлечено лишь в случае, когда скандинавы использовались «дурным государем» Лотарем для достижения своих неблагоприятных целей. Тем не менее, именно Нитхард внес более весомую лепту в формирование устойчивого литературного топоса, который вскоре станет кочевать со страниц одного нарративного памятника на страницы другого: норманн — не только пират, разбойник и грабитель, но и исконный враг христианской веры. В этом отношении примечательна судьба самого Нитхарда, который, по одной из версий его биографии, погиб от рук норманнов, предавших огню и разрушению его аббатство Сен-Рикье (Центула) 15 мая 845 года⁵¹.

Когда мы говорим о процессе формирования топоса «норманн», не следует забывать еще об одном авторском литературном жанре, который весьма активно развивался в пределах пока еще формально единой империи и был самым тесным образом связан с политическими событиями 20–40-х гг. IX века. Речь идет о так называемых хвалебных песнях (*Carmina*), которые в определенной степени можно отнести к жанру политической поэзии. По мнению Н. А. Богодаровой, «прошлое песен есть или прошлое, еще не утратившее связей с настоящим, или легендарное, абстрактное «некогда», которое автор с назидательной целью противопоставляет дурному настоящему». Политические песни, как правило, по манере повествования и отбору фактов очень близки хроникам, хотя круг событий, запечатленных в

⁵⁰ Ibidem. О восстании Стеллинга см.: *Неусыхин А. И.* Крестьянские движения в Саксонии в IX–XI вв. // Ежегодник германской истории. 1973. М., 1974.

⁵¹ *Сидоров А. И.* Указ. соч. С. 158-159, прим. 23.

них, обычно неизмеримо уже или же представляет одно, но весьма значимое, с точки зрения автора, событие⁵². Именно к такому жанру принадлежит написанная около 840 года Эрмольдом Нигеллом хвалебная песнь в честь императора Людовика Благочестивого⁵³.

Эрмольд, бенедиктинский монах и аббат Анианского монастыря близ Монпелье, ближайший друг и сподвижник сына императора Людовика Благочестивого — аквитанского короля Пипина, оказавшись в 20-е гг. IX в. в ссылке в Страсбурге и пытаясь умиловать императора, написал поэтическое произведение, в котором центральным сюжетом сделал уже упоминавшееся нами выше крещение в 826 году датского конунга Харальда с супругой и ближайшим окружением. Изобразив это событие как венец христианских подвигов императора Людовика, Эрмольд оставил некоторые соображения, которые разъясняли читателю место норманнов в тогдашней внешней политике Франкской империи. Он указывает, что сами норманны называют себя данами, а норманнами их называют франки. Описание норманнов весьма благоприятно для них, они народ живой, ловкий, искусный в мореплавании и военном деле. Эрмольд даже подчеркивает родство происхождения франков и норманнов, используя для этого сохранившийся народный эпос. Внешний вид норманнов совсем не напоминает злобных варваров и пиратов⁵⁴.

Подобный взгляд на норманнов, даже в сравнении с весьма умеренным представлением о них, имевшим место в творчестве Тегана и Астронома, выглядит явным диссонансом в тогдашней авторской литературе. Объяснение этому, по нашему мнению, следует искать в политической подоплеке самого события крещения Харальда. Прежде всего, все источники той эпохи свидетельствуют о том, что оно произошло в результате добровольного согласия Харальда, рассчитывавшего таким образом заручиться поддержкой со стороны Людовика Благочестивого в борьбе против соперников в Дании. Сама действительность, вероятно, потребовала от Эрмольда излагать это событие как особый акт мира, заключаемый между Франкской империей и Данией, основу которого составляет равная конфессиональная принадлежность обоих государей, что делает их чуждыми войне и насилию.

⁵² Богодарова Н. А. Городские мотивы в английской политической поэзии XIV – начала XV вв. // Средние века. М., 1982. Вып. 45. С. 83.

⁵³ Ermoldi Nigelli carmina. In honorem Hludowici Caesaris Augusti libri III // MGH SS. T. II. S. 464-523.

⁵⁴ Ermoldi libri III, vers 165-170. S. 504.

Людовик, под пером Эрмольда, выступает в качестве миротворца, приобщающего заблудшую овцу к христианской пастве, как человек, возвращающий Господу давно потерянное сокровище⁵⁵. Только поставив их на один уровень, как христианских монархов, Эрмольд мог лишней раз возвысить благочестие Людовика и, играя на его самолюбии, попытаться вернуть его расположение. В результате и норманны, и Харальд, их вождь, оказались не столь опасными для франкского общества, как это могло бы казаться современникам.

Таким образом, единое пространство империи, сохранявшееся в первые четыре десятилетия IX века, формировало и относительно единое понимание проблемы «норманнов» авторами, которые жили и творили в разных частях огромного государства. Все они, прямо или косвенно, признавали, что отношения со скандинавским миром превращаются в важную составную часть внешнеполитической деятельности Каролингов. Однако они не были склонны значительно преувеличивать роль и значение выходцев с Севера в политической жизни страны. Мы не найдем у них и представления о том, что скандинавы обладают какой-то особенной, в том числе этнической, *potestas*. Для них скандинавы прежде всего остаются данами, заселяющими территорию по ту сторону Эдера. Именно с их конунгами и складываются дипломатические и военные контакты первых Каролингов. При этом эти отношения имеют почти равноправный характер, что особо подчеркивается использованием титула «гех», когда речь идет о датских лидерах, в отличие от титула «dux», использовавшегося для обозначения политического статуса государей в славянских землях и у бретонцев. В результате образ «дана — норманна» выглядит вполне корректно. «Даны» отнюдь не кровожадные дикари, варвары, уничтожающие все на своем пути. Наоборот, они склонны к принятию христианской веры и даже к служению интересам франкских императоров. Лишь некоторые замечания, которые, однако, не слишком «ухудшают» такую благостную картину, свидетельствуют о том, что очень скоро мнение франкского общества начнет меняться в совершенно противоположную сторону. Но это изменение будет связано не только с изменениями внутри самого скандинавского общества, но и постепенным размыванием единого политико-территориального пространства империи Каролингов.

⁵⁵ Ermoldi libri III, vers 299-320. S. 507-510.

М. М. ГОРЕЛОВ

СКАНДИНАВСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ И ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ АНГЛОСАКСОВ В IX–XI ВЕКАХ

Скандинавская колонизация стала важным этапом в раннесредневековой истории Англии, привнеся в процесс этногенеза английского народа значительный скандинавский этнокультурный элемент. Первая волна колонизации явилась результатом масштабных вторжений отрядов викингов, начавшихся со второй половины 830-х гг. Если на первых порах это были преимущественно грабительские пиратские рейды, то с середины 860-х гг. намечается тенденция к завоеванию скандинавами значительных территорий и поселению их там. Аналогичная тенденция имела место в других странах Европы, подвергавшихся набегам викингов — например, Западно-Франкском королевстве, Ирландии, Шотландии — и была связана, по всей видимости, с демографическим ростом в самой Скандинавии.

Стартовым моментом скандинавской колонизации Англии можно считать операции так называемой «Великой армии» викингов в 60–70-е гг. IX в. на английской территории, результатом которых стал захват скандинавами северо-восточной половины страны и образование Области Датского права (Денло) по мирному договору в Уэдморе (878) между королём Уэссекса Альфредом Великим и наиболее крупным предводителем скандинавов Гутрумом. Несмотря на то, что и при Альфреде (871–899), и при его наследниках в первой половине X в. продолжались войны английских (уэссекских) правителей за отвоевание захваченных скандинавами территорий обратно, Область Датского права стала местом интенсивного массового расселения скандинавских пришельцев, прибывавших из-за моря всё новыми и новыми партиями.

Область Датского права состояла из типичных «варварских» королевств Нортумбрии (со столицей в Йорке) и Восточной Англии, а также из территории «пяти бургов» (Линкольн, Ноттингем, Дерби, Лестер и Стэмфорд), имевших самоуправление. Эти территории можно условно объединять не по политическому, но по эт-

нокультурному признаку, а также по тому, что на них действовали скандинавские правовые нормы, что и отразилось в названии. Власть в этих образованиях концентрировалась вокруг правящих вождей, по сути, это были племенные княжения. Подобная патриархальность обуславливалась тем, что в самой Скандинавии процесс складывания государств находился ещё в зачаточном состоянии, и иной модели викинги принести с собой попросту не могли¹. Впрочем, нельзя не отметить, что англосаксы пребывали лишь на немногим более развитой стадии государственного бытия: всего лишь за несколько лет до начала систематических набегов викингов, в 829 г., королю Уэссекса Экберту удалось объединить разобщённые англосаксонские королевства эпохи гептархии в единое государство, и это «единство» было весьма аморфным, держась преимущественно на военной силе Уэссекса, при продолжающейся экономической и культурной обособленности бывших королевств. Аналогичную ситуацию можно было наблюдать в большинстве государств раннего Средневековья, довольно непрочных и потому легко разваливавшихся под ударами внешних врагов.

Этнический состав раннесредневековых государств, образовавшихся, как правило, в результате завоеваний, был неоднородным. Применительно к Англии и скандинавским завоеваниям на её территории это проявлялось особенно рельефно. Во-первых, сами англосаксы в то время ещё не были каким-то единым народом. Во-вторых, этническую картину раннесредневековой Англии дополняли кельты, отнюдь не истреблённые англосаксами, а органично влившиеся в процесс взаимной ассимиляции, причём не только на уровне покорённого, полузависимого населения, но и на уровне знати, в том числе высшей. Сходство патриархального уклада жизни англосаксов и кельтов облегчало этот процесс. В целом, можно говорить о том, что донормандское общество в Англии было англо-кельто-скандинавским по своему этническому составу². В-третьих, сами скандинавы в то время разделялись главным образом по территориальному признаку. Хотя в Англии их обычно именовали «данами» — вероятно, из-за преобладания среди при-

¹ См., напр.: *Мюссе Л.* Варварские нашествия на Западную Европу: волна вторая. СПб., 2006. С. 82-109.

² *Sawyer P.* From Roman Britain to Norman England. L., 1978. P. 50.

шельцев выходцев из Дании — понятие это было довольно условным³. Собственно, и в континентальной Европе викингов обычно обобщённо называли «норманнами» — т. е. «северянами», не вникая в тонкости их этнического происхождения и предпочитая, таким образом, географический критерий для определения чужаков.

Вероятно, именно общие этнические и культурные корни скандинавов и англосаксов послужили причиной успешной взаимной ассимиляции, набравшей силу в X в. Ещё историки XIX в. отмечали языковое и культурное родство англосаксов и скандинавов; в частности, Грин называл скандинавов «вчерашним днём самих англосаксов», недвусмысленно имея в виду, что викинги пребывали на той же стадии общественного и культурного развития, что англосаксы за 200–300 лет до их прихода, и даже сценарии экспансии первых и вторых на Британские острова крайне схожи⁴. В наше время историки говорят, основываясь на данных археологии и лингвистики уже о более широкой этнокультурной общности германских племен, населявших берега Северного моря и говоривших некогда на одном языке, который Е. Шервуд называет «древнефризским» (вероятно, правильнее было бы называть его древнезападногерманским)⁵. В эту общность, сложившуюся еще на рубеже нашей эры, входили и англосаксы, и скандинавы, и фризы, и континентальные саксы⁶. На протяжении раннего Средневековья, несмотря на изменения в политической карте региона, связанные с миграциями и становлением государственности у указанных и прочих племен, эта общность в известной степени сохранялась, так как была обусловлена изначальным генетическим родством прежних племен, их языка, культуры, традиций.

³ *Мюссе Л.* Варварские нашествия... С. 252. Например, северо-западное побережье Англии, тогда ещё почти не заселённое (будущий Ланкашир), было колонизовано норвежцами, прибывавшими в основном из соседней Ирландии, в которой норвежские викинги активно селились на протяжении IX в. и основали на ирландском побережье несколько городов-государств (Дублин, Уотерфорд, и др.), постепенно смешиваясь с местным кельто-ирландским населением.

⁴ *Грин Дж. Р.* Краткая история английского народа. Вып. 1. М., 1897. С. 61.

⁵ *Шервуд Е.* От англосаксов к англичанам. М., 1988. С. 79-82.

⁶ *Lawson M. K.* Cnut: the Danes in England in the early XIth century. L.–N. Y., 1993. P. 1.

Как и в других странах, викинги довольно быстро воспринимали религию окружавшего их христианского населения, и это устраняло важнейший фактор вражды между пришельцами и коренными жителями — конфессиональный. Это облегчало сначала сосуществование, а затем и смешение англосаксов и скандинавов посредством браков; потомки викингов, рождавшиеся в подобных браках, воспринимали Англию уже как свою родину.

Первая половина X в. ознаменовалась своего рода «англосаксонской Реконкистой», начатой ещё Альфредом Великим и развернувшейся в полную силу при его потомках — Эдуарде Старшем (899–924), Этельстане (924–939), Эдмунде (939–946) и Эдреде (946–955). В результате этого процесса прежде независимая Область Датского права была огнём и мечом приведена к покорности английской короне. В 954 г. пал последний крупный оплот скандинавов в Англии — Йорк, правители которого состояли в родстве со скандинавской династией из Дублина⁷. После взятия Йорка на 30 лет наступило относительное затишье. Новообразованное Английское королевство переживало подъём⁸. Это, безусловно, способствовало лояльности скандинавского населения и поощряло процессы англо-скандинавского этнокультурного синтеза, начавшиеся ещё в IX в. Говоря о восприятии англосаксами образа скандинавских пришельцев, необходимо отметить, что нарративные источники IX–X вв. дают небольшой простор для размышлений на эту тему. Сам факт масштабной скандинавской колонизации северо-востока Англии прекрасно подтверждается данными археологии, топонимики и ономастики⁹. Но отражение этнических категорий в хроникальных источниках данной эпохи, напротив, крайне скудно.

⁷ The Anglo-Saxon Chronicle [далее — ASC] // English Historical Documents [далее — EHD]. Vol. 1. L., 1953. P. 190. *Kapelle W.* The Norman Conquest of the North. L., 1979. P. 32.

⁸ Британский историк Ч. Оман называл царствование короля Эдгара «золотым веком», когда авторитет Англии, превратившейся из прежнего конгломерата варварских королевств в относительно единое, сильное государство, вырос во всей Европе. Оман также отметил взвешенную политику Эдгара в отношении скандинавского и англо-скандинавского населения страны. См.: *Oman C.* England before the Norman Conquest, being a History of the Celtic, Roman and Anglo-Saxon periods down to the year AD 1066. L., 1938.

⁹ Подробнее см.: *Roesdahl E.* The Vikings. L., 1991.

Речь идет, прежде всего, об «Англо-Саксонской Хронике», которая велась в Уэссексе со времени правления Альфреда Великого и впитала в себя материалы прежних источников такого рода. Безымянные авторы хроники писали о нашествиях викингов как о привычном явлении, по этой причине не утруждая себя детальными этническими характеристиками. Весьма характерно, что с первой же записи о набеге викингов на монастырь в Линдисфарне (793 г.) и вплоть до 870 г. скандинавы фигурируют в хронике исключительно под именем «язычников», без указания этнической принадлежности. Часто их также именуют просто «войско»¹⁰. Лишь в записях 870 г., где речь ведётся об уже несколько лет идущих военных действиях на территории Англии, впервые появляется слово «даны», которое в дальнейшем употребляется от случая к случаю, наряду с прежним «войском» (обычно летописец указывает, что «войско» прибыло с такой-то стороны или из такой-то местности)¹¹. Вместе с тем, исчезает термин «язычники», что, вероятно, могло быть связано с ростом темпов массовой христианизации осевших в Англии скандинавов. Наконец, под 922 г. впервые появляется формула «англы и даны», применяемая к смешанному населению районов Денло, постепенно входящему в подданство английской короне в ходе упоминавшихся выше войн Уэссекса за объединение страны. В записи под 924 г. впервые упоминаются и норвежцы, когда речь идёт о событиях в Нортумбрии¹².

Характерно, однако, что в законодательных памятниках противопоставление «англы — даны» появляется раньше, чем в «Англо-Саксонской Хронике» — уже во времена Альфреда Великого, в частности, в его договоре с Гутрумом¹³. Это было связано именно с необходимостью фиксации сложившихся реалий — скандинавского завоевания половины Англии и потребности в установлении дипломатических и правовых отношений между англосаксами и пришельцами.

Между тем, чем ближе к окончанию англо-скандинавских войн первой половины X в. подходят хронисты, тем чаще о населе-

¹⁰ The Anglo-Saxon Chronicle // <http://omacl.org/Anglo/part3.html> (06/2008).

¹¹ Ibidem.

¹² Ibidem.

¹³ Alfred and Guthrum's Peace // <http://www.fordham.edu/halsall/source/guthrum.html> (06/2008).

нии территорий Области Датского права говорится в той же манере, как и о населении разных исторических областей Англии вообще. Например, о жителях северной части Денло со столицей в Йорке говорится просто «нортумбрийцы», точно так же, как в упоминаниях о населении районов, не подвергшихся скандинавской колонизации — «уэссекцы», «кентцы», «девонширцы»¹⁴. Это может свидетельствовать о том, что скандинавы Денло воспринимались английскими хронистами как в достаточной степени ассимилированная часть населения страны, в отличие от иноземцев и инородцев, о которых в хронике говорится совершенно конкретными терминами — «франки», «скотты», «валлийцы», «фризы»¹⁵. Вместе с тем, обобщающее понятие «англы» как обозначение английского народа встречается в хронике только в связке с «данами», тогда как в описаниях многочисленных военных кампаний X–XI вв. употребляются исключительно локальные этнонимы типа «мерсийцы», «уэссекцы», «кентцы». Таким образом, напрашивается вывод о том, что сами англосаксы в условиях политической раздробленности, насильственно преодолеваемой королями Уэссекса, ещё вряд ли осознавали себя в то время единым народом, и только борьба с чужаками — скандинавами — придавала им некоторое осознание этого единства. Борьба с внешним врагом ускоряла формирование единой этнической идентичности, сопровождаясь политической централизацией страны и преодолением раздробленности с присущим последней локальным этническим самосознанием. При этом, однако, побеждённый противник сам становился элементом образующейся народности.

Следующая волна скандинавской колонизации Англии, начавшаяся в первые десятилетия XI в., была связана с новым всплеском внешнеполитической активности скандинавов, но уже на качественно новом уровне. После вступления на английский престол Этельреда II (978–1016) набеги викингов на Англию возобновились¹⁶. Завоевательные походы скандинавов конца X–XI вв. часто

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ В историографии бытуют противоречивые мнения о причинах и характере этого движения. Одни исследователи делают акцент на том, что во второй половине X в. процесс формирования ранней государственности в Скандинавии, сопровождавшийся усилением королевской власти, привел к перерастанию

принимали уже государственный масштаб и возглавлялись конунгами. Перерастание отдельных набегов викингов в полномасштабное завоевание Англии датскими конунгами Свейном Вилбородым и его сыном Кнудом Великим в ходе многолетних военных действий (1003–1016) было обусловлено рядом причин. Это и слабая власть английского короля Этельреда, прозванного «Нерешительным», и военная мощь молодого Датского государства, выкованная вышеупомянутыми королями-воинами, и неудачные для англосаксов стечения обстоятельств, таких, как природные бедствия, голод. Наконец, поводом к датской агрессии послужила так называемая «резня в день св. Брайса» (13 ноября 1002 г.)¹⁷, когда в целях предотвращения возможности поддержки викингов внутри страны король Этельред якобы повелел вырезать всех датчан, проживающих в Англии¹⁸. На деле, это событие имело локальный характер и являлось наказанием за государственную измену по отно-

обычных походов викингов, осуществлявшихся отдельными представителями знати, в централизованную военную экспансию под руководством королей (конунгов) с целью территориальных присоединений, что, в сущности, свойственно молодым государствам вообще. Другие историки заостряют внимание на том, что походы викингов в этот период осуществлялись зачастую как раз теми представителями скандинавского общества, которые боролись против централизации и сопровождавшей её насильственной христианизации. Эта позиция подтверждается скандинавскими источниками, изобилующими описаниями откровенного насилия по отношению к непокорному населению и знати со стороны скандинавских королей-христианизаторов — Харальда Синезубого в Дании, Олава Трюггвасона и Олава Святого в Норвегии. Проигравшие в этой борьбе вынуждены были бежать за море в поисках новых мест для проживания и средств к существованию, и неудивительно, что значительная часть этих изгнанников выбрала привычные занятия викингов — пиратство, наёмничество. В частности, многие из них нашли прибежище в портах герцогства Нормандии, откуда совершали набеги на Англию. Думается, истина лежит в совмещении обеих этих точек зрения. *Oman C. Op. cit. P. 560. Sawyer P. Kings & vikings: Scandinavia and Europe AD 700–1100. L., 1982. P. 147; Stafford P. Unification & conquest: a political and social history of England in the X & XIth centuries. L., 1989. P. 65, 117. The Anglo-Saxon Chronicle // English Historical Documents. Vol. 1 (далее — ASC // EHD). P. 216.*

¹⁷ Подробнее об этом событии см.: Горелов М. М. Исторический факт и историческая память: резня в день святого Брайса. // Диалог со временем. Вып. 10 (2003). С. 352-357.

¹⁸ ASC // EHD. P. 217.

шению к одному из магнатов скандинавского происхождения. В то время от трети до половины населения страны имело скандинавское и смешанное происхождение, в том числе на уровне высшей знати, поэтому подобная затея кажется фантастичной, неосуществимой, да и попросту ненужной, учитывая абсолютную лояльность скандинавского и англо-скандинавского населения короне.

Так или иначе, с победой датчан, возглавленных Кнудом Великим после смерти его отца Свейна Вилобородого (1014), Англия с 1017 г. стала частью полиэтничной северной державы Кнута, объединявшей также Данию и Норвегию и существовавшей до смерти Кнута в 1035 г. Вторая волна скандинавской колонизации отличалась от первой иным социальным составом. Она была по преимуществу военно-аристократической, включая прежде всего военную знать из числа соратников Кнута. Необходимо отметить, что почти вся армия, завоевавшая Англию, была по окончании военных действий демобилизована: получив вознаграждение в виде собранной по стране контрибуции, основная часть датской армии, состоявшая из отрядов отдельных предводителей, отбыла частично в Данию, частично — на службу к другим правителям и полководцам¹⁹. Армия, оставшаяся в непосредственном распоряжении Кнута, состояла из трехтысячного корпуса хускарлов — отборной королевской дружины, осуществлявшей, помимо военных, полицейско-административные функции, и флота в 40 кораблей с экипажами²⁰. В самой державе Кнута Англия заняла, по сути, центральное положение, будучи наиболее развитой её частью в экономическом и культурном отношении; традиции государственности, культуры, религиозной жизни в Англии были на несколько веков старше, чем в только что возникших скандинавских государствах.

Раннесредневековые государства с их неразвитым аппаратом управления основывались в значительной мере на личном авторитете и личных связях короля и прочих носителей власти, в том числе назначаемых им на места²¹. Таким образом, власть Кнута во многом зависела от налаживания отношений с элитой покорённой

¹⁹ *Lund N.* Cnut's Danish kingdom // *The reign of Cnut: king of England, Denmark and Norway* / Ed. by A. Rumble. Leicester, 1994. P. 30.

²⁰ *Oman C.* Op. cit. P. 588.

²¹ *Rumble A.* Introduction: Cnut in context // *The reign of Cnut...* P. 6.

страны. Первые шаги Кнута продемонстрировали такой курс внутренней политики, который на современный манер можно было бы назвать «национальным примирением». Ещё при вступлении на престол он, по сообщению Флоренса Вустерского, торжественно обещал «править по законам короля Эдгара», эпоху которого рассматривали тогда как своего рода образец процветания и могущества Англии²². В 1017 г. Кнут женился на вдове Этельреда Эмме Нормандской, тем самым подчёркнув преемственность своей власти с уэссекской династией²³. Кнут продемонстрировал намерение превратиться из завоевателя в защитника своего нового королевства, когда в том же 1018 г. разгромил эскадру викингов в 30 кораблей (не исключено, что своих бывших соратников), пиратствовавшую у английского побережья²⁴. Титмар Мерзебургский, упоминая об этом, восторженно замечает: «Тот, кто прежде был вместе с отцом (Свейном Вилобородым. — М. Г.) захватчиком и разорителем страны, теперь стал её единственным защитником»²⁵. Между прочим, Уильям Малмсберийский противопоставляет Свейна и Кнута: если первый, по его мнению, был не столько законным королём завоёванной страны, сколько «жестоким тираном», смерть которого была божьей милостью, то второй, наоборот, являлся образцом мудрого, справедливого государя, старавшегося во всём уравнивать англосаксов и датчан; причем последним, по словам хрониста, Кнут даже «меньше доверял власти», чем англосаксам²⁶.

В обнаруженном в 1019 г. «Послании короля Кнута к народу Англии» Кнут всячески подчёркивает равенство всех своих подданных перед богом, королём и законом независимо от этнической принадлежности — равенство как в правах, так и в обязанностях²⁷. В изданных сразу же вслед за этим «Законах короля Кнута» эта линия получает дальнейшее развитие. В прологе к ним говорится об

²² *Florence of Worcester*. The Chronicle of Florence of Worcester // EHD. Vol. 1. P. 286.

²³ *Encomium Emmae Reginae*. L., 1949. P. 33. (далее — EER).

²⁴ *Thietmar von Merseburg*. Chronicon // EHD. Vol. 1. P. 231.

²⁵ *Ibid.* P. 321.

²⁶ *William of Malmesbury*. Chronicle of The Kings of England. L., 1904. P. 306.

²⁷ Cnut's letter to the people of England // EHD. Vol. I. P. 415-416.

«общей христианской справедливости для всех», а сами законы всецело подтверждают эту идею, с одной стороны, гарантируя равные права и равную ответственность для англосаксов и датчан в делах, относящихся к компетенции короны (уголовные преступления, преступления против религии и нравственности), а, с другой стороны, демонстрируя известный либерализм в отношении местного, областного права (например, в Денло), особенности которого в отдельных вопросах (размеры вергельдов и т. п.) сохранялись и уважались законом²⁸. Последнее, вероятно, способствовало популярности нового монарха среди населения. Можно только гадать, какие эксцессы могли возникнуть в случае попытки Кнута унифицировать местные законы по датскому или даже уэссекскому образцу. Ведь местные особенности права были одним из существенных элементов локального самосознания, вдохновлявшего на борьбу с центральной властью во многих случаях.

Ещё более продуктивным в процессе осуществления политики «национального примирения» стало сотрудничество Кнута с церковью. Идея христианского единства всех подданных его многонациональной державы и устойчивая приверженность имиджу христианского монарха красной нитью проходят через всё правление Кнута. По его инициативе началась кампания по строительству и освящению монастырей, церквей, памятных сооружений в местах отгремевших битв англосаксов с датчанами, что сопровождалось пышными поминальными церемониями в память всех жертв войны, независимо от их этнической принадлежности²⁹. В частности, подобные действия с участием самого архиепископа Йоркского Вульфстана и многих других духовных и светских лиц высокого ранга сопровождали основание церкви на месте особо кровопролитной битвы при Эшингдоне (1016) в 1020 г.³⁰ Этот глубоко символический акт демонстрировал окончание англо-датской вражды. В 1023 г. состоялся перенос из Лондона в Кентербери мощей архиепископа Эльфги, убитого датчанами в 1012 г.; Кнут поддерживал и культ св. Эдмунда — короля Восточной Англии, погибшего от рук викингов ещё в IX в. и также почитавшегося англосаксами; на

²⁸ *Laws of Cnut* // EHD. Vol. 1. P. 419-431.

²⁹ *William of Malmesbury*. P. 306.

³⁰ *Ibidem*.

его мощах в 1032 г. Кнут основал монастырь³¹. Всё это тем более примечательно, если вспомнить, что, например, отец Кнута прославился довольно суровым обхождением с церквами и священнослужителями в землях, подвергавшихся его набегам, а архиепископ Эльфги был убит ни кем иным, как людьми Торкеля Высокого, принявшего активное участие в поминальных церемониях при основании церкви в Эшингдоне³². Подобное «христианское перерождение» завоевателей страны должно было произвести впечатление на новых подданных.

Вообще, источники в один голос говорят о наилучших отношениях Кнута с английской церковью, об огромных пожертвованиях в её пользу со стороны самого короля и его приближённых, больших земельных дарениях монастырям, зафиксированных соответствующими грамотами, о личном покровительстве Кнута многим монастырям, в том числе зарубежным³³. Последнее связано с его визитом в Рим в 1031 г. (на коронацию нового императора Священной Римской Империи Конрада)³⁴, в ходе которого Кнут пёлся уже, по всей видимости, об утверждении своей репутации христианнейшего монарха в общеевропейском масштабе, щедро раздавая милостыню, заботясь о паломниках, принимая покровительство над церквами и монастырями, в которых останавливался, в том числе в Сен-Бертене, где его мог лицезреть автор «Похвалы королеве Эмме»³⁵. Помимо пропагандистского эффекта, религиозное рвение Кнута имело и материальный результат — освобождение английской церкви от уплаты подати в пользу папской курии. Учитывая всё это, неудивительно, что Кнут состоял в наилучших личных отношениях со многими иерархами английской церкви³⁶.

Таким образом, сознавая своё положение монарха-иноземца в завоёванной стране, Кнут в полной мере использовал церковь, по-

³¹ *Florence of Worcester*. P. 287-288; *William of Malmesbury*. P. 306.

³² *Florence of Worcester*. P. 286.

³³ *William of Malmesbury*. P. 306; EER. P. 37; *Keynes S. Anglo-Saxon charters*. P. 158, 168, 218; *Lawson M. Cnut: the Danes in England...* Appendix II. P. 233-235.

³⁴ *Lund N. Cnut's Danish kingdom // The reign of Cnut...* P. 41.

³⁵ EER. P. 37.

³⁶ *Florence of Worcester // EHD*. P. 287; EER. P. 35.

кровительство ей и получая взамен идеологическую поддержку с её стороны. Практическое применение известного христианского постулата о том, что «нет ни эллина, ни иудея», в деле национального примирения между победителями и побеждёнными имело огромный положительный эффект: ничего похожего на то яростное сопротивление, которое англосаксы оказали во второй половине столетия Вильгельму Завоевателю, в царствование Кнута не происходило.

Причины этого следует искать также и в политике Кнута по отношению к светской знати, элите завоёванной страны. Здесь материальные аспекты имели, пожалуй, еще большее значение, поскольку военная элита «мира викингов», как, впрочем, и рыцарство феодальной Европы, была в известной мере космополитичной, легко переходя с одной стороны на другую и меняя вождей, с которыми была связана узами личной договоренности. Вместе с тем, усложнился и этнический аспект: английская элита ещё с IX–X вв. стала в значительной мере англо-скандинавской, благодаря процессам ассимиляции первой большой волны норманнов, осевших на Британских островах в ходе военно-колониационного движения. В результате завоевания Англии Кнутом эту волну, уже улёгшуюся, сменила новая — те, кто пришёл вместе с Кнутом.

Основным источником, позволяющим судить о масштабах проникновения пришлой знати в структуру англосаксонского общества, являются грамоты о земельных пожалованиях короны в адрес этой знати. Имена их адресатов и списки свидетелей данных процедур позволяют определить их этническую принадлежность и место в иерархии английской знати. Легче всего прослеживается ситуация в среде высшей знати — эрлов (именно при Кнуде скандинавизм «эрл» — вариант слова «ярл» — вытеснил прежний англосаксонский термин «элдормен»³⁷). Об эрлах сохранились обширные сведения и в нарративных источниках. Следует отметить существенную эволюцию статуса эрла (элдормена) на протяжении X – первой половины XI в. Прежде элдормен был главой военно-административной власти в отдельно взятом графстве, реже — в двух-трёх графствах, то есть, по сути, соответствовал статусу континентального графа. Но в ходе войн уэссекских королей за присоеди-

³⁷ *Oman C.* Op. cit. P. 586; *Finberg H.* The formation of England, 550–1042. St. Albans, 1977. P. 167.

нение Области Датского права постепенно сложилась практика укрупнения эрлств до размеров нескольких графств с целью концентрации в одних руках более крупных воинских контингентов для ведения масштабных операций³⁸. К XI в., таким образом, эрлства разрослись уже до таких масштабов, что порой включали в себя целые исторические области страны, некогда бывшие варварскими королевствами. Кнут, завоевав Англию, ничего не стал менять в её административно-территориальном делении. Зато, поскольку управление раннесредневековыми государствами, как уже отмечалось выше, основывалось фактически целиком на персональных назначениях и личных связях монарха с должностными лицами, Кнут с самого момента восшествия на престол стал осуществлять, выражаясь современным языком, кадровые перестановки в среде эрлов, неоднократно повторявшиеся затем на протяжении его царствования, хотя и не в таких масштабах, какой они приобрели в 1018–1021 гг.

Первой жертвой этих «чисток» стал Эдрик Стреона — эрл Мерсии, «прославившийся» многочисленными фактами предательства в годы англо-датских войн и неоднократно переходивший со стороны на сторону: в 1018 г. он был демонстративно убит (фактически, казнён) во дворце Кнута, в присутствии короля и его приближённых, а тело его — с позором выброшено за городские стены³⁹. Это было сделано в назидание всем присутствовавшим; для этики военной знати раннего Средневековья, основывавшейся на личной преданности вождю, были важнее не практические результаты предательских действий Стреоны (как раз выгодных датчанам), а факт измены сюзерену, свидетельствующий о моральной неблагонадёжности вассала и, соответственно, невозможности на него положиться. Схожая участь постигла и эрла Нортумбрии Утреда, также занимавшего в годы войны двойственную позицию. Были подвергнуты репрессиям или отправлены в изгнание бывший эрл большей части Уэссекса Этельверд, новый эрл Мерсии Леофвин, ряд других магнатов, неблагонадёжных с точки зрения новой власти. Страна в целом подразделялась теперь всего на 4 эрлства: Нортум-

³⁸ Sawyer P. From Roman Britain to Norman England. L., 1978. P. 130; Finberg H. Op. cit. P. 167.

³⁹ EER. P. 31, 33; ASC // EHD. P. 227; Florence of Worcester // EHD. P. 284.

брию, Мерсию, Восточную Англию и Уэссекс. Последний Кнут взял под своё непосредственное управление как важнейшую в экономическом и стратегическом отношениях часть страны, а эрлами остальных областей стали скандинавские магнаты из его окружения: в Нортумбрии — норвежец Эрик, шурина Кнута, а с 1033 г. — англо-дан Сивард; в Восточной Англии — Торкель Высокий; в Мерсии — норвежец Хакон. В начале 1020-х гг. в отдельные эрлства были выделены уязвимые в военном отношении пограничные районы: Глостер и Херефорд на уэльской границе и приморский Кент. Эрлами первых двух стали даны Эглав и Раниг (оба — активные участники завоевания Англии), а второго — англосакс Сиред⁴⁰.

Однако, если на первом этапе правления Кнута в среде высшей светской знати наблюдалось преобладание скандинавов, притом из числа новоприбывших, то вскоре ситуация стала меняться в пользу англосаксов. Постоянные новые кадровые перетряски выдвинули англосаксов на должности крупнейших эрлов: Годвина — в эрлы Уэссекса (с 1020 г.), Леофрика — в эрлы Мерсии (с 1028 г.). Оба этих магната являлись наследниками могущественных аристократических фамилий, заняли при дворе видное место и, в конечном счёте, превратились практически в наследственных герцогов, вместе с Сивардом определявших внутреннюю политику королевского двора после смерти Кнута (1035) и на протяжении всего правления Эдуарда Исповедника (1042–1066)⁴¹. Королевский двор к 1030-м гг., как отмечает П. Стаффорд, стал англосаксонским по своему составу⁴².

Завоевание Англии Кнутом не сопровождалось конфискацией земель у англосаксов и раздачей их датским воинам. Последние служили либо за вознаграждение в виде ценной добычи и денег, как армия, распущенная Кнутом в 1018 г., либо на основе кодекса

⁴⁰ ASC // EHD. P. 225, 227-228; *Florence of Worcester* // EHD. P. 284; *Keynes S. Cnut's earls // The reign of Cnut...* P. 49-65.

⁴¹ *Oman C. Op. cit.* P. 613. Непомёрный рост влияния этих людей можно отнести, в принципе, к упущению Кнута в политике кадровых назначений, ведь его «чистки» и перестановки имели целью предотвратить появление конкурентов из среды высшей знати, укрепление королевского единовластия. (*Lawson M. K. Op. cit.* P. 215).

⁴² *Stafford P. Op. cit.* P. 74.

личной преданности королю, в сочетании с соответствующим жалованьем, как хускарлы (личная дружина короля), либо просто за деньги в качестве наёмников, как экипажи боевых кораблей⁴³. Впрочем, современные исследования в области локальной истории, археологии, генеалогии показывают, что раздача земель датчанам всё же имела место; но, во-первых, процент датчан, получивших свои земли при Кнute, был ничтожно мал, а, во-вторых, это были по преимуществу ранее пустовавшие земли, поэтому ущемления интересов англосаксонских владельцев при этом не происходило; особенно много датчан было поселено на границе с Уэльсом, вероятно, с целью укрепления её обороны⁴⁴. Анализ грамот эпохи Кнута показал, что из 110 встречающихся в них имён тэнов лишь 40 — скандинавские, причём из них ещё значительную часть составляют имена людей англо-скандинавского происхождения — коренных уроженцев Англии, чьи предки поселились здесь задолго до Кнута⁴⁵. Таким образом, поскольку в процессе оседания новой волны пришедшей скандинавской знати в Англии имущественного ущерба для англосаксов не возникало, отсутствовал и один из важнейших поводов к сопротивлению пришельцам.

В целом, можно констатировать, что внутренняя политика Кнута по отношению к знати всех рангов была направлена на скорейшее стирание межэтнических противоречий, комплекса враждебности между победителями и побеждёнными. Лояльность знати по отношению к короне, а не этническая принадлежность имела для Кнута приоритетное значение. Внутренняя политика Кнута была направлена на превращение Англии в политический, культурный и религиозный центр его обширной державы, на стимуляцию процессов этнокультурной ассимиляции между скандинавами и англосаксами, на формирование естественным путём смешанной англо-датской элиты, преданной новому монарху (или, по крайней мере, должной быть таковой). Процессы эти пошли действительно плодотворно; исследования в области локальной истории, топонимики свидетельствуют

⁴³ Hollister C. W. Anglo-Saxon military institutions on the eve of the Norman Conquest. Oxford, 1962. P. 12, 18; Hooper N. Military developments in the reign of Cnut // The reign of Cnut... P. 90, 94, 99.

⁴⁴ Lawson M. Op. cit. P. 165, 167-170.

⁴⁵ Keynes S. Cnut's earls // The reign of Cnut... P. 79.

об интенсивной англо-скандинавской ассимиляции на разных социальных уровнях. У пришлых скандинавов вошло в обычай давать своим детям англосаксонские имена, что, бесспорно, было прямым следствием смешанных браков: так, например, один из сподвижников Кнута Тофи Гордый назвал сына Этельстаном⁴⁶.

Процесс англо-скандинавской ассимиляции облегчался тем, что в XI в. норманны в большинстве своём уже не были язычниками, как во времена их первых завоеваний в Англии в IX в. Если, повествуя о событиях IX–X вв., англосаксонские хронисты постоянно называют скандинавов «язычниками», то в рассматриваемый период этот эпитет уже практически не встречается. После взятия Кнудом курса на приоритет христианских ценностей в качестве идеологического фундамента, скрепляющего его полиэтничную империю, конфессиональные противоречия между скандинавами и англосаксами окончательно ушли в прошлое. Всё это, конечно, не означает, что этнические различия между англосаксами и поселявшимися в стране скандинавами стёрлись абсолютно. Так, например, повествуя о восшествии на престол Хардакнута (сына Кнута) в 1040 г., Уильям Малмсберийский указывает, что его «согласно выбрали англы и даны»⁴⁷. Этнокультурные особенности и традиции сохранялись у скандинавов в Англии, вероятно, ещё на протяжении жизни многих поколений. Однако проблема собственно межэтнического противостояния исчезла. Хотя сама Империя Кнута распалась вскоре после его смерти, а в Англии в 1042 г. снова пришла к власти уэссекская династия в лице Эдуарда Исповедника, именно в Англии этническая политика Кнута достигла наиболее видимого успеха. Последующий период английской истории перед нормандским завоеванием (1042–1066) характеризовался распрями между локальными аристократическими группировками во главе с крупными эрлами, которые включали в свой состав и англосаксов, и скандинавов, и англо-данов, а также появлением нового — нормандского — фактора в политической истории страны, но никак не англо-скандинавской враждой.

⁴⁶ Ibid. P. 319-320; *Lawson M.* Op. cit. P. 167.

⁴⁷ *William of Malmesbury.* *Gesta regum Anglorum.* Vaduz, 1964. Vol. 1. P. 319.

П. П. ШКАРЕНКОВ

“VARIAE” КАССИОДОРА — ПАМЯТНИК ПЕРЕХОДНОЙ ЭПОХИ

Флавий Кассиодор — крупнейший писатель и политический деятель рубежа поздней античности и раннего средневековья. Созданный им сборник писем и государственных актов “*Variae*” завершают в латинской литературе долгую традицию, начатую письмами Плиния Младшего. Вобрав в себя духовный опыт многих поколений, заключив его в совершенную литературную форму, “*Variae*” Кассиодора надолго определили восприятие образа и роли античного наследия в дальнейшие эпохи. “*Variae*” — уникальный памятник, являющийся одновременно и литературным произведением, и сборником государственных документов — представляют собой ценнейший источник по истории Остготского королевства в первой трети VI века, и в первую очередь по истории позднеимперской государственной традиции. При этом изящество стиля Кассиодор считал чуть ли не важнейшим элементом официальной переписки. Эта элегантность достигалась автором виртуозным владением приемами и правилами риторического искусства¹. Римская империя не только продолжала оставаться для Кассиодора реальным политическим строем реального государства (ибо Остготское королевство воспринималось им как естественное продолжение Западной Римской империи), но, более того, под его пером она приобретала черты идеального, эталонного, не подвластного силе времени государственного устройства. Конечно, риторический образ вступал в противоречие с исторической действительностью, и именно поэтому в дальнейшей традиции “*Variae*” Кассиодора нередко воспринимались как оторванная от жизни, бессодержательная утопия, а сам Кассиодор считался наивным или лукавым (в зависимости от мнения исследователя), напыщенным и многословным ритором. Чтобы попытаться приблизиться к пониманию замысла Кассиодора, побудившего его создать “*Variae*”, нужно увидеть те многочисленные и сложные отношения, которыми соединяется образ, творимый Кассиодором, с исторической реальностью.

Все стилевые и языковые особенности поздней риторики указывают, кажется, в одном направлении: на уход конкретного человека на задний план, на замещение отдельного индивидуума его образом, идеальным образцом, основанном на тщательном исполнении своей роли, ориентированной на норму, в основном социальную. Индивиды — прежде всего носители определенных качеств, которые в институционализированном, упорядоченном мире представляются статичными и неизменными, достойными внимания были не индивидуальные черты, а необходимые атрибуты.

Говоря о судьбе классической культуры на Западе в раннем средневековье, Э. Ауэрбах отмечает: “Начиналась эпоха, которой суждено было долго продлиться, когда высшие слои общества не обладали ни образованием, ни книгами, ни даже языком, на котором бы они могли описать культурную ситуацию, сложившуюся в реальных жизненных условиях. Был усвоенный в процессе обучения язык, ... но это был язык общей культуры”².

I. *Variae* I, 35, 2 – 4.

(А) Мы чрезвычайно обеспокоены тем обстоятельством, что зерно, которое еще летом должно было быть доставлено вашим чиновником с берегов Калабрии и Апулии, не дошло до нас даже с наступлением осени, когда с переходом солнца в южные созвездия начинает меняться погода, и в воздухе вновь зарождаются свирепые бури; даже сами названия месяцев дают нам понять это, особенно с тех пор, как они носят имена приближающихся дождей. (В) Чем же вызвана подобная задержка, если даже в такую спокойную погоду быстрые корабли так и не отправились в путь, несмотря на то, что ясное расположение немеркнущих звезд приглашает побыстрее распустить паруса, и чистота безоблачного неба не может внушить страх тем, кому надо спешить? (С) Или, возможно, при попутном южном ветре и при дополнительной помощи весел укус чудовищной рыбы остановил бег кораблей по прозрачным волнам? Или приплывший из Индийского моря моллюск с такой же силой вцепился своими губами в киль кораблей: говорят, что в их легком прикосновении достаточно мощи, чтобы одолеть напор бушующих стихий. Стоит обездвиженный корабль, окрыленный раздутыми парусами, и, хотя дует попутный ветер, не может продолжить свой бег. Его не

держат ни якоря, ни канаты, но эти маленькие морские создания сводят на нет все попытки тронуться с места, несмотря на благоприятные для отправления обстоятельства. И вот, хотя волны внизу торопят корабль в дорогу, тем не менее, факт остается фактом, на глади моря неподвижно стоят корабли и непостижимым образом не могут отправиться в путь, качаясь на бесчисленных набегающих волнах. (D) Но мы можем указать еще одну породу рыб. Возможно, что матросы вышеупомянутых кораблей надолго оцепенели из-за прикосновения ската, так парализовавшего руки моряков через те же самые копы, которыми ему были нанесены раны, что часть живой субстанции потеряла все ощущения и стала онемевшей и обездвиженной. (E) Я верю, что нечто подобное может случиться с тем, кто не в состоянии пошевелиться. Но мешающая им чудовищная рыба — это их продажность; укус моллюска — их ненасытная жадность, а скат — повод для мошенничества. Они сами из корыстных побуждений выдумывают различные предлоги для задержки, создавая впечатление, будто бы виной тому неблагоприятные обстоятельства. (F) Таким образом, Твоему Могушеству, в чью компетенцию входит думать о подобных вещах, следует скорейшим образом исправить ситуацию, дабы не казалось, что нехватка зерна происходит скорее из-за преступной небрежности, чем из-за неурожая.

* * *

Приведенное выше послание направлено одному из наиболее могущественных чиновников правительства Теодориха, Фаусту, в его бытность префектом претория. Он же является адресатом еще нескольких писем в “*Variae*”, также содержащих многочисленные отступления³. Этот Фауст с большой долей вероятности может быть идентифицирован с родственником и близким другом Эннодия, консулом 490 г. Фаустом, деятельным участником многих придворных интриг и столпом староримской аристократии, оказывавшим огромное влияние на государственные дела⁴.

Рассматриваемое нами письмо затрагивает в высшей степени щекотливую (хотя и не такую уж редкую) ситуацию: один из знатнейших представителей римской аристократии, один из самых высокопоставленных чиновников получает от короля персональный выговор, в лучшем случае, за вопиющую халатность и нерасторопность, а в худшем — за воровство и коррупцию. Из дру-

гих писем в “*Variae*” видно, что Фауст не на лучшем счету у короля. Он оказывается замешанным в разного рода финансовых махинациях и даже в заговоре против поддерживаемого королем папы Симмаха⁵. Будучи выразителем мнения монарха, Кассиодор при написании данного письма находился в довольно сложном положении. Он должен был резко отчитать одного из могущественнейших сенаторов, но при этом не выйти за рамки *civilitas*; довести до Фауста королевскую волю, но сделать это, сохраняя безупречную, стилистически отточенную этикетную форму. С поставленной задачей Кассиодор блестяще справился. Выбранное им решение великолепно и по замыслу, и по исполнению. Начатое как типичное ученое послание, по мере продвижения к формулировке обвинения против Фауста оно все более и более пропитывается злым, а под конец даже издевательским сарказмом, однако все же демонстрирует эрудированность автора и его риторическую выучку, наглядно иллюстрирует тезис автора о том, что никакие обстоятельства не могут вынудить истинно культурного человека нарушить предписания высокой культуры.

В заключительной части другого послания из “*Variae*”, адресованного двум придворным, которые должны были надзирать за расходованием денег, отпущенных королем на строительные работы в Риме, содержится интересное отступление:

«... Вы... которые должны были посылать нам наиболее правдивые доклады, ибо именно вы, выбранные нами для справедливого рассмотрения этого дела, обязаны были оправдать наше высокое доверие и мнение о вас. Мы полагаем, что наша щедрость не должна была обмануть никого, но раз уж это произошло, то в данном случае мы считаем, что виновный обязан компенсировать потери из собственных средств. Даже птицы, странствующие в небесах, любят свои гнезда; даже дикие звери, обитающие вокруг нас, спешат в свои лесные логова; счастливы рыбы, пронизывающие водные просторы, когда им удается найти собственные заливчики и бухточки. Все животные мечтают иметь постоянную обитель в том месте, где они могут найти приют и убежище. Что же можем мы сказать о Риме, который обязаны любить больше собственных детей!»⁶.

Поводом для написания письма послужило расследование, проведенное по подозрению в растрате казенных средств, отпущенных на строительство общественных зданий в Риме. Надзирающие над ходом работ сенаторы оказались виновными в хищениях, и одна из

фраз письма — “... считаем, что виновный обязан компенсировать потери из собственных средств” — может быть проинтерпретирована как угроза солидного штрафа. Тем не менее, несмотря на серьезность обвинения, Кассиодор смягчает общий тон письма изящным экскурсом о нравах зверей и птиц и о той любви, которую те испытывают к своим жилищам⁷.

Подобные отступления — это не только приятная возможность для Кассиодора продемонстрировать свою образованность и литературный талант, они еще и важный инструмент его государственной деятельности, его обязанностей как рупора официальной пропаганды остготского режима⁸. Древний престиж, почитание, почетные должности, сохранившийся авторитет, которыми продолжали пользоваться римские сенаторы, приводили к тому, что одной из важнейших задач квестора дворца, на выполнение которой уходила уйма времени и сил, было поддержание нормальных, даже, по возможности, теплых и гармоничных отношений между королевской администрацией и римским сенатом.

Отметим также и совершенно нетипичную для литературы поздней античности склонность Кассиодора к изображению экзотических морских тварей (“*Variae*” содержат в себе целую коллекцию подобных описаний) и вполне обычную любовь к парадоксам, к дикувинным картинам, например, корабль, которому мешают двинуться с места тысячи крошечных моллюсков (C—D). Здесь, как и в VII, 7 (см. ниже № 5), мы наблюдаем полный отказ от принципа словесной экономии, свойственного римской литературе классического периода (и даже некоторым письмам Симмаха), в пользу многословия, пышной, почти барочной манеры изложения (отметим особенно раздел D: “... tantum... ut... ita... quatenus...” — целая цепочка нанизанных друг на друга конструкций, столь типичная для позднеримских декретов).

II. *Variae* II, 15, 4.

... он так хорошо проявил себя, что даже его неизвестное потомство будет избранным. Однако среди выдающихся достоинств твоего рода, который является истинным украшением славнейшей аристократии, ты и не нуждаешься в одобрении твоих заслуг. Ибо литературные занятия, которые сами по себе достойны всевозможных по-

честей, продолжают тобой, усердный исследователь, прибавивший к заслугам своей семьи талант прекрасного оратора...

* * *

В выше приведенной выдержке вряд ли можно найти хотя бы одно слово, не встречающееся в классической латыни. Неклассическим, скорее, является само построение данного фрагмента, выразившееся в концентрации абстрактных существительных (особенно частое употребление сочетаний именительного и родительного падежей), что делает этот отрывок типичным для позднеантичной словесности.

Такие слова, как *decus* и *ornamenta*, которые легко могут быть использованы для описания драгоценностей, или *merita* и *claritas generis*, с которыми подобная символика также легко соотносима, еще раз подтверждают, насколько важную роль играла символика драгоценных камней в описании, упорядочении и постижении реального мира. Уже высказывалось предположение, что данная стилистическая традиция, тяготеющая к символам и аллегориям, идеальным типам и формальной атрибутике, напрямую связана с чрезвычайной популярностью в поздней античности драгоценных камней и изделий из них.

Что же касается приведенного отрывка, то следует еще обратить внимание на словосочетание *sedulus perscrutator* (“усердный исследователь”), не очень характерное для классической эпохи, которая, скорее всего, предпочла бы причастную конструкцию (“усердно исследующий”).

III. *Variae* II, 16, 1 – 2.

Предмет наших занятий — дать вознаграждение достойной цели и побудить плодом бесконечной благосклонности одаренных людей к лучшему. Ведь добродетели вскармливаются примерами достойных наград, и нет никого, кто не стремился бы достичь вершин совершенства, поскольку не остается без вознаграждения то деяние, которое действительно достойно похвалы по свидетельству совести. Поэтому мы назначаем светлейшего Венанция, который блистает как своими собственными, так и отчими заслугами, на незанятый ныне пост комита domestikов (*comes domesticorum*), дабы природный

блеск его происхождения, возвеличивался дарованными ему почестями...

* * *

Письмо начинается с типичной для документов подобного рода преамбулы, примеры которой мы находим уже в Кодексе Феодосия, где наиболее объемно представлены официальные декреты и формулы начиная со времени Константина Великого и до императора Феодосия II. Первые два предложения, говорящие по существу об одном и том же, создают монументальную, но в то же время пафосную и нарочитую картину безудержных восхвалений, формируя общий тон письма. Концентрация абстрактных существительных в этом небольшом отрывке носит явно барочный характер. Это видно и по положению существительных в периоде, и в конструкциях с прилагательными и причастиями, и в склонности разграничивать между собой эти нагромождения обособленных оборотов порядком слов. Особенно примечательны в этом отношении следующие парафразы: *fructu impensae benignitatis* и *remunerationem conferre*. При этом вторая, очевидно, употребляется только потому, что кажется автору более торжественной, чем простой инфинитив *remunerare*.

Оборотами *meritis elucentem*, *natalium splendor* и др. создаются по сути дела зрительные, визуальные образы подобно описанию тех роскошных одежд, которые в соответствии со своим происхождением и общественным положением подобает носить Венанцию. В эту эпоху различные внешние атрибуты, отличительные знаки, свидетельствовавшие о высоком положении в обществе и государстве, кажутся гораздо более реальными, чем люди, ими обладавшие. Предметом описания является не конкретный человек в конкретной ситуации, а тип, не сложная совокупность противоречивых качеств, а персонификация того или иного свойства — добродетели или порока.

IV. *Variae* III, 48, 2 – 5.

(А) Итак, в середине равнины лежит скалистый холм округлой формы, с высокими голыми склонами, на которых нет ни деревца. Этот холм представляет собой некое подобие одиноко стоящей башни с основанием более узким, чем ее вершина, расходящаяся в разные стороны и нависающая над основанием, как мягкая шляпка гри-

ба нависает над его ножкой. Естественный вал, которому не страшны никакие атаки, крепость, в которой можно переждать любую осаду, где врагу никогда не добиться успеха, а осажденному не надо ничего бояться. Там славный среди рек Атес несет мимо него свои чистые воды, являя собой прекрасное единение красоты и защиты. Крепость, чуть ли не единственная во всем мире, запирающая ворота провинции и потому тем более важная, что стоит на пути диких орд. (В) Кто не мечтал бы, наслаждаясь полной безопасностью, жить в этой идеальной крепости, которую даже иностранцы посещали бы с удовольствием? И хотя... мы полагаем, что в наши дни провинции не угрожает никакая опасность, тем не менее благоразумный человек должен быть готов даже к тому, что в данный момент нельзя предвидеть. (С) Даже чайки, водяные птицы, живущие рядом с рыбами, предвидя грядущие бури, покидают морские просторы и, сообразно с законом природы, стремятся на берег. Боящиеся бурного моря дельфины стараются остаться на изобилующем отмелями взморье. Морские ежи — со сладким, как мед, бескостным мясом, изысканный деликатес обильного моря — как только предчувствуют приближение шторма, крепко хватаются за камни и, используя их в качестве якорей и балласта, направляются к утесам, которые, как они полагают, защитят их от ярости волн. Даже птицы с приближением зимы покидают родные места. Дикие звери ищут себе логова, сообразуясь с временем года. Так разве не должны и люди предусмотрительно заботиться о том, что может им понадобиться в несчастье? Нет ничего постоянного в этом мире: жизнь человека и дела его подвержены превратностям судьбы. Затем и говорится о предусмотрительности, чтобы подготовиться к тому, что может готовить будущее.

* * *

В этом отрывке перед нами предстает изысканное описание холма, в котором подчеркивается как необычность его формы, так и его красота и местоположение. Удачное расположение передается посредством краткого изложения, напоминающего статью из туристического путеводителя, с использованием большого количества абстрактных существительных (*rotunditate... obsessio... puritate... muniminis et decoris... munimen... securitatem...*). Затем следует сдержанное замечание о его стратегическом значении и о целесообразно-

сти постоянной военной готовности, которое непринужденно переходит в пространное рассуждение о повадках диких животных, как если бы угрозы с севера не существовало вовсе, и она не могла в один момент изменить все положение дел в провинции. Этот заключительный раздел полон "эпикурейской" латыни, которая очень витиевата, напыщенна и цветиста: "cohabitatores piscium, aquatiles volucres... mella carnalia, costatilis teneritudo, croceae deliciae divitis maris"⁹ — парадоксальная вереница мало совместимых по значению слов, что является типичной чертой как "Variae"¹⁰, так и поздней риторики в целом. При помощи этого лексического и стилистического приема весь тон повествования становится легким, уравновешенным и непринужденным. Истинная причина написания декрета — необходимость налаживания обороны провинции перед лицом грозящего с севера вторжения — затушевывается, отходит на второй план, становится как бы второстепенной. Рассмотренный нами пример не единичен, в "Variae" мы находим десятки подобных декретов, создающих единое полотно, изображающее государство Теодориха безопасным, благополучным и процветающим, управляемым мудрым и честным правительством. От начала и до конца декрет дедраматизирует те обстоятельства, которые послужили реальной причиной его издания и — как везде в "Variae" — создает образ идеального государства, отвлекая внимание от нависшей над ним угрозы¹¹.

V. *Variae*, IV, 2, 1 – 2.

Стать сыном благодаря доблести оружия считается среди всех народов высшей наградой, потому что только тот, кто достоин считаться храбрейшим из людей, заслуживает усыновления. В наших отпрысках мы часто разочаровываемся, но те сыновья, которых мы выбрали по собственному решению, не знают трусости. Ибо они пользуются нашей благосклонностью не по воле природы, но исключительно по заслугам; не связанные с нами кровными узами, они удерживаются узами души, и в этих связях заключена столь могучая сила, что они скорее предпочли бы умереть сами, чем какое-нибудь несчастье приключилось бы с их отцами. Итак, в соответствии с обычаями народов и с твоим мужественным поведением мы настоящим милостивым актом делаем тебя нашим сыном, так что ты, чья воинская доблесть признана, оказываешься надлежащим образом

рожденным по оружию... мы даруем тебе это наше решение, которое является во всех отношениях надежнейшим. Ведь ты будешь теперь занимать высочайшее положение среди народов, ибо отмечен выбором Теодориха...

* * *

Это письмо, адресованное королю герулов, приводится здесь потому, что оно является ярким примером заметной особенности позднелатинского литературного языка в целом и “*Vagiae*” в частности. Речь идет о частой повторяемости пассивных форм глаголов *dicendi, putandi, consciendi* и т.п. И, несмотря на то что их употребление иногда объясняется исключительно стилистическими соображениями, особенно когда это касается *clausulae* (т.е. заключительной части произведения, эффектной концовки, особенно тщательно отделанной в стилистическом и звуковом отношении), они, тем не менее, изменяют и общий тон текста, представляя так, будто действия и события происходят с учетом мнения воображаемой аудитории.

Таким способом Симмах Старший, являясь принцем сената, выражал от его имени неудовольствие императору в связи с тем, что сенаторы были обязаны делать денежные подношения: “нам пришлось приложить немало усилий, чтобы не создалось впечатление (*ne... videamur*), что наши возможности стали более скромными, чем прежде”¹².

Чаще пассивные формы глаголов встречаются в менее официальных контекстах, например в эпистолографии. Тот же самый Симмах, объясняя в письме влиятельному придворному чиновнику, почему он не сообщил ему о смерти одного из сенаторов, оправдывает свой поступок следующими словами: “*Metui tibi... laetus videri*” (“Я боялся, что тебе покажется, будто я обрадован”)¹³.

Яростный обличитель социальных язв и общественных пороков Сальвиан заявлял, что он не желает восхвалять добродетельных людей, называя их поименно, “из страха, что я окажусь не столько хвалящим добродетель, конкретно указывая на ее приверженцев, сколько оповещающим о тех, кого я не упоминаю”¹⁴.

Рассмотренные выше случаи употребления глагола “*videri*” в смысле “казаться, что”, “производить впечатление, что” широко распространены и в эпистолографии у авторов классического периода,

таких, как Цицерон, Сенека, Плиний и даже Тацит. В качестве гипотезы можно выдвинуть предположение, что разница в употреблении этой формы между классической эпохой и поздней античностью прежде всего количественная: в текстах позднего периода глагол *videri* встречается гораздо чаще¹⁵. Впрочем, это только предположение, которое должно быть доказано или опровергнуто дальнейшими исследованиями.

Исследование языка и стиля “*Variae*” может помочь проникнуть в интеллектуальный и духовный климат эпохи Кассиодора, разглядеть в нем ростки нового, зарождающегося мира, складывание новой культурной парадигмы, для которой риторика “предлагала” общие места, канонические формулы и готовые штампы. При этом авторская индивидуальность растворяется во всеобщем, частное, индивидуальное тонет в обилии общих мест, автор высказывает не собственное мнение, а объективное суждение, имеющее статический и априорно-моралистический характер, оно соотнесено с конкретной ситуацией, но и абсолютно значимо само по себе. Вместе с тем, «за типичностью “Варий” все время чувствуется сильная рука их автора, а не просто редактора-составителя... Кассиодор сознательно убрал все, что могло нарушить картину жизни Остготского королевства, которую ему хотелось представить гармоничной и законченной»¹⁶. И здесь историческая реальность, то, о чем не упоминается в “*Variae*”, то, что выбивается из идеальной, вневременной картины, созданной Кассиодором, вынуждает стиль меняться и приспосабливаться к содержанию. Лексика становится манерной, нарочитой и избыточной, предложения искусственно усложняются, классическая сдержанность переходит в вычурную пышность, везде заметно стремление автора нарисовать монументальное, лишённое движения и развития полотно. Причина этого, по-видимому, в позиции, которую вынужден занимать автор, стремящийся всеми силами сдержать развал и сохранить культуру, которой грозят и внешние враги и внутренний распад, дать эталонный образец эпохи — не такой, какой она была, а такой, какой она должна была бы быть¹⁷.

VI. *Variae* V, 2, 2 – 3.

... Мы сообщаем вам, что янтарь был принят с благодарностью... Ваши люди подробно доложили, как эта легчайшая субстанция при-

носится к вам морскими волнами, падающими на ваши берега. Но они также заявили, что вы не имеете представления о происхождении этого камня, который вы на вашей родине получаете прежде всех других людей. Мы знаем из сочинения некоего Корнелия, что на расположенных далеко в Океане островах из деревьев вытекает сок — отсюда и название “*sucinum*” — и постепенно застывает на жарком солнце. Таким образом, получается текучий металл, прозрачная мягкость, то краснеющая цветом шафрана, то наливающаяся огненной яркостью, чтобы затем, когда она будет смыта в сопредельное море, очистившись в сменяющих друг друга волнах, оказаться выброшенной на ваши берега. Мы сочли необходимым проинформировать вас об этом, чтобы вы не предполагали, что у нас отсутствуют знания о том, что вы считаете своим секретом... .

* * *

Этии, вождю которых адресовано это письмо, населяли земли, впоследствии названные Эстонией. Из письма мы знаем, что до прибытия посольства (из-за территориальной удаленности этих племен) никаких официальных контактов с ними у правительства Теодориха не было. Не будет слишком смелым предположить, что там никто не был в состоянии, за исключением, возможно, приезжающих купцов, читать даже самую простую латынь, не говоря уже о языке Кассиодора¹⁸. Тем более бессмысленной в данной ситуации кажется демонстрация автором своей учености, выразившаяся в упоминании Корнелия Тацита и цитировании приводимых им сведений о янтаре¹⁹. Возможно, конечно, Кассиодор пытался использовать тот мистический трепет, который обычно испытывают примитивные народы перед написанным словом²⁰.

В изысканном и несколько растянутом описании янтара мы встречаемся с воплощением уже хорошо известного эстетического принципа. Яркий свет, кажется, заполняет все пространство своим желтовато-красным и огненным блеском. Нельзя не признать, что использование для описания янтара таких вычурных выражений, как *sudatile metallum*, *teneritudo perspicua* и т. п., вполне оправдано. Тем не менее в литературной латыни позднего периода использование различных образов небесных светил, а также драгоценных камней и металлов — черта характерная, даже всепроникающая. Этот факт

позволяет высказать предположение, что увлечение подобной образностью и пышный, патетичный, изысканный язык, столь свойственный авторам этого периода, являются, по сути дела, двумя аспектами одного феномена.

В позднеантичной литературе символика драгоценных камней и металлов была столь же популярной, как и символика небесных светил. Это увлечение драгоценными металлами вполне понятно, особенно золотом, принимая во внимание весь комплекс символических ассоциаций с солнцем²¹. Драгоценные камни с их яркостью, прозрачностью, внутренней гармонией и совершенством были идеальными символами сложившегося миропорядка и на Западе, и в жестко структурированном теократическом обществе Византии. С помощью подобной символики ранние христиане постигали различные уровни духовной иерархии²². Хорошо известно, какой необычайной популярностью пользовались в поздней античности ювелирные изделия из драгоценных камней²³, но как литературные символические образы они были распространены еще больше. Отзываясь о каком-то сочинении своего друга, Сидоний Аполлинарий среди прочих комплиментов, на которые он не скупится, следующим образом характеризует стиль произведения: "...он как твердая поверхность кристалла горного хрусталя или оникса, когда по нему скользит палец..."²⁴. Образы драгоценных камней также встречаются и в различного рода эпиграммах и эпитафиях. Так, когда некий сенатор потерял одного из своих сыновей, он обращается к умершему со следующими словами: "ты — драгоценный самоцвет среди своих братьев — драгоценных металлов, с твоей смертью, Басс, распалось ожерелье любви"²⁵.

Но чаще всего подобная символика применялась для описания человеческих добродетелей. Приветствуя Киприана в связи с его назначением на должность *comes sacrarum largitionum*, Кассиодор поздравляет его такими словами: "...сопутствующее сверкание золота делает россыпи драгоценных камней еще более ценными, придавая им дополнительное очарование благодаря тому, что они не соседствуют ни с чем низменным. Так и когда достойные заслуги соединяются с блестящими постами, они увеличиваются славой друг друга..."²⁶. Слово *vena* ("источник, россыпь, горная жила") несколько раз встречается в "Variae" в схожих контекстах. Особенно часто в подобных случаях его использует Эннодий²⁷.

Символические ряды, связанные с самоцветами и драгоценными металлами, разработаны до мельчайших деталей. Употребляясь в различных ситуациях, они делают возможным создание нескольких уровней аллегорических и символических значений. Для примера приведем два отрывка из панегирика, написанного Кассиодором в честь Матасунты, внучки Теодориха, в которых с поразительной легкостью происходит переход от реальности к метафоричности.

Cassiodori orationum reliquiae

A: MGH. AA. XII. P. 481.

Посмотри на ее блистающий трон, при виде которого богатая Индия изумилась бы, усыпанная драгоценными камнями Персия восхитилась бы, благородная Испания застыла бы от восторга... Аметисты... искрящиеся темным блеском, кажется, мерцают, переливаясь в своем сиянии то светлыми, то темными тонами, рядом играют и переливаются зеленые изумруды, горят холодным огнем рубины, испанские самоцветы вспыхивают кроваво-красными огоньками...

B: Ibid. P. 480.

Итак, достойнейшие сестры, соберитесь здесь, в дворцовых внутренних покоях... Пусть первой проявится на лице Небесная Чистота; затем пусть розовая Стыдливость распишет щеки; благоразумная Умеренность пусть светится во взоре сверкающих глаз; кроткое Благочестие пусть управляет благородным сердцем; пусть в речах проявляется почтенная Мудрость; пусть ваши религиозные деяния направляет спокойная Терпимость... Вы же, изумруды, тускнейте; становитесь бесцветными, рубины; угасайте, аметисты; темнейте, жемчуга... Та, кто прекрасна сама по себе и украшена столь многими достоинствами, лишила вас вашей ценности.

* * *

Из отрывка В ясно, что все добродетели королевы сами по себе являются чем-то вроде драгоценных украшений. Это тщательно выписанная картина очень напоминает рассказ о видении Гилария Арльского или описания варварских королей, сделанные Сидонием Аполлинарием. Пышные одеяния Сигисмера, подробное описание вестготского короля, все остается в рамках заданной композиции, априорных, безусловных положений, все передается с помощью готовых клише, канонических формул и циклов. Индивидуальность

растворяется во всеобщности. Усиление итеративности и символичности позволяет добиться максимальной деконкретизации повествования, которое строится по заранее известным законам — цепочка перечней, каталогов, парадоксов, сравнений, аналогий, редких эпитетов, причудливых фраз, изысканная отделка всех частей произведения, внимание и подробнейшее рассмотрение каждой мельчайшей детали²⁸.

Рассмотрим, например, описание одной из муз у Фульгенция: “... Она была наделена особым внушающим благоговением величием. Ее ясный гордый лоб сверкал жемчужинами серебряных звезд. Ее диадему, усыпанную редкими по красоте рубинами, украшали серповидные полумесяцы, а сама она была одета в небесно-голубое платье. В руке она держала жезл из слоновой кости, на конце которого был укреплен прозрачный стеклянный шар...”²⁹.

Такое же увлечение изысканными оборотами речи, детализацией, пышными и искаженными фразами, пестрыми и ярко сверкающими словами, запутанным синтаксисом явно проявилось в послании, отправленном Кассиодором в связи с назначением новых скульпторов для отделки одного из дворцов в Равенне: “... Они должны соединить при помощи художественного мастерства ряд разрозненных ныне величественных произведений искусства так, чтобы, связанные взаимодействием природных источников, они за искусной отделкой скрывали бы свой природный вид. Пусть от искусства будет взято то, что может превзойти природу. Пусть разноцветные мраморные покрытия переплетаются вместе в приятном многообразии рисунков, ибо то, что выбрано для украшения, всегда должно быть достойно самой высокой оценки”³⁰.

Обратимся к еще одному письму из “*Variae*”, в котором расхваливаются выдающие качества некоего молодого римского аристократа и содержатся рекомендации для его вхождения в сенат:

“В свое время благородный источник производит лучших людей... И вот уже из одной почки пробивается четырехкратное украшение — честь для граждан, слава рода, достойное приращение сената, которые хотя и сверкают общими заслугами из-за того, что собраны все вместе, однако ты в каждом сможешь найти его собственные заслуги, достойные особых похвал...”³¹.

Письмо начинается с уже рассмотренной нами выше метафоры “источника” (*vena*), затем образный строй меняется, появляются метафоры, взятые из растительного мира (*pullulat, germine*)³². Здесь, однако, мы снова видим ту же композиционную структуру создания единого текста, состоящего из нескольких частей, каждой из которых присущи собственные отличительные особенности, при этом они тщательно отделаны, предыдущая плавно перетекает в последующую, не разрушая целостности восприятия. В предложении *honor... gloria... augmentum...* эти части преподносятся, соответственно, с точки зрения “граждан”, “рода” и “сената”. Таким образом, этот отрывок и по структуре, и по выбору лексики, и по стилистике гораздо ближе к тем цитируемым выше изысканным описаниям, чем это могло бы показаться на первый взгляд.

Символика драгоценных камней часто используется для обозначения как отдельных качеств человека, так и личности в целом. Отрывки, приведенные из панегирика Матасунте и из некоторых других текстов, иллюстрируют преобладающий в поздней античности способ описания, а возможно и восприятия, человека, способ, основанный на проведении четких аналогий с природным миром, который, с одной стороны, является упорядоченным, неизменным, статичным, а с другой — многообразным и детализированным.

VII. *Variae* VII, 7, 2 – 3.

Итак, ты будешь безопасностью спящих, стражем домов, защитой замков, тайным контролером, безмолвным судьей, которому следует обманывать воров и отнимать у них славу. Твое дело — ночная охота, которая удивительным образом только тогда бывает удачной, когда остается незаметной. Ты заманиваешь в засаду воров... Мы полагаем, что легче было отгадать загадки сфинкса, чем обнаружить мимолетное присутствие грабителя. Как может вор — находящийся всегда настороже, вечно неуверенный в своем будущем, неизменно боящийся угодить в ловушку — быть пойман, если, подобно ветру, он никогда не задерживается на одном месте? Бодрствуй, неутомимый, с ночными птицами, пусть ночь откроет твои глаза...

* * *

Вышеприведенный отрывок представляет собой выдержку из формулы назначения *praefectus vigilum* (префекта ночной стражи).

Интересен тот факт, что первое предложение из этого документа сохранилось в надписи, найденной в Северной Африке³³. Как эти слова попали в Африку, неизвестно. Наиболее вероятным может считаться предположение, согласно которому списки “*Variæ*” распространялись за пределами Италии и пользовались авторитетом как образец официальной протокольной документации (на что, собственно, рассчитывал и сам Кассиодор, прямо говоря об этом в предисловии к “*Variæ*”³⁴). Бозций, бывший префектом претория Африки при Юстиниане около 560 г., возможно, знал “*Variæ*”³⁵. Некий местный чиновник был назначен, как можно предположить, на какую-то должность, для исполнения некоторых полицейских функций, в частности, по охране общественного порядка. Сохранившаяся надпись представляет собой либо само письмо с известием о назначении, либо текст похвальной речи, традиционно произносимой местным ритором в честь вновь назначенного должностного лица от имени обрадованных граждан.

Отрывок служит образцом широко распространенного в поздней античности типа письма, характеризующегося в первую очередь большой любовью к парадоксам и оксюморонам. Примеры такого стиля во множестве можно найти в “*Variæ*”, но одним из самых ярких текстов подобного рода является письмо Сидония Аполлинария с описанием Равенны³⁶:

“В этой топи не прекращают нарушаться все законы природы: стены рушатся, уровень воды поднимается; башни плывут, а корабли сидят на мели; болезни бродят вокруг, все врачи обессилены... Живые мучаются от жажды, а мертвые плавают вокруг них; воры не дремлют, власти бездействуют... Клирики занимаются ростовщичеством, сирийцы поют псалмы; торговцы стали солдатами, монахи занялись коммерцией... евнухи учатся владеть оружием, а варварские федераты считаются образованными людьми...”

Каким бы бессмысленным ни казалось сейчас употребление подобного стиля — из процитированного выше текста нельзя понять существа дела, — он все же умеет описывать реальность в ее сложности и многообразии, глядя на предмет описания с разных сторон. Сложность образной трактовки, всеобъемлющий символизм и аллегоризм, пафос устного слова и риторический эстетизм, когда главным становится не содержание речи, а сама эстетическая обработка

темы, — таковы основные характеристики словесного искусства и эстетики этого периода³⁷.

Уже первое предложение из рассматриваемого отрывка дает нам целый набор символических образов, выраженных абстрактными существительными (*securitas, munimen, tutela, discussor*), наглядно демонстрируя развитие процесса, связанного с переходом от позднеантичного к раннесредневековому миру. Примеры этого можно множить и множить³⁸.

“Символизм” представляется довольно удачным термином для описания этой особенности поздней латыни — языка ярких метафор и символов. Словесный символизм этого периода пользуется нарочито образно-визуальными средствами выражения, включая постоянное использование разнообразных метафор, описывающих человека или вещь через соответствующие им функции и атрибуты.

Аналогию непременно статичному, неизменному характеру восприятия и представления действительности можно увидеть в изображениях на витражах соборов. Отсутствие движения в них часто компенсируется совершенной, доведенной до предела симметрией, богатством и разнообразием тщательно выписанных деталей.

VIII. *Variae VII, 32* (*Formula qua moneta committitur*)

(A) ...Всякая торговля расстраивается, если металл, из которого сделаны деньги, испорчен... (B) Пусть то, на чем отчеканены изображения Нашей Светлости, будет подлинным: королевское сияние не потерпит никакого осквернения. Ведь, как портрет какого-либо человека, неважно, кем бы он ни был, пишется соответствующими красками, так и светлый лик государя еще в большей степени охраняется чистотой металлов! Пусть горит подлинным жаром золото, свободное от всяких примесей; пусть серебро блестит своим натуральным блеском; пусть природный цвет меди остается неизменным! Ведь если закон считает преступлением нанесение ущерба даже одному человеку, то какого же наказания заслуживает тот, кто причинил вред такому множеству людей? Мы требуем, чтобы денарии сохраняли вес, установленный нами. Некогда *denarii* продавались чаще на вес (*penso*), чем по количеству, поэтому древние, говоря о прибыли и убытке, употребляли слова “*compendium*” и “*dispendium*”, выво-

для значения слов из их происхождения. Деньги (“*pecunia*”) были так названы галлами, произведшими это слово от “*pecudis*” (шкура животного), и по аналогии это наименование было перенесено на слитки металла, которые тогда еще не имели никакого отчеканенного изображения. (?) (D) Мы не позволим, чтобы деньги оказались испорченными презренными примесями, дабы они вновь не обесценились, как это уже бывало раньше. (E) Итак, мы поручаем тебе надзор над монетным двором и попечение о чистоте монеты, которую царь Сервий первым, как говорят, велел отчеканить из меди: так что не сомневайся в неизбежном наказании, если, на твое несчастье, вскрыется какой-нибудь преступный обман.

* * *

Вышеприведенный отрывок еще раз показывает искусное использование Кассиодором отступлений, призванных внести разнообразие, оживить, а также смягчить, снять излишнее напряжение. Тон письма характеризуется постоянно нарастающей суровостью, даже жесткостью. Высокопоставленный чиновник не раз предостерегается против каких-либо злоупотреблений своим служебным положением (*Sit mundum quod... Nam si unum laedere... Ponderus... praecipimus debere servari... Quam non sinimus...*). Эти предупреждения достигают в конце послания кульминационной точки, заключающейся в прямой угрозе возмездия в случае, если какое-либо нарушение вскрыется (“*quaeri*” вызывает в памяти пугающие картины наказаний, применяемых в Поздней империи и в Остготском королевстве). Послание начинается с призыва к разуму (“*venalitas cuncta dissolvitur, si...*”), затем следует напоминание, что порча монеты может расцениваться как прямое оскорбление монарха, потом идет описание красоты чистых металлов—золота, серебра и меди (“*Auri flamma...*”), затем—констатация очевидного факта “*in tanta hominum numerositate...*” (возможно, переключка с *numerositas*, словом, впервые зафиксированным у Тертуллиана и употребленным в сходном контексте³⁹) и, наконец, проявление эрудиции автора, т.е. ученый экскурс в историю и этимологию (“*Ponderus quin etiam... Pecunia... a pecudis tergo...*”). В последних строчках заключается цель письма, становится ясно, ради чего оно собственно написано. После категоричного и жесткого заявления (“*Quam non sinimus...*”) следует формальное назначение на

должность (“Proinde...”), а завершается все еще одним кратким экскурсом в историю чеканки монеты (“Servius rex...”) и зловещим предостережением (“ita ut...”).

Таким образом, с одной стороны, послание призвано продемонстрировать уважение лично к адресату и к той должности, на которую его назначают (это достигается учеными экскурсами и обращением к разуму и чувствам чиновника), тогда как, с другой стороны, в послании постепенно нарастает накал властности, безапелляционности и категоричности. Короче говоря, суть послания заключается в тонком балансе между *civilitas* и угрозой насилия, балансе, на котором основывались взаимоотношения государства, правительства, власти и общества в Поздней Римской империи и — с учетом всех специфических черт — в Италии Теодориха.

IX. *Variae* XI, 6

(А) Твоя преданность вознаграждена теми, о ком известно, что они занимают более высокое положение, чем ты... Эта неравная справедливость, этот особый декрет, это исключительное благодеяние могут быть использованы тобой под контролем судьи, и ничто из того, что могло бы показаться нарушением надлежащего порядка, не может быть осуждено под предлогом здравого смысла. Никто не предписывает тебе никакого расписания. Тебе позволены некоторые вольности по службе, и ты один можешь смело пренебрегать тем, что других заставляешь соблюдать. Такие привилегии предоставлены тебе в награду за исключительные заслуги... Ты цвет чиновничества, краса и гордость канцелярии, и за это ты заранее удостоился такого славного положения, благосклонного мнения о тебе и приближенного положения... (В) Репутация магистрата зависит от всего того, что ты делаешь, ведь как интерьер дома можно представить себе по его дверям, так и об уме начальника судят по тебе... Даже одежда, которой прикрываются наши тела, разве не может нас обезобразить, если она покрыта какой-нибудь грязью? Но, кажется, какую привлекательность она может придать нашей внешности, когда сверкает достойной похвалы чистотой! Так и доверенный служащий магистрата либо прославляет, либо позорит доброе имя руководителя. (С) ...Среди решеток нельзя скрыть то, что ты делаешь. Ибо порталы у тебя ярко освещены, засовы открыты, на дверях есть окна... (D) Твердо держи в

памяти все наши распоряжения, пусть сказанное не проходить через тебя как через пустую трубу... Будь надежным вместилищем информации, что услышишь, храни, о чем узнаешь, не болтай...

* * *

Это письмо Кассиодор написал от своего имени, будучи префектом претория. В нем он сообщает некоему Иоанну о назначении его на одну из высших должностей в своем аппарате. Наиболее интересной и показательной особенностью данного текста являются разработанные в нем образы дома и одежды. Как внешний вид человека и его жилища должны содержаться в безукоризненной чистоте, так и образ действий *cancellarius* должен быть безукоризненным, его поступки неизбежно отражаются на репутации начальника. Это еще одно доказательство уже отмеченного нами ранее стремления к поверхностности, к внешнему, показному, приводившему к разрыву между формой и содержанием, между словом и делом. Нравственное совершенство символизируют изысканность в одежде, опрятный внешний вид и даже красота и чистота дома. Стилистическая симметрия, нагнетание сравнений, синтаксические параллелизмы, ритмические повторы являются не просто художественными приемами, но средствами деконкретизации, превращения человеческой индивидуальности в безликого члена толпы. Автор видит не конкретных людей, а добродетели и пороки, постановка вопроса — моральная, независимо от того, идет ли речь о духовном или материальном. Манерность, напыщенность, высокопарность служат прежде всего целям чувственной очевидности, картинности. Особое значение, придаваемое внешности, неперемнное стремление, по крайней мере, к формальному совершенству так сильны, что тем более низко и достойно порицания все то, что хоть как-нибудь портит эту идеальную картину, чувственная наглядность которой достигается омертвлением всего индивидуально-человеческого.

Кроме того, письмо служит примером столь характерной для поздней риторики любви к парадоксам, манерности, пышным и изысканным словам и фразам (*inaequabilem aequitatem, laudabile praejudicium, lucidas fores, claustra patentia, fenestratas januas*). Примеры подобного рода многочисленны и характерны как для Кассиодора, так и для многих других позднеантичных авторов.

Наконец, в разделе D мы видим небольшую иллюстрацию того процесса символизации и аллегоризации стиля, который является одним из наиболее показательных для эпохи перехода от поздней античности к средним векам: *conceptaculum* (“вместилище”, “хранилище”) — это не просто сравнение, но метафора, описывающая Иоанна исключительно на функциональном уровне, как будто бы он не более чем безжизненная схема, внутренний мир которой, абсолютно не интересующий Кассиодора, остается для нас закрытым.

X. *Variae XI, 36, 1 – 3*

(A) Тот, кто создал трудный путь государственной службы, требующий большого усердия, разумно установил и конкретные сроки этой службы, четко определив награды, положенные тем, у кого этот срок близится к концу... Таким образом, среди превратностей изменчивой жизни служба государству — островок надежности и определенности, так что нет поводов для беспокойства у того, кто достойно и без взысканий прошел весь это путь до установленного предела. (B) Даже у самих звезд, как полагают астрономы, остаются неизменными периоды их движения, при том, что они безостановочно ходят по кругу... Сатурн в течение тридцати лет проходит по небу указанное ему расстояние. Более двадцати лет длится срок, за который звезда Юпитера озаряет определенные для нее пределы. Звезда Марса, летя с огненной скоростью, проносится по своей орбите за восемнадцать месяцев. Солнце проходит через знаки зодиака в течение года. Звезда Венеры совершает положенный ей путь пятнадцать месяцев. Проворный Меркурий тратит тринадцать месяцев, чтобы преодолеть предназначенное ему расстояние. Луна, находящаяся ближе всех к нам, благодаря этой близости завершает в тридцать дней то, на что у совершающего круг золотого Солнца уходит год. (C) Следовательно, вполне справедливо то, что смертные знают установленные пределы своей службы, когда даже те, кто не может погибнуть иначе как вместе с самим миром, имеют разумно установленные пределы своего пути, при той, однако, разнице, что небесные тела завершают свой труд, чтобы вновь вернуться к началу, а род людской служит, чтобы отдохнуть по завершении трудов...

* * *

Приведенный отрывок служит примером характерного для позднеантичной литературы пристрастия к образам небесного свода и к уподоблению человеческих установлений небесным светилам. Подобные образы получили широкое распространение уже в латинских панегириках IV в., например, образ Диоклетиана/Юпитера: “...великий бог... с постоянной заботой правит своим государством, хотя в нем уже наведен порядок, и неутомимой дланью вращает эту безмерную громаду, неусыпно охраняя порядок и последовательность явлений”⁴⁰. Таким образом, установленный государственный порядок кажется чем-то неизменным, непреложным и совершенным отражением, если не неотъемлемой частью, небесного космического порядка. В данном случае этому уподоблению служит и использование Кассиодором слова *cursus* (“ход”, “движение”), у которого есть еще одно значение в латинском языке — “служебная карьера” (*cursus honorum*).

Нелегко понять, как подобное мировоззрение, закрепляющее порядок, регулярность, упорядоченность, могло сочетаться с иным пониманием мира, придающим особое значение человеческой индивидуальности и свободе воли. Упорядоченность и регулярность являются основными характерными чертами официального искусства Поздней Римской империи и Византии, но также и большей части христианского искусства этого периода⁴¹, ставшего, возможно, образцом для систематизированного, упорядоченного интеллектуального мира высокого средневековья.

Любой исследователь, имеющий дело с источниками, относящимися к эпохе поздней античности в целом и к V и VI вв. в частности, не мог не обратить внимание на постоянно встречающиеся в них картины светил, особенно звездного неба, многократно повторяющиеся как в литературе, так и в искусстве. Например, холодное и величественное великолепие звезд, сверкающих среди темного неба на сводах “мавзолея” Галлы Платидии в Равенне. Точно так же теплый солнечный свет Средиземноморья пропитывает литературу и искусство классической Греции и Рима, являясь основой образного строя данных эпох⁴².

Кассиодор, составляя письмо в сенат по поводу назначения туда нового члена, начинает следующим образом: “Хотя ваше высокое собрание сверкает собственным, только ему присущим блеском, тем

не менее оно становится еще более блистательным и великолепным всякий раз, как озаряется светом новых достойных сановников. Ведь и небо кажется нам тем более прекрасным, чем больше на нем ярких звезд, а их изобилие являет собой бесподобное зрелище для всякого, кто только смотрит на него...»⁴³.

Придворный поэт Клавдиан передает превосходство двух консулов 395 г. над всеми другими чиновниками путем сравнения света луны со светом других звезд⁴⁴. К тому времени сходные сравнения в подобных же ситуациях мы наблюдаем в латинских панегириках⁴⁵. В официальных обращениях византийский император часто именовался “всепроникающим солнцем, освещающим мир”; такое же выражение по отношению к императору мы находим и в “*Variæ*”⁴⁶.

Духовное и нравственное совершенство также идеально подходило для подобной образности. Например, в своих поздних произведениях Кассиодор мог следующим образом описывать отцов церкви: “... те сверкающие созвездия, которыми небесная твердь церкви воссияла”⁴⁷. В другом труде он замечает, что церковь для него “более яркая, чем солнце; более белая, чем снег”⁴⁸.

В распоряжении авторов, использующих данную образную структуру, имеется огромное количество самых разных лексических средств, наиболее часто встречающихся в панегириках, в поэтических произведениях, но также в эдиктах, декретах, письмах. Венанций употребляет такие слова, как *lux* или *jubar*, для характеристики героев своей поэзии, и даже самый беглый просмотр “*Variæ*” позволяет заметить, сколь важное место занимают в словаре Кассиодора слова типа *fulgere* (“сиять”), *resplendere* (“сверкать”) и *relucere* (“блестеть”)⁴⁹. В данной сфере, во всяком случае, явно прослеживается единство эстетической концепции, художественных взглядов и лексических средств⁵⁰.

Таким образом, небесные светила оказались для авторов поздней античности идеальным средством описания мира, неистощимым источником метафор, сравнений и аналогий. При этом, с одной стороны, планеты и звезды двигаются по точно определенному маршруту с постоянной скоростью, символизируя, соответственно, устойчивость и неизменность политического и административного устройства. С другой стороны, образы небесных светил, бесспорно, являются лучшими символами человеческого совершенства, и тут

образы порой достигают такой глубины, что практически становятся неотделимыми от реальности, сливаются с ней, играя ключевую роль в общем ходе дальнейшего развития культуры.

XI. *Variae* XI, 40

(А) ...Хвала тебе, Снисходительность ... покровительница рода человеческого, единственная целительница и утешительница в бедствиях... Пока с тремя другими сестрами ты наслаждаешься небесной благосклонностью, заключив друг друга в теплые объятия, все они, хотя сами и являются добродетелями, почтительно уступают тебе первенство... Благодетельствует даже самими небесами. Но если бы это было только возможно, именно с тобой пребывать всегда! Любое преступление можно предотвратить, и может случиться так, что, однажды помиловав, в дальнейшем в помиловании уже не будет необходимости... (В) Поэтому, палач, отложи на время свой смертоносный топор, пусть приятен тебе будет блеск лезвия, не обогреного кровью. Пусть твои цепи, обильно орошенные слезами, покрываются более счастливой ржавчиной... Почему ты все время стремишься служить низшим силам? Послужи хоть раз и высшим... (С) И пусть это прибежище стонов, этот дом скорби, эта земная обитель Плутона, место, окутанное вечной ночью, наконец, засияет, и наполнится ярким светом тюрьма, где на долю заключенных выпали неисчислимые страдания... Зловонье, неизменный спутник оков, причиняет ужасные мучения; стоны и рыдания несчастных терзают слух; из-за непрерывного голода перестаешь ощущать вкус пищи; под бременем невыносимых страданий притупляется осязание; от постоянной темноты ухудшается зрение, тускнеют, теряя свою силу, глаза... Узника, измученного мерзостями тюрьмы, со всех сторон подстерегает смерть... (D) Пусть опустеют твои казематы, пусть это место неиссякаемых слез лишится своих обитателей, еще недавно убитых горем... Выходите, заключенные, вечно бледные от близости смерти... Вернитесь к свету дня те, кто уже был добычей мрачных теней... Вам не нужно больше скрываться, ступайте открыто и смело на форум. Вы вправе держаться в стороне от всего, что принесло вам столько страданий... (Е) Щука зарывается в мягкий песок, чтобы избежать засады свинцового бредня. Как только натянутая сеть проходит над ней, не причинив никакого вреда, она стремительно бросается в волны и, свободная, ликует, радуясь избавлению от смертельной опасности.

Когда губан, соблазнившись приманкой, лезет в ивовую западню и вдруг понимает, что действует себе на погибель, он поворачивает назад, потихоньку удаляясь от опасной ловушки. Если же кто-нибудь из этой породы видит, что один из его собратьев запутался в сетях, он хватается несчастного зубами за хвост и тянет изо всех сил. Так животное, которое не может спастись самостоятельно, избавляется от опасности при помощи своих близких. Также когда кто-нибудь из *sauri* — умнейшего рода рыб — попадает в западню, то его спутники, сцепившись друг с другом в какое-то подобие веревки, тянут со всей силы назад, стараясь освободить попавшегося сородича... (F) А сейчас к тебе, начальник тюрьмы, я обращаю свои слова... Ты, конечно, раздражен, что никого не наказывают; мрачный, ты избегаешь всеобщего веселья... являя собой настоящее воплощение жгучей злобы... ты находишь удовольствие в скорби многих. Но мы можем утешить и тебя, положив конец твоим стонам. Требуешь для себя только тех, кого этот милостивый закон не амнистировал, чтобы под прикрытием этого акта не избежали бы наказания преступники, совершившие тяжелые злодеяния...

* * *

Приведенный выше эдикт об амнистии был издан от имени самого Кассиодора, когда он был префектом претория, возможно, в честь праздника Пасхи. Уже при первом прочтении данного документа становится ясно, что перед нами образец риторической прозы высочайшего уровня (Var. Praefatio, 16-18: “tertium genus... summum”); не только официальный законодательный акт, но и литературное произведение со строго выдержанной композицией, с лирическими отступлениями, фактически хвалебный гимн одной из добродетелей. Заглавие этого сочинения — *Indulgentia* — может быть рассмотрено сразу в двух этих аспектах. В преамбуле длинное риторическое обращение к Снисходительности, затем традиционный литературный мотив четырех сестер — добродетелей, заключающих друг друга в объятия (A), длинный период, содержащий описание тюрьмы — “прибежище стонов... дом скорби... земная обитель Плутона... место, окутанное вечной ночью”, характеристика условий содержания в заключении, призванная вызвать сострадание и ужас (B–D), все указывает в одном направлении. Высокий риторический стиль очень часто употреблялся в правительственных декретах в

эпоху поздней античности, и Кассиодор, постоянно используя его, не считал это чем-то особенным⁵¹.

К счастью, до нашего времени сохранился один из эдиктов об амнистии (приуроченной к пасхальным праздникам), датированный концом IV в.⁵². Сравнение этих двух текстов позволяет предположить, что этот документ служил образцом для Кассиодора, по крайней мере, при создании основной части эдикта (разделы B–D):

“Ибо было бы совершенно неправильным, если бы во время праздничных церемоний ... продолжали бы слышаться скорбные голоса страданий, и виновный с нечесаными волосами и раздувшейся от мучений головой был бы скрыт от милостивого взгляда, а стоны, исторгаемые из самой глубины души, не были бы услышаны... Таким образом... мы не сдерживаем нашего милосердия, мы открываем тюрьмы, мы откладываем в сторону цепи, мы разрешаем состричь спутанные волосы, впитавшие в себя весь смрад гнетущего заключения. Мы освобождаем всех осужденных на наказание, за исключением тех, кто не заслужил помилования из-за жестокости совершенных преступлений”.

Как и в эдикте Кассиодора, в приведенном отрывке говорится о подземной тюрьме. Употребление высокого риторического стиля в сочетании с эмоционально накаленной лексикой должно, с одной стороны, вызвать у читателя и слушателя ощущение неминуемого и страшного возмездия за нарушение закона, с другой — продемонстрировать всю безмерность императорского милосердия. Для достижения этих целей оба автора используют стиль, который современному человеку показался бы велеречивым и напыщенным.

В предисловии к "Variae" Кассиодор не раз упоминает о том, насколько зависит восприятие написанного от того, правильно ли использован язык: “Всегда будет грубой та речь, которая не отделяется долго и тщательно и в которой используются неподходящие слова”⁵³. Именно в правильном подборе слов Кассиодор видит основную обязанность автора: “Следует говорить так, чтобы тебе удалось убедить слушателя выполнить то, что тобой предписано...”⁵⁴. О себе не без ложной скромности Кассиодор пишет, что так и не смог достичь высочайших образцов красноречия⁵⁵.

Обратимся теперь к рассмотрению пассажа о рыбах. На первый взгляд кажется, что это отступление, иллюстрируя банальную мысль

(не только люди любят свободу), неинтересно и примитивно само по себе, мало связано с остальным текстом, а для современного читателя уж вовсе выглядит откровенно смешным. Вопрос заключается в следующем: казалось ли это отступление, да и сам эдикт в целом, смехотворным образованному читателю — современнику Кассиодора, а более глобально: в расчете на кого составлялся эдикт, кто должен был его читать и кто мог его читать. В позднеримском обществе VI в. линии раздела были обусловлены уже не только приобщенностью или не приобщенностью к классическому наследию, экономическими и правовыми реалиями, но и религиозными факторами. Церковь поддерживала и формулировала эти различия. Таким образом, одни могли увидеть в эдикте еще одно произведение этого суетного мира; другие, менее отдаленные от реальной жизненной практики, могли его “читать, не читая”. Присутствие реальной государственной власти, которое еще очень хорошо ощущается в тексте эдикта IV в., практически незаметно в сочинении Кассиодора. Возможно, это объясняется тем, что аудитория, в расчете на которую и составлялся данный документ, стала к тому времени еще более ограниченной.

Кроме того, данный текст является интересным свидетельством того, как представление и, возможно, восприятие окружающего мира едва уловимо, но изменилось в сравнении с предыдущей эпохой. В разделе F изображен начальник тюрьмы, сильно опечаленный потерей своих заключенных, страдающий из-за этого и разражающийся по этому поводу душераздирающими жалобами. Роль выдержана и сыграна до конца, хотя и в несколько экстравагантной, а часто почти карикатурной манере. Это напоминает спектакль: он — начальник тюрьмы, со своими четко очерченными обязанностями, а его вынуждают отпустить заключенных, что должно свести на нет его собственную деятельность. Если римские императоры со времен установления режима тетрархии и устраивали нечто похожее на подобные театрализованные представления⁵⁶, то все же кажется сомнительным, чтобы начальник тюрьмы мог демонстрировать подобные чувства и играть ведущую партию в спектакле-*moralité*, напрямую затрагивающем его должностные обязанности. Если же это так, то перед нами еще одно свидетельство того, как постепенно формируется новый тип культуры, культуры средних веков⁵⁷.

В разделах В–D эксплицитно заключается неоднократно проведенное сравнение между жизнью в тюрьме и преисподней. Ад по

своей сути — инстанция вечная, поэтому неудивительно, что ему присущи такие неизменные характеристики, как "semper... laboras", "locus perpetua nocte caecatus", "locus ille perennium lacrimarum" и "vicina semper morte pallentes". В языке, которым описывается преисподняя, вряд ли можно найти какие-либо неклассические элементы. Сама возможность провести подобное сравнение, по-видимому, очень сильно привлекала Кассиодора, недаром оно проводится так настойчиво и последовательно. Это объясняется также концепцией, господствовавшей в ту эпоху, согласно которой человеческая судьба определялась и управлялась, в конечном счете, именно взаимодействием вечных и неизменных инстанций.

Приведенные в разделах В и D образы топора палача, то блестящего, то обогрешенного кровью, цепей, покрытых ржавчиной от слез закованных в них преступников, оксюморон "vacuitatibus impleantur" заслуживают сравнения с *Variae* VII, 7 (см. выше, № 5). Эти разделы характеризуются целой серией выразительных деталей, которые несколько парадоксальным образом усиливают для современного читателя общую атмосферу нереальности, оторванности от жизни⁵⁸. Возможно, все три отрывка наиболее наглядно демонстрируют характерную черту большей части литературы поздней античности — сочетание оригинальности, таланта и общих мест, готовых штампов и формул.

XII. *Variae* XII, 11, 1

... как чистота источника загрязняется илом, так и щедрость милостивого короля компрометируется алчными распорядителями. Ведь даже золото, когда оно плавится, если только плавление не происходит в чистейшем сосуде, смешивается с различными примесями, поскольку только те сохраняют в неприкосновенности свою чистоту, кого нельзя замарать никакой грязью. Как приятно видеть потоки, текущие по белоснежной гальке, и сама природа, кажется, улыбается этой свободной чистоте, так как она ничем не испачкана.

* * *

Данный отрывок приведен здесь для того, чтобы проиллюстрировать только одну тему — любовь к яркому свету во всем его многообразии и во всех его проявлениях — центральную тему для эсте-

тики этого периода⁵⁹. И очарование небесного свода, и прелесть драгоценных камней объясняются, возможно, стремлением к некой трансцендентности, божественному совершенству в ущерб тому, что сегодня некоторые назвали бы реализмом⁶⁰.

Яркий белый цвет пользуется особой популярностью — идет ли речь об ослепительном блеске солнца или о холодном мерцании снега. Один поэт — современник Кассиодора — так описывает мраморную отделку одного из залов дворца короля вандалов: “Кажется, что само солнце получает отсюда свои лучи... Эти мраморные плиты излучают свой собственный, присущий только им дневной свет, это сверкающий небесный свод, никогда не знающий облаков... поверишь ли, но, ступая по этому залу, тебе постоянно будет казаться, что твои ноги должны провалиться в снег...”⁶¹

Один из наиболее часто встречающихся топосов в V–VI вв. — описание храма, где дневной свет как бы собирается, фокусируется, многократно отражаясь в драгоценных металлических украшениях пышного убранства⁶². Примеров любви к яркому свету несть числа, например, великолепное изображение светящейся церкви, в которой крестился Хлодвиг, с бесчисленным количеством свечей, или сцена процессии новообращенных, одетых в чистейшие белоснежные тунники, испускающие неземное сияние⁶³. Значение подобных картин очевидно. Они символизируют сохранение нравственной чистоты и духовной незапятнанности. В полярном мире, где вечно борются Добро и Зло, яркий свет рассеивает зловещий мрак⁶⁴.

Папа римский Григорий I рассказывает о видении Бенедикта: “Глубокой ночью он (Бенедикт. — *П. III.*) внезапно увидел столб ярчайшего света, идущий сверху вниз, сверкающий сильнее, чем солнце. Тьма тут же рассеялась, от нее не осталось и следа... По его словам, весь мир собрался воедино и прошел перед его взором в едином луче света. Он смотрел, не отрываясь, пристально вглядываясь в развернувшуюся перед ним ослепительную картину. Он увидел душу Германа, епископа Капуи, возносимую ангелами на небеса в огненном шаре...”⁶⁵

Огненная стихия легко приобретает символическое значение. Так, набожная римская аристократка, возможно, связанная с Кассиодором, постоянно по ночам ставила в ногах кровати горящие свечи, “потому что она ненавидела тьму и была другом света, как физического, так и духовного”⁶⁶.

Сидоний Аполлинарий написал эпиграмму, которая была выгравирована на сосуде, предназначенном в подарок вестготской королеве: "Благословенны воды, которые заключаются в свете металла только для того, чтобы ласкать еще более светлый лик вашей хозяйки... Безупречная белизна (*candor*) ее лица отражается в серебре..."⁶⁷

Ничто не может сильнее пленить воображение, ничто не вызывает большего восхищения, чем свежий цвет лица. Эта деталь будет иметь большое значение и в средневековом искусстве. Белизна лица как характерный признак чаще всего фигурировала либо при описании германцев, либо тех, кого считали символами непорочности и чистоты: святых, девственниц и целомудренных женщин: "Так же как лилии чистым и сверкающим светом лучезарно сияют в окружении горящих роз, так и сияние совершенной белизны (*candor*) вашего лица украшается нежным розовым румянцем..."⁶⁸.

Неземное, лучезарное сияние способно заморозить каждого, кто его увидит, как, например, сделанное Кассиодором описание портрета Матасунты в ее дворце или образ Мартина Турского, явившийся Сульпицию Северу: "Он был облачен в белую тогу, от его лица исходило лучезарное сияние, его глаза были подобны звездам, а волосы, казалось, горели как пурпур"⁶⁹, или изображение ангела у Авита: «Сверкающие одежды мерцали на его божественном теле, а лицо его светилось красноватым светом...»⁷⁰

Наибольшей популярностью пользовались разнообразными сочетаниями белого или очень светлого цвета с различными вариантами красного или пурпурного, при этом неважно, шла ли речь о цветах, цвете лица, изысканной одежде или, как, например, в "Variae", об окрашивании шелка в пурпурный цвет или о замечательном красном вине, подаваемом в кубках из слоновой кости⁷¹. Почему именно такое сочетание оказалось самым предпочтительным, до конца не ясно, но насколько широко семантическое поле *purpureus / porphyreos*, иногда близкое по смыслу к "сверкающий", "блестящий", хорошо известно.

Кажется вполне обоснованным предположение, что люди той эпохи различали гораздо больше цветовых оттенков, чем мы различаем сейчас⁷². Для их передачи существовал целый спектр обозначений. Очень подробное, детальное описание кольца с печаткой, которое мы видим у Авита, трудно понять и еще труднее перевести. Это было кольцо, украшенное с двух сторон камнями с резными печатя-

ми. Одним из камней был изумруд (*vernantis lapilli*), а другим — электрон “того самого цвета, в котором в равных небольших долях присутствуют и красный блеск золота, и белое мерцание серебра ... и еще он слегка отликает нежным зеленым цветом...”⁷³.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- AL – Antologia latina.
 CC – Corpus Christianorum.
 CIL – Corpus inscriptionum latinarum.
 FS – French Studies.
 ILS – Inscriptiones latinae selectae
 MGH. – AA. – Monumenta germaniae historica. – Auctores antiquissimi.
 PL – Patrologiae cursus completus. – Series latina.
 PLM – Poetae latini minores.
 PLRE. 2 – The Prosopography of the Later Roman Empire / By J. R. Martin-
 dale. – Vol. II: A.D. 395–527.
 RE – Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft.
 TLL – Thesaurus linguae latinae.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Cassiod.*, Var., Praefatio: “Decreta ergo nostra priscorum resonant constituta, quae tantam suavitatem laudis inveniunt, quantum saporem vetustatis assumunt” (“Изданные нами постановления, должны зазвучать голосом предков, и они постольку достойны похвалы, поскольку наполнены благоуханием древности”).

² *Auerbach E.* Literary Language and Its Public in Late Latin Antiquity and in the Middle Ages / Transl. from the German by R. Manheim. L., 1965. P. 255.

³ *Cassiod.*, Var. III, 47; 51; IV, 50.

⁴ PLRE 2 “Faustus 9”; *Удальцова З.В.* Италия и Византия в VI веке. М., 1959. С. 221-222. Сенатор Фауст являлся потомком древнего рода Корвинов (RE. Bd. VI. Sp. 2094; *Ensslin W.* Theoderich der Grosse. München, 1947. S. 128). Правительство Теодориха высоко ценило Фауста, он был удостоен высших должностей: квестор в 503–506 гг., префект претория в 507–511 (512) гг. Король всегда становился на сторону Фауста, когда грабежи и злоупотребления префекта претория вызывали недовольство населения (*Cassiod.*, Var. II, 37; III, 19). В Var. III, 20 Кассиодор сообщает о том, что Фауст незаконно занял землю некоего Кастория.

⁵ *Cassiod.*, Var. II, 26; III, 20; 21. Фауст возглавлял группировку, выражавшую настроения и чаяния провизантийски настроенной части римского сената, которая резко выступала против проводимой папой Симмахом независимой от императора религиозной политики. Против папы было устроено несколько заговоров, его пытались привлечь к суду. Фауст был деятельнейшим участником всех этих событий. Возможно, его опала при дворе была связана именно с ними (см.: PLRE 2 "Faustus 9"; *Chadwick H.* Boetius: The Consolation of Music, Logic, Theology and Philosophy. Oxford, 1981. P. 40).

⁶ *Cassiod.*, Var. I, 21.

⁷ Ср.: *Ibid.* I, 30, 5: IV, 31.

⁸ *O'Donnell J. J.* Cassiodorus. Berkeley; Los Angeles; London, 1979. P. 86-93.

⁹ Согласно TLL слово "*costatilis*" встречается только в "Variae". См. также: *Zimmerman O. J.* The Late Latin Vocabulary of the Variae of Cassiodorus. Washington, 1944. P. 10.

¹⁰ Ср.: "sudatile metallum" во фрагментах № 5, 9; *Cassiod.*, Var. VII, 15, 1-3: "mirabilis silva moenium" и др.

¹¹ *O'Donnell J. J.* Op. cit. P. 102; *Уколова В. И.* Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – середина VII века). М., 1989. С. 106-107.

¹² *Symm.*, Relatio XIII, 18; Ср. 323, 33: "ne videamur ingrati"; ILS 1279: "ut... possit ostendi"; Pan. Lat., XII, 11; CA CXIV, 509, 16-17: "putaremur"; *Cassiod.*, Var. 58, 4, 28; 65, 15-19; 95, 30; 96, 5; *Grigorius Magnus.* Registrum epistolarum, Indictio V, 13: "reperiri"; Ср.: *Besselaar J. J. van den.* Cassiodorus Senator en zijn Vaeiae. Nijmegen, 1945. P. 179.

¹³ *Symm.*, Ep. III, 88.

¹⁴ *Salvianus.* De Gubernitate Dei IV, 13; Ср.: *Symm.*, 24, 3; 27, 4, 9; 34, 12; 37, 29; 42, 8; 101, 2-6; 117, 20; 172, 8, 11; *Paulinus Nol.*, Ep. 16, 1; *Salvianus.* De Gubernitate Dei VII, 66; Ep. I, 5: "ne de me ipso dicere videar"; *Sid. Apoll.*, 84, 22; 93, 5; 112; 26; 153, 1; *Ennod.* 20, 16; 139, 14; 306, 6; 326, 2. Сходным образом употребляется и пассив глаголов *credere*: *Symm.*, 38, 23; 39, 14; *Ennod.*, 133, 37; *putare*: *Ennod.*, 9, 4; 34, 22; *judicare*: *Symm.*, 37, 12; Epp. Arelatenses Genuinae, 39; *invenire* и *reperire*: *Ennod.*, 26, 12; 93, 25; 97, 22; *Cassiod.*, Var. 327, 7; *Fulgentius/De Aetatibus Mundi* 129, 13; 130, 2-3.

¹⁵ В сочинениях Сенеки насчитывается более 500 контекстов, где употребляется глагол *videri* (67 — *inveniri*, 61 — *credi*) (*Busi R., Zampolli A.* Concordantiae Senecanae. N.-Y., Hildesheim, 1975); у Плиния Младшего *videri* встречается около 200 раз (*Jacques X., Ootdhem J. V.* Index de Pline le Jeune. Brussels, 1965); в сочинениях Тацита — более 150 раз (*Gerber A., Greef A.*

Lexicon Taciteum. Leipzig, 1903); у Квинтилиана — примерно 100 раз (*Bonnell E. Lexicon Quintillianeum. Hildesheim, 1962*).

¹⁶ *Уколова В. И.* Указ. соч. С. 101.

¹⁷ Ср.: Там же. С. 108.

¹⁸ Согласно О. Циммерману (Op. cit. P. 10) слово “sudatilis” до Кассиодора в латинском языке не зафиксировано.

¹⁹ *Tacitus. Germania 45*: “Они обшаривают и море и на берегу, и на отмелях единственные из всех собирают янтарь, который сами они называют глезом... Однако нетрудно понять, что это — древесный сок, потому что в янтаре очень часто просвечивают некоторые ползающие по земле или крылатые существа; завязнув в жидкости, они впоследствии оказались заключенными в ней, превратившейся в твердое вещество. Таким образом, я склонен предполагать, что на островах и на землях Запада находятся дубравы и рощи, подобные тем сокровенным лесам на Востоке, где сочатся благовония и бальзамы; из произрастающих на них деревьев соседние лучи солнца выжимают обильный сок, и он стекает в ближайшее море и силою бурь выносятся на противоположные берега. При поднесении к янтарю, ради познания его свойств, огня он вспыхивает как факел, вслед за чем расплавляется, словно смола или камедь” (*Пер. А. С. Бобовича*).

²⁰ См.: *Wallace-Hadrill J. M. Early Germanic Kingship in England and on the Continent. Oxford, 1971. P. 101.*

²¹ *Каждан А. П.* Византийская культура. СПб., 1997. С. 196; *Аверинцев С. С.* Золото в системе символов ранневизантийской культуры // Византия. Южные славяне и древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. М., 1973. С. 15-47.

²² *Mathew G. Byzantine Aesthetics. L., 1963. P. 3.*

²³ *MacMullen R. Some Pictures in Ammianus Marcellinus // Art Bulletin. 1964. 46. P. 438-441.*

²⁴ *Sid. Apoll., Ep. IX, 7, 3.*

²⁵ AL II, 2, 1560; CIL IX, 5566.

²⁶ *Cassiod., Var. 166, 20-23; Cp.: 156, 20; 368, 14-20.*

²⁷ *Cassiod., Var. 82, 20; 83, 1; 86, 18; 246, 23; Ennod. 17, 20; 39, 9-10; 72, 21; 85, 5; 154, 15; 299, 8 и др.*

²⁸ *Vita Hilarii ep. Arelatensis // PL. 50. 1240; cp.: PL. 50. 1222; Sid. Apoll., Ep. I, 2; IV, 20; Caesarius Arelat. // CC. CIII. P. 764: “simplicitatis gemmis et sobrietatis floribus ornata”; cp.: Ibid. P. 900; Venantius. Carm. VIII, 317-318.*

²⁹ *Fulgentius. Mitologia 14.*

³⁰ *Cassiod.*, Var. 17, 3-6; другие примеры *varietas*: Var. 143, 6-8; 483, 10-21; *Ennod.* 312, 22-26; *Maximianus.* Elegies I, 30; *Sid. Apoll.*, Ep. II, 10, 4: "distinctum vario nitore marmor"; Var. II, 39; *Ennod.*, Pan. Theoderic. 89-93; см. также: *Mathew G.* Op. cit. P. 35, 87. *Avitus.* 142, 7; *Ennod.*, CLXIV, 4: "Nobilitas vera est, quae nitet in modicis".

³¹ *Cassiod.*, Var. III, 6, 2.

³² Ср.: *Ibid.* VI, 14, 1-2.

³³ CIL VIII, 2297.

³⁴ *Cassiod.*, Var. Praef. 14.

³⁵ Об этом Бозэции см.: *Pelagius I*, Epistolae 85.

³⁶ *Sid. Apoll.*, Ep. I, 8, 2. См. также: *Cassiod.*, Var. VII, 8: "veredorum... quorum status semper in cursu est".

³⁷ Бычков В.В. Эстетика поздней античности. М., 1981. С. 246-284; Grabar A. Plotin et les Origines de l'Esthétique Médiévale // Cahiers Archéologiques. 1945. I. P. 15-31; Honig R. M. Humanitas und Rhetorik in Spätromischen Kaisergesetzen. Göttingen, 1960. P. 112-147. Интересный аспект позднеантичного аллегоризма и символизма в связи с общей теорией символа и аллегории рассматривает И. М. Нахов в статье «Традиции аллегоризма и "Картина" Кебета Фиванского» (Традиция в истории культуры. М., 1978. С. 61-78).

³⁸ *Cassiod.*, Var. II, 20-21; III, 4-9; III, 25-7; IV, 8; IV, 17-18; VIII, 11-19; IX, 10-12.

³⁹ *Zimmerman O. J.* Op. cit. P. 27.

⁴⁰ Pan. Lat. III, 3,4 (пер. И. Ю. Шабазу).

⁴¹ Бычков В. В. Указ. соч. С. 167-178; *L'Orange H. P.* Sol Invictus Imperator. Ein Beitrag zur Apotheose // Symbolae Osloenses. 1935. XIV. 1. P. 88; *Mathew G.* Op. cit. P. 3: «Византийская цивилизация основывалась на неизменности должных пропорций, ритма и ордера, на сохранении раз и навсегда установленного порядка»; *Grabar A.* Op. cit. P. 26.

⁴² *Mathew G.* Op. cit. P. 41.

⁴³ *Cassiod.*, Var. VI, 28-30. Ср.: Var. I, 33-16; II, 12-13; V, 1-2.

⁴⁴ *Claudianus.* Pan. Dictus Probino et Olybrio consulibus 22-28; 240-248.

⁴⁵ *Symm.*, Laud. In Gratianum Augustum, 11; *Claudianus.* III consul. Honorii, Praefatio, 131-132; Fescenn. de nupto Honorii, I, 1; *Merobaudes.* Carm. I, 5-6; 13-14; II, 2-4; *Sid. Apoll.*, Pan. Aviti 1-3; Pan. Anthemii 10-12; *Corippus.* In Laudem Justini I, 250; II, 73; 287-294; III, 179-187; *Venantius.* Carm. VI, 1, 68-70, 101-102; IX, 1, 13-14.

⁴⁶ *Cassiod.*, Var. IV, 5-7; V, 24; VI, 13-16; VI, 18-22; VII, 2. См. также: *Avitus*. Ep. 46, 16; 100, 13. Этот образ был перенесен на сверкающее императорское одеяние: *Amm. Marc.*, XVI, 10, 6: “insidebat aureo solus ipse carpento, fulgenti claritudine lapidum variorum, quo micante lux quaedam misceri videbatur alterna”. Ср.: *Каждан А. П.* Византийская культура (X–XII вв.). СПб., 1997. С. 207; *Fichtenau H.* Arenga: Spätantike und Mittelalter im Spiegel von Urkundenformeln. Graz; Cologne, 1957. S. 35-37; *Kantorowicz E.* Sol Oriens, Lever du Roi // *Dumbarton Oakes Papers*. 1963. 17. P. 119-177.

⁴⁷ *Cassiod.*, Institutiones I, 17, 3.

⁴⁸ *Cassiod.*, Expositio Psalmorum, Praefatio, 70, 23D. Ср.: *Ennod.*, 12, 10-13; 40, 15-16; 101, 21-24; 190, 1-9; 213, 10 -15; *Ruricius*. 332, 28-30.

⁴⁹ *Avitus*. Appendix 15, 2: “lumen patriae, lux orbis et aulae”; 6, 1; *Venantius*. Carm. IX, 8, 2; (re)splendere: Var. III, 9; IV, 2; 3; VIII, 19; IX, 15; (re)lucere: Var. II, 25; IV, 1; 12; V, 13; 25; VII, 32; fulgere: Var. III, 5; IV, 36; V, 5; radiare: Var. IV, 20.

⁵⁰ Ср.: *Bultmann R.* Zur Geschichte der Lichtsymbolik im Altertum // *Philologus*. 1948. Bd. 97. H. 1/2. S. 17-29: “... свет солнца, огня, световые метафоры, светоносные цвета белый и красный являются важнейшими элементами позднеантичной эстетики”.

⁵¹ *O'Donnell J. J.* Op. cit. P. 17-20; 40.

⁵² *Cod. Theod.*, Sirm. VIII. P. 913 (AD 386).

⁵³ *Cassiod.*, Var. Praef. 3.

⁵⁴ *Ibid.* 17.

⁵⁵ *Ibid.* 5.

⁵⁶ *Millar F.* The Emperor in the Roman World, 31 BC-AD 337. L., 1977. P. 108-110; *MacCormack S. G.* Art and Ceremony in Late Antiquity. Berkeley, 1981. P. 387-392; *Ullmann W.* The Individual and Society in the Middle Ages. L., 1967. P. 21-23; 37; 42-44.

⁵⁷ *Хейзинга Й.* Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М., 1988. С. 7: “Всякое действие, всякий поступок следовал разработанному и выразительному ритуалу, возвышаясь до прочного и неизменного стиля жизни... Все стороны жизни выставлялись напоказ кичливо и грубо...” (*пер. Д. В. Сильвестрова*). См. также: *MucMullen R.* Op. cit. P. 435-455.

⁵⁸ Ср. замечание Э. Ауэрбаха по поводу “Метаморфоз” Апулея, стиль которого представлял собой “смесь риторики и реализма” со “склонностью к призрачно-кошмарному искажению реальности” (*Ауэрбах Э.* Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М., 1976. С. 78-79). См. также *Fulgentius*. Mitologia I, 5-7.

⁵⁹ Mathew G. Op. cit. P. 19-76; Grabar A. Op. cit. P. 19.

⁶⁰ "Специфика поэтических образов состоит в придании красоты и изящества изображаемому..." — пишет В. В. Бычков (Указ. соч. С. 284). "Эта эстетика скорее барочна, — замечает А. Мэа, — чем классична; но, как всякое произведение барокко, она содержит классическое ядро, сохраняет остаток классицизма" (*Méhat A. Étude sur les "Stromates" de Clément d'Alexandrie. Paris, 1966. P. 345*).

⁶¹ AL I, 1, 203; ср.: *Cassiod.*, Var. VIII, 15-16; *Maximianus*. Elegies IV, 12; V, 26-27 // PLM. T. V; *Mathew G*. Op. cit. P. 87.

⁶² *Avitus*. 78, 18-19; 150, 11-16; *Sid. Apoll.*, Ep. II, 10, 4; *Ennod.*, CIC, 10; CLXXXIII, 1; AL I, 1, 211; 213; *Agnellus*. C. 50; *Corippus*. In Laudem Justini, I, 97-102; FS. № 216, 8.

⁶³ *Gregorius Turonensis* Historia Francorum II, 31; V, 11.

⁶⁴ *Victor Vitensis*. Historia Persecutionis. P. 17, 8-12; 59, 16-18.

⁶⁵ *Gregorius*. Dialogues II, 35, 2-3.

⁶⁶ *Gregorius*. Dialogues IV, 14, 3; PLRE 2: "Galla 5".

⁶⁷ *Sid. Apoll.*, Ep. IV, 8.

⁶⁸ AL I, 2, 742, 31-3. О германцах: *Aisonius*. Bissula 6; *Procopius*. BV I, 2, 4; о людях, отличающихся особой святостью: *Vita Hilarii* // PL. 50, 1228C: "primas delicias vultus sui splendore advenientibus praebens, merita interioris hominis exterioris pulchritudine demonstrabat"; *Sulpicius Severus*. Ep. 3: "vultum ejus (defuncti) tamquam vultum angeli, membra autem ejus candida tamquam nix videbantur"; *Rousset P*. Recherches sur l'émotivité à l'époque romain // Cahiers de civilisation médiévale. 1959. 2. P. 65.

⁶⁹ *Sulpicius Severus*. Ep. 2.

⁷⁰ *Avitus*. De Virginitate 253-254.

⁷¹ О цветах см.: *Sedulius*. Carmen Paschale I, 278; *Claudianus*. Carmina XXX, 90-91; *Ausonius*. De Rosis Nascentibus 25-32; *Ennod.*, XLIII; о лице: *Ennod.*, 214, 11-12; 27721-24; 311, 37-40; *Dracontius*. Romulea, VI, 7-10; о волосах: *Ausonius*. Ep. IV, 44-45; об одежде: *Paulinus Nolensis*. Ep. 18, 10; *Sulpicius Severus*. Vita Martini, 23, 8; *Sid. Apoll.*, Ep. IV, 20, 1; о вине: *Cassiod.*, Var. XII, 4; 11, 8-25; *Ennod.*, CLXXXI, 8-10; другие примеры сочетаний белого и красного или пурпурного: *Ruricius*. 306, 18-20; *Cassiod.*, Var. II, 12-13; *Maximianus*. Elegies I, 133; *Venantius*. Carm. VIII, 3, 30-32; VIII, 7, 11-16.

⁷² *Mathew G*. Op. cit. P. 35: "Возможно, что их чувство цвета, так же как и их осознание, было более развитым и, возможно, более тонким, чем у нас".

⁷³ *Avitus*. Ep. 87.

КАТОЛИК ИЛИ ПОЛИТИК?

XVI столетие стало свидетелем огромных перемен в жизни Европы, охвативших практически все ее стороны, и прежде всего — сферу религии и политики, которые тогда (как, впрочем, и гораздо позже) были трудноотделимы друг от друга. Тем не менее, принесенное Реформацией конфессиональное деление зачастую призывало европейцев именно к этому — разделению политики и религии, или по крайней мере, выбора между ними. В теории каждый христианин должен был без колебаний следовать своей совести (т. е. своим религиозным убеждениям), ставя их превыше всех прочих соображений — таких, как повиновение монарху, карьера, личные привязанности и т. д. Однако на практике выбор никогда не оказывался простым — хотя бы потому, что повиновение властям тоже было фактически религиозным долгом, а забота о семье также входила в непосредственные обязанности христианина.

Кроме того, представители дворянских семейств на протяжении столетий участвовали в управлении страной и считали это не только правом, но и своей священной обязанностью, выполнением долга перед страной. Однако в XVI в. правитель и подданные зачастую оказывались разделенными конфессиональным барьером. Каким образом представители знати, принадлежавшей к религии, отличной от официально признанной в той или иной стране, строили свои отношения с государями? Становились ли они главами оппозиционных групп, удалялись ли в свои поместья, занимаясь исключительно местными делами, или же пытались достичь компромисса, который позволил бы им, не отказываясь от убеждений, участвовать в делах управления? Все эти вопросы могут быть заданы применительно к истории почти любого европейского государства XVI–XVII вв.

Общая участь не минула и Англии: на протяжении XVI столетия она трижды меняла официальное исповедание. Последняя такая перемена (1559 г.) сделала страну официально протестантской, лишив значительное число ее жителей, которые остались верны католической церкви, гражданских прав. Теоретически без признания монарха главой английской церкви (т. е. отрицания власти папы) невозможно бы-

ло занимать выборную должность любого уровня, быть юристом или учителем, получить степень в университете, заседать в Палате Общин и т. д. А отказ от требуемого по закону обязательного еженедельного посещения церкви (по воскресеньям) делал католиков преступниками (так как непосещение церкви приравнивалось к частичному отрицанию королевской прерогативы)¹.

Положение титулованной знати в Англии было несколько иным. С одной стороны, от лиц, обладавших титулом барона и выше, не требовали присяги в признании монарха главой церкви. Таким образом, теоретически присутствие католиков в Палате Лордов сохранялось. Однако если титулованные католики желали на самом деле участвовать в делах управления, не ограничиваясь исключительно церемониальным присутствием в Палате Лордов, им было необходимо признать обязательными для себя законы страны (часть которых явно противоречила их религиозным убеждениям). Главы католических семейств должны были принимать решение относительно того, как именно строить свои отношения с правительством, одновременно не отягощая слишком сильно свою совесть.

Кем в первую очередь осознавали себя дворяне-католики? Дворянами, представителями правящей элиты? Или все-таки католиками, членами преследуемого конфессионального сообщества? Или, возможно, противоречие является ложным, и так ставить вопрос нельзя? А если можно, то применительно к какому периоду? Ведь в историографии отнюдь не однозначно определяется период формирования в Англии относительно хорошо очерченных конфессиональных групп с выраженным самосознанием².

¹ Парламентский статут 1559 г. обязал всех должностных лиц (включая членов Палаты Общин, мировых судей), духовенство и преподавателей приносить присягу королеве как главе Английской церкви (1 Eliz., с. 1, Statutes of the Realm (далее SR). Т. IV. P. 249-253; см. также: SR. Т. IV. P. 271-272 [1563]). Второй статут, принятый тем же парламентом, впервые установил штраф в размере 12 пенсов за непосещение приходской церкви в воскресенье или праздничный день (1 Eliz., с.2, SR. Т. IV. P. 254-257). Впоследствии размер штрафа был увеличен до 20 фунтов (SR. Т. IV. P. 656-658 [1581]).

² Все попытки исследовать процесс формирования конфессиональных групп в Англии конца XVI в. сталкивались с серьезными затруднениями, вызванными аморфностью подобных групп, которые в большинстве случаев (до 1640х гг.) формально входили в официальную церковь. Даже католики отнюдь не всегда порывали с ней, о чем свидетельствует существование в рам-

Публикуемый здесь документ иллюстрирует процесс «конфессионального определения» католического сообщества, а также отчасти помогает определить и его хронологию. Речь идет о речи, произнесенной в 1604 г. в Палате Лордов католиком — виконтом Монтегю во время обсуждения билля о сохранении в силе всех принятых при королеве Елизавете (1558–1603) антикатолических статутов. Эта речь представляется весьма примечательной, принимая во внимание как ее автора и обстоятельства, обусловившие ее появление, так и ее содержание и аудиторию, на которую она была нацелена.

Обратимся сначала к автору. Энтони Мария Браун, второй виконт Монтегю (1574–1629), принадлежал к знатной семье, сохранившей верность католичеству. Его семья, как и многие другие представители тюдоровской знати (например, Болейны — предки второй жены Генриха VIII Анны Болейн) обязана своим возвышением торговле. Первые из известных нам Браунов в XIV в. торговали шерстью, причем весьма успешно. Торговля принесла им богатство и общественное признание — избрание в парламент. В 1439 г. один из представителей семейства Браунов, перебравшийся из Камберленда в Лондон, стал лордом-мэром столицы, что автоматически означало возведение в рыцарское достоинство. Как и другие до него, Энтони Браун вложил нажитые торговлей средства в приобретение земли, а его потомки впоследствии постарались закрепить вновь приобретенный статус благодаря связям при дворе. Томас Браун (внук лорда-мэра) стал казначеем двора при Генрихе VI, а его внук Энтони Браун сделал блистательную карьеру при дворе первого Тюдора, Генриха VII, став сначала знаменосцем (1485), затем — королевским телохранителем (1486) и одновременно получив рыцарское достоинство. Тогда же он был назначен смотрителем замка в Квинсборо, а в 1503 г. достиг зенита славы, заняв важный пост констебля в замке Кале (где он и умер в 1506 г.)³.

Его сын и наследник, по традиции получивший имя Энтони (1500–1548), стал молодым пажем Генриха VIII, а затем — одним

ках Англиканской церкви XVI века так называемых «церковных папистов». См.: *Walsham A. Church Papists: Catholicism, Conformity and Confessional Polemic in Early Modern England*. 2nd ed. Woodbridge, 1999.

³ *Roundell J. Cowdray: The History of a Great English House*. L., 1884. P. 11-12.

из джентльменов его опочивальни. Энтони Браун верно служил Генриху VIII на поле битвы (за храбрость, проявленную в сражении при Морлэ, он был посвящен в рыцари), а также в качестве дипломата (он был послом во Франции). Сэр Энтони сделал также и блестящую придворную карьеру, превзойдя достижения отца: как тот, он был в 1531 г. назначен знаменосцем, но это стало лишь началом его восхождения. В 1536 г. Энтони Браун был хранителем купели при крестинах будущего Эдуарда VI, в 1538 г. получил привилегию иметь ливрейную свиту в 24 человека. Спустя год он стал конюшим, а затем (1540) — рыцарем Подвязки. В королевском завещании сэр Энтони упомянут как один из душеприказчиков и опекунов Эдуарда VI и принцессы Елизаветы⁴.

Доверие и благодарность короля выражалась и вполне материальным образом: в августе 1538 г. королевским патентом было подтверждено право сэра Энтони на бывшее аббатство Бэттл, одну из древнейших и богатейших бенедиктинских обителей Сассекса. Роспуском этого монастыря незадолго перед тем руководил сэр Томас Гейдж, еще один придворный, друг Энтони Брауна и представитель одного из дворянских семейств Сассекса, Дружба была скреплена браком — Энтони Браун был женат на дочери Гейджа Элис. Так влиятельный придворный сделался и одним из крупнейших землевладельцев графства, унаследовав спустя несколько лет поместья своего сводного брата Уильяма Фицуильяма, графа Саутгемптона, в Сассексе и Сарри, с основным манором Мидхерст, который и стал родовым гнездом семейства Браунов⁵.

Как и сотни других дворян, сэр Энтони значительно обогатился в ходе роспуска монастырей. Однако, как и во многих других случаях, обладание бывшей монастырской собственностью вовсе не влекло за собой непременно принятия новой религии (даже в том умеренном виде, в каком она проповедовалась при Генрихе VIII). Сэр Энтони был верен королю и явно принял разрыв с Римом достаточно спокойно. Но в вопросах вероучения и обрядности он был стойким консерватором, принадлежавшим к католическим группировкам придворных, и воспитал своих детей во вполне католическом духе.

⁴ Ibidem. См. также: *St John Hope W.H. Cowdray and Easebourne Priory in the County of Sussex. L., 1919. P. 22.*

⁵ *Roundell J. Op. cit. P. 13-14.*

Его наследник, Энтони Браун (1526–1592) чуть было не лишился королевского фавора из-за своих религиозных убеждений: в 1551 г. он даже угодил в Тауэр из-за того, что присутствовал на мессе. Однако уже в 1552 г. сэр Энтони-младший получил возможность принимать своего монарха в своем поместье Коудрей (Мидхерст). Политическая карьера Энтони-младшего была типичной для дворянина его ранга: член Палаты Общин в 1545, 1547, 1553 и 1554 гг., мировой судья, а позднее шериф графств Сарри и Сассекс. Впрочем, его придворная карьера при Эдварде VI была осложнена религиозными пристрастиями: фактически она началась только при Марии Тюдор. В 1554 г. сэр Энтони стал конюшим короля Филиппа, позднее в том же году он, как внук Люси Невилл, дочери виконта Монтегю, получил этот титул, позднее стал членом Тайного Совета и рыцарем Подвязки. Подобно своим предкам, виконт Монтегю служил своей королеве как дипломат и воин: в 1555 г. он был участником посольства в Рим, отправленного с целью восстановить отношения Англии с папским престолом. А в 1557 г. виконт Монтегю участвовал в осаде Сент-Кантена в качестве лорда-лейтенанта⁶.

Приход к власти протестантки Елизаветы прервал взлет виконта Монтегю. С самого начала нового царствования (1558 г.) он лишился членства в Тайном Совете. Однако это не сделало его оппозиционером. Напротив, виконт верно служил своей королеве-протестантке. При Елизавете лорду Монтегю доверяли важные дипломатические миссии (посольство в Испанию в 1559 г., посольства в Парму в 1565 и 1566 гг.). Вместе с Томасом Сэквилем, лордом Бакхерстом (позднее графом Дорсетом) он в 1569–1585 гг. был лордом-лейтенантом графства Сассекс⁷. Кроме того, виконт оставался весьма деятельным членом Палаты Лордов (за исключением парламентов 1572, 1587 и 1588 гг)⁸. Активная политическая деятельность виконта была возможной лишь благодаря тому, что он сам, и многие (но не все) члены его семьи были т. н. церковными

⁶ Ibid. P. 23.

⁷ О политической карьере первого виконта Монтегю см.: House of Commons, 1509–1558 / Ed. Bindoff. Vol. 1. P. 514-515.

⁸ См.: Journals of the House of Lords. Vol. 1–2. L., 1802.

папистами — т. е. католиками-мирянами, которые допускали для себя возможность время от времени присутствовать на англиканской литургии в знак повиновения монарху и законам страны. Практика отнюдь не бесспорная с точки зрения многих католиков, категорически не одобрявшаяся католическим духовенством, но, тем не менее, широко распространенная. Не стоит видеть в ней исключительно малодушие католических дворян: для фигур, подобных Монтегю, это была возможность хотя бы отчасти сохранить свое влияние (подобное им по рождению), одновременно оказывая покровительство единоверцам (получавшим доступ к выборным должностям на уровне графства или даже место в парламенте, к школам; доступ к католической литургии, наставлениям в вере, благотворительность в рамках католического сообщества — т. е. возможность оставаться католиками, прежде всего для лиц недворянского статуса)⁹.

Впрочем, слишком влиятельный католический лорд (даже считавшийся вполне лояльным) не мог не создавать проблем для правительства, отчасти — по уже приведенным причинам, а отчасти и потому, что к концу царствования Елизаветы к власти постепенно приходило поколение ревностных протестантов, которые, в отличие от Монтегю, помнившего потрясения середины XVI в., знали только протестантский режим и были менее склонны терпеть присутствие католиков в сфере управления. У виконта были все основания под конец жизни чувствовать себя обиженным: с началом войны с Испанией и нагнетанием антикатолических настроений в стране виконт лишился поста лорда-лейтенанта графства Сассекс (что нанесло удар по престижу семьи). В 1588 г. старый виконт был оскорблен недоверием Елизаветы, которая не включила его в число дворян, обязанных прибыть со свитой в ее распоряжение (в качестве ее личной охраны). Только после затянувшейся переписки с лордами — членами Тайного Совета виконту Монтегю было приказано собрать свиту для защиты королевы, однако многих дворян из этой свиты вскоре вернули в Сассекс, в распоряжение виконта¹⁰. В 1591 г. (за несколько месяцев до смерти) виконт с горечью говорил о недоверии к нему придворных, отговаривавших

⁹ *Walsham A. Church Papists.*

¹⁰ *The Acts of the Privy Council. Vol. 16. L., 1897. P. 174-177, 194, 232.*

Елизавету от визита в его поместье Коудрей (визит все-таки состоялся летом 1591 г.)¹¹.

Таким образом, к концу 1580х гг., под влиянием войны и прихода к власти нового поколения политиков атмосфера изменилась. Политическая и конфессиональная составляющая жизни католиков все больше приходили в противоречие, как под действием внешних факторов (изменения отношения правительства), так и в результате внутреннего развития католического сообщества. Показателем тому может служить политическая карьера второго виконта Монтегю, вернее, ее отсутствие.

Энтони Мария Браун был внуком первого виконта, сыном его старшего сына Энтони Брауна (умершего в 1592 г., на несколько месяцев раньше отца) и его жены Мэри Дормер, по рождению принадлежавшей к влиятельной в Сассексе католической семье, имевшей большие связи и за пределами страны: старшая сестра Мэри, Джейн Дормер была фрейлиной Марии Тюдор, в 1558 г. вышедшей замуж за испанского посла графа (позднее герцога) Фериа. В 1559 г. вслед за мужем она покинула Англию. В Испании герцогиня Фериа и ее сын оказались естественным центром притяжения английских эмигрантов-католиков и их покровителями (что делало их родственников в Англии объектом пристального и отнюдь не благожелательного внимания со стороны английского правительства).

В отличие от первого виконта Монтегю, ни его сыновья, ни тем более внук не участвовали в политической жизни графства: не обладая титулом, они не могли занимать должности мирового судьи или шерифа (что подобало им по рангу), не принося присяги о признании королевской супрематии. По той же причине они не могли быть избранными в парламент. Таким образом, представители младшего поколения семейства Монтегю не прошли обычной для дворян их круга «политической школы», которая готовила наследников знатных родов к высшим ступеням карьеры при дворе и в Тайном Совете. Теоретически, молодой виконт Монтегю, несмотря на свою религию, мог заседать в Палате Лордов. Но и здесь

¹¹ *Breight C.C.* Caressing the Great: Viscount Montague's Entertainment of Elizabeth at Cowdray, 1591 // *Sussex Archaeological Collections*. 1989. Vol. 127. P. 147-166. *Questier M.* Loyal to a Fault: Viscount Montague Explains Himself // *Historical Research*. 2004. Vol. 77. Appendix. P. 251.

его присутствие оказывалось нежелательным. В 1593 г. он отсутствовал на заседаниях палаты из-за несовершеннолетия, а потом (в 1597 и 1601 гг.) — по прямому приказу королевы. Основанием для такого приказа послужили сомнения Елизаветы в лояльности виконта, или, по крайней мере, в том, что он ценит верность правилительнице выше требований собственной совести. У королевы были причины для недоверия: если дед на протяжении всей жизни был «церковным папистом», то его внук между 1594 и 1597 гг. перестал посещать англиканские службы (что, помимо прочего, было знаком признания власти Елизаветы)¹². В 1594 г. виконт был в первый (но отнюдь не в последний) раз арестован — за совершение обряда крещения над своей дочерью Мэри (чтобы воспрепятствовать ее крещению по англиканскому обряду)¹³.

Приход к власти в Англии довольно терпимого к католикам (особенно на первых порах) Якова I Стюарта, казалось, дало новый шанс незадавшейся политической карьере виконта. Однако «большим надеждам» английских католиков быстро пришел конец: первый парламент нового царствования, собравшийся в 1604 г., подтвердил все принятые при Елизавете антикатолические статуты. Именно обсуждение этого билля в Палате Лордов привело к краху едва начавшейся парламентской карьеры второго виконта. В 1604 г. он, подобно деду, активно участвовал в работе палаты — до обсуждения билля¹⁴. Но 23 июня 1604 г. он произнес речь, стоившую ему карьеры (после этого он практически не присутствовал в парламенте) и приведшую его в тюрьму Флит (правда, всего на несколько дней).

На первый взгляд кажется, что молодой виконт просто подражал своему деду, который в 1559 г. (единственным из светских пэров) выступил против елизаветинского религиозного законодательства¹⁵: внешние обстоятельства выглядят схожими — первый парламент нового царствования, обсуждение вопроса, касающегося

¹² *Questier M.* Op. cit. P. 243-244.

¹³ Hist. MSS. Commission. Frere MSS, Vol. IV. L., 1879. P. 523.

¹⁴ Journals of the House of Lords. Vol. 2.

¹⁵ The Speech of the Lord Vicount Montacute in the p[ar]liament house primo Elizabethae Reginae / The Parliamentary Speech of Viscount Montague against the Act of Supremacy, 1559 / Ed. by T. McCann // Sussex Archaeological Collections. 1970. Vol. 108.

религии. Именно так толкуют речь молодого виконта некоторые исследователи¹⁶. Однако мне представляется, что по своей стилистике, по образу, который стремился создать у слушателей автор, да и по адресату обе эти речи сильно отличаются друг от друга.

Изобилующее латинскими цитатами из Вульгаты выступление второго виконта гораздо больше напоминает полемический текст. Продолжения гонений на католиков, по мнению виконта, объясняются враждебностью к ним протестантов, а также их стремлением обратить католиков в свою веру¹⁷. Однако католики, исповедующие веру, изначально принесенную в Англию первыми христианскими проповедниками, не откажутся от нее из-за преследований, способных породить мучеников, но не заставить их отречься от своих взглядов¹⁸. Отвечая на произнесенную днем ранее в палате речь, в которой прозвучали опасения, что число католиков в Англии без преследований возрастет (опасения небезосновательные — в период фактического прекращения преследований число «рекузантов» в стране резко выросло), виконт заявил, что новообращенным католикам не предлагают ничего, кроме гонений и лишений, и если они, тем не менее, принимают эту веру, их вряд ли можно будет вернуть карательными мерами¹⁹.

В речи виконта нет и намека на «государственный интерес» или какие-либо политические соображения: «Признаю, что у меня нет ни знаний, ни понимания дел политических и им подобных, чтобы говорить о них»²⁰. Его слова гораздо чаще напоминают о богословской полемике, а порой и непосредственно перекликаются с современными виконту полемическими сочинениями (полемика о крещении Англии).

Высказывания Монтегю выглядят достаточно резкими — удивительно, что лорды обиделись и отправили молодого лорда во

¹⁶ *Questier M.* Op. cit. P. 227n.

¹⁷ A Copie of the L. Viscount Mountacute his speach made for releasment of the punishmente and afflictions of Catholikes before the LL. In the Parlyament House (Bodleian Library. MS Engl. TH. b. 2. P. 845-847, особ. 845).

¹⁸ Ibid. P. 846.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Ibid. P. 845: “for to speake uppon this same poynts of pollicie and such like things I confesse I have no knowledg nor understanding of them”.

Флит за оскорбление палаты. Почему же виконт произнес эту речь? Дело в неопытности молодого политика, неправильно истолковавшего терпимость, проявленную королем в первые месяцы правления? Или же виконт преследовал иные цели?

Из текста речи отчетливо видно, что виконт противопоставляет себя всей палате. Он все время использует местоимения «вы» (лорды, отождествляющиеся с гонителями-протестантами) и «мы» — католики. И хотя виконт, произнося свою речь, вроде бы тоже выполнял долг «по отношению к Богу и стране»²¹ (не монарху!), по сути, он выполнял свой долг перед своими собратьями-католиками и просил (довольно вызывающим образом) милости по отношению к ним: «Я говорю ...из долга по отношению к моим братьям, которые вместе со мной являются членами одного тела»²². И самого себя виконт представляет главным образом как католика, защищающего единоверцев: «Говори католик, говори смело и уверенно, и не бойся никакого противника ... Не бойся никого из людей, но знай, что Бог готов помочь тебе, и бойся Его»²³.

Таким образом, виконт обращался не столько к членам палаты, сколько к католикам вне парламента. Его адресат — не парламент, но единоверцы; для них предназначен образ защитника веры, готового на мученичество. Не потому ли его речь прозвучала столь вызывающе? Во время последовавших за ней бурных дебатов лорд Берли — единственный из членов палаты — выступил против ареста виконта, вполне разумно, на мой взгляд, предположив, что именно этого виконт и добивался: арест сделал его известным и создал ему репутацию, необходимую человеку, собравшемуся играть роль лидера католического сообщества в Англии.

Политическая карьера виконта — показатель справедливости данной оценки. Второй виконт Монтегю не играл существенной роли в политических делах графства. В Палате Лордов он также не заседал — так как либо находился под арестом (в 1606 и 1610 гг.),

²¹ Ibid. P. 845: “the dutie that I owe both to God & my countrye”.

²² Ibid. P. 846: “I speake ... out of the dutie wch I owe unto all my brethern wch in one & the same bodie are with me fellowe members”.

²³ Ibid. P. 845: “Speake Catholique, speake boldly and counfydently & feare no adversarie: Feare nowe no man, knowing that god is ready to give assistance, & feare him”.

либо по приказу короля появлялся лишь на церемониях открытия и закрытия парламента. В правление Якова I виконт еще дважды подвергался аресту — в 1605 г. — в связи с Пороховым заговором и в 1610 г. из-за отказа принести присягу на верность Якову I (поскольку в ее тексте содержалось положение, отвергавшее право папы смещать государей с престола)²⁴. Все амбиции виконта ушли в политические интриги внутри католического сообщества в Англии. И здесь он добился своего, став, пожалуй, самым влиятельным английским католиком (что признавалось и в Риме). Виконт финансировал деятельность католических семинарий на континенте (в Дуэ); оказывалась поддержка и английским конвентам на континенте (прежде всего, женским — клариссинкам — именно в этот орден вступят дочери второго виконта)²⁵.

Виконт Монтегю с первых лет царствования Якова I оказался вовлеченным в действия анти-иезуитски настроенной группы священников, и активно поддерживал их усилия по восстановлению католического епископата; вполне возможно, что его решение поддержать определенную группировку священников объяснялось влиянием капелланов его бабушки, леди Монтегю (Ричарда Смита и Томаса Мора), связанных с проектом реставрации епископата. Как бы там ни было, поддержка Монтегю была немаловажным фактором, внесшим свой вклад в восстановление католического епископата в 1624–1634 гг., и тем самым повлиявшим на историю всего английского католического сообщества²⁶.

Вовлеченность в дела католического сообщества предопределила и изменение «внешнеполитической ориентации» семьи Монтегю. Первый виконт Монтегю придерживался происпанской позиции (что отчасти объясняется его семейными связями) и более чем скептически относился к Марии Стюарт (которая благодаря ее родству с Гизами представляла «французский интерес»). Его внук, однако, приобрел важные связи при французском дворе, поскольку Франция поддерживала стремление английских католических свя-

²⁴ *McCann T.* Op. cit. P. 398.

²⁵ *Records of the English Province of the Society of Jesus.* Vol. II. L., 1878. P. 273.

²⁶ *Newsletters from the Archpresbyterate of George Birkhead* / ed. M. Questier // *Camden Series*, 5th ser. Vol.12. Cambridge, 1998. Introduction.

щенников выйти из подчинения иезуитам (рассматривавшимся как происпанская группа); дипломаты Людовика XIII лоббировали проект восстановления католического епископата в Англии. Более того, в 1624 г. Ришелье лично приложил усилия к тому, чтобы епископом был назначен ни кто иной, как служивший ему в 1609–1614 гг. Ричард Смит, бывший капеллан леди Монтегю, друг и наставник ее внука.

Виконт был столь активно занят католическими делами и потому, что другие пути для него оказывались закрытыми. Новая протестантская элита «выталкивала» его из своих рядов. Но этот процесс совершался при явном соучастии самого виконта Монтегю. Среди придворных и министров Якова I оставались крипто-католики или лица, не без основания подозревавшиеся в симпатиях к католическому учению (достаточно вспомнить Ховардов, среди которых было немало католиков)²⁷. Но компромисс, на который им приходилось идти (прежде всего, «церковный папизм»), для виконта оказался неприемлемым. Он отказывался от участия в «большой политике», удаляясь в мир католического сообщества. Так возведение конфессионального барьера проходило при содействии обеих сторон²⁸.

* * *

Текст речи виконта Монтегю (а также речи его деде, произнесенной в Палате Лордов в 1559 г.) сохранился в единственной рукописи. Вплоть до 1968 г. она принадлежала семейству Бранденелл из Нортгемптоншира, потомкам известного католического рода. В 1968 г. она была продана на аукционе Сотби²⁹ и теперь хранится в

²⁷ *Levy Peck L.* Northampton: Patronage and Policy at the Court of James I. L., 1982.

²⁸ Примечательно, что конфессиональные пристрастия второго виконта заставили его несколько подправить семейную историю. На заказанном им надгробии деда (приходская церковь в Мидхерсте, сейчас — в Изборне) присутствует эпитафия, в которой перечисляются все достоинства покойного, а также, что естественно, описывается его карьера. Но описание обрывается на 1558 г. В нем не нашлось место посту лорда-лейтенанта Сассекса. Очевидно, по мнению внука, верная служба королеве-протестантке не была таким уж богоугодным делом.

²⁹ *O'Leary J.G.* A Recusant Manuscript of Great Importance // *Essex Recusant*. Vol. 10. 1968.

Бодлеянской библиотеке Оксфорда (MS Engl. Th. B. 1–2). Два тома *in folio* представляют собой своего рода «католическую энциклопедию», или пособие по полемическому богословию. Ее разделы, организованные в алфавитном порядке, посвящены богословским вопросам, вызывавшим ожесточенные споры католиков и протестантов (например, «месса», «святые» и т. п.). Материал каждого раздела выстроен по одной формуле: сначала следуют цитаты из Библии, затем — ссылки на постановления соборов, и в конце — цитаты из трудов св. Отцов и авторитетных богословов, в том числе и авторов XVI – начала XVII в. Судя по времени публикаций данных трудов, а также по упоминаемым событиям, работа над рукописью велась в 1605–1608 гг. По всей видимости, она была заказана писцу по имени Томас Джолет кем-то из членов семьи Брэднелл или их родственников Трешамов (том 2 содержит экслибрис сэра Томаса Трешама, чья дочь Мэри была замужем за Томасом Брэднеллом) и так и не завершена: часть инициалов, украшающих начало каждого раздела, отсутствует.

Некоторые части «энциклопедии», посвященные преследованиям или мученикам, содержат материалы по истории католиков XVI в. — письма или сообщения о мученической кончине того или иного священника и т. п. Кроме того, современным событиям посвящен целый раздел — “of thing contingent” — второго тома рукописи (Р. 824–899). Именно в этом разделе (где по большей части представлены бумаги, принадлежавшие Томасу Трешаму) и помещены речи двух виконтов Монтегю. Речь первого виконта Монтегю (1559 г.) была опубликована в 1970 г. Тимоти Мак Канном³⁰. Речь, произнесенная его внуком в 1604 г., до сих пор оставалась неопубликованной.

Ниже приводится текст речи второго виконта Монтегю (с сохранением орфографии и пунктуации оригинала), а также ее перевод на русский язык и примечания.

³⁰ The Speach of the Lord Vicount Montacute ... // Sussex Archaeological Collections. 1970. Vol. 108.

A Coppie of the L. Viscount Mountacute his speach made for releasment of the punishmente and afflictions of Catholikes before the LL¹. In the Parlyament House upon the 23 daye of June, one thousand six hundred & fourth & thoroughly (as much as coulde bee) written out as yt was by him delivered upon occasion wherof he was ymedietely after comytted prisoner in the fflete

My Lordes I doo confesse unto y^r² LLps³ that to speake in his case (though by me never so much tendered) & therof in that nature wherin only I am able to speake, that is to saye, according as yt doth dyrectly concerne the point of Relygion (for to speake upon theis same points of pollicie and such like thinge I confesse I have no knowledg nor understanding of them) & to speake in this sorte and nature that I can speake of, I am I saye full of feare, the w^{ch}⁴ if I should goe about to conceale, my very countenance & jesture would betray. I do therefore acknowledge my own pusillanimitie & want of courage, creeding yustly of my harte and mynde towards y^r LLps wham I most fearefull & loathe to offende, as having no manner of will to speake any thinge out of any spirite of opposition, or lesse regardfull respecte towards y^r LLps, but out of necessitye discharge of my conscience in this most important cause, and w^t⁵ partly also creeding of a naturall infyrmitie in my self, considering my seelf to speake against the whole swaye & fream of the tyme: & of that course & understanding of Religion, wherin y^r LLps meanes have shoyed you to be informed. This considerations I confesse have muche oppressed my mynde & have brought me into this pusillanimitie & feare.

- I. But I remember a storie wch I have heard w^t good credytt & authoritie in the tyme of King Henry 8 about the suppres-

¹ Lords

² your

³ Lordships

⁴ which

⁵ with

sion of the monasteries, ther was a certayne ffryar to preach here in London wch being knowne to some of the greatest persons of estate & they doubting that he would preach something contrary to their likinge; they took order to be at his sermon & that in such voise that neither should he begynne before their coming, nor yet should have understanding therof before he sawe them present: The poore ffrier therfore being ready to begynne, & suddenly beholding so great personages seated in their seates before him, as one much appele, betooke himself to feylewre revering his eyes for some half-howers sparre till at length as one awaking out of a great sleepe, he uttered these wordes w^t a strong voice: Speak ffryar but dost not see who is present, yea w^t hee & I come to deliver an ambassage, not from man, but from god himself.

- II. So I my LL having never so much discouraged w^t the humorousnes of my owne weaknes maye not nowe give plane unto w^t thies imperfections, but calling to mynde the necessitie & justnes of the couse, together w^t the dutie that I owe both to God & my countrye, in that behalfe must begynne to pull upp my spiritts, to cheere upp my harte & to saye unto my harte and soule:
- Speake Catholique, speake boldly and counfydently & feare no adversarie: *Ne timeas a farie eorum ego enim tecum sum.* Feare nowe no man, knowing that god is ready to give assistance, & feare him. *Nolite timere eos qui possunt occidere corpus timete autem eum qui potest et corpus et animam perdere in Gehennam.* Feare not such as can kill the bodie, but feare him who is in the daie of his dreadfull judgement will take a severe accounte of what shallbe left unspoken that ought to have beene spoken upon this necessarie an occasion. It is god that saith *Qui me confessus fuerit coram hominibus, confitebor et ego aum coxam pasce meo:* He that shall confesse me before man, I will also confesse him before my ssavyer: who also of the contrary speaketh (as y^f LLps knoweth) in contrary manner. Wherefore if in

that dreadfull daie I shalbe founde guiltie of feilaure in this behalfe well might I then complayne of my self & sayd: *vae mihi quai tacui*. and my LL *Horrendum est incidere in manus dei vincitiis*, I therfore thought in regarde no lesse of my owne insufficientlye & unworthynes to have or this so important a cause, that of my aforesaid overmuch pusillanimitie & feare, I mye well saye w^t the prophet Jeremye: *A.a.a. ecce nescio loqui A.a.a.* Lorde god behold I knowe not how to speake: Ther is no sufficiencie in me, my strength and courage have forsaken mee, & Lord I cannot speake, because I am a childe

f.846^v

yet considering that some thinge ought nowe of necessitie to be spoken in the

behalfe of god himselfe (whose cause this cause of ours (for wch I speak is) & that ther is no other move to undertake this so great a bewrthen, and ymagyning myself w^t holye Esay the propeht to show god sayd unto hym: *Quem mittam*.

I will w^t him saye: *Ecce ego, mitte me*.

Nowe therfore to speak of his bill in generall & fynding yt to bee in every p^{te}⁶ full of severitie I cannot conceave but that the same severitie must proceede out of one of theise two respectes: that is either for that in regarde of o^r⁷ dissen- tion from y^r LLps in matter of Religion, y^r LL be therfore desyrous to punish us with out any further respect, resting pleased even in this that punishment be used uppon us, as uppon psons⁸ that for o^r religion y^r like not, or els that y^r LLps being desyrous to bring us to be in religion as y^r selves are, do concive likelyhood by this severitie to worke this effect.

⁶ parte

⁷ our

⁸ persons

- III. And verely (my LL.) as ffor the second respect that y^f LLps should for the very lawe of severitie without any other end, extend so great severitie against us, I hold yt for unanswerable unto the honour of the y^f LLps noble myndes.
- IV. But to do yt to the instant to alter us from o^r religion to be as y^f LLps are, surely my LL I hold yt to be unreasonable & I hold yt to be ymprobable.
 {Unreasonable} Unanswerable under y^f LL favour: I hold yt to be for that o^r church & faithe is to be approved by authoritie of the holie Scriptures, wch thoughe yt to be no poynt to be nowe disputed, yet I my LL am also to make good against any man in England that is not better than myself.
 Moreover, I hold yt my LL to be unreasonable that by severitie wee should be driven from o^r religion, considering that by yt christianitie ytselv hath bene planted and established amongst us & that otherwise than by meanes of this o^r religion we have no knowledg of christianitie at all: as if we looke to that wch we all received from Fugatius & Damianus, who brought us the christian faithe: we shall fynde that from them o^r countrie received this religion wch I & those that I speake for do holde & professe: in like manner if we consider our reparation & newe conversion unto the faythe by S. Augustine & his asossiates from St Gregorie, yt is past question that they taught us & lest unto us the very same faithe & religion.
- V. But if yt were to be graunted that in countynnance of tyme errorr or impurytie had by surreption entred into o^r religion, I beseech y^f LLps to give me leave to showe howe unreasonable I fynde yt, that from yt we should be drawne unto that religion wch is nowe professed here in England: yt was my LL the providence of god evermore in the propagacion of publishing of any thinge among his people even in the old lawe & downwards continuallye to use the best men

that then lyved as in delyvering the marke of circumcision he used Abraham afterwards in other things Moyses, David and the prophets: when Christ was presently to be denounced & shoven, for that office was chosen St Baptist of whom o^r Saviour himselfe saith that *inter natos mulierum non surrexit maor Ioannae Baptistae*: ther hath not any person greater than he. After Christes ascension when the gospell was to be promulgated, to whom did that office belong but to the Apostles for that present: & in succeeding tymes to the holye persons and Saynts of the churche who were the holiest & best men in the world. Nowe my LL is yt were necessarie to alter and reforme & that any thinge might have beene amisse after these mens labour yet what mainde of man they, out of whom the religion nowe used in England hath beene collected: Luther and Calvyn etc. & the rest of that company were for such a purpose, Alas, y^r LL I leave to y^r selves to iudge.

- VI. Thus aswell as by these as by sundry ther reasons more It maye I hope sufficiently appeare unto y^r LLps to be unreasonable that by the severitie of this bill we should wryed from o^r owne religion as therby insorted.
- VII. But I hope to showe yt also impossible, for hath never beene that the church hath beene suppressed by persecution, but hath beene encreased according as yt is reported therof that *Ecclesia persecutionibus non miniuntur sed augetur, And Is sint dominicus ager segere diliose vescitur, dum grana singula cadunt mistiphicata nascintur*: the wch is very consinant to the wordes of the gospell, *Nisi granum frumenti cadens in terra mortuum ispum solum maxet, &* And we are that grane of corne my LL wch must be beaten to deathe w^t persecution, that so we maye fructifye in gods churche abundantly.
- VIII. And nowe calling to mynde certayne wordes that were upon Saturday last spoken in this place by a nobleman upon occasion of my speche then offred unto y^r LLps, against the

ingrossing of the bill, I besech y^r LLps to give me leave to answer the same in one poynte especially that I then noted in them.

IX. It was then by that Lorde vehemently wryed that the bill was fytt to passe for sundry respects & among them others for the precise order taken therin against the bringing upp of youthe in o^r religion, wch is nowe by wante of such sound provision (as his Lordship reported) greatly through out this lande augmented & this he noted to agree w^t the verse of the poet *Que semel est imbute verens etc* & and thought that by like reason such encrease of o^r religion would be cutt of by the contrary provision of the bill.

X. Nowe my LL although yt be ordynarilye true that verse of the poet dothe

f.847^r

importe, yet it is not alwaies true especially in this case for the great accesse wch his Lo: observed to have come lately (as yt was hymself specified) synce the entrance of his Ma^{tie}⁹ into this kingdome cannot possibly be of children but of persons of ripe yeares, as hath also beene for the dyvers later yeares contynually five yea some to one: wherin y^r LLps may be pleased to observe that ther must would be some extraordinarye matter in o^r religion that draweth awaye so great number from that wherin they have beene brought upp from their infancies. Alas my LL is it be the faithe & synceritie of the cause, what have wee to allure them: w^t us they cann expecte no honour, no promocion, no offices, no matters either of profitt or reputacion. But they must looke for disgrace, for losse of goodes & estates, for ymprisonment & affliction ya & for deathe so that by that provision, I see no likelyhood of that effect to ansewe wch that Lord so much desired.

⁹ Maiestie

- XI. Many other things (is it please y^r LL maye be surely produced to shawe the impossibilitie of draving us by the severitie of this bill to the alteracion of o^r religion wherof sundry that have in their owne place overpassed my memory I nowe preserwytt. Most humbly therfore I do beseeche y^r LLps to remember that they lived & died in that faithe & religion wch we profess & for wch I speake: & that by and in the same faithe & religion their soules (as wee do verely hope & beleeve) are nowe in haven. For their sakes & for the equitie of o^r cause I beseech y^r LLps to have commiseracion uppon us. I would to god I know by what wordes or actions to move y^r LLps in this behalfe: Surely if I thought yt might agree aswell w^t y^r LLps & w^t the honour of this place wherin I stande, as yt doth w^t the humilite of myne owne parte, I would kneele upon my knees to craue y^r LLps fevoure therin, & if I might have hoped that out of this place yt might worke any effect I would most willingly creepe & craule upon all fower to any of y^r LLps to graunte the same. I speake not this my Lorde out of any basenes of mynde, but out of the dutie wch I owe unto all my brethern wch in one & the same bodie are w^t me fellowe members. I know ther is no one of them but if he were here in place & were to speake but for him self would most willingly and contagiously say w^t the apostle *Quis nos seperabit a charitate Christi, an tribulation, an angustia, an fames, etc.* & w^t another Apostolique man: *Ignis, crux, bestia, ossium* contrarie to manner of distress & persecucion come upon me, so that I maye finally enioye Christe & may inseperably adhere unto the faithe of his holie Catholique Church, but my LL have seen their zeale would beare any one of them to speake for themselves, yet I being but one, to speake in the behalfe of all must needes be prodygall of other mens estates, but ought rather to hazard my owne for theirs. Wherefore I do agayne beseeche y^r LLps by all manner of obtestations to

- have honourable consideracion of o^r cause & o^r selves, who have ever borne o^r selves most dutifully & loyallie both to the late Quene & to the Kyngs Matie also that nowe is.
- XII. I did indeede (to my grieffe) see in Wynchester the practices of the twoo preistes Mr Watson and Mr Clarke wch some other Catholiques conioyned and that action, but I hope y^r LLps will not impute their pryvate act unto a multitude, considering both the psons to whom they were ioyned, & what the generall sorte of catholiques had cause to thinke of them who did all knowe of the daylie conversacion of those preistes w^t one greatest persecutor, in so much that we had them in very great suspicion not only false dealing towards us, but even of fayning in the very poynt of their religion: howsoever it is trewe (I confesse) that at their deathe being touched by god in their hartes they professed them selves to dye perfect catholiques as their functions required but what we had cause to conceave of them before o^r carraige towards them maye give testimony sufficient.
- XIII. My Lorde, I cann saye no more unto y^r LLps but do refer o^r cause & o^r selves unto y^r honourable consideracions be-seeching the goodnes of god to worke in all owr parte, that being all unyted in one profession of that only trewe faithe wherin only we have hope of salvacion, we maye all w^t one assent of harte & mouthe saye w^t good olde Zacharye.
Benedictus dominus deus Israeli quai visitavit et fecit redemptionem plebis suae etc.

Копия речи лорда виконта Монтегю о прекращении наказания и бедствий католиков, произнесенная перед Лордами в Парламенте в 23 день июня тысяча шестьсот четвертого года, подробно (насколько возможно) записанная, когда он ее произносил, вследствие чего сразу после этого он был отправлен заключенным в тюрьму Флит¹⁰.

Милорды, я признаю перед Вашими Светлостями, что высказываясь по этому делу (чего я никогда и не хотел) только в отношении того, о чем я могу говорить, то есть о том, что непосредственно касается вопроса о религии (ибо я признаю, что не имею знаний и понимания, чтобы говорить о политике и других подобных ей вещах), рассуждая о том предмете, о каком я в состоянии говорить, я полон страха, и если бы я даже попытался это скрыть, выражение моего лица и жесты выдали бы меня. Поэтому я признаю свое малодушие и недостаток храбрости, искренне открывая свое сердце и ум вам, милорды, ведь я больше всего боюсь оскорбить вас. Я не имею никакого желания разглагольствовать, побуждаемый духом противоречия, или же отбросив всякое уважение к Вашим Светлостям, но стремлюсь по необходимости облегчить свою совесть в столь важном деле, отчасти признавая также и свою слабость, принимая во внимание то, что мне придется противоречить нынешним авторитетам, и тому пониманию религии, которое принимают Ваши Сиятельства. Признаю, что это соображение лег-

¹⁰ Билль о сохранении в силе елизаветинских антикатолических статутов был внесен на рассмотрение Палаты Лордов в конце мая 1604 г. Первая версия билля была отклонена после первого чтения, и была сформирована комиссия для внесения поправок (Journal of the House of Lords, V. 2, 313-314). 23 июня исправленная версия билля была принята во втором чтении. Во время третьего (и последнего) чтения, состоявшегося в понедельник, 25 (а не 23) июня 1604 г. виконт Монтегю и произнес свою речь, с негодованием воспринятую членами палаты (Journal, V. 2, 328). На следующий день (26 июня) лорды проголосовали за то, чтобы виконт был арестован и отправлен в тюрьму Флит за оскорбление палаты (Journal, V. 2, 329). В субботу, 30 июня 1604 г., лорды, решив, что строптивый коллега уже достаточно наказан, постановили освободить его из-под стражи. Виконт Монтегю появился на следующем заседании Палаты Лордов (2 июля 1604 г.) и принес свои извинения всем присутствовавшим (Journal, V. 2, 334-335).

ло тяжким грузом на мою совесть и ввергло меня в состояние малодушия и страха.

I. Однако мне вспоминается история, которую я считаю достоверной. В правление короля Генриха 8, во время роспуска монастырей¹¹ некий монах должен был проповедовать в Лондоне¹², о чем стало известно высочайшим лицам в государстве, и они, сомневаясь, что он дерзнет проповедовать против их взглядов, позаботились о том, чтобы прибыть на его проповедь, причем с таким шумом, что он не мог ни начать до их появления, ни понять, в чем дело, до тех пор, пока не увидел их. Бедный монах, уже было собравшийся начать проповедь, внезапно обнаружил, что перед ним сидит столько знатных людей, словно вызов ему, приготовился к провалу, возвел глаза к небу и замер так почти на полчаса. Наконец, словно бы очнувшись после глубокого сна, он громко произнес такие слова: «Говори, монах, и не смотри на тех, кто перед тобой, так как послание твое — не от человека, но от самого Бога».

II. Так и я, милорды, пораженный своей мерзкой слабостью, мог бы сейчас и промолчать, при всем моем несовершенстве. Но мысль о необходимости и справедливости дела, а также о долге перед Богом и моей страной заставляет меня собраться с духом, возрадоваться в сердце своем и сказать сердцем и душой:

Говори, католик, говори смело и уверенно, и не бойся никакого противника: *Ne timeas a facie eorum ego enim tecum sum*¹³. Не бойся же никого, зная, что Господь готов помочь тебе, но бойся Его. *Nolite timere eos qui possunt occidere corpus timete autem eum qui potest et corpus et animam perdere in*

¹¹ Генрих VIII, (1492-1547), король Англии в 1509-1547 гг. В 1536-38 гг. английские монастыри были распущены, а их имущество секуляризировано.

¹² Речь идет о проповеди, произнесенной в Гринвиче францисканцем-обсервантом Уильямом Пето 31 марта 1533г., в которой он обличал грехи короля.

¹³ Иерем. 1:8 Не бойся их, ибо Я с тобою, чтобы избавлять тебя, сказал Господь.

*Gehennam*¹⁴. Бойся не того, кто может убить тело, но бойся Того, кто в день Страшного суда сурово осудит все то, что должно было быть сказанным по такому важному делу, но так и не было произнесено. Господь сказал: *Qui me confessus fuerit coram hominibus, confitebor et ego aum coxam pasce meo*¹⁵. Кто исповедует меня перед людьми, того и я исповедую перед Спасителем моим, с тем же, кто говорит иначе (как знают Ваши Светлости), поступлю наоборот. И если в этот страшный день я буду признан виновным в том, что не смог сделать должного, мне останется лишь винить себя, ибо сказано: *vae mihi quai tacui*¹⁶, а также, милорды, *Horrendum est incidere in manus dei vincitiis*¹⁷. Хотя принимая во внимание не только мои недостатки и недостойность в столь важном деле, но и упомянутые чрезвычайное мало-душие и страх, я могу сказать вместе с пророком Иеремией: *A.a.a. ecce nescio loqui A.a.a.*¹⁸. Господь видит, я не знаю, что сказать, нет во мне знания, моя сила и смелость оставили меня. Господи, я не могу говорить, ибо я всего лишь дитя.
f.846v

Но подумав о том, что некоторые вещи обязательно должны быть сказаны во имя самого Бога (ибо Его дело — это наше дело (о котором я говорю)), и нет другого способа сложить с себя это тяжкое бремя, я представлю себя с пророком Исаией, которому Господь сказал: *Quem mittam*. Я вместе с пророком отвечаю: *Ecce ego, mitte me*¹⁹.

Теперь о билле в целом: я нахожу все его положения непостижимо жестокими. Эта жестокость может обуславливаться двумя обстоятельствами: либо в силу того, что мы отде-

¹⁴ Матф. 10:28 И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить, а бойтесь более Того, Кто может и душу, и тело погубить в геенне.

¹⁵ Лк. 12:8 Сказываю же вам: всякого, кто исповедует Меня пред человеками, и Сыне Человеческий исповедует пред Ангелами Божиими.

¹⁶ Иов 10:15 Если я виновен, горе мне!

¹⁷ Евр. 10:31 Страшно впасть в руки Бога живого!

¹⁸ Иерем. 1:6 А я сказал: О Господи Боже! Я не умею говорить, ибо я еще молод.

¹⁹ Ис. 6:8 И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать: и кто пойдет для Нас? И я сказал: вот я, пошли меня.

лены от Ваших Светлостей в деле религии, вы, милорды, стремитесь покарать нас без снисхождения, находя удовольствие в том, что нас наказывают, как людей другой веры, либо Ваши Светлости, желая, чтобы мы приняли вашу религию, считаете вероятным, что данную цель можно достичь жестокостью.

III. Поистине, милорды, я считаю несовместимым с благородством ваших умов первый ответ, а именно, что вы применяете против нас жестокость ради самой жестокости, безо всякой другой цели.

IV. Но если вы делаете это с целью побудить нас перейти от нашей религии к вашей, то я считаю это неразумным и невероятным.

Необъяснимым, милорды, потому что наша церковь и вера признаны авторитетом Св. Писания, и хотя не стоит обсуждать этого здесь, я однако, готов доказать это против любого человека в Англии, не превосходящего меня.

Более того, я утверждаю, милорды: неразумно считать, что жестокость может побудить нас оставить нашу религию, ведь именно благодаря ей само христианское учение было распространено среди нас, и если бы не она, мы бы вовсе не знали о христианстве. Ведь если мы посмотрим на то, какое учение мы приняли от Фугация и Дамиана, принесших нам христианскую веру, то обнаружим, что от них наша страна получила ту самую религию, которую исповедую я и те, от чьего имени я говорю. Точно так же, если мы поразмыслим над нашим отпадением от веры и новом обращении к ней при помощи Св. Августина и его помощников, посланных Св. Григорием, то невозможно усомниться в том, что они учили и оставили нас с той же самой верой и религией²⁰.

²⁰ Здесь виконт Монтегю по всей видимости, ссылается на имевшую большой резонанс полемику относительно обстоятельств крещения Англии. Средневековые английские хроники сообщали о том, что Англия была крещена несколько раз — Св. Иосифом Аримафейским в I в. н.э., миссионерами Фаганом и Дувианом, посланными папой Элевтером к королю бриттов Луцию, во II в. и, наконец, Св. Августином, посланным папой Григорием I в конце VI в. В 1598–1604 гг. вопрос о том, кем и когда была крещена Англия,

- V. Но даже если предположить, что с течением времени в нашу религию тайно проникли заблуждения или скверна, я умоляю вас, милорды, позволить мне показать, сколь неразумной я нахожу мысль о том, что мы обратимся к религии, которую исповедуют в Англии в наши дни. Милорды, Господь в своем провидении в ветхозаветные времена и позднее всегда использовал для возвещения чего-либо лучших из живших тогда людей; так, оповещая о знаке обрезания, Он использовал Авраама, позднее в других случаях — Моисея, Давида и пророков. Когда Христос должен был быть явлен народу, для этого дела был избран Св. Иоанн Креститель, о котором сам Спаситель сказал: *inter natos mulierum non surrexit maior Ioannae Baptistae*²¹: нет челове-

обсуждался в полемических сочинениях протестантов Фрэнсиса Хастингса (*A Watchword to all religious and true heretick English-men*, 1598; *An Apologie or Defence of the Watch-word*, 1600), Мэтью Сатклифа (*A Briefe Replie*, 1600; *A New Challenge*, 1600) и их католических оппонентов Томаса Фицджерберта (*A Defence of the Catholyke Cause*, 1602) и Роберта Парсонса (*A Temperate Wardword*, 1599; *The Warn-word to Sir Francis Hastings' Wast-word*, 1602; *A Treatise of Three Conversions of England from Paganism to Christian Religion*, 3 vols, 1603–1604). Протестантские богословы настаивали на том, что Англия впервые приняла христианское учение не из Рима, а с Востока, поэтому они предпочитали использовать легенду о Св.Иосифе Аримафейском. Католические авторы, напротив, подчеркивали связь английской церкви с Римом и говорили о мифической миссии Фагана и Дувиана, а также, естественно, о Св. Августине. Виконт Монтегю явно следует их примеру. То, как он приводит имена миссионеров, говорит не только о его знакомстве с полемической литературой, но и о довольно точном следовании образцу, в данном случае сочинению Фицджерберта. Последний пишет имена миссионеров в данной транскрипции (Фугаций и Дамиан); более того, речь виконта следует тексту Фицджерберта: «Наша католическая религия, которую Св. Августин насадил среди англичан, была за 400 лет до этого проповедована королю Луцию и бриттам Фугациусом и Дамианом» (*A Defence of the Catholyke Cause*, 1602: 'our Catholyke religion which sainte Augustin planted amongst the English, was delivered 400 yeres before to King Lucius and the Britains by Fugatius and Damianus'). Подробнее о полемике см.: *Серегина А. Ю.* Мифы о крещении Англии в религиозной полемике конца XVI в. // *Диалог со временем*. 2004. Вып. 12.

²¹ Лк. 7:28 Ибо говорю вам: из рожденных женами нет ни одного пророка больше Иоанна Крестителя.

ка, превосходящего его величием. После вознесения Христа, когда необходимо было проповедовать Евангелие, кому было вверено это дело, как не Апостолам в то время, а в последующие века — святым церкви, достойнейшим и превосходившим святостью всех в мире. Итак, милорды, даже если было бы необходимо изменить и реформировать что-то, даже если что-то нуждалось в исправлении после всех трудов этих людей, я предоставляю вам самим судить о том, подходили ли для этой цели те, от кого пошла ныне признанная в Англии религия — Лютер и Кальвин, и прочие из их компании.

VI. Итак, я надеюсь, что в силу этих и прочих соображений я убедительно показал Вашим Светлостям, что жестокость этого билля не сможет отвратить нас от нашей религии, как предполагалось.

VII. Но я надеюсь показать также, что это невозможно, ибо никогда не случалось так, чтобы церковь погибала от преследований, напротив, она становилась многочисленнее благодаря им, ведь сказано: *Ecclesia persecutionibus non miniuntur sed augetur*²², и *Is sint dominicus ager segere diliose vescitur, dum grana singula cadunt mistipicata nascuntur*²³: это созвучно словам Евангелия: *Nisi granum frumenti cadens in terra mortuum ipsum solum maxet*²⁴. И мы, милорды, суть то пшеничное зерно, которое может умереть от гонений и принести обильные плоды церкви Господней.

VIII. Теперь, припомнив слова, сказанные здесь в субботу одним из лордов по случаю моей речи, произнесенной перед вами, милорды, против регистрации этого билля, я умо-

²² Церковь не уменьшается, но прирастает от преследований (лат.).

²³ Первая часть фразы [Is ... vescitur] плохо поддается переводу, поскольку она явно не согласована грамматически. Скорее всего, это ошибка переписчика. Вторая часть фразы [dum ... nascuntur] может быть переведена следующим образом: когда отдельные зерна умирают, то таинственным образом рождаются [в колосе]. (лат.)

²⁴ Иоанн. 12:24 (25 в латинской версии — Вульгате) Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода.

ляю Ваши Светлости позволить мне ответить на них, особо упомянув один вопрос, как я записал его.

- IX. Упомянутый лорд настаивал на том, чтобы билль был принят, по разным причинам, в том числе и потому, что билль содержит предписание против того, чтобы молодые люди воспитывались в нашей религии, которая сейчас (по мнению Его Сиятельства), в отсутствие такого разумного предписания, значительно распространилась в нашей стране. Он привел слова поэта *Que semel est imbuta verens etc*²⁵. и счел, что по этой причине распространение нашей религии будет прекращено благодаря предписаниям данного билля.
- X. Милорды, хотя строка поэта и содержит истину в обычном смысле,
f.847r
она не всегда справедлива, особенно в данном случае. Ведь люди, принявшие нашу веру в последнее время — что было отмечено Его Светлостью — после воцарения Его Величества в нашем королевстве (как он сам уточнил), не могут быть детьми, они достигли своего совершеннолетия пять лет назад, или год назад. Да соблаговолят Ваши Светлости отметить, что в нашей религии должно быть нечто особенное, привлекающее к ней столь многих людей, которые оставляют ради нее ту веру, в которой были воспитаны с колыбели. Увы, милорды, мы не имеем ничего, кроме веры и истинности нашего дела, чтобы увлечь их: у нас они не могут ожидать почестей, продвижения, должностей, приносящих доход или славу. Их ждет позор, утрата движимого имущества и земель, тюремное заключение и бедствия, вплоть до смерти. Поэтому я не считаю вероятным то, что это предписание приведет к столь желанному для Его Светлости результату.
- XI. Можно было бы привести (если угодно Вашим Светлостям) много других доводов в пользу того, что жестокость билля не заставит нас изменить нашей религии. Некоторые

²⁵ Почитается то, что однажды было воспринято (лат.).

из этих доводов в свое время приходили мне на ум, но я приберегу их для другого случая. Я смиренно прошу Ваши Светлости вспомнить о тех, кто жил и умер в лоне той веры и религии, которую исповедуем мы, а также о том, что благодаря этой самой вере и религии их души (как мы искренне надеемся и верим) ныне пребывают на небесах. Ради них и во имя нашего справедливого дела я умоляю Ваши Светлости смилостивиться над нами. Видит Господь, я не знаю, какими словами или действиями побудить к этому Ваши Светлости. Милорды, я бы ползал перед вами на коленях, добиваясь вашей благосклонности, если бы счел, что это будет принято вами, и совместимо с честью того места, в котором я нахожусь. Чтобы добиться вашей милости, я бы прополз за любым из вас через весь зал, если бы надеялся, что это приведет к какому-либо результату. Я говорю это, милорды, не из низости душевной, но из долга перед своими братьями, которые вместе со мной принадлежат к одному телу. Я знаю, что их здесь нет, но если хотя бы один из них оказался бы здесь и мог говорить за себя, он с готовностью произнес бы вслед за Апостолом: *Quis nos seperabit a charitate Christi, an tribulation, an angustia, an fames, etc.*²⁶, и вместе с другим апостолическим наставником: *Ignis, crux, bestia, ossium*²⁷, вопреки всем бедствиям и гонениям я смогу в конце возрадоваться Христу, нераздельно пребывая в вере его Святой Католической церкви. Но милорды, видя их рвение, не позволят никому из них говорить за себя. Мне одному выпало говорить здесь именно от всех, что значит — заботиться о достойности других, но подвергать свое собственное риску ради них. Поэтому я всеми силами взываю к благородству Ваших Светлостей и прошу вас размыслить о нашем деле и о нас, рожденных в этом королевстве и служивших покойной королеве и Его Королевскому Величеству, правящему сейчас, в соответствии с долгом верности.

²⁶ Римл. 8:35 Кто отлучит нас от Любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?

²⁷ Пламя, крест, хищники, кость (лат.).

ХII. Я в самом деле был свидетелем (к моему сожалению) деяний двух священников, мистера Уотсона и мистера Кларка, к которым присоединились и другие католики²⁸. Однако я надеюсь, что Ваши Светлости не станут приписывать большинству намерения немногих, принимая во внимание как личности их вожаков, так и мнение о них прочих католиков, тех, кто знал об их ежедневных беседах с одним из главных гонителей²⁹, и подозревал не только их двули-

²⁸ Речь идет о так называемом «заговоре священников» 1603 г. Упомянутый виконтом католический священник Уильям Уотсон (1539?-1603) в конце 1602 г., за несколько месяцев до смерти королевы Елизаветы, побывал в Эдинбурге. Он предложил шотландскому монарху лояльность английских католиков и поддержку его прав на английский престол в обмен на отмену антикатолических законов. Яков VI согласился на предложение Уотсона, но когда в начале 1603 г. он прибыл в Англию, католиков постигло разочарование, так как новый король отнюдь не собирался выполнять свои обещания. Разочарованный Уотсон решил на организацию заговора. Согласно его плану, 24 июня 1603 г. заговорщики, поддержанные силами католического дворянства, должны были захватить Тауэр, а также взять в заложники самого короля и его семью. В обмен на свое освобождение Яков должен был бы отправить в отставку всех елизаветинских министров, даровать католикам свободу исповедания: в качестве гарантии католикам должны были быть предоставлены крепости и заложники из знатных семей. Помимо Уотсона, в число заговорщиков входил еще один католический священник, Уильям Кларк (1568-1603), дворяне-католики Гриффин Маркхем и Энтони Коупли, а также протестант Джордж Брук (младший брат лорда Кобэма). Однако в июне 1603 г. о планах заговорщиков стало известно правительству, и в течение следующего месяца все они были арестованы. Вовлеченные в заговор миряне сумели добиться прощения в обмен на полное признание. Священники же предстали перед судом 15 ноября 1603 г. в Винчестере. Оба они объявили о своей невиновности, настаивая на том, что в период, предшествующий коронации, король не обладает всей полнотой монарших прав, и подданные поэтому имеют право требовать от него удовлетворения своих жалоб и договариваться о новых «условиях» правления (State Trials. Vol. 2. L., 1809. P. 61-65). Такая позиция лишь привела судей и короля в ярость. И Уотсон, и Кларк были признаны виновными и приговорены к повешению и четвертованию.

²⁹ Виконт, видимо, намекает на то, что «заговор священников» был своего рода ответвлением более широкого заговора, который пытался организовать сэр Уолтер Рэли (известный противник католиков). Целью «большого» заговора было смещение Якова и возведение на английский престол его родственницы Арабеллы Стюарт.

чие по отношению к нам, но и то, что они ненадежны в вере. И хотя я сам могу засвидетельствовать истину того, что в час смерти Господь тронул их сердца, и они признали, что умирают католиками, как того требует их профессия³⁰, однако достаточно свидетельств тому, что мы имели причины подозревать их раньше.

ХIII. Милорды, мне нечего больше вам сказать, я могу только лишь верить наше дело и нас самих вашим благородным размышлениям, призывая нас на помощь Божию милость. Да будет так, чтобы объединенные исповеданием единственной истинной веры, в которой мы имеем надежду на спасение, мы все в один голос произнесли вместе со старым добрым Захарией: *Benedictus dominus deus Israel quia visitavit et fecit redemptionem plebis suae etc*³¹.

*Подготовка текста к изданию,
перевод и примечания
А. Ю. Серegiной*

³⁰ Казнь Уотсона и Кларка состоялась 29 ноября 1603 г. Оба они, как устав и предписывал священникам, в своем последнем слове объявили, что исповедуют католичество, так что их смерть служила свидетельством веры. Страдания Кларка были особенно жестокими, так как его сняли с виселицы еще живым, и ему пришлось претерпеть муки четвертования.

³¹ Лк. 1:68 благословен Господь Бог Израилев, что посетил народ Свой и сотворил избавление ему.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Л. А. КОРОЛЕВА, А. А. КОРОЛЕВ

«ЕВРОИСЛАМ», «ТАТАРСКИЙ ИСЛАМ», «НЕОДЖАДИДИЗМ»

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНАХ

В литературе последнего времени все чаще звучит утверждение о складывании в России в 1990–2000-х гг. «евроислама», «татарского ислама»¹, «неоджадидизма»².

Дефиниция «евроислам» была введена в оборот Р. С. Хакимовым, который считал, что «евроислам» — это «условный термин, относящийся не к теологическим вопросам, а к политической стороне общественных процессов»³. По мнению Р. Гайнутдина, «формирование “евроислама” обосновывается традициями джадидизма,

¹ *Балтанова Г. Р.* Ислам в современном Татарстане // Ислам в истории и культуре татарского народа. Казань, 2000; *Баширов Л. А.* Ислам и этнополитические процессы в современной России. (Точка зрения). М., 2000; *Семенов В. В.* Этнические мусульмане и межнациональные отношения в Поволжье // Ислам в России: Взгляд из регионов. М., 2007; *Хасанов М.* Феномен российского мусульманства // Ислам в татарском мире: История и современность. Материалы международного симпозиума, Казань 29 апреля – 1 мая 1996 г. Казань, 1997 и др.

² Понимание содержания джадидизма претерпело значительную эволюцию: от реформаторско-культурного феномена (*Ариаруни А., Габидуллин Х.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931; *Валидов Дж.* Очерк истории образованности и литературы татар. Оксфорд, 1986 и т. д.) до буржуазно-националистического движения (*Батыев С. Г.* Татарский джадидизм и его эволюция // История СССР. 1964. № 4; История Татарской АССР. Т. 1. Казань, 1955; История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней). Казань, 1968; *Хасанов Х. Х.* Революция 1905–1907 гг. в Татарии. М., 1965 и др.). Согласно «Атеистическому словарю» 1984 года, «Джадидизм (от араб. «усул-иджадид» — новый метод) — буржуазно-националистическое движение, зародившееся среди татарской буржуазии в 1890-е гг., затем в 1890-х гг. получило распространение в Средней Азии. Первоначальные приверженцы Джадидизма выступали за реформу образования, под которой понимались европеизация мусульманского образования, устранение феодальных пережитков, приспособление к потребностям капиталистического общества и т. д. После 1917 г. сторонники Джадидизма выступали против Советской власти, активно участвовали в басмаческом движении» (Атеистический словарь. М., 1984. С. 126).

³ *Хакимов Р. С.* «Евроислам» в межцивилизационных отношениях // НГ–Религия. 1997. 23 октября.

имеющими прочную базу, высоким уровнем образования, наличием большого числа университетов, светским характером общества. Особый упор делается на характер экономики»⁴. Под особенностями экономики Татарстана подразумевается, согласно Р. С. Хакимову, в отличие от остальных исламских стран, развитие в республике науки, высокотехнологической продукции, ориентация на евростандарты и т. д. Как следствие, в Татарстане формируется субцивилизация с элементами неодаждидизма⁵. Р. С. Хакимов приходит к выводу, что под термином «евроислам» следует понимать современный вариант джадидизма, поскольку татарская культура способна противостоять насильственной христианизации; татары принадлежат к исламскому миру, причем с претензией на авангардную роль; кроме того, татары конкурируют с православием в их собственном государстве⁶.

Л. А. Баширов считает, что «татарский ислам» сближается с Западом, европейской цивилизацией, при этом нравственные основы ислама сохраняются. Он убежден, что «татарский ислам», в отличие от «северокавказского ислама», в силу географической и исторической специфики значительно больше контактировал с немусульманскими народами и конфессиями, с одной стороны, и с представителями ортодоксального ислама Средней Азии, с другой, что обусловило развитие в татарском народе национальной и конфессиональной толерантности, органичный синтез культурных и моральных ценностей ислама и либеральных идей западноевропейской цивилизации. «Этот опыт приблизил «татарский» ислам к современной Европе (Западу), где уже сформировался так называемый евроислам, то есть особый вариант ислама, носителями которого выступают представители европейских народов (боснийские славяне, турки) и активно обживающие эту часть мира выходцы из исламских стран. «Татарский ислам» — это один из вариантов евроислама, способный стать духовным мостом между исламскими этносами России и Европы»⁷.

М. Хасанов более категоричен: «Понятие «евроислам», которое постепенно входит в научный оборот, как нельзя кстати подчеркива-

⁴ Гайнутдин Р. Ислам в современной России. М., 2004. С. 146.

⁵ Хакимов Р. С. Ислам и элита Татарстана. Выступление на семинаре «Ислам после СССР». Май 2002 // Сайт Центра восточных культур ВГБИЛ.

⁶ Хакимов Р. С. «Евроислам» в межкультурных отношениях...

⁷ Баширов Л. А. Ислам и этнополитические процессы... С. 76.

ет и парадоксальность, и сущность этого феномена. Скорее всего, прав Исмаил-бей Гаспринский, который верил, что “рано или поздно русское мусульманство, воспитанное Россией, станет во главе умственного развития и цивилизации остального мусульманства. Цивилизация, родившись на крайнем Востоке и постепенно до сих пор продвигаясь на Запад, ныне кажется, начала обратное движение на Восток и на пути ее русские и русские мусульмане, мне кажется, предназначены быть лучшими проводниками”. Его мысль о том, что именно татары предназначены для внедрения западной цивилизации на Востоке, безусловно, заслуживает особого внимания⁸.

Р. Сафин, Ф. Уразаев, идеологи Всетатарского общественного центра, умеренного крыла национального татарского движения, также призывают к «татаризации» ислама, под исламом понимается джадидизм, основной принцип которого — «Религия должна служить нации». Р. Сафин считает, что у каждой нации должен быть свой ислам, приспособленный к ее географо-климатическим условиям. По его мнению, в татарском социуме определились три направления «борцов за нацию», ориентирующихся на Восток, Запад и на «русских демократов». Р. Сафин убежден, что необходимо ориентироваться исключительно на Запад⁹. Р. С. Хакимов занимает еще более резкую позицию, утверждая, что в мире существуют «тюркская» и «исламская» цивилизации. По его мнению, в мире и в России наблюдается усиление мусульманского и тюркского факторов, и татарам нельзя от них изолироваться. В татарском джадидизме на первом месте, считает Р. С. Хакимов, находятся «личностное начало и свободомыслие». Русская культура не соответствует современным реалиям жизни и, как следствие, Татарстан нуждается в «прямом выходе на европейскую культуру». Под «российской цивилизацией», которой как таковой не существует, понимается «русская православная цивилизация». Более жизнеспособной является «мусульманская цивилизация», и татары, хотя и восточный народ, по своей ментальности ближе к Европе, нежели к Востоку¹⁰.

Не все исламоведы придерживаются данной концепции. А. В. Малашенко, например, замечает: «Странным, пока еще не ар-

⁸ Хасанов М. Феномен российского мусульманства. С. 147.

⁹ Татарская нация: Прошлое, настоящее, будущее. Казань, 1997. С. 59-99.

¹⁰ Татары. М., 2001. С. 538.

тикулированным до конца направлением в возрожденчестве явилась попытка самокорреляции в рамках “евроислама”, то есть специфического сегмента европейской, но не христианской цивилизации»¹¹.

Р. М. Мухаметшин убежден, что “джадидизм” и “евроислам” следует расценивать как форму выявления новых интеллектуальных и потенциальных возможностей ислама, попытку выработать оптимальные модели адаптации его в условиях индустриального общества, как своеобразную внешнюю идеологическую оболочку, охраняющую мусульманское сообщество от разрушительного внешнего воздействия. «Но это отнюдь не вмешательство, и, тем более, не изменение базовых принципов ислама. Джадидизм и евроислам направлены на раскрытие тех тенденций, которые для ислама являются принципиально важными для сохранения своего места в системе ценностей современного общества», подчеркивает Р. М. Мухаметшин¹². В. В. Семенов также подразумевает под “неоджадидизмом” соединение мусульманской традиции с самой передовой наукой¹³.

И. Р. Тагиров убежден, что «сейчас не о джадидизме в современной жизни мусульман надо говорить, а о джадидизме — как о явлении прошлого. ...В последнее время много пишут о евроисламе. Но просто заявлять о евроисламе, ссылаясь на реалии нашей действительности, пока оснований нет»¹⁴. А. Н. Юзеев доказывает, что «не следует отождествлять евроислам с джадидизмом, религиозным реформаторством и либерализмом, поскольку джадидизм является лишь частью религиозного реформаторства, просветительства и лишь частично совпадает с либерализмом, имеющим свое специфическое мировоззрение и идеологию, свою философию и этику»¹⁵.

Весьма взвешенной позиции по данному вопросу придерживается Р. Гайнутдин: «Ислам, по определению Священного Корана, осно-

¹¹ Малащенко А. В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998. С. 97.

¹² Мухаметшин Р. М. На путях к конфессиональной политике: ислам в Татарстане // Преодолевая государственно-конфессиональные отношения: Сб. статей. Н. Новгород, 2003. С. 162.

¹³ Семенов В. В. Этнические мусульмане... С. 89.

¹⁴ Ислам и проблема идентичности татар // Гасырлар авазы — Эхо веков. Казань, 2002. № 3/4. С. 16-17.

¹⁵ Ибрагим Т. К., Султанов Ф. М., Юзеев А. Н. Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте. Казань, 2002. С. 204.

ывається на неизменном вероучении... И с этой точки зрения нет и не может быть ислама российского, арабского, турецкого, индонезийского»¹⁶. Но в то же время, он продолжает, «законы, по которым живут мусульмане в человеческом обществе, не могут быть одинаковыми везде и на вечные времена, не могут не исходить из тех условий, в которых им приходится действовать в каждую историческую эпоху. Каждый из мусульманских народов имеет свою, отличающуюся от других политическую историю, государственный строй, социально-демографические характеристики, общеобразовательный и культурный уровень, географические условия. А все это, в свою очередь, не может не отражаться на характере религиозности, роли ислама в жизни общества и личности, облике мусульманина»¹⁷.

Л. Р. Сюкияйнен предлагает классифицировать ислам как «народный», ориентированный на традиционные формы быта, культурные традиции, обычаи и образцы светского поведения мусульман, и ислам «официальный», олицетворяющий религиозный культ и догматику, выражающийся в функционировании мечети, мусульманских организаций и центров¹⁸. Кроме того, отечественные специалисты выделяют следующую специфичную черту российского ислама, заключающуюся в сравнительно низком уровне политико-правовой культуры, что объясняется продолжительной изолированностью мусульман России и их религиозных структур от главных мировых мусульманских центров.

Стремясь систематизировать все данные категории, В. В. Семенов представляет современный «татарский ислам» в «трех ипостасях: ислам мечети, который становится все менее национальным — имамы теперь учатся и повышают квалификацию в арабском мире, а проповеди произносят на русском языке; ислам интеллигенции — неодаждидизм, «евроислам», которые, по мнению ортодоксов, граничат с ересью; народный, особенно деревенский, ислам с местными обычаями, обрядами и преданиями»¹⁹.

По большому счету вопрос содержания дефиниций «евроислам», «татарский ислам», «неодаждидизм» означает задачу выбора ориентации (политической, культурной, духовной) отечественных

¹⁶ Гайнутдин Р. Ислам в современной России. С. 150.

¹⁷ Там же. С. 150-151.

¹⁸ Сюкияйнен Л. Р. Шариат и мусульманско-правовая культура. М., 1997. С. 6.

¹⁹ Семенов В. В. Этнические мусульмане... С. 89.

мусульман «Запад — Россия?», одной из составляющих проблемы взаимодействия христианской и исламской цивилизаций в России. Внимание к данной проблеме остается повышенным на протяжении длительного времени, учитывая многоконфессиональный характер российского / советского государства²⁰. Исследуя данное направление, следует иметь в виду, что отношения православных и мусульман в России, по справедливому замечанию Дж. Уорхолы, носят асимметричный характер, поскольку «православные в России — это в основном русские; ...мусульмане же имеют весьма многообразную этническую самоидентификацию...»²¹.

В Российской империи ислам не являлся равноправной с православием религией. К. П. Победоносцев подчеркивал: «Государство признает одно вероисповедание из числа всех истинным вероисповеданием и одну церковь, исключительно покровительствует и поддерживает к предосуждению всех остальных церквей и исповеданий»²². Несмотря на разностатусность православия и ислама в стране, в результате многовекового сосуществования, взаимодействия и взаимопроникновения православной и мусульманской культур мусульмане России достаточно глубоко интегрировались в российское общество. А. В. Малащенко верно подмечает, что «отношение к исламу в империи и в СССР в зависимости от времени, ситуации и в разных слоях общества варьировалось от отторжения до признания его частью российского исторического наследия, общероссийской культуры»²³.

²⁰ Журавский А. В. Христианство и ислам. М., 1990; Исламо-христианское пограничье: Итоги и перспективы изучения. Казань, 1994; История России как многоконфессионального государства: Материалы 42 Всероссийской заочной конференции. СПб., 2006; Лопаткин Р. А. Конфессиональный портрет России: К характеристике современной религиозной ситуации. Междунар. конф. «Свобода совести и обеспечение межрелигиозного взаимопонимания», Москва, 21-22 июня 2001 г. М., 2001; Медведко Л. И. Россия, Запад, Ислам: столкновение цивилизаций? М., 2003; Религиозность и конфессиональная принадлежность как фактор межэтнических напряжений. М., 1996; Христианство, иудаизм и ислам: Верность и открытость. М., 2004; Шевченко А. Г. Ислам и христианство. Исторический опыт и перспективы сотрудничества. М., 2004; и др.

²¹ Цит. по: Верховский А. М. Публичные отношения православных и мусульманских организаций на федеральном уровне // Ислам в России: Взгляд из регионов. С. 127.

²² Никольский Н. М. История Русской Церкви. М., 1983. С. 428-429.

²³ Малащенко А. В. Исламское возрождение... С. 6.

Р. Г. Ланда и С. М. Прозоров отмечают мирные и добрососедские отношения православных и мусульман: «Территории с мусульманским населением, входившие в состав Российской империи, а затем — в СССР, в течение длительного времени развивались в диалектической связи друг с другом, населявшие их народы имели много общего, как в плане материальных условий, так и в сфере духовной жизни. В рамках единого геополитического пространства шли интеграционные процессы в области общественного уклада, быта, культуры, духовных ценностей»²⁴. Р. Г. Ланда характеризует «российскую цивилизацию» как самодостаточную, как плацдарм для сотрудничества разных этносов и конфессий, в том числе, православия и мусульманства²⁵.

В свою очередь, А. В. Малашенко считает преувеличенным значение мусульманско-христианского взаимовлияния и воздействия православной культурной традиции на российских мусульман: «С XIV в. ислам и православие существуют в России как бы параллельно, не пересекаясь в плане культурного и идейного взаимовлияния. В целом российскому обществу была свойственна в отношении ислама индифферентность»²⁶. А. Кудрявцев полагает, что отношения славяно-православных и тюрко-мусульманских этносов носили сложный и неоднозначный характер, и диалог между ними был маловероятен: «Бесмысленно отрицать тот факт, что исторически православие (как и христианская религия в целом) не относилось — и не могло относиться — к исламу иначе, как к ереси»; в России ислам расценивался общественным мнением как религия малоразвитых восточных обществ²⁷. А. М. Верховский развивает данный тезис: «Руководство РПЦ, сколько бы ни произносило слов о равноуважительных отношениях РПЦ и мусульманских организаций, могло чувствовать себя “старшим партнером”, и не только из-за различия в количестве верующих или религиозных организаций. Дело еще и в различии статуса православных и мусульманских

²⁴ Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. Вып. 1. М., 1998 С. 4.

²⁵ Ислам в истории России. М., 1995. С. 26-27.

²⁶ Малашенко А. В. Исламское возрождение... С. 23, 38.

²⁷ Кудрявцев А. Исламофобия в постсоветской России // Ислам в СНГ. М., 1998. С. 162-163.

деятелей в глазах общественного мнения»²⁸. Очень точно высказался по данному поводу Р. С. Хакимов: «Россия — светская страна, и большинство населения составляют православные. В то же время российские условия для мусульман не чуждые, не привнесенные и не вынужденные, они родились в этой стране и считают ее своей. Эта страна не хуже и не лучше, чем мусульманские государства, она просто другая. Миллионы мусульман выросли в России с убеждением, что живут и должны жить в светской стране, считаясь с той культурой, которая выработана за многие столетия»²⁹.

Можно согласиться с Г. Емельяновой, утверждающей, что спецификой мусульман Российской империи в отличие от, допустим, Турции, являлось гораздо большее и целенаправленное воздействие на него со стороны немусульманской, т. е. русской нации, в особых условиях — огромные территориальные рамки, слабая концентрация населения, политика «русификации» и т. д.³⁰. А. В. Малашенко, в связи с этим, делает весьма ценное замечание: «Ислам, несмотря на глубокие исторические корни, многовековое присутствие на нынешней территории России, на инкорпорированность в российскую цивилизацию, является религией меньшинства. Это, в конечном счете, и определяет место мусульман в конфессиональном и этнополитическом ландшафте российского общества»³¹, и фактически провоцирует поиски «старшего» брата, что и выливается на теоретическом уровне в дискуссии о сути некоторых дефиниций.

Таким образом, вопрос о содержании, формах “неоджидидизма”, “евроислама”, “татарского ислама” пока находится в стадии становления. Однако, очевидно, что данный вопрос следует рассматривать в контексте проблемы взаимоотношений православия и ислама в российском государстве.

²⁸ *Верховский А. М.* Публичные отношения православных и мусульманских организаций... С. 148.

²⁹ *Хакимов Р. С.* Ислам в Поволжье (История, исламская субцивилизация в Татарстане, Евроислам: ключевые понятия) / Авторский материал. 01.2003 // www.kazanfed.ru/authors/khakimov

³⁰ *Емельянова Г.* К вопросу о национальной самоидентификации волжских татар в конце XIX – начале XX веков: татаризм, тюркизм и исламизм // Мир ислама. Казань, 1999. № 1/2. С. 109-122.

³¹ *Малашенко А. В.* Исламское возрождение... С. 6.

«Гувернантка либо ничто»

ПРОБЛЕМА ЖЕНСКОЙ ЗАНЯТОСТИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ – СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

ПО ПОВОДУ МОНОГРАФИИ О. Ю. СОЛОДЯНКИНОЙ
«ИНОСТРАННЫЕ ГУВЕРНАНТКИ В РОССИИ»

В отечественной историографии появилось еще одно интересное исследование, позволяющее более полно рассмотреть сразу несколько страниц истории России второй половины XVIII – первой половины XIX века: историю воспитания и образования российского дворянства, механизмов воздействия европейской культуры на российское общество, проблем межкультурных коммуникаций и формирования национальной идентичности представителей российских образованных слоев. Но, прежде всего, монография О. Ю. Солодянкиной — это коллективный портрет иностранных гувернанток, представительниц различных европейских наций, отказавшихся от привычного окружения и избравших своей судьбой службу в далекой России. Кто были эти женщины? Что подвигло их на этот решительный шаг? Как сложилась их судьба в новом для них окружении? Какую лепту внесли они в воспитание и образование российской элиты и, следовательно, в российскую культуру и политику?

Обширный фактический материал, собранный и щедро представленный автором, позволяет судить о том, что этот вклад был очень значительным. В книге приводится огромное количество ссылок на политиков, общественных деятелей, выдающихся представителей культуры и искусства, чье детство и юность прошли под облагораживающим воздействием гувернанток, оказавших значительное влияние на формирование их характера и взглядов: начиная от царской фамилии, в каждое из поколений которых приглашались английские воспитательницы, и знаменитых дворянских родов Шереметьевых, Воронцовых, Долгоруковых, Бутурлиных и до М. Ю. Лермонтова и П. И. Чайковского. Мальчиков гувернантки воспитывали до семи лет, со многими воспитанницами женского пола они оставались на всю жизнь. О значимости и распространенности этой профессии свидетельствовало издание в середине XIX в. специального журнала «Гувернантка»

Положительную роль иностранных воспитателей в формировании российской элиты признал в 1847 г. один из наиболее популярных толстых российских журналов «Отечественные записки», на который ссылается О. Солодянкина: «Семена, посеянные гувернанткой и учителем, уже приносят некоторые плоды: по их милости, они (воспитанники. — *О. Ш.*) лепетали по-французски еще в деревне; теперь перед ними открываются богатства и идеи иностранных литератур, и выходит человек — худ ли, хорош ли, но все лучше прежнего. И все гувернантка, и все учитель! Их страдальческая жизнь принесена в жертву для того, чтоб вышло целое поколение, которое их трудами и заботами уже лучше предыдущего, уже живет более развитою жизнью!» (С. 21). Как отмечает автор, высокая степень этого влияния была одним из предметов дискуссии в извечном споре между славянофилами и западниками, вызывая беспокойство у первых и удовлетворение у вторых. Сама исследовательница, впрочем, исходит из принципа научной объективности, воздерживаясь от субъективных оценок и позволяя читателю самому делать выводы, опираясь на разнообразный и тщательно подобранный фактический материал. Такая позиция, на наш взгляд, является сильной стороной исследования и выгодно отличает его от некоторых вышедших в последнее время работ по проблемам межкультурного взаимодействия, в которых четко прослеживаются личные симпатии и антипатии автора (впрочем, такого рода работы скорее относятся к околонучной публицистике, нежели к академическим исследованиям).

О. Ю. Солодянкину в исследуемой теме прежде всего интересуют проблемы взаимодействия представителей различных культур, поэтому она опирается на теории межкультурной коммуникации. Между тем, в монографии в большей степени отражен взгляд представителей российского общества того времени на проблему домашнего воспитания и образования подрастающего поколения с использованием труда гувернантки. Такой подход, как нам кажется, объясняется не только принадлежностью самого автора к русской культурной традиции (в работе все же ощущается выстраивание материала по принципу «свой-иной»), но и используемой ею источниковой базой: работа опирается на богатую подборку мемуарной литературы, но это мемуары представителей русской стороны диалога. В работе подробно рассматриваются поиски и условия найма гувер-

нанток, предъявляемые к ним требования, условия их жизни и их положение в семьях нанимателей, применяемые ими методы воспитания и отношения с воспитанниками, стереотипы восприятия иностранных воспитательниц. Нужно отдать должное автору, все это изложено детально, аргументировано и читается с большим интересом. С одной стороны, это — качественное академическое исследование, с другой — добротная научная беллетристика, интересная не только для специалиста, но и для обычного читателя, желающего расширить свои познания в области российской истории, культуры, образования, быта и нравов российского дворянства.

Кроме уже названных, у монографии «Иностранные гувернантки в России» есть еще одно несомненное достоинство: после ее прочтения хочется поразмышлять о вопросах, которые остались вне поля зрения автора в силу той простой причины, что «нельзя объять необъятное». В частности, исследуемая проблема вызывает желание взглянуть на нее с точки зрения гендерной теории и с позиции историка-англоведа.

Избранная автором тема интересна и в плане изучения истории женской профессиональной деятельности и положения определенной части представительниц среднего класса, особенно одиноких женщин. Гувернантка была самой распространенной женской профессией вплоть до последней трети XIX века. Распространенность профессии гувернантки была следствием доминирующей и европейском, и в русском обществе патриархатной модели, которая четко ограничивала жизненные стратегии женщин. Пол как категория был решающим фактором в том, какое образование получал человек. Девочек считалось необходимым готовить к роли благопристойной жены, матери и домашней хозяйки. В силу этого женское образование существенно отличалось от мужского не в лучшую сторону и значительно ограничивало возможности женщин по трудоустройству, если они не выходили замуж и по тем или иным причинам оставались без поддержки родственников. Таких женщин было достаточно много, особенно в Англии. Результаты переписи населения 1851 г. показали, что 1400 000 женщин в возрасте 20 до 40 лет и 359 969 женщин старше 40 лет были незамужними¹: «это была цена

¹ Jalland P. *Women, Marriage and Politics 1860–1914*. Oxford, 1986. P. 255.

нашей блестящей империи, которую платили в основном женщины. В высших классах большой процент сыновей и братьев, потенциальных мужей, всегда должен был находиться в колониях. Некоторые из них затем возвращались, но не все»². Для значительного количества этих женщин проблема обеспечения средств к существованию путем заработка вставала достаточно остро.

Но, как с горечью констатировал в одной из своих парламентских речей Дж. С. Милль, «мало какие приличные занятия доступны им. Они либо гувернантки, либо ничто»³. Только профессии гувернантки и компаньонки считались более-менее приемлемыми для девушки из приличной семьи и, кроме того, это были профессии, для которых было достаточно ее образования. В 1851 г. в Англии около 21 000 женщин работали гувернантками. Подобные профессиональные ограничения налагались и на представительниц среднего класса в других странах. Так, германская социал-демократка Лили Браун, много писавшая о женском вопросе, отмечала еще более сложную ситуацию в Пруссии: здесь профессии учительницы или гувернантки были единственными разрешенными для женщин правительством. В результате количество учительниц в этой стране росло достаточно быстро: с 1825 по 1861 гг. оно увеличилось с 705 до 7366⁴. Вместе с тем, специальные учебные заведения, готовившие учительниц, стали открываться достаточно поздно: в Англии первый колледж для учительниц открылся в 1846 г., в 1850 г. — во Франции, в 1859 г. — в Швеции. Таким образом, женщины, работавшие гувернантками в конце XVIII – первой половине XIX в. не имели профессионального образования, уровень их компетентности определялся полученным домашним образованием и значительно варьировался. Следовательно, далеко не все они могли выдержать жесткую конкуренцию, существовавшую на этом профессиональном рынке. Кроме того, у себя на родине учительницы и гувернантки подвергались нещадной эксплуатации: та же Лили Браун отмечала, что во Франции

² *Mary, Countess of Lovelace. Society and the Season // Fifty years. Memoirs and Contrasts. A Composite Picture to the Period 1882–1932 by Twenty-Seven Contributors to The Times / Ed. by G. M. Trevelyan. L., 1932. P. 30.*

³ *Hansard's Parliamentary Debates. Vol. 188. 18/03–1/05 1867. Col. 827.*

⁴ *Браун Л. Женский вопрос, его историческое развитие и экономическое значение. СПб., 1903. С. 109.*

учительница начальной школы для девочек получала 4 франка в день, в три раза меньше, чем учитель. Тяжелое положение женщины «из приличной семьи», вынужденной зарабатывать на жизнь, оплакивал известный французский историк и публицист Ж. Мишле⁵.

Перенасыщенность гувернерского рынка труда заставляла соискательниц места гувернантки обращать внимание на предложения по трудоустройству за границей, в том числе и в России, где, как справедливо указывает О. Ю. Солодянкина, российские дворяне, особенно провинциальные, по незнанию были готовы принять в воспитательницы для своего чада любую иностранку, не особенно озадачиваясь выяснением уровня ее знаний и наличия педагогического опыта. Кроме того, женское домашнее образование в России, как и в других европейских странах, было достаточно поверхностным: требовалось знание грамоты, иностранных языков, светских манер, музыки и танцев.

Автор указывает, что англичанки были востребованы и котировались даже выше, чем представительницы других европейских национальностей. Это были самые высоко оплачиваемые бонны и гувернантки, которых могли позволить себе только представители наиболее состоятельных фамилий. Российские работодатели ценили большую добросовестность и строгость англичанок, что в значительной степени объясняется особенностями их собственного образования и воспитания. Строгие нравы английских женских пансионов нашли достаточное отражение в викторианских романах⁶. Вероятно, определенную роль играла также англоманья, охватившая часть российских аристократов того времени. Представительницы других национальностей оплачивались и ценились несколько ниже, но в любом случае, выше, чем российские гувернантки.

Таким образом, иностранные гувернантки относились к достаточно привилегированной категории обслуживающего русских дворян персонала, но все же их положение было маргинальным, поскольку, будучи выше дворовых слуг, они, тем не менее, были в подчинении у нанимателей и зависели от их произвола. Автор приводит цитату из журнала «Гувернантка», отражающую сложность их

⁵ Мишле Ж. Женщина // Мишле Ж. Ведьма, Женщина. М., 1998.

⁶ См., например, «Ярмарку тщеславия» У. Теккерея или «Джейн Эйр» Ш. Бронте.

положения: «Она наемница, она раба, она игрушка своей ученицы, или ученика, она игрушка родителей ее воспитываемых. У ней нет своей воли, нет своего времени, нет, не должно быть своего мнения, благородной гордости» (С. 80). О. Ю. Солодянкина отмечает культурную и статусную маргинальность гувернантки как основу значительного количества ее проблем, но несколько в стороне остаются проблемы, связанные с ее гендерной идентичностью. Большинство гувернанток были одинокими женщинами, обреченными оставаться всю жизнь в этом статусе. Положение незамужней женщины или старой девы было незавидным во всех европейских культурах того времени: это была наиболее униженная и угнетаемая часть женщин, жившая на правах приживалок в семьях своих родственников. И, хотя, как отмечает известный американский славист Р. Стайтс, «большинство русских с редко встречающимся в то время пониманием относилось к причудам старых дев, объясняя их отсутствием сексуальной жизни»⁷, что, в частности видно и из приводимых автором мемуарных ссылок. Судьба этих женщин была очень нелегкой, особенно судьба иностранок, не бывших членами семей нанимателей и потому не всегда могущих рассчитывать на понимание их особенностей, казавшимися причудами с точки зрения русского барина.

Автор не акцентирует внимание и еще на одной проблеме, с которой должны были неизбежно сталкиваться гувернантки, в том числе и иностранные, в дворянских семьях. Тем не менее, на эту проблему намекает А. Лесгилье в «Руководстве для гувернеров и гувернанток», на которое часто ссылается О. Ю. Солодянкина: «положение ваше, особенно дам, часто бывает слишком тяжело, я говорю — дам, потому, что мужчина всегда может отстоять свои права более, чем дама» (С. 72). Исследовательница отмечает, что в качестве кандидатуры на должность гувернантки наиболее предпочтительными считались женщины возраста старше среднего и неброской наружности, однако среди гувернанток встречались и молодые привлекательные женщины. Как должна была чувствовать себя молодая незамужняя женщина в дворянской патриархальной семье, где слуги, а также чада и домочадцы находились под властью, иногда тиранической, хозяина дома? В монографии упоминаются случаи роман-

⁷ *Staitc P.* Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М., 2002.

тических отношений между гувернантками и членами семьи нанимателей, но как *love affair*, завершившиеся браком или таким серьезным последствием, как бегство из семьи. Однако, ничего не говорится о неизбежных случаях сексуальных домогательств со стороны хозяев мужского пола, которые и приводили к предъявлению жестких требований к внешности и возрасту гувернантки со стороны матерей семейств.

Тем не менее, возможности выстраивания жизненных стратегий у иностранных гувернанток в России были, возможно, разнообразнее, чем у себя на родине. Иностранка, приехавшая в Россию гувернанткой, могла скопить достаточно средств, чтобы остаток жизни безбедно прожить на родине, открыть пансион для девочек или небольшой бизнес в России, выйти замуж за мужчину из семьи нанимателей, либо за коллегу по профессии, стать компаньонкой хозяйки дома, либо своей подросшей воспитанницы, путешествовать вместе с семьей работодателей по Европе. Несмотря на маргинальность положения, а возможно, благодаря ему, в российском обществе для женщин-иностранок существовало меньше гендерных барьеров и ограничений, нежели для своих собственных гражданок, поэтому многое зависело не только от воли случая, но и от личных качеств женщин, приезжавших в Россию.

Монография «Иностранные гувернантки в России» может стать отправной точкой для дальнейшей разработки данной темы, поскольку она поднимает ряд проблем, также, на наш взгляд, достойных изучения. Было бы, например, интересно, изучив воспоминания и записки самих гувернанток, рассмотреть проблему межкультурных коммуникаций с их точки зрения; в области гендерной истории представляется перспективным из мозаики образов разбросанных по страницам книги персонажей вычленивать и проследить судьбы некоторых героинь, чтобы выяснить, какие из возможных для них стратегий оказались наиболее успешными и от каких факторов это зависело. Поэтому хочется выразить надежду, что автор не расстанется с этой многообещающей темой, и мы сможем познакомиться в обозримом будущем с ее дальнейшими исследованиями в этом направлении.

О. В. Шнырова

*«Интересно бы посмотреть на этот инкубатор,
где выращиваются историографы...»*

Фраза, вынесенная в заголовок первой части рецензии принадлежит моему коллеге, отреагировавшему таким образом на общее, одесское / южнороссийское «научное происхождение» двух историографов, имена которых стали знаковыми, Н. Л. Рубинштейна и О. Л. Вайнштейна. И так случилось, что буквально через месяц после нашего разговора у меня в руках оказалась рецензируемая книга, которая уже по определению, благодаря названию, обещала приблизить заинтересованного читателя к прояснению специфики интеллектуальной ауры Новороссийского университета, тех сетей общения, в которых проговаривался, очерчивался абрис историографии как учебной и научной дисциплины. Эта коммуникативная ситуация предопределила мое восприятие работы Т. Н. Поповой, и я даю себе отчет в субъективности своих оценок.

Интерес к истории историографии представляется весьма симптоматичным. Он, как правило, возрастает в кризисные, переломные моменты, переживаемые наукой, является способом самоидентификации историков. По-прежнему современно утверждение Е. А. Косминского: «Если история — самопознание общества, то историография есть, прежде всего, самопознание историка. В ней он осознает прошлое, пути и законы своей науки, определяет свои границы, возможности и будущее. Если без истории общество — слепо, то и без историографии историк не историк»¹. Историографическая рефлексия приобретает особую актуальность в последние десятилетия в связи с формированием нового исторического мышления и новой исторической культуры. Становится все более очевидным, «что сохранение за ремеслом историка достойного общественного статуса невозможно без осмысления всех последствий “методологических поворотов” и “постмодернистского вызова”, создания новых теоретических моделей и восстановления синтези-

¹ Цит. по: Шарова А. В. Историк средневековой Англии в советской России: компромиссы академика Е. А. Косминского // Одиссей. Человек в истории. 2003. С. 270.

рующего потенциала исторического знания на новом уровне»². В этом плане приобретает особую значимость перформативная функция историографии. Известным отражением такого сдвига, на мой взгляд, является уточнение (в очередной раз) самой дефиниции, актуализация ее теоретической составляющей, смещение акцента с историографии как истории науки к историознанию. Но, с другой стороны, процесс размыwania привычных границ дисциплины, отход от констатирующей модели историографического письма, провоцирует представления об утрате историографией дисциплинарной рамки. Не случайно автор монографии задается вопросом о судьбе «некогда престижной рефлексивной дисциплины... в семействе исторических дисциплин — истории исторической науки, “экологическая ниша” которой ...не является уже столь безупречно надежной. Сохранит ли свою “территорию” историография, т. е. сохранит ли собственную традицию или “возможны варианты”?»³. Такую озабоченность автора трудно не разделить.

В рецензируемой монографии представлены две сюжетные линии: конкретно-историографическая и историко-историографическая с теоретическим компонентом. По замечанию Т. Н. Поповой, все сюжеты взаимосвязаны единством пространства (исначально Новороссийским университетом), доминирующей проблемной линией — историей исторической науки, единым категориальным полем (С. 20). Однако архитектура текста такова, что желаемое единство в сознании читателя достигается с трудом. Конкретная, биографическая историография и историография с «теоретическим наполнением» скорее плодотворно сосуществуют, чем составляют единое синтетическое целое. И даже в итоговом разделе «Вместо заключения» исходная площадка для анализа — Новороссийский университет с его интеллектуальными традициями — практически не упоминается, проблема региональной историографии, заявленная в теоретической преамбуле, специфика местных культурных гнезд, осталась в тени глобальных тенденций развития истории науки. По сути, перед нами две книги, связанные между собой затекстовой реальностью, интуитивно уга-

² Ретина Л. П. Историческая теория после «культурного поворота» // Диалог со временем. 2007. Вып. 20. С. 5.

³ Попова Т. Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах... С. 7.

дываемой автором, который пытается втянуть читателя в игру прочтения этого контекста, заманивая и завораживая его цитатами/эпиграфами Мастеров нашего ремесла, новых и старых классиков. В таком ракурсе указанные недостатки оборачиваются уже более достоинствами, так как побуждают к конструированию новых проблемных полей и апробации тех новых методик, разработчиком которых явился сам автор. (В связи с последним, подчеркнем особую ценность приложения «Вариант модели биоисториографического анализа» (С. 498-503).

Ускользящий образ историографии

Разделы монографии со второго по четвертый включительно, а также седьмой, обозначенные как соответствующие экскурсы («Об историографическом процессе», «Об историографических моделях», «Об институализации историографии», «О биоисториографических исследованиях») посвящены общим проблемам истории исторической науки и носят ярко выраженный рефлексивный характер, насыщены обширной библиографией. Остается сожалеть, что ввиду разорванности коммуникативного пространства на территории бывшего СССР, работы украинских коллег рубежа XX–XXI вв. (И. И. Колесник и Т. Н. Поповой), посвященные теории историографии, остались практически неизвестны российскому научному сообществу, включая до последнего времени и автора данной рецензии⁴.

Итак, в фокусе внимания исследователя оказалась отечественная историко-научная мысль 1960–2000-х гг. (хотя часто автор выходит за нижнюю демаркационную черту), которая анализируется в контексте поисков мировой науки с экскурсами в отечественную традицию. Основные трансформации и подвижки в предметной области историографии Т. Н. Попова связывает с влиянием идей науковедения, социологии и культурологии (несколько фрагментарно обращается к влиянию интеллектуальной истории), а в более

⁴ Совсем недавно в одной из своих статей я писала о том, что к концу 1980-х гг. конкретно-историографическая практика значительно опережала теоретическую рефлексию. Теперь становится очевидной некорректность такого вывода. (См.: Корзун В. П., Рыженко В. Г. Поиск нового образа историографии в современном научном пространстве // Мир Клио. Т. 2. М., 2007. С. 269.)

широком плане – с изменениями научных парадигм. Сама по себе такая констатация не является новацией. Более ценной и, безусловно, плодотворной представляется попытка автора показать это влияние через изменение языка науки, укоренение новых дефиниций и мыслительных конструктов, в частности, таких как историографический процесс, историографическая ситуация, факторы развития исторической науки, модели и образы историографии, научное поле и др. Автор профессионально раскрывает процесс проникновения теории в историографическую практику через терминологию, подтверждая известный тезис К. Поппера.

Как представляется, Т. Н. Попова особую значимость придает категории «историографический процесс», который трактуется ею как трехуровневая система: «Первый уровень составляет когнитивная система исторической науки; второй уровень — система инфраструктуры; третий уровень — социокультурная система... Каждый из уровней имеет собственную структуру компонентов («подсистем»), характеризующихся относительно самостоятельным развитием» (С. 88). При этом автор разводит собственно историографический процесс как развитие самой исторической науки (первые два уровня) и социокультурный уровень, правда, оговаривая, что его не стоит рассматривать как «сугубо внешние факторы». Такая позиция представляется уязвимой. В результате «культурного поворота» сама наука мыслится как культурная традиция, и интеллектуальная культура рассматривается в качестве маркера исторической эпохи⁵. Достаточно длительное и пристальное внимание отечественных историографов к трактовке дефиниций «историографическая ситуация» и «историографический процесс», сопровождающееся дискуссиями, имеет чрезвычайно значимый контекст, отражающий специфику советской интеллектуальной культуры. Защита автономии науки осуществлялась академически осторожно и несколько громоздко — социально-классовая детерминированность развития науки дополнялась / смягчалась / опосредовалась идеями внутринаучной комплексности ее развития, большая социальность проявлялась через малую, причем последняя, в особенности организующая, конструирующая роль историка (моделирование и описание историографиче-

⁵ Ретина Л. П. Интеллектуальная культура как маркер исторической эпохи // Диалог со временем. 2008. Вып. 22. С. 5-15.

ской ситуации), ненавязчиво акцентировалась, отстаивалась средствами апелляции к аутентичному, недогматизированному марксизму. Зарождающийся антропологический подход к науке (куновские парадигмы с пристальным вниманием к научным сообществам, обращение к "кейс-стадииз" как средству локализации и индивидуализации в изучении научного процесса) в советском варианте приобрел завуалированный характер и замедленный ритм. Это дает основания полагать, что закрепившиеся в историографическом обороте упомянутые дефиниции не несут в настоящее время столь значимой эвристической нагрузки, как это представляется автору, и тем более не являются панацеей от крайностей интернализма и экстернализма в интерпретации развития науки.

Чрезвычайно интересны разделы, посвященные историографическим моделям и их трансформациям. В предшествующей традиции Т. Н. Попова выделяет две модели *дидактическую* и *рефлексивную*. Автором первой является Р. А. Киреева. В этой модели основополагающей является мысль о дидактической детерминированности дисциплинарного оформления историографии; по Киреевой, историография как особая ветвь исторического знания создавалась в качестве учебной дисциплины в процессе преподавания университетских курсов. Вторая модель предложена И. И. Колесник, которая репрезентирует историографию как разновидность исторической рефлексии и выделяет ее внутренние и внешние формы. Историографические представления отдельного автора (в том числе проблемная историография), считает Колесник, генетически предшествует появлению специальной отрасли, изучающей ход исторического познания, развитие исторических знаний (С. 102). Таким образом, Т. Н. Попова подчеркивает новаторский вывод И. И. Колесник: историографические идеи возникают одновременно с конструктивным знанием о прошлом. При всем различии выделенных конструктов, автор совершенно справедливо относит их к типу сущностно-содержательных моделей. Речь идет о концептуальном обосновании различных образов одного процесса — генезиса историографических знаний, становления историографии как научной дисциплины.

В определенном плане следующая выделяемая автором модель историографии — *дисциплинарная* — может быть рассмот-

рена как синтезирующая две предшествующие, но конструируемая на идеях трансформации образов науки — от «дисциплинарного» к «проблемно-дисциплинарному». Принципиально важно замечание, что последний «тип организации науки не исключает наличия “дисциплинирующих норм” и различного рода “регулятивов”... ибо связан с “фактором институализации”» (С. 125). Т. Н. Попова предлагает научному сообществу несколько вариантов институционального анализа изучения историографии, по существу разворачивая новый грандиозный проект: 1) исследование общих линий институализации научного знания на когнитивном и социально-организационном уровнях; 2) анализ уровней когнитивной организации науки; 3) анализ «популярных» характеристик науки (индивидуальный и коллективный субъекты науки); 4) анализ коммуникативной структуры науки; 5) анализ форм социальной репрезентации научных результатов; 6) анализ трансляции дисциплинарных нормативов через стилистику текста; 7) анализ на основе предложенной Т. Н. Поповой модели историографического процесса (в этом случае, в понятие «институализация историографии» включается формирование ее когнитивной системы, инфраструктуры и системы отношений с обществом) (С. 143-145).

Различные модели историографии — это конструируемые исследователем линзы, позволяющие ему обозреть историографический ландшафт, раздвинуть или приблизить линию горизонта, дальней границы. По словам Рэндалла Коллинза, эти «границы всегда доставляли большие затруднения философам (а мы добавим — и историкам. — В. К.). Такие затруднения являются скрытым сокровищем интеллектуалов...»⁶. Отправляется за этими сокровищами и Т. Н. Попова, пытаясь познать и преодолеть множественность смыслов ключевого слова «историография», которое проясняется в рамках дисциплинарно-проблемной модели, с погружением в историческую традицию и возвращением в современную познавательную ситуацию с проекцией на будущее. Автор предлагает воспользоваться науковедческой практикой дисциплинарного оформления различных отраслей знания по следующей схеме: историография исторической науки (историография истории), историография от-

⁶ Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального измерения. Новосибирск, 2002. С. 1017.

дельных отраслей исторической науки, изучающая историю конкретных дисциплин (историография источниковедения, историография археологии и т. д.) и, наконец, историю науки в третьей степени — историография историографической науки (С. 188-181).

Ряд теоретических вопросов, обозначенных Т. Н. Поповой в монографии, остались за пределами данной рецензии, отметим лишь их чрезвычайную значимость для процесса дисциплинаризации историографии как науки, вписывания ее в современную историческую ситуацию. Это касается, прежде всего, проблем региональной, национальной, украинской историографии в частности, актуализировавшихся после распада СССР.

Историография в лицах

Пятый и шестой разделы книги представляют опыт биоисториографического исследования, где рассмотрены творчество и судьбы А. И. Маркевича, П. М. Бицилли, Е. Н. Щепкина, В. Э. Крусмана, объединенных не только принадлежностью к сообществу историков Новороссийского университета, но и значительным вкладом в становление и развитие отечественной историографии. Автор показывает («в лицах, проблемах и дисциплинах») процесс вызревания историографа в научном/культурном коммуникативном пространстве.

Такой проблемный разворот предполагает обращение к характеристике «Места развития», и эта задача решается автором в первом разделе монографии «Проблемно-дисциплинарная структура исторических исследований в Новороссийском университете». По существу речь идет о «духе Места», оказавшем влияние на исторические исследования в Одессе: этническая полифония, европейская образованность, определенные традиции научных исследований, заложенные еще в доуниверситетский период — своеобразная социокультурная среда сформировала здесь «круг высокоодаренной интеллигенции с ярко выраженной гуманитарной ориентацией своих интересов» (С. 25). «Дух Места» оказывает заметное воздействие и на работу открытого в 1865 г. Новороссийского университета — крупнейшего научного центра Юга Украины и Российской империи в целом. Становление университета приходится на период профессионализации исторической науки и ее институционального оформления: на историко-филологическом факультете появляются новые преподаватели и специализации, создается Историко-

филологическое общество с обширным и авторитетным списком постоянных научных партнеров в России и за рубежом. И что особенно интересно, происходит «выкристаллизация» историографии. Т. Н. Попова показывает процесс дисциплинарного становления историографической области исторических знаний в динамике (появление так называемых предваряющих, пропедевтических курсов, содержащих элементы историографии, закрепление термина «историография» в названиях преподаваемых курсов, освещение историографических проблем в спецкурсах теоретико-методологического характера, создание специальных научных трудов по историографии и методологии истории).

В плане моей озабоченности вопросом об «историографическом инкубаторе» важно, что «историографизация» учебного процесса вписывалась в целевые установки университетского образования — формирования у студента самостоятельного и продуктивного, проблемного мышления, что предполагало поиск новых подходов в постановке преподавания. Об успехах подобных новаций имеется авторитетное свидетельство Н. Л. Рубинштейна, слушавшего в 1916–1919 гг. лекции В. Э. Крусмана и П. М. Бицилли — «чувствовалось, что ты как бы присутствуешь в научной лаборатории... они, словно вслух думали и размышляли в аудитории», и в результате пробуждалась и собственная мысль слушателя⁷.

Совершенно справедливо Т. Н. Попова отмечает проявляющуюся в университетах, в том числе и в Новороссийском, новую тенденцию — «с 1900-х гг. (особенно со второго десятилетия XX века)... на кафедрах русской истории утверждается практика чтения общих и специальных курсов по историографии, тогда как всеобщники от историографических курсов (или наряду с ними) начинают переходить к чтению курсов по теории и методологии истории» (С. 55)⁸. Авторский текст, благодаря фактологической

⁷ Рубинштейн Н. Л. О путях исторического исследования // История СССР. 1962. № 6. С. 90-92.

⁸ Любопытна предлагаемая автором проекция указанной тенденции на современное состояние историографии. С ее точки зрения, формулу в значении субдисциплинарного статуса «истории во второй степени» репрезентируют Л. П. Репина, Г. И. Зверева и другие ученые, в основном «всеобщники». Представляется новаторской мысль о различных истоках и традициях такого

насыщенности, дает нам возможность представить процесс наполнения научно-педагогической практики историографическим компонентом в Новороссийском университете через деятельность отдельных историков. На становление Новороссийского университета как научно-историографического центра оказало воздействие счастливое сочетание различных факторов, выявляемое через биографии историков. К таковым можно отнести взаимообогащающее пересечение в пространстве университета представителей различных научных школ и традиций. В интеллектуальной судьбе А. И. Маркевича прослеживается влияние А. Г. Брикнера, учившегося у Леопольда фон Ранке и И.-Г. Дройзена, а также известного отечественного историка и историографа В. С. Иконникова, с последним его связывали дружеские отношения. Е. Н. Щепкин, начавший преподавать в университете с 1898 г. был учеником В. И. Герье, для которого характерен глубокий интерес к историографии, и представлял московскую школу историков-всеобщников. Среди читаемых им были курсы истории философии, социологии и методологии истории. К другой генерации ученых относятся В. Э. Крусман и П. М. Бицилли. Крусман являлся выпускником Санкт-Петербургского университета, его учителя (по его же оценке) — Г. В. Форстен, И. М. Гревс, М. И. Ростовцев, С. Ф. Платонов и А. С. Лаппо-Данилевский. И, наконец, на питомца Новороссийского университета П. М. Бицилли оказывают воздействие такие ученые, как филолог Э. Р. фон Штерн, высоко ценимый им как учитель Е. Н. Щепкин, а также поддружески опекавший его одноклассник Крусман. В свою очередь, учеником Бицилли являлся О. Л. Вайнштейн, известный советский историограф. И как уже упоминалось ранее, Н. Л. Рубинштейн слушал лекции Крусмана и Бицилли. Мы имеем дело, таким образом, с достаточно разветвленной интеллектуально-коммуникативной сетью, в границах которой творилась, сохранялась, переосмысливалась и развивалась существующая историографическая традиция. На историографический взлет рубежа веков оказывает безусловное воздействие и интеллектуальная атмосфера, духовные предпочте-

подхода — сложившегося западного образа историографии, не связанного с дисциплинарным статусом истории исторической науки, отражавшим в основном различные аспекты истории исторического познания и дисциплинарного подхода, культивировавшегося в отечественной традиции (С. 171).

ния эпохи, реакция на ситуацию Вызова — как социального, так и эпистемологического характера. Следующим шагом в постижении структуры коммуникативного пространства напрашивается построение коммуникативной карты научно-профессиональных и личностных контактов историографов, покрывающей и советский период. Я понимаю, что это заказ на следующую книгу.

Применяя биоисториографический метод, Т. Н. Попова при рассмотрении «историографических персоналий» ориентирует читателя не только на научно-коммуникативный ряд, но и предпринимает попытку учесть всю совокупность социальных коммуникаций своих героев, влияющих на их творчество, фиксирует особенности их натуры. В приводимом в работе варианте модели биоисториографического анализа, ею выделяется такая значимая позиция, как тип ученого (С. 502). Типологические различия, хотя автор не акцентирует на этом особенного внимания, прочитываются и в биоисториографических этюдах. Вряд ли на этой основе можно составить просопографический портрет историографа, но выявить предрасположенность к историографическому творчеству представляется вполне возможным. Так, обращение А. И. Маркевича к историографическим сюжетам во многом объясняется типом личности ученого, который характеризовали темперамент натуры, «всеядность жизни», подогреваемые особой атмосферой Южной Пальмиры, «аристократический размах потомка славного украинского шляхетского рода». Для деятеля науки с такими личностными характеристиками, которого отличала неимоверно кипучая вдохновенная деятельность в различных сферах научно-педагогической и общественной жизни, естественно было участвовать в дисциплинарном становлении новой отрасли исторической науки. Присущий Е. Н. Щепкину максимализм, «вечные поиски истинного пути» находят выражение в его стремлении к пересмотру устоявшихся историографических традиций (позиции «против течения», по определению П. М. Бицилли). И, наконец, П. М. Бицилли и В. Э. Крусман — представители «чистой науки», которые в период радикальных социальных трансформаций начала XX века (время Вызова) предпочитают, как отмечает Т. Н. Попова, «создавать свой замкнутый мир, тщательно пытаясь уберечь его от внешних стихий». Определяющими их историографическую направленность являются как внут-

ринаучные факторы (профессиональный рост ученых, потребность в саморефлексии, кризис исторической науки и вступление ее в период внутренней легитимации), так и стремление профессионально отразить изменившуюся социокультурную реальность и место науки в ней (вспомним, например, размышления Крусмана об адаптивных возможностях науки в эпоху войн и революций).

Выполненное биоисториографическое исследование представляет нам современного практикующего историографа, работающего в междисциплинарном поле. Работа Т. Н. Поповой ценна и тем, что открывает новые возможности для содержательного диалога, перепрочтения авторского текста, выявления содержащихся в нем плодотворных возможностей (построение коммуникативных сетей научного общения, вероятностных связей между типом личности ученого и его профессиональными предпочтениями и т. д.).

* * *

В итоговых размышлениях по поводу проделанной работы Т. Н. Попова отмечает, что в книге «больше вопросов, нежели ответов. Многое осталось за пределами данной текстуры», и обращается к цитате очевидно близкого ей по духу, Яна Парандовского: «Достаточно задуматься над одним словом, уже нанесенным на бумагу, и это слово, такое ясное, такое бесспорное, вдруг начинает заволакиваться туманом, теряет четкие очертания, вызывает неуверенность, тревожит, обманывает» и настоятельно требует все нового и нового «возвращения» (С. 529). Думается, что рецензируемая монография, безусловно «растревожит» научное сообщество историографов. Но не только в этом, провокативном заряде состоит ценность данного исследования. Т. Н. Поповой удалось представить картину теоретико-историографических поисков последних трех десятилетий, на протяжении которых изменился сам образ историографии, и тем самым заполнить лакуну, естественно возникшую как в связи со сменой генерации историографов, так и результате коренной трансформации коммуникативного пространства исторической науки в постсоветский период.

В. П. Корзун

**[РЕЦ.] НЕОБОРИМАЯ СИЛА СЛАБЫХ: КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ
ЛАГЕРЬ РАВЕНСБРЮК В ПАМЯТИ И СУДЬБЕ БЫВШИХ
ЗАКЛЮЧЕННЫХ.
СБОРНИК СТАТЕЙ, ВОСПОМИНАНИЙ И ИНТЕРВЬЮ.
ВОРОНЕЖ: ВГПУ, 2008. 350 С.**

В 2004–2005 гг. члены факультативного семинара устной истории Воронежского государственного педагогического университета обратились к изучению истории узниц концентрационного лагеря Равенсбрюк, функционировавшего в Германии с 1939 г. и до окончания Второй мировой войны, когда заключенные были освобождены войсками Советской армии. Члены семинара — преподаватели, сотрудники, аспиранты и студенты ВГПУ, которыми руководит доцент ВГПУ Н. П. Тимофеева, германист по специальности, решили зафиксировать воспоминания бывших узниц Равенсбрюка и провели интервью с тринадцатью женщинами, живущими на территории Крыма и тремя бывшими заключенными, проживающими в Воронеже или Воронежской области. Все эти женщины с трагической судьбой. Их молодость была загублена войной, они перенесли невыносимые физические и моральные страдания, выжили в концентрационном лагере с изуверскими условиями содержания и получили впоследствии на всю жизнь целый букет болезней. Разумеется, все они теперь весьма преклонного возраста. За период в почти 70 лет со времени войны, многое утеряно их памятью, но страдания, пережитые в молодом возрасте, как правило, не забываются, и поэтому их воспоминания имеют определенную степень достоверности, и, следовательно, ценность исторического источника.

В сборнике представлены воспоминания девяти бывших узниц Равенсбрюка — граждан Украины и России. Заметим, что работе по сбору сведений предшествовала серьезная подготовка участников этой акции. Она заключалась в том, что в семинаре по устной истории ВГПУ для его членов был прочитан вводный курс о воспоминаниях фронтовиков — участников Второй мировой войны и тех, кто пережил заключение в немецких концентрационных лагерях в качестве жертв нацистского террора. Кроме того, слушатели получили возможность проанализировать некоторые источники личного происхождения, а также сравнить характер исторической памяти о Второй мировой войне в Германии и России. На семинаре было разработано содержание интервью с бывшими узницами Равенсбрюка и

определена форма опросника. Результатами опросов, проведенных студентов (именно они были главными действующими лицами, общавшимися с очевидцами событий прошлого) и явились материалы, опубликованные в сборнике. Таким образом, воронежские студенты стали как бы создателями и соавторами исторических источников об узниках концентрационных лагерей в Германии.

Как педагог с большим стажем, не могу не отметить огромную пользу оказанной формы приобщения молодого поколения к исследованию истории своей страны.

Могу поделиться собственным опытом о том, какое важное значение имеет раннее приобщение к практической исторической работе. В студенческие годы я участвовала в археологических раскопках древнерусских городов под руководством академика Б. А. Рыбакова. Он же читал нам лекции по древнерусской истории в залах Московского исторического музея среди экспонатов, отражающих соответствующий исторический период. Участники археологических экспедиций и лекций акад. Б. А. Рыбакова чувствовали себя причастными к историческому процессу, что определило их дальнейшую профессию и судьбу. Думаю, что такую же причастность к истории почувствовали и воронежские студенты, собирая воспоминания об эпохе, ими лично не прожитой.

Что же касается самого исторического материала, добытого участниками воронежского семинара, то его значение для историка неоднозначно, и его не следует переоценивать.

Как известно, каждый человек воспринимает окружающую его действительность субъективно. В данном случае интервью проводилось почти 70 лет спустя после происшедших событий. Выжившие в Равенсбрюке женщины прожили долгую жизнь и, несмотря на незабываемые страдания в молодости, изменившие их судьбы, могли переосмыслить их характер и значение. Нельзя сбрасывать со счетов преклонный возраст всех интервьюируемых, когда человеку свойственно многое забывать и смешивать впечатления далекого прошлого с происшедшими позднее событиями.

Кроме того, историческое значение источника личного характера зависит от индивидуальности автора: его умственного и культурного уровня, образования, самостоятельности мышления, умения наблюдать и анализировать происходящее. Опрошенные

бывшие узницы Равенсбрюка были в подавляющем большинстве лицами с низким образованием, в лучшем случае со средним, жизнь которых и до войны была наполнена нуждой и тяжелым трудом. Многие голодали и не задумывались ни о каких проблемах, кроме физического выживания.

В опубликованных интервью замечается некоторая односторонность. Она выражается в том, что бывшие узницы редко сообщают о своей жизни в СССР после возвращения из концлагеря. Между тем хорошо известно, что лица, побывавшие в плену у немцев или в фашистском концлагере, подвергались по возвращении на родину репрессиям, прямому и поголовному недоверию и третированию, получали позорное клеймо предателей. Им не давали паспорт, их не принимали на работу и учебу, нарушали права их близких. Об этих явлениях в интервью подробных сведений нет. Думается, что причиной умолчания о послевоенных мытарствах узниц было чувство страха, воспитанное в советских людях в период сталинского режима, так сказать, на генном уровне, и поддерживавшимся в постсталинское время. Трагедия, начавшаяся в 1941 г., для некоторых людей продолжалась до конца их жизни. Все эти обстоятельства ограничивают значение опубликованного в сборнике материала как исторического источника. Он может служить лишь дополнением к известному корпусу документов о концентрационных лагерях в Германии и не вносит в изучение проблемы ничего нового, а лишь подтверждает уже имеющуюся информацию.

Наряду с воспоминаниями и интервью в сборнике имеется теоретическая часть, представленная несколькими статьями. В первой из них, под названием «Кто они — женщины из Равенсбрюка», принадлежащей перу руководителя проекта «Женщины Равенсбрюка» Н. П. Тимофеевой, указывается на публикации по этому вопросу, вышедшие с 1958 г. по настоящее время. Автор констатирует, что, несмотря на наличие литературы, история советских узниц Равенсбрюка изучена недостаточно полно, фундаментального исследования в России о концентрационном лагере Равенсбрюк пока не существует, и судьба советских женщин остается «белым пятном» в исторической памяти России. В то же время в зарубежной, прежде всего, в немецкой исторической науке, история концентрационного лагеря Равенсбрюк представлена довольно полно. В ней

показано то общее, что делало Равенсбрюк частью нацистского «конвейера смерти», а также представлена специфика центрального женского концентрационного лагеря (с. 5-6).

В другой статье под названием «На перекрестках памяти», написанной германской исследовательницей Сааведра Сантис Рамони, работавшей в период подготовки сборника над большим исследованием о концентрационных лагерях в Германии, содержатся кроме обобщений, также фактические данные, интересные для тех, кто этой темой не занимается.

В частности, здесь констатируется, что концентрационный лагерь Равенсбрюк, который находился в 80 км. севернее Берлина, был единственным в «третьем рейхе», предназначенным специально для женщин. За 6 лет его существования — с 1939 по 1945 г. — через заключение в Равенсбрюке прошло свыше 100 тыс. женщин и детей более чем 20-ти национальностей. По мнению автора, этот объект принадлежит к числу наименее изученных лагерей, так как эсэсовцам удалось уничтожить основную часть лагерных документов. Около 25 тыс. заключенных из оккупированных территорий Советского Союза томились в период с 1942 по 1945 г. в этом центральном лагере близ курортного городка Фюрстенберг и в многочисленных филиалах концентрационного лагеря Равенсбрюк. Женщины из Советского Союза представляли по численности вторую группу узниц в Равенсбрюке после 40 тыс. полек (с. 54–55).

Далее автор констатирует отсутствие самостоятельного исследования о советских жертвах гитлеровского террора и особенно интересуется послевоенной судьбой советских заключенных, которые под постоянной угрозой морального и физического уничтожения в гитлеровских застенках дожили до освобождения и оказались на Родине в весьма подозрительной и пожизненной роли «репатриантов». Однако автор считает совершенно неосновательным утверждение ряда постсоветских и эмигрантских публикаций о том, что «репатрирование» автоматически и прямой дорогой вело в сталинские лагеря. Это заключение не подтверждается фактическим материалом (с. 60). Отметим, что данный вывод находит свое основание и в воспоминаниях и интервью помещенных в рецензируемом сборнике. Ни одна из бывших узниц не говорит о пребывании в ГУЛАГе; речь идет лишь о третировании и препятствиях на

жизненном пути, связанных с безраздельным инкриминированием коллаборационизма и предательства, и это клеймо влияло на дальнейшую жизнь людей.

Статья Л. М. Макаровой «Концентрационный лагерь и идеология нацизма» в наибольшей мере относится к числу теоретических обобщений изучаемой проблематики. Автор характеризует колебания идеологии нацизма, рассматривает программу внедрения идеологии в практику, оценивает литературу вопроса, рассуждает о национализме и расовой концепции. Л. М. Макарова считает, что постепенно идея расы в нацистской идеологии заменила идею нации и стала ключом к интерпретации не только германской, но и мировой истории. В ходе дальнейшего изложения автор развивает высказанные соображения и подтверждает их конкретными примерами из нацистской практики главным образом в решении еврейского вопроса.

Заметим, что изучение идеологии нацизма в отечественной истории не имеет историографической традиции, и Л. М. Макарова относится к числу родоначальников изучения в России этого явления. Впрочем, наряду с источниками, автор имел в своем распоряжении богатую литературу на немецком, французском и др. языках, ставшую значительным подспорьем при заключениях и выводах о существе проблемы.

Завершается сборник статьей Н. К. Рокоссовской под названием «Им вернули жизнь советские солдаты». Автор — дочь маршала К. К. Рокоссовского, командующего Вторым Белорусским фронтом, воины которого 3 мая 1945 года освободили узников концлагеря Равенсбрюк, тех, кого нацисты не успели уничтожить. Публикуются фрагменты из воспоминаний маршала, где говорится о впечатлении от встречи с освобождаемыми узниками концлагерей.

В целом, так называемая теоретическая часть сборника содержит большой информационный материал, ценные обобщения и выводы. Публикацией этого сборника его создатели выполнили свою задачу — ликвидировать хотя бы одно «белое пятно» в печальной истории жизни советских женщин, заключенных в концентрационном лагере Равенсбрюк в Германии.

Л. П. Лантева

SUMMARIES

A. A. Voytenko

‘After that we are to do...’:

perceptions of time in Coptic monastic lives

The article presents a study of time perception in two Coptic hagiographic texts: the ‘Life of blessed Aphou’ (430-440) and the ‘Life of apa Cyrus’ (6- early 7th cc.). The notions of time have been analyzed in the context of the narrative strategies of the two texts. At the same time the time ‘strata’ relevant for all Coptic monks were shown. The blessed Aphou was a real person, while apa Cyrus, a ‘brother’ of Byzantine emperor Theodosius, was an invention. The first text could be identified as ‘classical’ Life of a hermit; the second one is most likely to be based on the model the ‘Life of Saint Onnophrius’; it is a mixture of the two genres — that of *Life* and *Peregrination*. The author has also used the evidence of Coptic epigraphic data, and other Coptic and Greek monastic Lives.

V. V. Noskov

The First World War and the Russian Idea

Russia’s experience of the First World War created new meanings for historiosophic quests of Russian philosophers and historians. They actualized both ‘national’ and messianic aspects of the Russian idea.

M.V. Kovalyov

Historical feasts of Russian emigration as a way of preserving collective cultural memory

Celebrations linked to the dates important for Russian culture shaped one of the ways to preserve Russian identity for émigrés. The Russian émigrés however were far from unified in ideology and political views. Thus the choice of a historical figure or an event that could have united them in celebration proved to be difficult. One could see it in the debates provoked by the attempts to organize a celebration of the 200th jubilee of the death of Peter I, or the 100th anniversary of the Decembrists’ Rising in 1925, and the 100th anniversary of Lev Tolstoy in 1928. Some dates though — like the 175th anniversary of the Moscow University, the anniversary of Pushkin’s death, the 950th jubilee of the Conversion of Russia into Christianity, as well as the Day of Russian culture became generally accepted.

A. S. Usachev

Methods of work of an Old Russian scholar and the problem of the authorship of the Royal Book of Degrees (Part II)

The article presents new ways of solving a problem of the authorship of the ‘Book of Degrees’. The author analyses historiography as well as the methodology of an unknown Russian scholar. In the part II the ways of describing ‘background’ historical personages are studied together with the methods of editing original sources and the system of references. The author concludes that

the 'Book of Degrees' was written by one author, or by a group of authors who had one editor and followed the same plan.

G. D. Selyaninova

**The Society for Historical, Philosophical and Social sciences
at the University of Perm' in 1917-1918**

The article presents a study of an intellectual community of the University of Perm' just before and during the years of Russian Revolution (1916–1918). It is focused on philosophical and political views of the university professors, their friends and colleagues as well as their 'public' (school teachers, publishers etc.). The results are important for the study of Liberal intelligentsia in Russia. A great deal of attention is paid to the activities of famous Russian intellectuals — G. V. Vernadsky, N. N. Fioletov, N. V. Ustryalov.

P. P. Shkarenkov

The 'Variae' by Cassiodorus — a text of transition period

The article deals with Ennodius's concept of Theodericus's royal power. The concept contains two main aspects, the first being the patriotic, national-Italian one, and the second being the religious one. Ennodius has no intention of including Theodericus into the chain of Roman emperors, on the contrary, he opposes Theodericus to them. Paying almost no attention to the Empire and Roman imperial ideology, Ennodius attempts to compare Theodericus with hellenistic tradition in general and with Alexander of Macedonian in particular. Ennodius includes Theodericus into a wider philosophical context of the Hellenistic tradition of royal power, which sees the Empire as its variation.

A.Yu. Seregina

A Catholic or a Politician?

The Parliamentary Speech of the 2nd Viscount of Montague (1604)

The article analyses a parliamentary speech delivered by Anthony Maria, second Viscount of Montague at the House of Lords in 1604. The text of the speech survived in one manuscript copy (Bodleian Library, Oxford). Its transcription, translation into Russian and commentaries are present in the Appendix. A.Yu. Seregina studies the shifts in the ways the members of the 16th-century English political elite identified themselves. In the mid-16th century members of the Montague family did not see a contradiction between being Catholics and belonging to the top layer of the nation's 'political class'. For the generation of the late 16th – early 17th cc. however, both Catholics and Protestant saw confessional allegiance as a major criteria according to which one could get or be denied access to political power. The Viscount Montague shared such views; he excluded himself from the 'Lords' and presented himself as a leader of the English Catholic community. All his political activities were shaped by confession. Thus confessional 'borders' were delineated by both sides of the conflict.

ОБ АВТОРАХ

АРТАМОШИН Сергей Викторович — к.и.н., доц. Брянского государственного университета.

ВОЙТЕНКО Антон Анатольевич — к.и.н., н.с. Центра исследований византийской цивилизации Института всеобщей истории Российской академии наук (ИВИ РАН).

ВОЛКОВА Татьяна Игоревна — к.и.н., доц. кафедры современной истории России Ярославского государственного университета

ГОРЕЛОВ Максим Михайлович — к.и.н., н.с. Центра интеллектуальной истории ИВИ РАН.

КИРИЛЛОВА Екатерина Николаевна — к.и.н., ст.н.с. Центра Западно-европейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН.

КОВАЛЕВ Михаил В. — аспирант Саратовского государственного университета.

КОРОЛЕВ Алексей Александрович — к.и.н., доц. кафедры истории Пензенского государственного университета архитектуры и строительства.

КОРОЛЕВА Лариса Александровна — д.и.н., проф., зав. кафедрой истории Пензенского государственного университета архитектуры и строительства.

МИХЕЛЬ Дмитрий Викторович — д.и.н., проф. кафедры теории и истории государства и права Саратовского государственного университета.

МУРТУЗАЛИЕВ Сергей Ибрагимович — д.и.н., проф., зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков Дагестанского государственного университета.

НОСКОВ Владимир Витальевич — д.и.н., в.н.с. Санкт-Петербургского Института истории РАН.

- САБУРОВА Татьяна Анатольевна — д.и.н., проф. Омского государственного педагогического университета
- САРАЕВА Е. Л. — к.и.н., доц. кафедры отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета
- СЕЛЯНИНОВА Гульсина Дагирьяновна — к.и.н., доц. кафедры новой и новейшей истории России Пермского государственного педагогического университета.
- СЕРЕГИНА Анна Юрьевна — к.и.н., ст.н.с. Центра интеллектуальной истории ИВИ РАН.
- СМАГИНА Светлана Михайловна — д.и.н., проф., зав. кафедрой Исторической политологии Южного федерального университета.
- СРЕДНЯК Ксения Вячеславовна — аспирант кафедры истории России Волгоградского государственного университета
- УСАЧЕВ Андрей Сергеевич — к.и.н., в.н.с. Научно-исследовательского отдела книговедения РГБ, ст. преп. кафедры истории и теории исторической науки РГГУ.
- ШКАРЕНКОВ Павел Петрович — к.и.н., проф., директор Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ).
- ЯКУБ Алексей Валерьевич — к.и.н., декан исторического факультета Омского государственного университета.

Дорогие читатели, вы можете подписаться на наше издание «Диалог со временем», на первое полугодие 2009 года, в любом отделении связи России. Подписной индекс 36030 в каталоге Агентства «Роспечати».

СОДЕРЖАНИЕ

Образы Времени

- А. А. Войтенко*
«После сего надлежит нам...»: особенности восприятия времени в
коптских монашеских житиях (Жития блаженного Афу и апы Кира).....5
Т. А. Сабурова
«Горизонты ожиданий»
русских интеллектуалов первой половины XIX века.....23

Цивилизационные представления и проблемы идентичности

- Е. Л. Сараева, Т. И. Волкова*
Цивилизация русского общества периода Модерна в контексте идей
и деятельности «западнической» и земской интеллигенции.....38
В. В. Носков
Первая мировая война и русская идея.....50
С. И. Муртузалиев
Самоидентификация дагестанцев
в проблемном поле общероссийской идентичности.....88

Из истории эмиграции

- С. М. Смагина*
Правые либералы в эмиграции: интеллектуальные границы
национальной идентичности (1920-е годы).....104
М. В. Ковалев
Исторические праздники русской эмиграции
как способ сохранения коллективной культурной памяти.....119
К. В. Средняк
Творческие и политические мотивы выезда писателей из СССР
(на примере третьей волны эмиграции).....139

Историописание: теория и история

- А. С. Усачев*
Методы работы древнерусского книжника
и проблема авторства Степенной книги (часть II).....155

Из истории идей

- Е. Н. Кириллова*
Общественное благо и другие аргументы
создания и изменения ремесленных уставов.....192
С. В. Артамошин
Метафизика Рабочего: консервативный проект модерна Эрнста Юнгера
в годы Веймарской республики.....206

История науки

- Д. В. Михель*
Историческая наука и чума.....221

<i>Г. Д. Селянинова</i> Общество исторических, философских и социальных наук при Пермском университете в 1917–1918 годы.....	233
<i>Средневековый мир в истории и историографии</i>	
<i>А. В. Якуб</i> Людовик Благочестивый, каролингская историография и «норманнская проблема».....	271
<i>М. М. Горелов</i> Скандинавская колонизация и этническое самосознание англосаксов в IX–XI веках.....	289
<i>Переводы и публикации</i>	
<i>П. П. Шкаренков</i> “Variae” Кассиодора — памятник переходной эпохи.....	305
<i>А. Ю. Серегина</i> Католик или политик?.....	342
Парламентская речь виконта Монтегю (1604 г.), подг. текста к изданию, перевод, примеч. А. Ю. Серegiной.....	355
<i>Приглашение к дискуссии</i>	
<i>Л. А. Королева, А. А. Королев</i> «Евроислам», «татарский ислам», «неоджадидизм»: к вопросу о терминах.....	373
<i>Читая книги</i>	
<i>О. В. Шнырова</i> «Гувернантка либо ничто»: проблема женской занятости в первой половине – середине XIX века. (По поводу монографии О. Ю. Солодянкиной «Иностранные гувернантки в России»).....	381
<i>В. П. Корзун</i> Рец. на кн.: Попова Т. Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с.....	388
<i>Л. П. Лаптева</i> Рец. на кн.: Необоримая сила слабых: Концентрационный лагерь Равенсбрюк в памяти и судьбе бывших заключенных. Сборник статей, воспоминаний и интервью. Воронеж: ВГПУ, 2008. 350 с.....	399
Summaries.....	404
Об авторах.....	406
Содержание.....	408
Contents.....	410

CONTENTS

Images of Time

- A. A. Voytenko
‘After that we are to do...’:
perceptions of time in Coptic monastic lives.....5

- T. A. Saburova
‘Horizons of expectations’ of Russian intellectuals in the first half
of the 19th century23

Civilization views and problems of identity

- E. L. Saraeva, T. I. Volkova
The civilization of Russian modern society in the context of ideas
and activities of ‘Westernizers’ and ‘Zemstvo’ intelligentsia.....38

- V. V. Noskov
The First World War and Russian Idea50

- S. I. Murtuzaliev
Dagestan’s self-identification in the problem field of Russia’s identity.....88

History of emigration

- S. M. Smagina
Right-wing liberals in emigration:
intellectual limits of national identity (1920s)104

- M. V. Kovalyov
Historical feasts of Russian emigration
as a way of preserving collective cultural memory.....119

- K. V. Srednyak
Artistic and political motives of the emigration of authors from the USSR:
The third wave of emigration.....139

History writing: theory and history

- A. S. Usachev
Methods of work of an Old Russian scholar and the problem
of the authorship of the Royal Book of Degrees (Part II)..... 155

History of ideas

- E. N. Kirillova
Common wealth and other arguments of creating
and changing artisan guilds’ rules.....192

- S. V. Artamoshin
A Workers’ Metaphysics: conservative project of Ernst Junger
during the years of Weimar Republic.....206

History of science

- D. V. Mikhel’
Historical discipline and the plague.....221

<i>G. D. Selyaninova</i> The Society for Historical, Philosophical and Social Sciences at the Perm' University in 1917–1918.....	233
<i>Medieval World in history and historiography</i>	
<i>A. V. Yakub</i> Louis the Pious, Carolingian historiography and the 'Norman problem'	271
<i>M. M. Gorelov</i> Scandinavian colonization and the ethnic identity of Anglo-Saxons in the 9–11 th centuries.....	289
<i>Translations and Publications</i>	
<i>P. P. Shkarenkov</i> The 'Variae' by Cassiodorus — a text of transition period.....	305
<i>A. Yu. Seregina</i> A Catholic or a Politician?.....	342
The Parliamentary Speech of the 2 nd Viscount of Montague (1604) (transcription, translation and commentaries by A. Yu. Seregina).....	355
<i>Invitation to discussion</i>	
<i>V. A. Koroleva, A. A. Korolev</i> 'EuroIslam', 'Tatar Islam', 'Neojadidism': the question of terminology.....	373
<i>Reading books</i>	
<i>O. V. Shnyrova</i> 'A governess of nothing': the problem of women's employment in the first half and the middle of the 19 th century (about the monograph 'Foreign governesses in Russia' by O. Yu. Solodyankina).....	381
<i>V. P. Korzun</i> Review: T. N. Popova. Historiography in persons, problems, disciplines; the history of Novorossiysk University. Odessa, 2007. 536p.....	388
<i>L. P. Lapteva</i> Review: Irresistible force of the weak: the Ravensbrück concentration camp in memory and lives of former prisoners. A collection of articles, memoirs and interviews. Voronezh, 2008. 350p.....	399
Summaries.....	404
Contributors.....	406
Contents.....	410